Арион

Юное сердце на Розе Ветров

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Алевтина Сергеевна Чичерова

Юное сердце на Розе Ветров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57880589
SelfPub; 2020

Аннотация

Какая участь уготована двум мечущимся, пылким, враждующим сердцам? Их чувства и мысли подобны ветру, также необъяснимо меняется их направление, и также неукротим их жаждущий свободы дух. Что стоит за порогом многолетней ненависти, и насколько безумным представляется первый шаг к взаимопониманию? Я постараюсь рассказать об этом. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пробуждение первого чувства	5
Окропляющий души яд	24
Незримо обреченные на проклятье	42
Невинные шалости	60
Детство кончилось, расплетаем бантики	76
Ничтожные куклы в руках Провидения	92
Втоптанный в грязь порыв	113
Непростительная дерзость. Часть I	133
Непростительная дерзость. Часть II	152
Сад сломанных роз моей души	175
Танец на раскаленных углях	192
Сломанная ветвь	232
Терновый венец	252
Отмщенный, но не покаявшийся	275
Приговор свыше	301
Уязвленные сыновьи чувства	324
Не оставляя выбора	351
Сердце Принца. Часть I.	376
Сердце Принца. Часть II	395
Сердце Принца. Часть III	418
Моё забвение и твоя печаль	444
Демонический шепот Предательства	465
Я стану для тебя казнью	500

Мой ответ 514
Безжалостный Ангел 538
Развернувшиеся Небеса. Беспощадная длань Гименея. 563
Летнее марево 615
Выходя за пределы разума 633
Враг мой… 660
Пустошь 694
Конец ознакомительного фрагмента. 703

Пробуждение первого чувства

Открытая равнина расстилается ковром под затянутым мрачными тучами небосводом. Её края небезграничные, и с болью упираются они в бетонную преграду, за которой плещется, беснуясь в своем неистовстве, морской пролив. Блеклые, только набирающие силы зеленоватые лучи фонарей расползаются по каменному, заброшенному мосту, неподалеку от заветного места. Невысокая трава покорно ложится под порывами поднявшегося внезапно буйного ветра. Он шелестит и тягостно стонет, попадая в ловушку холодных стен. Он проносится вольно и рьяно по пустынной местности, будто лезвием меча рассекая воздух и пространство между двумя молодыми людьми, что стоят друг напротив друга. Этот порывистый, нещадный, безразличный ко всему ветер будто бы является отражением сложного, исковерканного мира двух юных душ, столкнувшихся друг с другом в этот летний беспокойный день, что постепенно клонится к закату.

Пока еще ни один, ни другой не совершили ни единого шага, ни единого движения навстречу, и за происходящей на уровне колких, уничижительных взглядов напряженной до дрожи в нервах борьбой следят несколько сторонних наблюдателей. Разделившись надвое, занимая каждый свою сторону, находясь на почтительном расстоянии от двух гото-

вых вцепиться друг другу в глотку молодых людей, ученики старшей школы ждут начала. Большинство с предвкушением скалится, переминаясь с ноги на ногу злобно хихикает, кто-то глядит строго и рассудительно, а кто-то наблюдает за всем с абсолютно вялым интересом, предпочитая вовсе уйти. Но таких единицы, и они не осмеливаются оставить своих, трусливо опасаясь накликать на себя всеобщее недовольство и презрение.

– Хах, вижу, ты пришел не один, – с презрительной насмешкой вскидывает голову один из парней, нарушая момент волнительного молчания. Его золотистые локоны взлетают вверх и снова ложатся на напряженные от раздираемого хозяина предвкушения изящные, как у девушки, плечи.

– Ты тоже, как я погляжу, не один, – с жуткой неприязнью во взгляде темно-зеленых глаз, фыркает второй, косясь на небольшую группу за спиной блондина.

Звонкий, отрывистый смех слетает с губ светловолосого мальчика и умирает в вое ветра и шуме прибоя, что доносят сюда хлесткие порывы. Он поднимает вызывающий, горделивый взгляд своих синих, как морская волна, глаз на противника, чей взгляд еще больше наполняется ненавистью и желанием битвы.

Нервы в теле зеленоглазого подростка напряжены, дыхание сбивается. Он наклоняет голову, собирая остатки мыслей, не успевших еще раствориться в ненависти, решая дать последний шанс.

– Это правда?! – вскидывая голову кричит он, сжимая кулаки.

Ехидная, лукавая ухмылка озарившая чужое лицо, заставляет пробежать холодную волну по всему телу.

– Я спрашиваю, это правда? – в этот раз сдержанно, но твердо он снова повторяет свой вопрос. Ухмылка только становится шире. Откровенное издевательство и насмешка.

– Тварь… – в негодовании выдавливает он из себя, задыхаясь от переполнивших душу чувств.

– Начнем? – чуть склоняя голову на бок, проговаривает блондин и в следующий миг два складных ножика вонзаются в землю между ними.

Зеленые глаза с внутренним безумием смотрят на поблескивающую в траве манящую сталь, а потом поднимаются на противника, чья дерзость и наглость, выражающаяся во всем его ничтожном существе, даже в небрежной позе, заставляют каждую его клетку разрываться от жгучего чувства презрения и непреодолимой злости.

– Я с этой гнилью и так разберусь, – говорит он тому, кто милостиво подкинул ему оружие.

На губах противника сверкает улыбка, но тот тоже не трогается с места, дабы поднять свой заветный предмет.

И вот, оба замерли в готовности сорваться с места. Их тела прекрасны и безупречны, пластика двух хищников, затаившихся перед их последним в жизни смертоносным прыжком. Горячая кровь пульсирует в висках, и эхо бешеного рит-

ма убивает вокруг все краски и звуки, позволяя видеть перед собой только того, кто с той же силой чувств прожигает тебя насквозь.

У кого-то выпадает зажигалка и он склоняется поднять ее. Постороннее движение становится началом для этих двоих. Срываясь с места, они, очертя голову, несутся навстречу друг другу. Уничтожить – вот истинное желание двух живых, трепещущих сердец и умов, не ведающих ни страха, ни сожаления, ни трезвого рассудка, ибо они молоды и горячи. Каждый поступок, будь он плохой или хороший, порождает в душе всеобъемлющий взрыв…

Вот оно завершение… Когда первые капли крови брызгают на поросший серым мхом камень. Все заканчивается так, как должно было, и иного исхода быть не может, ибо чего еще стоило ожидать от двух заклятых врагов, чья ненависть друг к другу тянется больше десяти лет?

От первой встречи и по сей день, с каждым днем, с каждым новым словом и проступком в душах разгоралось это пожирающее чувство, способное отравить всю жизнь, пока не достигло своего жестокого апогея.

Но, быть может, сейчас не время говорить об этом? Стоит отклониться от этого печального события и перенести читателя в самое начало. Рассказать, как постепенно, шаг за шагом, складывалась история взаимной неприязни, которая послужила причиной столь плачевному итогу. Итак, дорогой читатель, забудь о строчках, что ты прочел несколько минут

назад и вообрази иную реальность, в которой светит солнце, улицы наполнены людьми в цветастых, традиционных одеждах. Они как яркие пятна на черном фоне старого картона. Красивые и светлые. Городской летний фестиваль в самом разгаре. Отделившись от основной пестрой толпы, прочь от нее направляется компания подростков. Самому старшему на вид лет 13-14. Его одежда потрепана и стара, местами рвана. Заметны неуклюжие попытки самому залатать свое одеяние. Но от того, что он совсем не вписывается в здешнюю жизнь, в его облике нет ни капли стыдливости, скованности, ощущения неполноценности. Он вполне горд и доволен собой. Впрочем, как и вся его компания мальчишек. Самому младшему, едва поспевающему за старшими, лет шесть. Его темные волосы взъерошены, недоверчивый, колючий, всегда настороженный взгляд делает его похожим на задиристого воробья. Он мало в чем сведущ в силу своего возраста, а потому просто таскается хвостом за людьми, принявшими его в свою компанию.

Группа мальчишек движется в противоречие шествию общей массы, что собирается на центральной улице, с притупленным интересом поглядывая на одухотворенные празднеством лица людей, коих сегодня в достатке. Улицы заполнены – просто так сквозь народ не пробиться. Скучающее общество, которое городское событие мало влечет, сворачивает за угол совсем узкой и короткой улочки, скорее перешейка между двумя широкими улицами. Если на двух соседних

улицах кипит и несется жизнь, то здесь она словно застыла в прекрасном безмолвии. И крайне странно увидеть здесь кого-то постороннего, а уж тем более ребенка. Невольно взгляды всей компании останавливаются на стоящем в стороне от всех существе. Прекрасные золотистые локоны спадают на хрупкие плечики. Большие глаза, отдающее чистой синевой под тенью черных, пушистых ресниц, делают взгляд более выразительным, осмысленным и совсем не детским, и наивным. Милое, нежное личико. Движение плавные и грациозные. Удлиненное одеяние придает образу загадочности и красоты.

– Поглядите какая у нас тут прелесть, да еще и совсем одна, – остановившись перед хрупким созданием, присвистывает возглавляющий шествие мальчишка. – Не боишься потеряться, крошка? – склоняется он к самому лицу ребенка, в чьем взгляде нет и тени страха перед кучкой незнакомцев.

Оставаясь позади товарищей, осматривающих интересную находку, темноволосый мальчик также глядит на привлекательную белокурую девочку, напоминающую куклу, если бы нарядить ее в соответствующий пышный наряд.

– Что молчишь? – парень бросает взор на свою компанию и, прищурившись, глядит на выглядывающего из-за спин друзей новичка, чей взгляд пристально и заворожено всматривается в находку. – Боишься? – криво ухмыляется он, скаля зубы. – Нет, вы только посмотрите на эту мордашку, – выпрямившись, фыркает он, подавая знак своим ребятам.

– Ты не бойся, мы просто познакомимся с тобой, – говорит он, посмеиваясь, пока его компания обступает ребенка, вынуждая его отойти к стене. – Поиграешь с нами? – неприятная улыбка озаряет его лицо, когда он смотрит в чистый, спокойный взор синих глаз. Несмотря на непривычную ситуацию, малышка совершенно не напугана. Она скорее удивлена тому, что к ней обратились и ждет, что будет дальше.

– Поиграть? – звучит нежный голос. – А во что?

– Какая серьезная, – усмехается самый старший из компании, оглядываясь на посмеивающихся друзей.

– «Во что» спрашиваешь? – хмыкнул в ответ парень, быстро что-то соображая в голове. – Эй, Юу, – он подзывает к себе младшего. Тот послушно подходит и становится рядом, при этом его взгляд устремлен на стоящее у стены ангельское существо.

– Похоже, она твоя ровесница, – замечая легкий румянец на щеках темноволосого паренька, говорит лидер, а потом переводит взгляд на добычу, – хочу, чтобы вы познакомились.

Юичиро Амане – полное имя этого шестилетнего малыша – вздрагивает, устремляя испуганный взгляд на старшего товарища.

– Давай-давай. Если нравится, вперед, – подталкивает его в спину парень, а сам отходит чуть назад и вместе с остальными насмешливо наблюдает за парой детей.

Юу подходит к девочке. «Какая красивая… Но, неужели

это девочка?». Он оборачивается на друзей, надеясь рассеять терзающее сомнение.

– Смелей, Юу, глянь какая она красивая. Не бойся, делай как показывали, – подбадривают его парни. Окрыленный их поддержкой, Юу смело оборачивается к девочке. Странное чувство двойственности владеет ним в эту минуту. Ощущая неправильность своего действия, противоречащую его природе, но толкаемый дружескими напутствиями, он хватает девочку за талию одной рукой, притягивая к себе, вторую опуская ей на грудь.

Бурный, дружеский смех прорезает пространство маленького переулка.

– Что? – Юу распахивает глаза от удивления и сразу же отбрасывает от себя, прижимаемую минуту назад девочку. Второй раскат хохота гремит в проулке. До этого спокойный взгляд девочки, внезапно наполняется яростью. Со всего размаху она ударяет Юичиро по лицу.

– Да как ты смел, грязный оборванец?! – сжимая кулаки, в бешенстве шипит она.

– А? – с земли, прижимая ладонью ушибленную щеку, Юу оторопело смотрит на существо, еще минуту назад воспринятое ним, как самое неземное и совершенное. Однако слишком стремительно довелось упасть с Небес прямо на Землю.

– Уходим, уходим. Быстро уходим! – подгоняет всех самый старший. – Юу, не тормози!

Мальчишки вылетают из проулка, как только появляется опасность, что кто-то из взрослых их заметит. Помогая Юу подняться, один из приятелей тянет его из проулка.

Юичиро хоть и мал, но понимает, что его одурачили, заставив думать, что перед ним девчонка. Он хмуро шагает вместе с так называемым другом, весело комментирующим событие и глубокомысленно помалкивает. Режет душу несправедливость и обида.

– Эй, малышня, – перед Юу и его другом останавливается высокий, худощавый парень лет четырнадцати. – Не видели тут мальчика в клетчатой футболке, примерно твоего роста, – он указал на Юичиро, – и возраста? Беленький такой.

Оба мальчика сразу смекнули, что речь возможно о том самом, кого они повстречали в переулке. Однако пока дружок Юичиро задумался, стоит рассказывать или нет, Юу ответил прямо и сразу.

– Там, за углом.

– Ага, – кивнул тот и быстрыми шагами направился в указанное место.

– И зачем ты ему сказал? Вдруг он его сейчас там за углом и пришибет? – протянул паренек, покосившись на Юичиро.

– Значит так ему и надо, – огрызнулся тот, раздраженно глядя в сторону переулка.

– Чего это? – удивился товарищ.

– Я его знаю. Это Шиндо, – хмуро пояснил Амане.

– Так ты его знаешь? – еще больше удивился парень. –

Чего же тогда целовать полез, раз знал кто это?

– Не узнал, – буркнул Юу, отведя насупленный взгляд в сторону. – Он у нас в саду только две недели пробыл. Я только потом вспомнил, где его видел.

– Когда он тебя огрел, хах? – засмеялся кареглазый мальчишка. Юичиро только фыркнул.

– Сколько мне тебя звать надо?! Зачем сбежал?! Из-за тебя опоздаем, мне еще от отца прилетит! – донесшиеся недовольные возгласы привлекли внимание двух мальчишек. Из проулка вышел тот самый парень, спрашивающий о блондинистом ребенке, крепко держа его самого за плечо. Низко склонив голову, голубоглазый мальчик покорно позволял вести себя, не говоря ни слова в оправдание своего поступка. Достойно храня молчание за плотно сжатыми бледно-розовыми губами.

Когда они прошли мимо Юу и его товарища, блондин сделал лишь один жест – одарил Юичиро испепеляющим взглядом, который заметила только сама цель.

– А с виду точно девчонка. Даже футболка длинная, как платье, – хихикнул паренек, глядя вслед удаляющимся.

– Самая настоящая, – буркнул Юичиро, вспоминая как эта самая «девчонка» с первого своего появления в их саду проявила себя как наглое, раздражающее существо. За две недели не было и дня, чтобы он не сцепился с новичком, который нарочно задевал его, дразнил, а потом терся на виду воспитателей, насмешливо поглядывая на сжимающего ку-

лаки Амане, который не осмеливался подходить к нему при взрослых. Но бывало, что Юу забывал об учителях и кидался на обидчика с кулаками, после чего отбывал свое наказание, пока рядом довольно улыбался обидчик. Сказать, что сам Юу был святым, однозначно нельзя, ибо, питая неприятие к новенькому, он сам с удовольствием и наслаждением задирал его при каждом удобном случае. Но, конечно, этого мальчик не помнил, а помнил он только нападки изворотливого недруга, злость к которому только усилилась после того, как из-за его молчания его высмеяли старшие. Если бы он не стоял, как вкопанный и не позволил себя тронуть изначально, Юу не оказался бы целью всеобщего веселья.

Юичиро возвратился домой смурной и задумчивый.

– Юу, – услыхал он женский голос и с удивлением поднял глаза. Из гостиной вышла молодая женщина. Это была мать Юичиро, её звали Эрика. В взволнованном взгляде ее черных глаз сквозила усталость.

– Где ты был? – она прошла и, присев на корточки рядом с сыном, обняла его, а после, проведя ладонью по его щеке, с волнением стала вглядываться в лицо ребенка. – Я переживала. Зачем ты ушел?

– Хотел посмотреть на фестиваль, – отвел тяжелый взгляд в сторону Юичиро.

– Один? – ужаснулась мать, но мальчик отрицательно покачал головой.

– Ах, Юу, – женщина снова заключила его в свои объятия.

– Прости, мама, я не хотел тебя напугать, – пробормотал Амане прижимаясь к матери. Больше всего он не хотел, чтобы она волновалась и переживала. Вызвать подобные чувства у матери он боялся.

– Это ты меня прости, – проговорила она. – В следующий раз я обязательно пойду с тобой. Вот увидишь. Я обещаю.

– Угу, – Юичиро знал, что она была вынуждена уйти, потому как утром позвонил начальник и приказал явиться на работу, потому не винил ее, но удержаться и не пойти со всеми на городской праздник он тоже не смог.

– Мы договорились? – она отстранилась и с улыбкой взглянула на сына.

– В следующий раз идем вместе, – кивнул Юу.

– Юу, с тобой точно ничего не случилось? – с тревогой снова спросила мать, ибо подавленный и досадливый вид Юичиро заметила сразу.

– Точно.

– Милый, ты сказал, что пошел не один… Ты ходил на фестиваль с теми мальчиками? – помня компанию, в которой один раз застала во дворе Юу, спросила она. – Я хотела тебе сказать, чтобы ты был повнимательней. Они старше тебя. В следующий раз, если вы куда-то пойдете…

– Я больше не пойду, – не дал ей договорить Юичиро.

– Не пойдешь? – удивилась женщина, убрав от лица темные пряди длинных волос.

– Нет. Не хочу, – Юу прошел по коридору к своей спальне.

– Юу, они тебе что-то сделали? Они тебя обидели? – Эрика выпрямилась, тревожно взирая на сына.

– Ничего. Просто я не хочу, – добродушно отозвался Амане, дабы рассеять сомнения матери в том, что ему причинили вред.

– Хорошо, – вздохнула Эрика и мягко сказала. – Переодевайся, а я пока приготовлю ужин.

Юичиро закрыл дверь комнаты, оставшись наедине с самим собой. Да, он действительно больше не хочет встречаться с этими людьми. Они совсем не похожи на друзей. Они только смеются над ним. Решив окончательно, что больше не станет встречаться с ними, уж лучше и дальше будет один, чем таскаться в компании, в которой все его делают посмешищем. К тому же, у матери каждый раз было такое беспокойное лицо, когда он говорил, что снова играл с теми детьми. Она не запрещала ему общаться с ними, но ее это явно волновало, а видеть невеселое лицо матери Юу не хотел, ведь оно и без того часто было грустным или уставшим, а может и таким, и таким одновременно.

Юичиро стащил с себя футболку и, держа ее в руках, остановился около стола. Среди множества вещей, лежащих более-менее аккуратно, стояла фотография, на которую устремил взгляд мальчик.

– Не поверишь, кого я сегодня встретил, – проговорил Юу, глядя на изображение мужчины с ярко-зелеными гла-

зами. Лицо с правильными, красивыми чертами обрамляли светлые чуть завивающиеся волосы, собранные в небольшой хвост. Взгляд, которым глядел на мир мужчина был мягкий и нежный.

– Это был он, Шиндо, – продолжил Юу, вспоминая встречу с давним врагом. – Я так разозлился, как только узнал его. Но еще больше меня разозлило, что он сделал вид будто не знает меня. А может и правда не узнал? – он задумался. Где-то год назад была их последняя встреча, возможно Микаэль Шиндо действительно забыл его за это время.

– Нет, – мальчик покачал головой, продолжая монолог с фото. – Он не забыл меня. Я уверен, – вспомнив особый взгляд этой «девочки», заключил Юу, – он специально это сделал. Прикинулся, что мы не знакомы, чтобы сделать из меня посмешище. Ненавижу его, – сцепил зубы Юу, вспоминая это дурацкое положение, в которое поставил его недруг. Этот звучащий в ушах смех друзей, слышать который было ужасно больно. Ощущать собственную глупость. Шиндо даже спустя столько времени опять выставил его дураком перед всеми, а он был настолько глуп, что принял его за девчонку.

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя, – зажмурившись, повторял Юу, стараясь погасить в себе испепеляющий его стыд. Назойливое чувство не желало покидать его, а воспоминания о парне, донимавшем его когда-то, только разжигали яркое пламя.

Юу открыл глаза и снова поглядел на фотографию.

– Надеюсь, когда я пойду в школу, там не будет таких людей, как он, – тихо произнес мальчик, а потом провел кончиками пальцев по лицу запечатленного мужчины. – Люблю тебя, папа.

6 апреля

Юичиро с нетерпением ожидал этого дня. Он был невероятно волнующим и интригующим. Настолько, что мальчик почти всю ночь не спал, предвкушая счастливый день. Впервые он шел в школу, и ощущение, что это событие наполнит его жизнь весельем, не покидало ни на мгновенье. Не имея друзей во дворе, он надеялся завести их среди одноклассников и потом весело проводить с ними время. На церемонию поступления его отвела мама. Он с любопытством глазел по сторонам, пытаясь запомнить место, где теперь ему доведется провести шесть лет своей жизни. Здесь, во время церемонии, ему удалось познакомиться с двумя мальчиками, его ровесниками, оказавшимися зачисленными в тот же класс, что и он. Почуяв в них своих будущих товарищей, Юу был безоговорочно счастлив, и предчувствие, что эти годы пройдут замечательно удвоилось.

Огромный, светлый, празднично украшенный класс предстал перед его глазами. Ряды парт, за которыми рассаживались его одноклассники, учительский стол, напоминающий командира, возглавляющего все эту маленькую гвардию но-

вобранцев. Так много новых, необычных вещей, что просто дух захватывает от восторга.

Дети продолжают входить в класс на их первый в жизни урок. Юу со своими новыми друзьями заходит одним из первых и, примечая место в среднем ряду, направляется туда. Ну вот, теперь слева и впереди сидят его друзья. Здорово, будет с кем перекинуться словом. Полностью довольный положением, Юичиро устремляет взор на постепенно наполняющуюся классную комнату, в которой все больше незнакомых детей, знакомство с которыми грезится в недалеком будущем. А после переводит взор на двери, куда заходят оставшиеся в коридоре. И тут его дыхание обрывается. Когда все уже расселись по местам и учитель готовится произнести речь, последним в комнату входит белокурый мальчик.

Юу не верит своим глазам, наблюдая как Микаэль, не глядя ни на кого, идет по проходу между партами к самой дальней, свободной. Он издали увидел Юу, но предпочел делать вид, что не заметил его присутствия. Ему вообще будто бы все равно и его совершенно не волнует торжественный день, поступление, одноклассники, занятия.

Недовольно отворачиваясь от раздражающего знакомца, следующего по его ряду, Юу, когда Микаэль оказывается совсем рядом, незаметно и резко выставляет ногу, в душе ликуя, представляя, как в свой первый день опозорится перед всем классом Шиндо, растянувшись на полу. Он будет чувствовать себя еще хуже, чем тогда Юу на фестивале полгода

назад. Однако молниеносно реагируя на препятствие, Мика просто перепрыгивает через него, а когда Амане оборачивается, раскрыв рот от удивления, дарит ему короткий, но сильный удар по нижней челюсти. Голова запрокидывается, зубы с болезненным стуком смыкаются, прикусывая щеку. Застонав, Юу прижимает ладонь ко рту, с ненавистью ловя на себе презрительный и насмешливый взгляд синих глаз.

– Ах ты! – срывается с места Юичиро. Жгучее чувство растекается в нем, когда он бросается к усмехающемуся Микаэлю, но зацепившись за стул сам падает на пол. Снова гул смеха оглушает его, как еще совсем недавно. Еще больше ярости скапливается в нем и, поднимаясь, он во второй раз бросается на Мику.

– Амане, прекрати! Остановись немедленно! – звучит строгий голос учителя, чье внимание привлекла суматоха. – Немедленно сядь на место! Что у вас там произошло?

– Он, он, – замирая, давится словами Юу. Сжимая кулаки, но не смея напасть на Мику при учителе, он, разрываемый стыдом и злостью, глядит на абсолютно спокойного блондина.

– Шиндо, иди на свое место, – говорит учитель, видя, что ничего путного от детей не добиться.

– Что, болван, не вышло? – Юичиро смотрит в улыбающееся лицо обидчика, который разворачивается и уходит.

– А ну стой, ты! – Юу вновь обуреваемый злостью, бросается вслед за давним врагом.

– Амане! – опять голос заставляет его остановиться, когда он уже почти в шаге от того, чтобы отомстить за свое унижение. Дрожа от негодования, он поворачивает свое злое лицо и глядит на учителя. – Ты похоже никак не уймешься.

– Он первый начал! – выдохнул Амане.

– Я не буду выяснять кто начал, а кто закончил. Просто теперь постоишь вот так до конца урока.

– Но… Но… Как? – Юичиро разрывало от несправедливости всего вокруг, но ничего поделать с ней он не мог. Все было ужасно и во всем был виноват только один человек. Юу точно знал, кто является причиной всех его теперешних и будущих бед. С неприкрытой злостью он воззрился на голубоглазого мальчика, не слыша, как шепчут ему новые друзья, пытаясь выяснить что же произошло. Но Юу видит только его, Шиндо, который спокойно занял свое место в конце ряда, достал учебники и теперь слушал учителя. А вернее, не слушал. Подперев голову рукой, он задумчиво глядел куда-то. Видимо ощутив на себе прожигающий взгляд, он обратил внимание на Юичиро.

Амане чуть было во второй раз не кинулся на Мику, когда тот криво усмехнулся.

– Ты мне за это ответишь, – прошипел он.

Откровенная издевка в ангельской улыбке Микаэля рвала на части. Уж лучше бы он что-то отвечал, чем смотрел с таким явным презрением, точно перед ним круглый идиот, который ни на что не способен.

Строгое наказание стоять до конца урока, скостилось до десяти минут, после чего Юу позволили сесть. Видать, причиной такой снисходительности и милосердия стал первый день в школе, ибо далее учитель не был так добр по отношению к затевающим драки ученикам, и провинившиеся отбывали наказание в полной мере.

Прикушенная щека ощутимо саднила, Юу даже казалось, будто он чувствует кровавый привкус во рту. Оставшуюся часть урока, чтобы не нарываться на новый конфликт, Амане старался не оборачиваться на Шиндо, зато временами в его спину упирался колючий взгляд синих глаз.

Окропляющий души яд

С первого своего дня, сам того не ведая и не стремясь к нему, Микаэль приобрел почетный и уважаемый статус в глазах мальчишек, заинтересовавшихся его волевым характером, изворотливостью, умением постоять за себя и отсутствием страха перед наказанием. Для Юичиро же в первое время был уготован трон неудачливого слабака. Тогда, когда Мике предлагали свое общество все мальчишки класса, Юу с трудом удавалось удерживать подле себя приобретенных в первый день друзей, которых дружба с более сильным и впечатляющим одноклассником прельщала куда как больше, нежели общение с тем, кто оказался побежден и выставлен на посмешище перед всем классом.

Только на следующий день Юу посчастливилось отомстить Мике за свой позор. Он бы сделал это в первый же день, после первого урока, но Шиндо почему-то очень заинтересовался работой учителя и каждую свободную минуту проводил возле преподавателя. Стоя за спиной и внимательно следя за его работой или же спрашивая что-то или покидая вместе с ним класс, при этом лукаво подмигивая Юичиро, чье нетерпение в желании поквитаться рвало на куски. Он мог только смотреть на своего врага, в беседе с учителем не обращающего на него внимания, словно его и не было в этом мире.

Следующим днем для мести Юу представилась прекраснейшая возможность, причем с самого раннего утра. Когда дети пришли в класс и среди одноклассников Юу заприметил знакомую прядку волос на макушке, а потом взору предстал и сам Микаэль в своей аккуратной школьной форме, Амане не раздумывая бросился выяснять отношения. Учитель вошел в класс уже когда, сцепившись черно-белым клубком на полу, Мика и Юу отстаивали свою независимость, а вокруг них собралась восхищенная толпа. С разбитыми носами, синяками и ссадинами, в запятнанных кровью рубашках мальчики уже на второй день пребывания в школе получили возможность детально познакомиться с кабинетом директора, куда были приглашены их родители.

– Дурак, все из-за тебя, – утирая снова выступившую из носа кровь, бросил Мика, когда они с Юу сидели в коридоре, в то время как в кабинете директора с их родителями велась беседа.

– Сам дурак, – огрызнулся Юу, потирая ушибленное плечо. – Нечего было нарываться.

– Если бы ты не был таким тупоголовым, сейчас бы ничего не было, – хмуро заметил Шиндо.

– Это кто тут тупоголовый?! – со злостью впился в него взглядом Амане.

– Ну не я же, – ехидно фыркнул Микаэль. Не сумев совладать с этим оскорблением, нанесенным в такой издевательской манере, Юу схватив обидчика за грудки, нанес ему удар

по лицу.

– Юу! Прекрати немедленно! – крикнула Эрика, как раз вышедшая из кабинета. Испугавшись, Юичиро немедля отпустил Шиндо, схватившегося за и без того окровавленный нос и приглушенно зашипевшего.

– Зачем ты его ударил?! – стараясь быть строгой, мать схватила сына за руку и оттащила в сторону. – Юу, что с тобой? Нельзя драться. Никогда нельзя. Ох, – она закрыла лицо рукой. – Простите, пожалуйста, – обернувшись и виновато взглянув на высокого, хорошо сложенного мужчину, вышедшего следом за ней, произнесла она. – Он всегда такой спокойный. Я просто не понимаю, что на него нашло.

– Ничего страшного. Это же дети, тем более мальчишки. Мало ли что они не поделили, – усмехнулся он, однако в его глазах улыбки не было. Он скорее с сожалением взглянул на Микаэля, низко склонившего голову. Взяв мальчика за руку, мужчина повел его по коридору.

– Удачи, – сказал он матери Юу.

– Ты еще об этом пожалеешь, – сверкнул глазами Шиндо в сторону Юичиро, которого передернуло от досады, что он не может продолжить начатое. Вскоре Мика вместе с отцом скрылись с глаз.

– Юу, может ты сейчас объяснишь, почему меня вдруг вызвали в школу из-за драки? Что вы не поделили? – взволнованно и строго спросила мать, разумеется, не услышав угрозы златовласого мальчика, равно как и его родитель.

Уткнувшись взглядом в пол, Амане не отвечал на вопрос. Эрика тяжело вздохнула.

– Я надеялась, что ты вырос и такого как в саду больше не будет.

Юичиро и тут предпочел промолчать. Сказать в свое оправдание было нечего, и обещать матери, что он оставит попытки навредить Мике он также не мог.

– Пойдем домой. И дай слово, что такого больше не будет, – она взяла Юу за руку, так и не дождавшись его обещания.

Так миновал второй день обучения в одной школе Юичиро и Микаэля. А за ним были еще шесть лет учебы двух заклятых врагов в одном классе. Что касается сверстников, то Амане потребовалось еще несколько раз показать свою силу в стычках с противником, дабы отношение мальчишек смягчилось и они стали видеть в нем не сопливого неудачника, рожденного чтобы быть побитым Микой, а нечто достойное их уважения. Однако, учитывая, что тягаться с Микаэлем Юичиро было нелегко, удерживать свое положение ему было трудно вдвойне.

Вот в таком подобном воинственном ключе стали тянуться друг за другом школьные будни, разбавленные постоянными подножками, толчками, пинками и затрещинами. А периодические поистине крупные драки приводили двух мальчиков к состоянию полной несовместимости и вражды. Визиты родителей в школу стали обычным делом. С трудом

удавалось уговаривать учителей не исключать детей из школы за непристойное поведение и почти ежедневные срывы уроков.

Поздняя весна. Мике и Юу 7 лет.

– Юу.

На переменке к Амане обернулся круглолицый парень. Оторвав взгляд от тетрадки, в которой он старательно выводил подобие самолета, Юу поднял на него глаза.

– А правда, что ты собираешься в школьную секцию футбола? – услыхав вопрос, на Юу с интересом покосились другие мальчишки.

– Угу, – кивнул Юичиро. – Это моя мечта, играть в команде и когда-нибудь выступить на национальном стадионе.

– Ого, здорово! – раздался одобрительный гул со всех сторон.

– Да, – Юу чуть склонил голову. «Я помню, как когда-то был на этом стадионе вместе со своим отцом. Помню, как нам было весело. Помню, как он рассказывал, что сам стремился покорить его. У него был такой воодушевленный взгляд, и, глядя на него, я будто сам наполнился его стремлением. Наверное, в тот момент я и заразился этой мечтой»

Невольная улыбка от теплых воспоминаний скользнула по его лицу. Обернувшись, Юу остановил взгляд на Микаэле. Тот сидел один за партой и играл телефоном. Потом Мика поднял взгляд на Юичиро. Несколько секунд длился

безмолвный зрительный контакт, после чего Шиндо презрительно хмыкнул и, поднявшись с места, вышел из класса.

– С кем водится Шиндо?

Юу поглядел на ребят. Видимо не он один задавал себе этот вопрос, провожая глазами врага, выходящего из аудитории. Однако в силу своей неприязни к блондину, не позволял себе углубляться в подобные размышления.

– Вроде ни с кем, – ответил мальчик в круглых очках.

– Как ни с кем? Возле него же постоянно кто-то трется, – удивился другой. – Вот ты, Ибуки, сам недавно с ним ходил.

– Ага, но мы только за мелом ходили, нас учитель послал, – отозвался с соседнего ряда мальчишка, чье лицо было усыпано веснушками.

– А потом?

– А потом, он ушел.

– Куда?

– Не знаю, – пожал плечами Ибуки. – Он мне не сказал. Вообще помалкивал больше.

– Наверное, ему с тобой было скучно, – засмеялся кто-то из парней. – Кто с таким неряхой говорить захочет?

– Ахах, точно-точно! – зазвучал дружный мальчишеский смех, в то время как Ибуки недовольно скривился.

– А ты-то что? – он покосился на бросившего обидную реплику. – Тебя он тоже проигнорировал? Помню, как ты к нему в раздевалке с вопросами лез, а он тебя отшил.

– Ничего не отшил, он просто сказал, что ему нужно в

класс.

– Это и есть, что называется отшил, – хмыкнул Ибуки.

– Да хватит уже о нем. Слушать противно! – прервал болтовню Юичиро и, закрыв тетрадь, попытался встать, но не тут то было. Встать со стула оказалось невозможно. Сколько бы Юу не дергался на месте, но подняться он никак не мог.

– Ты чего дергаешься? – осведомился паренек в очках.

– Не знаю, не могу встать, – конвульсивно дергаясь на месте, ответил Юу.

– Попробуй сильнее, – сказал мальчик и, став около Юичиро придержал стул, чтобы он не двигался, когда тот пытается подняться.

Юу послушал и, собрав все силы, резко вскочил на ноги. Послышался треск разрываемой ткани.

– Ой, перестарался, – послышался испуганный голос одноклассника, хотя и без него Амане понял, что произошло кое-что плохое.

«Черт, черт, что же делать?», прикрывая руками зияющую на седалище дыру, пока никто не заметил. Бросив взгляд на стул, он увидел приклеенный к нему клочок ткани с его брюк и трусов. В момент лицо залила краска.

– Я домой, – в панике выпалил он, схватив портфель и, прикрыв ним оголенное место, ринулся к двери.

– Я придумаю что-нибудь и скажу учителю, – крикнул ему вслед мальчишка.

Юу слышал смех девочек позади и был убежден, что они

смеются именно над ним. Стыд охватил все его сознание. Хотелось провалиться сквозь землю. Он несся к двери из класса, моля чтобы никто не остановил его и он смог поскорее вернуться домой. Кто? Кто посмел сделать это?

Ответ на последний вопрос показался сам по себе. Стоило только Юичиро вылететь из класса, как он наткнулся на Микаэля. Тот, будто ожидая его появления, стоял, подпирая плечом стену, и, когда Амане выскочил, прикрывая оголенный зад портфелем, в его глазах промелькнул торжествующий злой огонек.

– Ты?! – устремил на него разъяренный взор Юичиро.

– Давай, разминайся, спортсмен, – хихикнув, Шиндо развернулся и направился прочь, махнув Юу рукой.

– МИКА! – Амане ринулся за ним, но тут вспомнил о своей маленькой, но весьма позорной проблеме и, решив, что отомстит за это Мике позже, поспешил домой, в душе проклиная ненавистного врага.

Когда разрываемый жаждой отмщения Юу на следующий день явился в школу, его всю дорогу смущали устремленные на него взгляды, смешки и перешептывания детей, из которых он улавливал фразы вроде – «это он», «ну точно он». То же самое было и в классе. Как только он возник на пороге, странная реакция одноклассников ввела его в ужасное смущение. Смех преследовал его и тут, и он знал почему. Вчерашний позор явно не остался незамеченным, теперь он был убежден в этом. Шагая как пришибленная собака между ря-

дами парт, устремив стыдливый взор в пол, он добрался до своего места и тут увидел то, что повергло его в ужас. На парте лежала его собственная фотография с оголенным задом. Именно тот самый момент, когда он только вскочил со стула и еще не успел прикрыться. На мгновенье остолбенев, в следующую минуту он схватил фото со стола и скомкал. Дабы убедиться, что его больше никто не увидел, он прошел взглядом по классу и тут только он понял, почему его преследовал всеобщий смех. Оказывается, еще несколько таких фото были развешены по стенам, парочка висела на доске. Юу словно окаменел. Такого позора он уже давно не испытывал. Смех за спиной привлек его внимание. Несколько парней сбились в стайку и над чем-то смеялись. Когда Юу подошел ближе и заглянул им через плечо, ему захотелось, чтобы кто-то убил его на месте. Все что угодно лишь бы не испытывать такое унижение.

Как оказалось, одноклассники просматривали выложенное в соцсети видео, где один идиот демонстрирует свою филейную часть.

Сомнений в том, кто мог сделать это видео у Юу не возникло ни на миг и, устремив взор на последнюю парту, он отметил отсутствие вещей блондина.

– Где Шиндо?! – дрожа от стыда и негодования, Амане бросился к первому встречному однокласснику.

– Я его с утра не видел, – отозвался тот, а потом растянув губы в улыбке, произнес: – Юу, не знаю, че там произошло,

но это самое прикольное видео, что я только видел. А ты у нас теперь звезда. О тебе все говорят.

Амане издал звук напоминающий тихий скулеж. Если все кругом смотрят это видео, тычут пальцами и смеются над ним, оставаться в классе все равно, что залезть в бочку со змеями. И не теряя ни минуты времени, чтобы не получить еще какого-нибудь более жесткого и насмешливого замечания от одноклассников, Юу был вынужден покинуть поле боя. Еще с неделю после этого злосчастного видео, он не появлялся в классе, взращивая в себе еще больше злости по отношению к Микаэлю, который, к слову, спокойно явился на второй урок и с довольной улыбкой, со стороны, наслаждался плодами проделанной работы. Эта школьная неделя, пока Юичиро отсутствовал, выдалась одной из его самых спокойных за минувший год.

Мике и Юу 9 лет

– Если мы и дальше будем драться в школе, нас исключат. А с твоими выдающимися талантами к учебе тебя больше ни в одну школу не примут.

– И что делать? – хмурит брови Амане, из-под лба взирая на провоцирующего его на драку своей наглой ложью блондина. Однако надо признать, с его уст слетает суровая истина, что и удерживает страстный порыв заставить его ответить за оскорбление. Юу не хочет огорчать мать заявлением, мол, меня отчислили из школы за драку, ведь ей и без того

приходится волноваться из-за его постоянных конфликтов в школе.

– Предлагаю перенести все разъяснения за пределы школы. Драки только на нейтральной территории.

Юичиро нехотя пожимает протянутую Микой руку и тут же вскрикивает, отпрыгивая назад.

– Черт! Что это? – глядя на красную точку на ладони, он гневно косится на Мику, который молча, просто показывает ему ладонь правой руки, между пальцами которой сверкает длинное острие шипа.

– Ах ты, – Юу уже готов броситься на обидчика, но следующий текст Микаэля заставляет его воздержаться и начать слушать.

– Тебе лучше поторопиться. Шипы этого растения ужасно ядовиты. Их яд уже в твоей крови и если в ближайшие пять минут тебе не окажут соответствующую помощь, ты просто помрешь. Беги, Юу, – прищуривается Микаэль, растягивая губы в улыбке.

– А, э, ты… – Юу давится словами. Мысль о близкой кончине затмевает рассудок, он забывает даже о том, что хотел отыграться. Разворачиваясь, он сломя голову несется к школьному медпункту.

– Дурак, розу не узнал, – глядя ему, вслед фыркает Мика. – Это тебе за жвачку в моих волосах. – И разворачиваясь, идет в класс. А там, стоя у окна, с удовольствием, отраженным в уголках приподнятых вверх губ, наблюдает, как ма-

шина скорой помощи забирает одного из учеников на полное обследование с диагнозом – отравление неизвестным ядом.

– Ну всё, тебе конец, – ликующе восклицает Юичиро, когда после очередного удара, который Мика не сумел отразить, тот оказывается на земле. В довесок Юу ударяет его в район плеча. Согнувшийся пополам, Микаэль только сильнее морщится и приглушенно стонет, сквозь плотно стиснутые зубы, хватаясь за ушибленное место.

– Получил? Теперь будешь знать! – победоносно фыркает Амане и, утирая тыльной стороной ладони разбитую в хлам губу, удовлетворенный победой, уходит домой.

Следующим утром, когда Юу приходит в школу, место Шиндо пустует. Юу только ухмыляется, усаживаясь за парту. Ликование победы над врагом, не явившимся из страха на занятия, не имеет границ.

– Как в больнице? – разносится гул одноклассников, после того как учитель сообщает детям о случившемся.

– У него серьезная травма и некоторое время Мика будет отсутствовать, – проговаривая эти слова взгляд учителя устремлен в середину одного из рядов, за которым темноволосый мальчик с весьма внушительным синяком под глазом и ссадиной на губе, делает вид будто это его ни в коей мере не беспокоит.

– А что у него за травма? – осведомляется девочка с первой парты, поднимая руку.

– Перелом ключицы, – ответил преподаватель, опираясь на пояснение матери мальчика.

Еще одна волна сочувствия пронеслась по классу.

– Юу, – учитель обращается к взъерошенному ребенку. – Ты не знаешь, где Мика мог получить такую травму?

– Я за ним не слежу, – недовольно бросил Амане. И почему с такими вопросами всегда лезут именно к нему? Как будто Мика не мог травмироваться где-то еще, кроме как в драке с ним. А если и так, и это следствие вчерашнего, так он получил по заслугам.

Некоторых мальчишек и подмывает сказать, что вчера видели, как они сцепились по дороге домой, но они предпочитают держать язык за зубами и не мешать ведению военных действий между двумя конфликтующими лагерями, осколками борьбы которых может зацепить и их самих. Будучи осведомленным в позиции одноклассников, Юу совершенно уверен, что его никто не выдаст, значит можно отстаивать свою непричастность до самого конца. Однако учитель не пытается это сделать, он лишь сообщает, что кто-то из класса должен будет навестить товарища в больнице после уроков, и тем, кто составит ему компанию сегодня станет ни кто иной, как Амане Юичиро.

Услышав заявление, Юу невольно сжимается всем телом от досады, однако поспорить с решением учителя не может. Придется принимать судьбу, какой бы жестокой она не была.

– Юу, – к Амане оборачивается паренек с передней пар-

ты. – Не боишься, что Шиндо сдаст тебя учителю?

– Не сдаст, – с убежденностью, основанной на многолетнем знакомстве с Шиндо и его повадками, ответил Юичиро. Пожимая плечами, паренек отворачивается от него, в то время как Юу с недовольством глядит на учителя, наверняка нарочно уготовившему ему эту малоприятную участь встречи с врагом. Амане всегда знал – Мика сволочь, но не стукач. И существует большая разница в понимании этих вещей коалицией мальчишек.

Итак, идти навещать Мику… Хуже не придумаешь. Недовольный и смурной Юичиро лениво плетется позади учителя. Да лучше бы у него ноги отнялись и он идти не мог, чем сейчас топать навещать в больнице врага, который позавчера выставил его посмешищем перед всем классом. И то́лько Юу удалось поквитаться за свое унижение, он тут же все переигрывает, и снова Юу оказывается в роли виноватого, а Шиндо все жалеют и сочувствуют. Было бы неудивительно, если бы история со сломанной ключицей оказалась очередным враньем. Жалкой уловкой, на которые только и способен этот тип.

В здании госпиталя их встречает специфический неприятный запах лекарств, отталкивающий гнет белых стен и полупустынные коридоры. Юу изначально питает жуткую неприязнь к подобным местам. Даже посещение школьного медпункта само по себе испытание, на которое его то и дело обрекает одна раздражающая личность. Возможно, что

именно частое посещение больничных стен привели к такому отторжению всего, что касается медицинских учреждений или же случаи, когда во время плановых инъекций в школе, Мика умудрялся пакостить.

Вместе с учителем они оказываются у нужной палаты. Дверь отворяется и из нее выходит женщина.

– Добрый день, – обращается к ней преподаватель. – Как Мика чувствует себя?

Юу не слушает ответ матери Шиндо, не желая ничего знать. Он просто стоит в стороне и ждет, когда можно будет уйти отсюда. Некое чувство зависти гложет его сердце, когда он смотрит на эту темноволосую женщину и вспоминает о ее муже, с которым они иногда вместе посещают кабинет директора. Чаще Мику забирает отец, реже мать, но еще реже – оба родителя выслушивают необнадеживающую правду о своем ребенке, после чего уводят его домой. При этом лицо Микаэля мрачнее мрачного, но Юу видит во всем этом только счастливую пару его семьи, уводящую сына домой. Амане только тяжело и мечтательно вздыхает, глядя им вслед, а потом переводит виноватый взор на свою собственную мать, и ее расстроенное его поведением лицо, кинжалом пронзает любящее сердце мальчика.

– Мы пришли проведать его. Можно? – Юу возвращается к реальности, ненадолго отступив от нее в свои грезы.

– Конечно, он будет рад, – кивнула женщина и отворила дверь палаты. – Проходите, – жестом пригласила она. – Ми-

ка, к тебе гости, – с улыбкой сообщила женщина. – Оставляю тебя с ними.

Микаэль сидит в постели. Его левое плечо и рука перебинтованы и зафиксированы специальными ремнями. Устремляя взор на гостей, Шиндо вмиг меняется в лице. Примечая топчущегося в коридоре Амане, его взгляд на мгновенье наполняется ожесточением. Входя в палату, Юу смеряет одноклассника презрительным взглядом. Он все еще считает, что это игра. Пока учитель справляется о самочувствии Мики, о том, как он тут и тому подобном, Юичиро стоит в стороне, глядя на что угодно, но только не на пациента. Когда преподаватель покидает палату, оставляя их наедине, воцарившуюся тишину нарушает насмешливый голос:

– Ну и чего ты притащился?

Юу поднимает напряженный взгляд на Мику.

– Заставили, – буркнул Амане. – Если бы не учитель, я бы в жизни сюда не пришел.

– Чтоб его, – прошипел Микаэль, отводя взгляд в сторону. – Теперь мне, благодаря ему, придется видеть твою тухлую физиономию тут каждый день.

– Я не собираюсь ходить сюда больше, – огрызнулся Юичиро. – Это был первый и последний раз. Больше я порог этой комнаты в жизни не переступлю. Не хватало мне еще навещать всяких симулянтов!

Мика с непониманием поглядел на него.

– Кончай придуриваться. Думаешь, я поверю в это, – Юу

указала на забинтованную руку Шиндо. – Если ты провел родителей и учителей, то меня – нет. Я тебя насквозь вижу.

– Вот как? – сузил глаза Микаэль и его губы растянулись в ироничной улыбке. – А ты еще больший болван, чем я мог себе представить.

– Чего? – взвился Юу.

– Ничего. Просто знай, что я тебе этого так не оставлю, – добродушно сообщил Шиндо, облокачиваясь спиной на подушку и расслабляясь. – Когда выйду отсюда, у тебя ни одной целой кости не останется.

– Угрожаешь?! Да ты слабак, тебя толкни разок, уже падаешь! – прорычал Амане, окидывая хрупкое и слабое на вид тело. Сам он тоже не отличался здоровым и крепким телосложением, но все же в изящности уступал Микаэлю.

– И все равно ты свое получишь, – дразнящая интонация, самоуверенный колкий взгляд, который выражает презрение к его персоне, не может оставить Юу равнодушным.

– Черт, бесишь! – он кидается к Микаэлю, но в этот момент дверь отъезжает в сторону.

– Амане! Немедленно прекрати! – кричит преподаватель и Юу снова вынужден сдерживаться. – Никаких драк в больнице! Ты пришел навестить товарища, а не окончательно искалечить его. Имей хоть каплю сострадания.

– Так он ведь, – попытался оправдаться Юу.

– Прекрати это, – строго взглянул на него мужчина, а потом обратился к нахмурившемуся Шиндо. – Мика, что ты

ему сказал?

Белокурый мальчик не отвечал, сколько не задавай ему вопросы. Допытываться у обоих о причине их столкновения было совершенно бессмысленно. Никто никогда не давал разъяснений, а посему привести их к мирному соглашению друг с другом не представлялось возможным, даже применяя стандартные методы, один из которых – оставить двух врагов в одном помещении, которые если не убьют друг друга, то обязательно помирятся. Однако Мика и Юу по сей день не желали идти к примирению, предпочитая оставаться в позиции «уж лучше смерть, чем я буду дружить с этим». И сегодняшний день был ничем не отличим от предыдущих. Те же синяки, те же размолвки, те же побои, та же крепкая, стойкая ненависть к сопернику, что и три года назад.

Незримо обреченные на проклятье

Мике и Юу по 10 лет

– Быстро прекратить! – кричит преподаватель, вторгаясь в класс в тот самый момент, когда двое уже собираются вцепиться друг в друга. Вокруг кавардак, по полу разбросаны изорванные и почерканные страницы книг и тетрадей, а за схваткой наблюдают дети. При появлении учителя так и не начавшаяся драка поневоле прекращается. Злость наполняет сердца и взгляды, пожирающие друг друга, только сделать шаг не решаются оба.

– Что тут происходит? – строго осведомляется учитель. – Почему такой беспорядок в классе?

Мика и Юу молчат, бросая друг на друга уничижительные взгляды.

– Еще раз спрашиваю, из-за чего собирались драться?

– Это Шиндо, – отозвалась из толпы одноклассников девочка с двумя хвостиками. – У него все книжки оказались испорченными, он решил, что это Юу сделал.

– А на самом деле? – нахмурил брови мужчина. Девочка только пожала плечами и тогда он поглядел на Юичиро. – Юу, это действительно так и это ты испортил его вещи?

– Нет, не я, – огрызнулся Амане. – Сам себе все почеркал, а на меня сваливает.

– И ты не видел, кто это мог сделать?

– Не видел, – шмыгнул носом Юичиро, глядя в сторону.

– Мика, – обратился мужчина ко второму мальчику, – почему ты решил, что это сделал именно Юу?

– Потому что за тесты злится, – фыркнул Микаэль. – Схлопотал ноль баллов, вот и бесится, что я его обошел.

– Да ни черта подобного! – гневно крикнул Юичиро. – У меня все правильно было, если бы не ты!

– Что я?! – с вызовом бросил Шиндо.

– А то ты не знаешь! Это все из-за тебя! – Юу сжал кулаки, уже готовый снова кинуться на Микаэля, который тоже принял боевую стойку, готовый защищаться от ударов противника.

– Так! Всё! Прекратили оба! Какие еще тесты?! Хватит! Сегодня остаетесь дежурить в классе!

– Что?! – одновременно содрогнулись мальчики, взглянув на рассерженного их поведением учителя.

– Сами устроили бардак, сами теперь его и приберете. Расходитесь по домам, – сказал он детям, а после взглянул на Мику и Юу, с ненавистью взирающих друг на друга. – Может, это послужит для вас уроком.

Когда все учащиеся, кроме двух провинившихся, покинули класс, учитель последовал к двери наряду со всеми.

– Вы тоже уходите? – пристально глядя на него, осведомился Микаэль.

– Нет, Мика, я никуда не ухожу, – ответил преподаватель, увидевший в этом безобидном вопросе подводное течение. –

Поэтому только попробуйте снова сцепиться, – пригрозил он уже обоим и вышел.

– Ну что, доволен? – из-под лба покосился Шиндо на Амане.

– Заткнись, – огрызнулся тот и направился к шкафу, где стояли ведро и швабра. – Чего расселся, убирать кто будет? – возмутился Юу, завидев что Мика уселся за парту и достал из кармана телефон.

– Ты виноват, ты и убирай, – флегматично ответил Мика, элегантно забросив ноги на стол одну на другую и погрузившись в виртуальный мир игры.

– Чем это я виноват? – с грохотом поставил на пол железное ведро Амане. Мика даже внимания на его гнев не обратил.

– Это ты учителю можешь сколько угодно рассказывать, что это был не ты, – Шиндо с издевкой взглянул на Амане, – но только не мне, – он снова перевел взгляд на дисплей.

– Чем докажешь? – язвительно осведомился Юичиро.

– Хах, а мне и доказывать ничего не надо. Идиотизм самого поступка говорит мне, что это был ты и никто другой.

Юичиро заскрежетал зубами от негодования. Бросив на пол швабру, он быстро преодолел расстояние от шкафа к парте, за которой восседал блондин.

– Значит так, я за тебя отдуваться не собираюсь. Вставай, бери тряпку, ведро и мой полы.

– А то что? Нажалуешься учителю? – поднял на него пре-

зрительный взгляд Микаэль. – Или придумаешь что-нибудь более оригинальное, чем мои книги почеркать? На большее-то ты не способен.

– Сволочь, – выдохнул Амане и схватил Мику за грудки.

– Давай, ударь, а учитель как раз зайдет и увидит все, – без страха, с появившейся лукавой улыбочкой проговорил Шиндо. – Вот тогда тебе точно несдобровать. Месяц дежурить будешь.

– Черт, – подавляя в себе нечеловеческий порыв ударить нахала, но опасаясь снова попасть под раздачу, Юичиро все же отпустил его. – И все равно, я с тобой рассчитаюсь. Не сегодня, так завтра, если конечно, ты в школу явишься. Это же твой любимый прием, – он криво усмехнулся через плечо.

– Начинай уборку, Юу, а то прилетит тебе от учителя, – саркастично проговорил Мика, а потом серьезно добавил, – а то, что ты болван, который тест не в состоянии написать, так тут я не причем.

– Не причем?! – Юу снова обернулся. – Это ты мне его испортил, потому я и не написал! У меня все правильно было!

– А ты докажи, что это был я, – усмехнулся Микаэль и поднялся со своего места. – Как я это сделал? – он приблизился к Амане. Юу ненавидел эту его кривую улыбку, ненавидел этот горделивый, самоуверенный взгляд, которым Шиндо выказывал презрение к нему. Ненавидел все в нем, все, даже его голос.

– Я не знаю, – Юу опустил взгляд к полу. Убежденность

в том, что тест ему подпортил именно Шиндо была неоспорима, но каким образом… Увы, тут Юу не находил ответа.

– Вот видишь, – Мика слегка склонил голову на бок.

Не находя слов, таких же колких и язвительных, коими всегда убивает его Микаэль, Юичиро выплеснул свою злость, просто с силой оттолкнув Мику от себя. Тот отлетел к стене и, шипя, сполз по ней вниз. Сжавшись на полу, Микаэль зажмурился, обхватив себя руками.

«Странно, я же не так сильно толкнул его… Почему он такой?»

– Что, все еще болит? – хмыкнул Юичиро, взирая сверху вниз на сжавшегося от боли врага. – Неделя уже прошла, да и побил я тебя не сильно. Никак не отойдешь? – он наклонился к Мике. – А если не хочешь еще неделю вот так проваляться, бери швабру и начинай мыть. – С этими словами Юу схватил ведро с мусором и вышел из класса.

Со злостью поглядев ему вслед, Микаэль только ухмыльнулся.

Направляясь к мусорным бакам, Юу раздирало негодование. Не столько само дежурство с Микаэлем, отказывающимся помогать ему, злило мальчика, сколько осознание, что любая его месть Мике, какая бы она ни была, всегда заканчивалась одним и тем же – Мика не причем, а его все ругают. Даже сегодня, когда он по-честному отомстил Шиндо за свой испорченный тест по математике, в котором тот подописывал лишние цифры, ему никто и слова не сказал, зато

Юу оставили убирать в классе. И так происходило каждый раз.

Мальчик не мог понять, как его противнику удавалось каждый раз проделывать подобные вещи и при этом не быть застигнутым взрослыми. Юу сколько себе не ломает голову, дабы придумать нечто сходное с выходками Шиндо, но ничего не получается. В итоге на утро в школе, после ночи мучительных размышлений, истерзанный неудачными попытками придумать достойную каверзу и подстрекаемый Микой, у которого всегда полно всяких гадостей в голове, он срывается на него от своего бессилия при всех и получает за это.

– Что я делаю не так? – спросил сам себя Юу. – Пап, почему я не могу, как он?

Юичиро думал, что будь сейчас рядом отец, он бы помог ему, придумал хороший способ отомстить Мике за свои обиды и унижения, но его не было и приходилось думать самому. Наверняка, Мике эти идеи подсказывает его отец. Потому как никому из мальчишек, которых знает Юу не пришли бы в голову такие вещи. Только старшие, только старшие могут так мастерски издеваться и высмеивать. Юичиро поежился, вспоминая то, о чем хотел забыть. Однако память подсказывала, что не только старшие могут быть такими, но и сверстники подчас бывают не менее жестоки. Юу хорошо это помнил, а посему талант Шиндо ко всяким грязным уловкам только больнее ранил его, вгрызаясь в самую глубь шипом, коим не так много времени назад оцарапал его

недруг.

И уважение к изворотливому противнику, и ненависть на равных пылали в уязвимом и ранимом сердце.

Юу возвратился к классу и открыл дверь. В тот момент, когда его обдало холодной водой, а рядом с оглушительным грохотом упало пустое ведро, он сейчас же позабыл о каком-либо уважении к Мике.

– Ты забыл набрать мне воды для мытья полов, прежде чем ушел, – донесся до его слуха насмешливый голос. Оцепенев от неожиданности и охватившего страха, он обернулся и увидел сидящего на соседней парте, довольно улыбающегося Микаэля.

– Как водичка? – усмехнулся Шиндо и, спрыгнув с парты, прошел мимо застывшего на месте Юу.

– Ну все, ты меня достал, – прошипел Амане. Дрожь разливалась по всему его телу. Стоя в дверном проеме, промокший до нитки, Юичиро медленно приходил в бешенство, забывая о том, что еще несколько минут назад собирался более тонко отомстить Мике. – Я убью тебя! – выкрикнул он и погнался за ним. Смеясь и поддразнивая Юичиро, Микаэль точно горная лань несся по коридорам школьного заведения, ловко заскакивая за очередной угол. Не уступая ему в скорости, Юу несся следом, видя перед собой только движущуюся фигуру, и вот в следующий момент она исчезла из поля зрения, зато появился какая-то большая, черная преграда. Затормозить Юу не успевал и, налетев на учителя, сбил его

с ног.

– Ты с ума сошел?! – напал на Амане учитель, когда они встали с пола. – Что ты по коридорам носишься?! Ты где должен быть?!

Юу оглянулся по сторонам в поисках того, из-за кого вновь угодил в нелепую ситуацию. Мика стоял за углом и мило улыбался, глядя на Юичиро и на отчитывающего его классного руководителя. Негодование кипело и бурлило в жилах пострадавшего, выжигая все дотла. Мало того, что его облили, так теперь его отчитывают.

– Немедленно в класс! – резко указал мужчина в сторону аудитории, видя, что его не слушают. – Где Мика?! – он обернулся по сторонам, будучи уверенным, что тут находится и второй маленький дьявол.

– Если через полчаса в классе не будет убрано, пеняйте на себя! – произнес он так, что и Юу и подошедший Мика вздрогнули. Желания выяснять, почему так случилось, что они бегали по школе вместо того, чтобы убирать в классе и почему Юу весь мокрый, не было. Как и у прочих учителей ему терпения уже не доставало, чтобы каждый день по нескольку раз выслушивать и разбираться кто из них виноват, а кто – нет.

Возвратившись в класс, оба, скрепя сердце, принялись за уборку класса. Протерли везде пыль, вымыли полы, полили цветы. Дабы не затевать конфликт, решили поделить класс пополам и заняться каждый своей стороной, при этом един-

ственные слова, которые они произнесли друг другу, касались исключительно дележа. Даже входили и выходили они через разные двери, дабы не пересекаться и не видеть один другого лишний раз.

Правда, предпринимая все эти попытки неконтакта, Юу все равно не сдержался. Ведомый неутихшей злостью на Мику, моющего на своей территории пол, он, протирая доску мочалкой с твердой пластмассовой основой, не сдержался и запустил ею в него. Пропитанная пылью мела, она стукнулась о край парты прямо рядом с Микиной головой и упала на пол, подняв вокруг белое облако. Мика закашлялся и отбросив швабру, стал протирать глаза, в которые попала пыль.

– О, это ты, а мне показалось таракан по рядам ползает, – усмехнулся Юичиро, когда Мика поднял на него полные злости, покрасневшие от мела глаза. – Ну прощай, перепутал. Давай быстрее, – фыркнул он.

Поглядев на губку-стиратель, валяющуюся на полу, вновь запачкавший только что вымытое место, Мика смиренно поднял его с пола и, положив на парту, продолжил работу. Юу удивился, когда, ничего не сказав, Мика молча закончил мыть пол, а затем вышел из класса вылить грязную воду.

Амане тоже не успел опустошить свою ведро с грязной водой и, поглядев на него, его губы тронула злорадная улыбка. Моментально метнувшись от доски к двери, за которой скрылся Микаэль, Юу высунулся в коридор проверить ушел ли Шиндо, а после, подставив к двери стул, установил на

дверь полное ведро грязной воды. Спрыгнув и поставив стул на место, он подобно Шиндо уселся с ногами на парту и принялся ждать, когда вернется товарищ по дежурству. Юичиро предвкушал сладкую месть за издевательство, радуясь, что впервые он отплатит обидчику его же монетой. Когда в коридоре раздались шаги, внутри у парня все затрепетало.

За ручку двери крепко взялись, дверь дернулась и отъехала в сторону. Ведро с грязной водой, вылилось на вошедшего. Юу уже был готов ликовать, но все его ликование немедля растаяло под гневным взглядом учителя, на чью голову вылилась серая, мутная жижа, в которую Юичиро предварительно подсыпал мела. А за спиной мужчины стоял, заложив руки за спину, Мика все с той же раздражающей Юу кривой улыбкой.

Описывать детально, что в тот день услышал Юичиро из уст преподавателя, не имеет смысла. Но тот день и те обещания запомнились ему надолго. Злость и досада на Мику, подставившего его третий раз за день, только ярче разожгли пламя его вражды с этим человеком. Простить Мике, что ему так досталось за выходку, проделанную недавно самим Микой, он не мог.

Юичиро подумать не мог, что, покинув класс, Мика следил за его действиями, заглядывая через другую дверь, ведущую в аудиторию и прекрасно видел готовящуюся для него западню. Естественно, он предпринял меры.

Скрутившись под одеялом, Мика тихонько постанывал в полусне. Тело ныло и нещадно болело. Казалось, каждая кость и мышца покрыта синяками, которые ужасно болят, будто их нанесли только что. Пару раз предпринимая попытки подняться с кровати и пройтись хотя бы до туалета, он только валился обратно, болезненно шипя и морщась. Последние минут пятнадцать он лежал неподвижно, то проваливаясь в сон, то выходя из него, слушая тихое, монотонное тиканье часов на столе.

Приглушенный стук в дверь заставил его встрепенуться и, превозмогая ломоту в теле, привстать и насторожиться. Сердце в груди забилось чаще, дыхание участилось. Тянуло вновь откинуться на подушку и лежать без движения, пока боль не утихнет.

– Мика, – в комнату вошел светловолосый мужчина, облаченный в серый костюм, идеально сидящий на его статной фигуре. – Эндзай сказал, ты плохо себя чувствуешь и не спустишься, – он подошел и присел на край постели мальчика.

Склонив голову, Шиндо не торопился отвечать. Виноватый взор его синих глаз устремился на пол.

– В школу тоже сегодня не пойдешь, – мужчина провел рукой по золотистым волосам. Вид мальчика, чье лицо и тело пестрили ушибами, кровоподтеками, ссадинами и синяками вызвали взгляд, полный сожаления.

– Сильно болит? – он осторожно касается рукой ссадины на скуле, от чего Мика болезненно шипит. – Извини, – он

убирает руку. – Ты снова подрался?

Голова только ниже склоняется вниз.

Глубокий вздох со стороны мужчины и некоторое время они сидят в тишине. Он надеется, что мальчик сам начнет говорить, но добиться от него слов сложно как никогда. Душа этого ребенка чиста, но по-прежнему она не желает показываться из недр, предпочитая прятаться и не высовываться лишний раз. Мужчина знает, что это маленькое существо гнетет чувство вины и раскаяния, только он никогда не скажет о них вслух. Будет ревностно и молчаливо охранять свой хрупкий, детский мир от неосторожного вторжения.

– Я принял решение, – звучит мягкий голос мужчины и мальчик поднимает на него глаза. – Ты перейдешь в другую школу.

Судорожный вздох, Мика распахивает глаза, в которых проносится страх, и смотрит на человека, изложившего свое решение. Невольно его мечущийся взор устремляется за спину сидящего мужчины на дверь, которую тот оставил приоткрытой, зайдя в комнату. Там, за дверью, Микаэль видит молодого парня, лет девятнадцати, крупного и весьма неуклюжего телосложения, который, презрев сборы в институт, спокойно смотрит на них сквозь маленькую щель, безмолвно принимая участие в разговоре. Не обращая внимания на постороннего наблюдателя, Мика осмысливает предложение отца сменить школу и еще одна ледяная волна страха проносится по телу мальчика от осознания этой перспек-

тивы. Он как-то сразу сникает, опуская голову и плечи от безысходности, ожидающей его в недалеком будущем.

– Мика, – обращается к нему отец, – ты хочешь в новую школу?

– Нет, – отрицательно быстро качает головой Шиндо, дрожа всем телом. – Не хочу. Мне нравится учиться именно здесь, и я не хочу ничего менять.

– Ты уверен? – пристально смотрит на него мужчина. Почти каждый день он видит его избитым. Он знает с кем ведет войну Мика, но не понимает почему он все равно не желает уходить из этой школы. Почему?

– Да, я не хочу уходить. Пожалуйста, я хочу остаться здесь, – с мольбой и надеждой смотрит на него Микаэль. Мужчина со всей серьезностью относится к этому порыву ребенка, ибо это чуть ли не первая его эмоция, так ярко выраженная за долгое время.

Пока мужчина смотрит на Мику, сам Микаэль бросает взгляд на дверной проем. Притаившийся там парень уходит, так ничем и не выдав свое присутствие отцу, и тогда Шиндо снова переводит отчаянный взгляд на мужчину.

– Если ты не хочешь, я не буду тебя заставлять. Но только чтобы больше никаких драк, ты обещаешь? – взрослый встает с постели ребенка и строго смотрит на него сверху вниз.

Мика опускает глаза. Что ему ответить? Он не может поручиться за последствия и обещать, что избежит драки, как бы его на нее не провоцировали. Это невозможно. Он не от-

речется от возможности поквитаться за себя.

– Никаких драк, – говорит напоследок мужчина и, торопясь на работу, оставляет комнату.

– Пока, Юу. Круто сыграли. Ты молодец.

– До завтра, – весело улыбается Амане, махая рукой товарищам из футбольной секции. Довольный, в прекрасном расположении духа, Юу возвращается домой. Ничто не приносит ему такого счастья и радости от посещения занятий, как эти тренировки. Даже ежедневные стычки с Микаэлем не способны затмить его радость от пребывания в секции. А сегодня тренер их команды похвалил его, сказав, что если он не забросит игру, его ожидает большое будущее в мире спорта, и Юу был несказанно счастлив услышать подобную похвалу. Друзья по команде тоже видят в нем задатки и восхищаются умением ловко управляться с мячом и быстро бегать. Уважение и почет среди своих, которых Юу добивается случайно, походя, просто следуя своей мечте, не воспринимая это как-то, чем стоит кичиться перед другим и задирать нос. Он делает то, что любит, что приносит ему радость, и не задумывается о том, какое положение постепенно занимает, достигая определенных успехов в своем деле.

Он идет вдоль набережной по тропинке. Справа тянется ряд деревьев и густых кустарников, за которыми начинается пологий зеленый склон, медленно достигающий берега. Внезапно из кустов выбегает рыжий пес. Он еще подросток и

на своих неуместно длинных лапах с восторженным визгом несется за палкой, опередившей его появление на несколько секунд. Хватая ее зубами, щенок мчится обратно и исчезает в кустах.

– Ко мне! Ко мне! – слышит Юу мальчишеский голос и, заинтересовавшись, кто это там играет с этим рыжим, виляющим хвостом озорным великолепием, пробирается сквозь кустарник и бежит вниз по склону. Полный задора и желания тоже поиграть с собакой, он притормаживает на полпути и, сдвинув брови, смотрит на белокурого мальчика, который, не заметив его снова бросает палку и со смехом приказывает собаке взять ее. Весело лая, пес бросается исполнять приказ. Юу точно завороженный наблюдает за их забавной игрой. На минуту он позабыл о своей неприязни к Шиндо и просто с восторженной улыбкой наблюдает, как тот забавляется с собакой на берегу реки, а потом медленно приближается к ним. Амане впервые видит на лице Микаэля столь искреннюю улыбку, без намёка на насмешку или издевку. Сейчас Шиндо выглядит самым обычным, таким же, как и прочие.

Микаэль до сих пор не видит его, он полностью занят своим новым другом. Он гладит его по блестящей шерстке, обнимает, смеется, кормит чем-то из рук, взамен пес лижет ему лицо, звонко лает, виляет хвостом и носится вокруг, как сумасшедший, и сам радуясь компании и возможности поиграть.

– Это твоя собака?

Радость на лице Мики мгновенно исчезает, когда оборачиваясь, он видит перед собой Юичиро.

– Как его зовут? – осведомляется Юу. Встречая такое недоброжелательное приветствие, улыбка с его лица тоже стирается.

– Что тебе нужно? – холодно спрашивает Микаэль.

– Ничего мне от тебя не нужно, – хмурит брови Юу. – Увидел, как ты играешь и подошел. Так он твой? – Амане кивнул на собаку, которую Шиндо придерживал за мягкую шерстку на шее.

– Какое твое дело? Просто уходи, – говорит Мика, удерживая пса, готового с радостью принять и второго друга.

– Не ответишь? – сильнее сдвигает брови Амане. А ведь только что Мика казался расположенным к игре, почему он так быстро изменился, стоило ему подойти?

– Не мозоль мне глаза своим дурацким видом, – язвительно бросил Шиндо, гордо вскидывая голову.

– Что ты сказал? – разозлился Юичиро.

Мика было открыл рот, дабы сказать еще что-то более обидное, но в памяти всплыли слова – «никаких драк», заставившие его ответить более спокойно и непринужденно.

– Уйди, Юу. Просто уйди.

– А то что? – фыркнул Амане.

– Э, Мика! – донесся до них чей-то голос. Юу поглядел вверх на склон и увидел шагающую толпу парней-студентов. Один из них – темноволосый, коренастый с дурацкой, как

показалось Юу, жиденькой узкой бородкой, помахал Шиндо рукой. – Давай с нами. Я домой и тебя отведу! Пошли, хватит там стоять, поднимайся сюда!

– Все из-за тебя, – процедил сквозь зубы Микаэль, гневно поглядев на Юичиро.

– Сам виноват, нечего было выпендриваться, – слабо понимая, в чем собственно он виноват, резко ответил ему Амане. Буквально секунды, глядя друг другу в глаза, длился их бессловесный диалог, но этого времени хватило обоим, дабы понять, что их общение, весь возможный контакт, сближение может заключаться только в драке и никак иначе им не сойтись между собой.

Прежде чем уйти, Микаэль отпустил рвущуюся к Юичиро собаку, которая несколько раз оббежала вокруг темноволосого мальчика и села сбоку, довольно высунув язык и виляя хвостом.

– Ты его оставляешь? – удивился Амане.

– Забирай его себе, он мне не нужен, – хмуро отозвался Шиндо и, взбежав по склону, остановился около смеющейся компании.

– С кем это ты там? – осведомился у Мики парень, которого Юу знал, как старшего брата Шиндо, опуская свою тяжелую руку на плечо младшего.

– Ни с кем особенным, – отвечает ему Мика и вся компания направляется дальше.

Юу только и видит, как Шиндо уводит домой группа пар-

ней. Пес оказался ничейным, Амане долго ждал пока за ним кто-нибудь придет, но так никто и не появился, ошейника на собаке тоже не было. В итоге Юичиро забрал его с собой, но, пожив у него несколько дней, пес каким-то образом сбежал. Юу так и не смог его найти, сколько ни старался.

Невинные шалости

Последняя неделя перед летними каникулами заключительного года в младшей школе знаменуется всеобщим походом в зоопарк, планируемым еще с прошлого месяца. Ожидание было томительным для большинства, ибо сулило получить множество впечатлений и одних из тех незабываемых, светлых воспоминаний детства, что остаются в памяти детей о младшей школе. Наряду со всеми ожидал общего события и Юичиро. Не сказать, что посещение зоопарка было его заветной мечтой, но друзья с таким восторгом отзывались о предстоящем событии, что поневоле Юу с улыбкой вторил их желанию до тех пор, пока оно не завладело и его сердцем. Равно как и все, он ожидал весело провести время.

И вот, солнечным субботним днем толпа детей из 30 душ толпилась перед входом в обитель самых разных созданий природы. По велению классного руководителя, построившись в ряд по два и зарекшись только так и не иначе передвигаться по территории, дети вошли в парк.

Юичиро перевел взгляд с лица восторженной девчонки, что оказалась с ним в паре, в самый конец шеренги. Поневоле его внимание ненадолго задержалось на белокуром мальчике, то теряющимся в общей толпе, то снова возникающим в ней по мере движения.

Временное затишье наблюдалось в его противостоянии

Мике, что вызывало отдельный повод, дабы вздохнуть свободно и быть более-менее счастливым, безмятежно коротая однообразные школьные будни. Послаблению накаленной ситуации послужили предстоящие тесты перед тем, как все могли отправиться на каникулы, так что оба врага больше сконцентрировали внимание на подготовке, нежели на обдумывании очередной гадости противнику.

Нужно еще заметить, что, в отличие от всех, Мика не был расположен к походу первоначально. Казалось, он вовсе не интересовал его. Еще задолго до этого, пока все дружно на переменках обсуждали тему зоопарка, предвкушая событие, он предпочитал отмалчиваться в стороне. Юу был даже удивлен, увидев, что, несмотря на свое равнодушие и быть может некое презрение к предстоящему мероприятию, он все же пришел к назначенному месту перед школой в назначенный час и пошел наряду со всеми.

Теперь уловив его взгляд среди прочих, Амане с не меньшим удивлением обнаружил заинтересованность синих глаз, глядящих по сторонам. Презрительно фыркнув, Юу отвернулся. Понять поступки и реакции Мики становилось делом невозможным. Если он не хотел идти, зачем пошел? И если ему это было противно изначально, почему сейчас он смотрит с интересом?

Впрочем, Юичиро не желал каким-либо образом понимать мотивы и странности психики Шиндо. Единственное, что он хотел понять, это как ему удается выходить сухим

из воды после проделанных изощренных гадостей, чтобы отплатить ему тем же. Но сегодня мысли Амане были далеки от продумывания своих действий в будущем, и попросту он решил не обращать внимание на поведение Шиндо, словно его вовсе здесь нет. Тем более, Мика был далеко от него, почти в самом конце, и ожидать от него каких-то бед вроде бы не приходится. Главное не фокусировать на нем внимание и день можно будет причислить к положительно многообещающему.

Переходя от одного вольера или загона к другому, лакомясь купленными в ларьках сладостями, фотографируя, болтая, смеясь, обсуждая забавные повадки тех или иных животных, школьная экскурсия продолжала свой красочный рейд. Наблюдая через стекло за большим медведем, проплывающим под водой буквально в нескольких сантиметрах от них, завороженный этим зрелищем белого гиганта, Юичиро вновь остановил случайный взгляд на Микаэле. В то время, как все одноклассники были в восхищении, Мика выглядел удрученным. Он с каким-то внутренним отвращением взирал на животное, свободно болтыхающееся в ограниченном пространстве.

«Да о чем он думает-то?», мысленно пробурчал Юичиро, переводя взгляд с Мики, чье неприятие происходящего сбивало с толку, на дикого зверя за стеклом. Стоящий вокруг шум, восторженные возгласы одноклассников, ставшие еще громче после того, как к вышеупомянутому медведю прыг-

нул в воду еще один житель акватории и между ними завязалось некоторое подобие шуточной борьбы. Созерцая их игру, Юичиро внезапно пронзило странное ощущение. Два таких сильных, больших существа, хищника, заперты в клетке. Большой, оборудованной так, словно это их истинная среда обитания, но все же клетке. Такие могучие животные теснятся здесь в неволе, гибнут на глазах тысяч зрителей, посещающих парк еженедельно и увядают, теряя свое величие, будучи связанными невольниками человеческого эгоизма. Юу весь поежился. Смотреть дальше на это делалось невыносимо тяжело. Хотелось убежать, не видеть этих зверей, не слышать эти радостных визгов зрителей. Что-то внутри нашептывало о собственном заключении. Издевки и смех звучали в ушах подавляющим маршем, гнетуще действуя на мозг. Юу закрыл глаза. В тишине собственного сознания, отдалившись от окружающих звуков, он слышал только гулкий стук своего сердца, трепещущего в страхе, утонувшего в тени щемящей тоски.

Когда он снова открыл глаза, всеобщий благостный и веселый настрой обрушился на него проливным дождем, захлестнув минутное помутнение и смыв его своим потоком. Мальчик со страхом вспомнил о произошедшем в доли секунды, но тут же постарался очистить голову. Однако смотреть вместе со всеми на животных ему было уже совсем не так здорово, как в начале.

Амане обратил взгляд на Шиндо, безучастно взирающего

на игры белых медведей в воде.

«Быть может, то же испытывает Мика, находясь здесь и видя все это?».

Юу мысленно задал себе вопрос, незаметно посматривая на серьезного одноклассника. Однако он, как и многие другие вопросы, остался без ответа, и пришлось о нем забыть, а тем более, когда они ушли из павильона имитирующего ледяную зону севера и направились к подобию Африканского континента.

– Смотри, смотри какой нос!

– Глянь, какая шея!

– Ничего себе, вот это громадина!

– А слона он проглотит? – интересуется мальчик у учителя, указывая тому на питона за стеклом.

– Слона нет, а тебя за милую душу, ха-ха! – отвечает ему его сосед и весело смеется.

Отовсюду Юу слышал радостные восклицания и смех. При этом его самого вид животных не потрясал в той мере, что прочих. Временами он замечал среди одноклассников Микаэля и тогда поневоле случившееся всплывало в его памяти, мешая получать удовольствие от экскурсии. Когда они остановились у клеток с шимпанзе, Амане и вовсе заскучал. Невзирая на то, что внимание прочих привлекли забавные, бегающие по клетке и корчащие рожи зверьки, Юичиро предпочел бы подольше задержаться около загона с зебрами, который они только что миновали. Без интереса глядя

на снующих по клетке приматов, мальчик погрузился в размышления, ожидая, когда другим они надоедят и их группа отправится дальше. Настолько глубоко уйдя в раздумья, он не заметил, как постепенно остался один, а класс медленно перекочевал к другому вольеру. Из оцепенения его вырвал голос какого-то мальчишки, тычущего пальцем на клетку.

– Эй, ха-ха, смотрите, у макаки телефон! Вот это прикол!

«Что за глупости болтает этот дурак? Какой еще телефон?», фыркнул Юичиро до сих пор не заметивший ни у одного животного здесь подобных атрибутов, а потом поглядел в клетку. И действительно, мальчишка был прав, у одного шимпанзе и впрямь в лапе находился телефон, который он обнюхивал, обсматривал, пробовал на вкус.

– И откуда он его взял? – Юу ближе подошел к решетке, возле которой пыталась совладать с сенсорной техникой обезьяна, пряча диковинную находку от других своих сородичей. Вглядевшись в смартфон в волосатых лапах, Юичиро остолбенел. Быстро пошарив по карманам штанов, он с паникой приник к клетке, в которой его же телефоном развлекалась глупая макака.

Как? Как они его стащили?

Разумеется, можно было бы посмеяться, оставить приматту игрушку и спокойно пойти дальше, но Юу не мог так поступить. Во-первых, потому, что его мать зарабатывала гроши, а во-вторых, он долго хотел приобрести именно этот телефон и лишиться его из-за такой глупости не имел права.

– А ну отдай, дура! – крикнул он и потянулся через прутья, выхватить у обезьяны телефон. Но та ловко отпрыгнула, оскалила зубы и вскарабкалась на свисающую лиану в противоположной стороне клетки.

– Черт бы тебя побрал! – осматривая решетки и возможные пути пробраться в клетку и забрать свою вещь, процедил Амане. Как-то в этот момент рядом с клеткой шимпанзе никого не оказалось и, пользуясь случаем, Юичиро сумел проскользнуть за ограждение и обойти клетку с другой стороны, где находилась дверца, позволяющая служащим зоопарка попадать внутрь. Рискнуть и войти в клетку Юу поостерегся, несмотря на простую железную задвижку, но зато теперь его цель снова оказалась перед ним, посему можно было безболезненно отобрать у нее телефон через решетку, пока еще есть что отбирать. Однако предприняв попытку забрать своё, мальчика снова настигла неудача. Проворное животное вовремя среагировало и отскочило в сторону, только при этом выронив из лап телефон. Упав на разбросанную солому, телефон так и остался лежать нетронутым буквально в полуметре от двери. Рукой его было не достать и Юу ничего другого не оставалось кроме как проникнуть в клетку и забрать злосчастный телефон, пока его не заметила какая-нибудь другая обезьяна.

Не имея желания полностью заходить в вольер, Юу только приоткрыл дверь и стоя на ступеньке потянулся за мобильным. Стоило только взять его в руку, как внезапно рез-

кий толчок сзади, буквально забросил его в клетку, а когда он опомнился и обернулся, дверца захлопнулась за ним и раздался характерный щелчок. Бросившись к двери клетки, Юичиро навалился на нее всем весом, однако, как он и понял, она оказалась запертой снаружи и дотянуться до щеколды находясь внутри клетки было делом совершенно невозможным.

– Эй, что за идиотские шутки?! Выпусти меня немедленно! – закричал Юу отбегая в сторону и цепляясь в прутья. Он понятия не имел, кто запер его, да это было и не важно, лишь бы открыли.

– Выпустите меня! – отчаянно крикнул он вновь, надеясь, что кто-то отзовется. Однако территория закулисной части зоопарка была совершенно пустынна, видимо тот, кто запер его, поспешил поскорее убраться с глаз. Наверняка Амане сказать не мог, тем не менее, догадка о том, кто мог выкинуть подобную гнилую шутку обосновалась где-то на периферии сознания.

– Откройте! Выпустите меня отсюда! – вцепившись руками в решетку, Юу пытался позвать на помощь. Разоряться на громкие крики он не позволял себе, ибо собрать около себя толпу малолетних зевак, которые непременно будут смеяться над ним, он не хотел, при этом Юу намеревался привлечь внимание сотрудников парка, если они случайно будут проходить мимо. Обезьяны с интересом уставились на странного новенького в их компании, пытающегося дотянуться до

щеколды с внешней стороны клетки и кричащего что-то.

«Что же делать?», Юу уже практически был в отчаянном состоянии. «Какое позорище».

Он не знал, как выбраться, кого позвать. Боялся, что его так и не выпустят и он просидит тут несколько часов, стыдился, что его, запертого в клетке, увидят другие. Иного выхода не было, никто показываться и выпускать его из клетки не собирался, поэтому Юу извлек из кармана телефон, уцелевший после вороватого шимпанзе. Только он собрался позвонить одному из друзей, чтобы тот тихонько освободил его, как еще одна обезьяна, подскочив, выхватила у него из рук светящуюся интересную вещицу и, прыгнув на лиану, поскакала по ней дальше.

– Черт, а ну стой! – лишившийся последней надежды на спасение, Юу, позабыв о страхе перед клыкастыми дикими зверями, бросился за приматом. Не так-то просто оказалось догнать его. Шимпанзе ловко перескакивал с одной лианы на другую, что-то крича, в то время как Юу пытался догнать его. Визг приматов, словно они, забавляясь, подбадривали своего родственника, наполнил клетку, тем самым привлекая внимание посетителей и работников зоопарка. Дети смеялись, наблюдая, как какой-то темноволосый мальчик пытается догнать обезьяну, схватившую в зубы телефон и прыгающую по всей клетке, а взрослые ужасались. Пытаясь ухватить примата за лапу, Юу споткнулся о торчащую корягу. При падении, его по лицу хлестнула лиана. Не обратив вни-

мания ни на хлесткий удар, ни на содранную на колене кожу и мелкие царапины, Амане поднялся и снова погнался за животным.

Много времени не потребовалось, чтобы кто-то из сотрудников парка обратил внимание на шум около клеток с обезьянами и не поспешил освободить каким-то образом попавшего в клетку мальчика. Толком ничего не объясняя уборщику, Амане все же получив от него свой телефон обратно – поцарапанный, обслюнявленный, но работающий, – поспешил догнать свою группу.

Завидев своих среди прочих посетителей и уже направившись к ним, внимание Юу привлек смех двух мальчишек, позабывших о животных и увлеченных просмотром видео. Смутное чувство дежа вю наполнило сердце волнением и пониманием над чем именно смеются эти двое, а быть может уже половина всего парка. Незаметно поглядев им через плечо и своими глазами увидев, как он мечется по клетке за обезьяной, его за несколько секунд наполнила и переполнила невероятная злость на человека, единственного из тех, кого он знал, кто мог прилюдно опустить его, да еще и похвастаться результатом своего труда в мировой паутине.

– Чтоб тебя, – сжав кулаки, прошипел Амане.

– А? – оба обернулись к Юу. – Это ты кому? Нам?

– Э, погляди это же тот самый примат, привезенный для спаривания, как в ролике сказано, – засмеялся один из мальчишек, признав в Юичиро нового героя сети.

– Ага, – подтвердил второй, заливаясь смехом. – Он самый. Бабуинус тупоголовикус обыкновенный. Уникальнейший экземпляр на планете. Привезли для возобновления рода.

Не в силах слышать чужой раскатистый смех, Юу бросился к классу, желая лишь одного – найти. К тому времени их группа как раз стояла и смотрела вниз, облокачиваясь о перила, на скучающих у искусственного водоема аллигаторов, греющихся на солнышке. В стороне от всех, также поглядывая вниз, но чаще в свой телефон, стоял Шиндо. Легкая издевательская улыбка на лице врага сама подсказала Юичиро, что именно в данный момент забавляет Мику куда как больше нежели крокодилы. Микаэль тоже заметил Юичиро, издалека пожирающего его ненавидящим взглядом. Подняв на него непредвзятый взгляд, Шиндо только хмыкнул. Наглость, вызов, читающийся в синих глазах, и кривая усмешка окончательно взбесили Амане. Позабыв обо всем и о том, что они сейчас находятся на обозрении толп людей и их классный руководитель буквально в метре от Микаэля, Юичиро, помня только о своем унижении, подбежал и толкнул Микаэля за ограду.

Шиндо не успел ничего понять, даже увернуться от внезапной атаки Юичиро, как скатился по крутому песчаному берегу прямо в воду. Опомнившись уже сидя в водоеме, у берега которого было еще мелко, ничего не понимающий Микаэль бросил взгляд на соседний берег. Пронзенный страхом

перед видом хищников, открывающих свои пасти, он так и остолбенел, не двигаясь.

Окружающие взрослые замерли в испуге, девочки ахнули, мальчишки схватились за перила, перегнувшись через ограду. Затем прозвучали крики испуганных женщин, раздались голоса.

– Скорее! Ребенок упал к крокодилам!

– Скорее вытащите его оттуда!

Паника и убийственный страх наполнил арену, в любой момент пророчащую стать кровавой. Несколько мужчин, в том числе и учитель, перелезли через ограду и бросились к застывшему золотоволосому мальчику.

– Быстрее! Один прыгнул в воду! – донесся до слуха Юу еще один женский перепуганный вопль. Равно как и все, он бросился к перилам и с такой же паникой наблюдал за творением собственных рук. Амане даже предположить не мог, что его действо вызовет такой ужас окружающих.

– Мика, беги! – крикнул мальчику преподаватель, но тот сидел на месте и неотрывно смотрел на подплывающего к нему хищника. – Скорее сюда!

Однако взывать к рассудку мальчика было бессмысленно, Шиндо застыл в оцепенении. Когда чудовище было уже почти рядом, Мика ощутил, как чьи-то руки схватили его, а затем картинки перед глазами стали мелькать как в калейдоскопе. Шум, гам, неразбериха, суматоха и паника оглушили его.

Когда Микаэля, дрожащего, мокрого и сжавшегося в руках сотрудника зоопарка, вынесли из опасного места и попытались расспросить, он не говорил ни слова.

– Мика, как ты? Ты не ранен? – классный руководитель, подбежал к Шиндо и схватил его за плечи. Юичиро впервые за все время видел его лицо таким испуганным и белым, точно стена. Его руки дрожали, а распахнутые от ужаса глаза взирали на мальчика, склонившего голову.

– Неужели онемел от страха?

Услышав эти слова от кого-то из толпы, Юичиро содрогнулся и с ужасом взглянул на Микаэля. «Вдруг он и впрямь теперь не сможет говорить?»

– Расступитесь, дайте ему прийти в себя! – крикнул кто-то.

– Пойдемте, отнесем его ко мне в кабинет, – к учителю подбежал какой-то мужчина. – И нужно вызвать скорую. Вдруг мальчик серьезно пострадал.

Через несколько минут Микаэль сидел в небольшом кабинете, закутанный в одеяло и пил горячий чай. Около него было несколько человек из администрации. Юичиро вместе с другими детьми из их класса, столпились в холле здания дирекции.

– А с ним все будет в порядке?

– Говорят, его отец просто в бешенстве и едет сюда с женой.

– Кажется, он сильно ушибся.

– А вдруг он теперь с ума сойдет после такого?

– А что теперь с ним будет? Его заберут из школы?

Разговоры детей моментально стихли, когда в холле появились родители Мики и последовали прямиком в кабинет, ни у кого ничего не спрашивая, при этом лица обоих были страшно обеспокоенными. Юу только следил за тем, как они скрылись за дверью, а разговоры друзей за спиной действовали невыносимо удручающе. Не выдержав, Амане тоже пошел туда, где по его предположению находился Шиндо. Влияние страха оказалось куда более сильным. Он подействовал на Юичиро таким образом, что он позабыл о проступке Микаэля, но теперь прежние чувства стали возвращаться. Он не считал себя уж слишком виноватым, но и на Мику сердиться сильно не мог.

Собираясь постучать в дверь кабинета, Юу только протянул руку, как она отворилась и навстречу ему вышел классный руководитель.

– Чтобы завтра ноги твоей в школе не было! – дрожа от негодования, с порога налетел он на мальчика. – Завтра же пусть твоя мать заберет тебя из нашей школы! Это немыслимо, ты хоть понимаешь, что из-за твоей глупости мог убить его?! Чем ты думал, когда сталкивал его туда?! Ты хоть представляешь, что могло быть?! Там же хищники!

– Я-я не хотел, – попытался оправдаться Амане.

– Да мне плевать хотел ты или нет! Ты чуть не угробил его! Чтобы было, если его там разорвали на куски?! Ты мо-

жешь это представить, идиот! Как бы ты жил, зная, что по твоей вине погиб человек, такой же мальчик как ты? Так, все, – мужчина закрыл дрожащей рукой лицо. – Больше я это терпеть не намерен. Сегодня же я сообщу твоей матери, что тебя исключат из школы, – он направился к лестнице. – С меня хватит, я уже не могу переносить вас обоих.

– Но, учитель, – Юу было кинулся за ним, но тот ушел и даже не подумал обернуться. Мальчик остался стоять посреди приемной. Нет, не может быть. Только не отчисление. Что угодно, только не это. Он же не хотел. Он же не специально, он же просто… Просто… Мика же сам… Первый… Почему? Почему все оканчивается так? Это же не он виноват…

Мальчик не мог сдержать брызнувших из глаз слез. Несправедливость, ужасающая несправедливость и снова с этим Шиндо все носятся, а он – единый для всех козел отпущения. Быстро утерев влажные дорожки на щеках рукой, чтобы никто не увидел, Юичиро со злостью поглядел на дверь, за которой взрослые обхаживали и утешали пострадавшего Микаэля.

– Как ты себя чувствуешь? – ласково осведомился мужчина у мальчика, который уже не был таким бледным, как в момент, когда его вытащили на берег. Губы порозовели, на щеках появился легкий румянец.

Микаэль поднял тяжелый взгляд на учителя и кивнул.

– Слава богу, – облегченно вздохнул тот и поглядел на

родителей Шиндо.

– Врач сказал, ничего серьезного, просто шок. Его нужно отвезти домой, – произнес отец.

– Да, обязательно. Пускай отдохнет, – согласился преподаватель, бросив взгляд на поникшего мальчика.

– А по поводу этого Юу? – мужчина внимательно посмотрел на учителя младших классов.

– Он будет отчислен из нашей школы, – категорично заявил преподаватель, на что отец Мики одобрительно кивнул. Мать стояла тут же и тоже не имела возражений против данного решения. После этого родители забрали мальчика домой и на этом школьная экскурсия в зоопарк для всех была окончена.

Детство кончилось, расплетаем бантики

Проходя мимо кухни, Юичиро останавливается в дверях. За столом, закрыв лицо руками, сидит его мать. Около нее лежит телефон. С тяжелым сердцем Юу смотрит на нее, понимая, что за звонок пришелся им в такое время, но, не приближаясь к матери ни на шаг. В который раз ему нечего сказать ей кроме того, чтобы подтвердить слова учителя о том, что его действительно исключают из школы за серьезный проступок, так что он может став рядом с ней и начав успокаивать? Правильно, ничего, а потому, пока не оказался замеченным и не пришлось выдумывать глупые фразы, он отправляется к себе в комнату.

Усевшись на постель, Юу, опустив голову, устремил взгляд на сцепленные в замок пальцы. Кто бы мог подумать, что отчисление из школы станет для него таким тяжелым событием. Все это время он так не хотел доставлять беспокойство матери, а, в конечном счете, она только и делала, что переживала из-за него, из-за его постоянных конфликтов, драк, а теперь еще прибавилось это отчисление.

И все это из-за него… Все беды последних лет только из-за него…

«Почему так обернулось?» – тяжело вздыхает Амане. Глу-

боко в душе он сознавал свою ошибку и даже побаивался, что ситуация с Микаэлем может обернуться плачевным образом. Очень неоднозначно сказывались на нем в эти минуты рассуждения одноклассников, предполагающих любые последствия после пережитого Шиндо кошмара. Только теперь он понимал в полной мере, что на самом деле могло произойти, и от этих жутких картин мороз бежал по позвоночнику. А ведь когда он несся на Мику, сгорая от желания отомстить, чтобы и над ним вдоволь посмеялись, он даже не предполагал, что внизу того рва находятся аллигаторы. Тогда он вообще ничего не видел и не понимал, только Мика и желание, чтобы обсмеяли и его, двигали всеми его действиями. Только как бы он не жаждал поквитаться с Шиндо, но он вовсе не хотел избавиться от него в том самом смысле. Все вышло случайно и теперь за эту случайность, которая являлась контратакой, он будет вынужден перейти в другую школу. А ему ведь так нравилось в ней.

Тут его приняли довольно радушно (если не считать козней давнего врага) – никто ничего не знал о нем, потому не высмеивал. Он жил и радовался своей жизни и друзьям, а теперь… А теперь другая школа и не известно, как к нему отнесутся там. Конечно, это последний год обучения в младшей школе и в любом случае пришлось бы перейти в другую, но все равно безумно хочется доучиться в этой, где все уже давно стали знакомы и по-своему близки. Даже их классный руководитель, постоянно отчитывающий Юу за поведение.

Даже он. Представить, что все эти люди уйдут из его жизни… ужасно тяжело.

Правда есть один плюс в переводе в другую школу – в другой школе не будет Шиндо.

Его не будет, соответственно о проблемах, связанных с ним тоже можно забыть.

Из груди Юу снова вырывается вздох сожаления. Даже мысль об избавлении от заклятого врага не способна изгнать из его сердца поселившуюся смуту.

Негромко постучали в дверь. Юичиро вздрогнул и устремил взгляд на двери.

– Юу, – в комнату к сыну вошла Эрика. – Мне позвонил ваш классный руководитель и сказал, что тебя выгоняют из школы и завтра я должна придти за твоими документами. Знаешь, – она привалилась плечом к дверному косяку. – Сначала я расстроилась, хотела попытаться вступится за тебя, а потом пришла к выводу, что так будет лучше. Конечно, – она усмехнулась, – найти новую школу во второй половине года будет нелегко, но мы справимся, правда?

– Мам, – мальчик поднял на нее виноватый взгляд. – Извини меня. Я правда не хотел. Там все вышло случайно и я…. – он запнулся. – Я не хотел… Хотел, чтобы над ним посмеялись и только-то.

– Я знаю, – мать подошла и присев на кровать, приобняла его. – Знаю, что ты никогда бы не сделал ничего подобного намеренно. Ведь ты у меня добрый мальчик и никогда бы не

смог причинить кому-то вред. Это ужасная случайность, за которую нам придется извиниться и перед Микой и перед его родными. Пожалуй, уже в последний раз.

В той улыбке, с которой взглянула на него мать, не было облегчения, скорее она была печальной. Юу как никогда ощущал свою вину и как никогда хотел, чтобы всего этого не произошло и вчерашний день был самым обычным. А когда наступил понедельник, Юу пошел бы в школу, как и прежде, где бы наткнулся на очередную ловушку Шиндо, разозлился, они подрались, их отругали сначала учителя и директор, потом дома родители и на том бы все окончилось. Жизнь текла бы в своем привычном ритме день за днем до самого выпуска. А теперь все должно будет в корне измениться…

И во всем виноват только он… Микаэль Шиндо…

Войдя на кухню и осмотревшись, взгляд Микаэля остановился на женщине, орудующей около плиты под негромкую музыку радиостанции. Никак не выдавая своего присутствия, мальчик просто наблюдал за ее действиями, думая о своём. Когда же она обернулась и заметила в дверном проеме Мику, осведомилась:

– Что тебе?

– Где отец? – сухо спросил у нее Микаэль.

– Наверху, работает, – ответила она, снова принимаясь за работу. – А что ты хотел?

Ничего не ответив, Мика развернулся и ушел из кухни,

тем более в прихожей послышался стук входной двери и характерные шаги. Закрывшись в своей комнате, мальчик забрался на постель, прихватив телефон.

Коротая дневное время за игрой, не желая спускаться вниз, Микаэль не заметил, как отворилась дверь, и когда мужской голос окликнул его, он дернулся и устремил испуганный взгляд на вошедшего.

– Извини, что напугал, – виновато улыбнулся отец, проходя и присаживаясь на кровать. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – негромко отозвался мальчик.

– Ничего не беспокоит? Ты хотел поговорить со мной? – мужчина внимательно смотрел на ребенка.

Мика отрицательно покачал головой, тем самым отвечая на оба вопроса сразу. В целом весь его внешний вид говорил мужчине, что мальчик полностью отошел от случившегося, словно ничего не было. Тем не менее, несмотря на свое удовлетворительное самочувствие и выходной день, Шиндо из комнаты почти не выходил. После завтрака он предпочел быстро вернуться в свою спальню.

– Если так… – старший Шиндо развел руками. – То я хотел сказать, что если ты все же ощущаешь какое-то недомогание, можешь пропустить завтра школу.

– Я пойду, – Мика прямо поглядел на мужчину.

– Уверен? – пристально глядя на ребенка, спросил отец.

– Да, – без нотки сомнения ответил Микаэль.

– Смотри сам, – пожал плечами отец. – Возможно, это

правильно, – он поднялся с места и направился обратно к двери. – К тому же, теперь ты можешь смело ходить на занятия и ничего не бояться.

– Что это значит? – слегка сдвинул брови Мика.

– Это значит, что больше конфликтов с этим парнем, Юичиро, у тебя не будет, – и прежде чем Мика успел задать вопрос почему, отец ответил: – Школа больше не потерпит его компрометирующего поведения, и с понедельника он будет искать новое место учебы.

– Юу исключают? – распахнул глаза Мика с волнением встретив это известие. Об этом говорили в кабинете заведующего зверинцем, но тогда он был в таком состоянии, что попросту не обратил внимания на окружающие его разговоры взрослых.

– Не волнуйся, больше вы с ним не увидитесь. Конец вашим размолвкам, – произнес мужчина, после чего оставил комнату. По его мнению, это было наилучшим выходом из положения, в котором постоянные посещения директора школы должны были прекратиться и побои на теле Мики должны были исчезнуть.

– Юу исключат, – не веря в услышанное, выдохнул Микаэль в пустоту комнаты. Он позабыл о неоконченной игре и телефон просто валялся рядом без дела, пока мальчик осознавал новость. В итоге, тонкие пальцы судорожно сжали покрывало.

Следующим утром в учительскую вошел мальчик. Оглядевшись по сторонам, его проницательный взгляд остановился на мужчине, что сидел за столом и, ожидая прихода родителей одного из своих учеников, листал какие-то бумаги. Не замечая других учителей, находящихся в комнате, ученик направился прямиком к преподавателю.

– Учитель, – позвал он, приблизившись к его столу.

– Мика? – с удивлением взглянул на ребенка мужчина. – Что ты делаешь здесь в такую рань? Разве ты не должен быть дома?

– Это правда, что Юу исключат из школы? – спросил Микаэль настолько спокойно и серьезно, что преподаватель на секунду замешкался, но потом строго ответил.

– Решение принято, Мика, и обсуждению не подлежит.

– А что если я скажу, что Юу не виноват в случившемся?

– Как понимать твоё «не виноват»? – поднял бровь мужчина. – Он толкнул тебя к хищникам, ты мог умереть. Это вопиющий проступок.

– Это я виноват, что Юу не сдержался. Я его спровоцировал на этот поступок, – спокойно заявил Шиндо.

– Спровоцировал? – недоверчиво покосился на него учитель.

– Да. Вот этим, – с этими словами Мика показал ему снятое недавно видео, в котором темноволосый мальчик сначала пытается отобрать у обезьяны свой телефон снаружи клетки, а после бегает за ней уже непосредственно внутри воль-

ра. Досмотрев ролик до конца, мужчина поднял на мальчика не менее строгий взгляд.

– Из-за меня Юу оказался внутри, – Мика опустил виноватый взгляд себе под ноги. – Он разозлился, что я выложил это видео и над ним все посмеялись. Поэтому я хотел бы Вас попросить не выгонять Юу из школы. Он тут не причем.

– Мика, – заявление ученика было неожиданным и проливало свет на некоторые обстоятельства. И все бы ничего, можно было бы реагировать спокойно, если бы в инцидент не была замешана приевшаяся за много лет парочка мальчишек, постоянно вытворяющих черти что. Мужчина сидел, не зная, что ответить мальчику, чтобы не сорваться на крик и возмущение. Пожалуй, только и сдерживало то, что еще пару дней назад он жутко испугался за него и сам бросился спасать.

– Господи, – он закрыл лицо рукой, а потом устало поглядел на Шиндо. – Ты даже не представляешь, как я жду вашего выпуска. Вот честно, еще ни разу за все время своего преподавания я так не жаждал выпустить класс.

Не поднимая взгляда на учителя, Мика плотно сжал губы.

– Так, что Вы скажете по поводу Юу? Выгоните его?

Вздохнув, мужчина только развел руками.

– Иди. Иди в класс.

– А Юу?

– Иди, тебе говорят, – настойчиво повторил мужчина. – Посмотрим.

– Он действительно не виноват. Вы должны это понять и все, – Микаэль опустил взгляд. – И еще, я бы просил, чтобы никто не знал о том, что я приходил к Вам.

– Почему? – серьезно взглянул на него преподаватель. – Разве это не повод вам обоим спустя столько лет наконец-то прийти к соглашению?

– Соглашение между нами невозможно, учитель, – поднял на него не менее серьезный взор Шиндо.

– Даже так?

– Даже так, – повторил Микаэль, после чего покинул учительскую.

– И как Вы поступите? – к нему приблизилась молодая преподавательница, слышавшая их беседу, но до сего момента не выдававшая свою заинтересованность к столь необычному разговору.

– А как по-вашему я еще могу поступить после такого заявления? – мужчина поднял на нее глаза. Девушка лишь пожала своими узкими плечиками.

Когда Юу вместе с матерью явились в школу, готовые выслушать лекцию и получить документы, оба были поражены заявлением классного руководителя, что никто никого не отчисляет и сыну госпожи Амане будет дан еще один шанс. Ни мать, ни сын не ожидали снисхождения, особенно Юу, который видел лицо учителя в тот день и ни на секунду не сомневался в его решении. Оба были просто-напросто шокированы радостным известием. Проступок ограничился лишь

строгим предупреждением и обещанием со стороны ученика, что больше такого никогда не повторится. Разумеется, Юичиро клятвенно пообещал, что в жизни не позволит себе подобного поступка и отчасти это была истина. Пережить во второй раз то, что он испытал, когда понял, что по его вине мог действительно кто-то умереть или навсегда остаться калекой, он больше ни за что не хотел, даже если это касалось его заклятого врага.

Однако заверение не помешало мальчишкам продолжать свою вражду. Никто не желал сдаваться, никто не хотел уступить, никто не помышлял о жалости или снисходительности к сопернику. Не сговариваясь друг с другом, оба приняли твердое решение, что как бы недруг не безумствовал, ответный удар будет дан только за территорией школы и не будет угрожать жизни. Сам Юу, остерегаясь повторения инцидента в зоопарке, избегал бездумных поступков, замешанных на эмоциях. Чтобы не вытворил Микаэль, Амане не бросался очертя голову с кулаками в тот же миг, когда его постигало оскорбительное унижение, а, собрав волю в кулак, дожидался более удобного момента, чтобы рассчитаться за свой позор сполна. Что до Мики, то его поведение не потерпело особых изменений, ибо он всегда действовал осторожно и с оглядкой, чтобы не попадаться лишний раз тем, кому этого видеть не следовало.

Как-то раз на совместном уроке физкультуры двух классов занятия проходили в бассейне. Народу было предоста-

точно и вот тогда, покачиваясь на воде и видя, как в нескольких метрах от него наряду с другими учениками, плавает Мика, Юу пришла в голову поистине замечательная идея, как отыграться за свое постоянное унижение и дать Шиндо действительно стоящий ответный удар, как раз в его же собственном стиле. Не видя в этом действии ничего смертельно опасного, кроме как сгорание от стыда, Юичиро незаметно подобрался к Микаэлю и пока тот переводил дух, нырнул под воду и стянул с него плавки. Шиндо ничего не успел предпринять, когда вдруг чертыхнулся в воду, а потом, снова оказавшись на поверхности, только и увидел, как Юу выходит из бассейна и, глядя на него, посмеивается. Чтобы поддразнить Мику еще сильнее, показать его беспомощность, он вдобавок вертит в руке атрибутом его единственной одежды.

Шиндо, стоя посреди бассейна полностью обнаженный, только хмурит свои изящно очерченные брови. Юу нисколько не смущает его взгляд, он убежден, что теперь его недруг наказан и в худшем случае просидит в бассейне до конца урока, а в лучшем попытается незаметно выскользнуть из бассейна. Вот тогда начнется настоящая потеха. На глазах у девчонок и парней оказаться в таком нелепом виде, тут у любого, даже у такого как Шиндо, корона вмиг слетит с головы. А всеобщий грязный смех в клочья изорвет безупречную мантию, в которую он облачился с первого дня появления в школе. С ликованием Юу занимает место на скамье у стены, предварительно припрятав свою добычу в укромном месте,

и даже подстрекает друзей, поглядеть на предстоящее шоу.

Вопреки всем представлениям Юичиро о намечающемся веселье, он мягко говоря разочаровывается, когда Мика выходит из бассейна и спокойно уходит в раздевалку. Бешенство и злость разрывают Юу изнутри. Ожидая от своего врага страха, скованности и обреченности, он теряет дар речи, когда все с тем же гордым и непринужденным видом, Шиндо как ни в чем не бывало покидает бассейн и, игнорируя всех, кто бы мог обратить внимание на его обнаженный вид, неторопливо, с достоинством покидает общий зал. Белоснежное, гибкое тело заклятого врага, пускай еще только начинающее приобретать свою юношескую красоту и сексуальную привлекательность, даже сейчас было безупречным по своей природе и естественно не осталось без должного внимания. Восторженные дерзким, смелым, сумасбродным, но притягательно вызывающим поступком одноклассника, девочки моментально обратили свое внимание на столь великолепное зрелище, возвысив Шиндо до небес. Никто из парней, видя уверенный настрой Мики, не посмел даже хохотнуть, не то чтобы уже начать тыкать пальцами и откровенно высмеивать.

Вне себя от ярости Амане выскочил из зала и забежал в раздевалку. Запыхавшейся и злой, он стоял, держась руками за притолоку с двух сторон, и прожигал взглядом облачающегося Микаэля.

– Неплохой ход, Юу, – не глядя в его сторону, спокой-

но отозвался Шиндо. – Я впечатлен. Ты умнеешь прямо на глазах. В следующий раз ты мне листок с надписью «дурак» на спину прицепишь или газету в почтовом ящике подожжешь? Браво! От питекантропа ты достойно эволюционировал до неандертальца. Такими темпами к пенсии ты станешь истинным представителем Гомо Сапиенс. Кстати, не желаешь закрепить мой эффектный реванш парой фотографий? – хмыкнул он и развернулся к Амане, при этом положил на скамейку телефон, а после выпрямился и принял весьма кокетливую позу. – С удовольствием попозирую тебе для выпускного альбома.

– Да иди ты, шалава! Лучше бы тебя тогда крокодилы сожрали! – дрожа от негодования и издевки, бросил Юичиро и дабы не позориться дальше, просто сбежал.

Засмеявшись над его нелепым поведением, Микаэль забрал со скамьи свой телефон. Внезапно рука, сжимающая мобильный, задрожала. Шиндо сам весь сжался и привалился плечом к шкафчикам, утратив силы. Закрыв глаза, он сбивчиво и часто дышал, усмиряя резко нахлынувшие чувства, что подобно опухоли очерняли и травили клетки души.

С прискорбием и ненавистью к врагу, Юичиро сознавал, что, проделай с ним ту же ситуацию Мика, он бы никогда не смог вести себя так же смело и непринужденно. То, как повел себя Шиндо в тот день, противоречило представлениям Амане о человеческом поведении. Более раскрепощенный, уверенный в себе он с легкостью обошел ловушку, в которой

Юу увяз бы надолго.

Вот так и длилось их противостояние вплоть до самого выпуска. Один придумывал козни, второй попадался, а потом в порыве быть отмщенным изощрялся на новые идеи и круг казался бесконечным и так бы и было, если бы колесо многолетней вражды не было остановлено обстоятельствами, из-за которых становилось просто невозможным ведение дальнейшей борьбы.

Младшая школа осталась позади со всеми ее проблемами, недомолвками и конфликтами, зато впереди ожидала иная реальность и, покидая стены школы, Юичиро был убежден, что на его пути больше не станет такая ненавистная ему преграда, как его старый недруг, так и не соизволивший явиться на выпускной.

Начиналась новая жизнь и сыграть еще одну злую шутку она с Юичиро не могла. Парень был в этом убежден и его уверенность на сей раз не подвела. Учеба в средней школе, в сравнении с годами, проведенными в постоянных конфликтах, не казалось ему такой насыщенной и разнообразной событиями, но была не менее увлекательна для него. Жизнь текла в спокойном русле, настолько спокойном, насколько позволяла это безумное время цветущей молодости. На новом месте Юу обзавелся несколькими товарищами, неплохо поднялся по учебе. Если раньше занимать достойное место ему мешали, то теперь, когда Мики не было, он беспрепятственно получил звание «отличника» и «хорошиста». Не по-

тому, что так безумно тянулся к получению знаний, скорее хороших отметок требовала от него секция по футболу, чтобы продолжать оставаться в ней. Если речь зашла о секции и спортивном будущем, то тут стоит упомянуть, что в его карьере, как будущего футболиста, тоже наметилось немало положительных сдвигов. Уже во втором классе средней школы их команду рекомендовали для участия в городском матче, с которого они вернулись с блистательной победой в руках. И не важно, что состав был любительский. Для начала этого хватало вполне.

Для Юичиро тот день стал более чем особым. Тогда он сделал свой первый серьезный шаг на пути к заветной цели и сделал его с честью. Победа принесла в жизнь парня новые оттенки в образе восторженных и преданных поклонниц. Однако, невзирая на многочисленные письма и признания в любви, сердце Юичиро оставалось по-прежнему свободным. Все свое внимание, всю свою энергию он направлял на развитие своего таланта, тобишь на изнурительные тренировки и до образовавшего фан-клуба ему не было дела. Быть может, чрезмерное внимание, свобода действий, друзья несколько подпортили его характер, но об этом можно будет судить в дальнейшем.

О своем старом недруге – Шиндо – на протяжении этих пяти лет Юу практически не вспоминал, ибо это были вовсе не те праздничные моменты, что радуют душу. Если он и вспоминал дни прежней учебы, то только с отвращением и

неприязнью. Старые связи с одноклассниками у него отсутствовали, и как сложились жизни бывших знакомых он не имел понятия. А о судьбе отдельных людей из его бывшего класса Юу и вовсе знать не хотел.

Поступление в старшую школу, пожалуй, самый важный жизненный рубеж для каждого ученика, который нужно преодолеть, и Юичиро в этом плане был не исключением. Не сравнить чувство поступления в первый класс с поступлением в одну из самых престижных старших школ города, славящейся своей особой требовательностью к ученикам и строгой дисциплиной, открывающей возможность поступить в любой ВУЗ страны. Это уже не детская радость от того, что ты обзаведешься друзьями, повеселишься от души. Нет. Это иное чувство, трепетное, взрослое, с полным спектром открывающихся перед тобой возможностей, как уже у практически взрослого человека.

По крайней мере, такие мысли и чувства тешат души пятнадцатилетних умов, полных надежд на будущее и наивно верящих в свою безграничную свободу.

Ничтожные куклы в руках Провидения

В замке́ проворачивается ключ, раздается щелчок. Первым в квартиру входит мужчина, закатывая за собой громоздкий чемодан. Через секунду следом заходит юноша со сверкающими вьющимися волосами и, останавливаясь посреди холла, мрачно с отчужденностью глядит на пустынные комнаты. Квартира нисколько не изменилась, все запомнилось парню таким же, каким было прежде. Только теперь тут властвует запустение. На всех поверхностях скопились пыль и грязь, придавая и без того унылый вид комнатам, в которые сквозь зашторенные окна едва ли пробивается солнечный свет. Пускай все вокруг выглядит довольно холодно и отталкивающе на первый взгляд, однако юноша ощущает в этом жутком месте некоторое умиротворение.

Воображение рисует смутные образы, становящиеся более четкими при одном лишь взгляде на деревянную лестницу, в которой противно скрипит шестая по счету ступень сверху, когда ступаешь на нее; на старый цветочный горшок в углу прихожей, где некогда цвело и радовало глаз растение, теперь скрюченное и засохшее, с трудом удерживающееся истончившимися корнями за ссохшуюся на камень землю; на старые часы, давно прекратившие свой бег. Стрел-

ка под покрытым серой пеленой стеклом замерла, показывая без тринадцати семь – утра или вечера сказать уже невозможно. Все вокруг, каждая деталь напоминает о старой жизни её хозяев.

Осматривая свой прежний дом, который пришлось покинуть на весьма длительный срок, юноша никак не реагирует, когда к нему подходит мужчина и становится чуть поодаль него. Если бы мальчик имел более волевые черты лица и аккуратно уложенные назад прямые волосы, он был бы как две капли воды похож на своего родителя в дни его юности.

– Извини, что нам пришлось снова вернуться сюда, – говорит Шиндо старший, глядя перед собой на расстилающийся перед ним непримечательный вид. В его взгляде читается неприязнь ко всему вокруг, в отличие от сына, чей взгляд спокойно и ровно созерцает место, где прошло его детство. Тяжелые воспоминания опутывают душу, но с ними приходится мириться.

– Ничего, – глухо отвечает Микаэль и даже не взглянув на отца, гордо тряхнув головой, идет к лестнице. Мужчина только с тоской смотрит ему вслед.

Привычный путь от лестницы ко второй комнате по правой стороне. Шиндо заходит в свою комнату. Тут, как и во всем доме, ничего не изменилось, разве что он сам стал взрослее и теперь эта комната совершенно не соответствует человеку, который отныне вновь поселится в ее стенах. Она предназначена для маленького мальчика, но никак не для

повзрослевшего Микаэля Шиндо.

Оставив сумку с вещами на кровати, Мика не спеша прохаживается по комнате. Касаясь рукой гладкой поверхности стола, он изящно ведет по ней кончиками длинных пальцев, оставляя след на запыленной глади.

«И несмотря ни на что, мне здесь спокойно»

«Тут я дома… Кто бы мог подумать, ведь я всегда ненавидел это место»

Он спокойно глядит на свое отражение в потускневшем зеркале шкафа.

«Может, теперь что-то изменится… Должно измениться…»

В маленькую кухню входит молодой парень, облаченный в школьную форму, состоящую из темно-синего пиджака с белыми вставками на рукавах и отвороте, такой же белоснежной рубашки, галстука и черных брюк. На его подтянутой, спортивной фигуре эта форма сидит просто идеально. Взгляд его зеленых глаз внимателен и сосредоточен, он обращен на женщину у рабочего стола. Тщательно замаскированное напускным спокойствием, его лицо все же выражает легкое волнение, с которым он сегодня проснулся.

– Я побежал, – с улыбкой говорит он матери, целуя ее на прощанье в щеку.

– Юу, а завтрак? – с волнением оглядывается на него Эрика. Даже спустя время ее красивое лицо не утратило ни кап-

ли своей свежести и привлекательности. Она все еще молода и красива.

Однако ее оклик звучит в пустоту, поскольку сын уже покинул комнату и она лишь разочарованно вздыхает. Недовольство безалаберностью ее взрослого сына смущает, она не в силах понять, что сегодняшний день не менее важен для него, нежели прошлый, и думать о еде он попросту не может.

Переполненный решимости и какого-то внутреннего ликования, Юичиро покидает дом, в котором по прошествии пяти лет толком ничего не изменилось, если не брать во внимание мелкие перестановки и появившиеся новые вещи взамен старых. Парень заметно повзрослел. Его взгляд больше не исполнен той детской наивностью, его походка стала уверенной и твердой, не лишенной природной грации, что проявилась в полной мере лишь по достижении истинного рассвета юноши, он уже не тот маленький взъерошенный воробей, только и ждущий атаки нахальных собратьев. Он уверен в себе и своем положении в обществе сверстников, к которым относится с некоторой небрежностью. Ничто не волнует его сердце больше, чем возможность зарекомендовать себя в новой школе лучшим образом. Это нельзя назвать тщеславием и вычурным желанием стать выше других и гордо глядеть свысока, скорее это желание занять надлежащее место среди прочих. Ни больше, ни меньше.

Прежде чем войти в распахнутые ажурные ворота, орнаментированные мелкими цветами шиповника вместе с дру-

гими учениками, Юу останавливается. До сих пор ему не верится, что он сумел попасть сюда, в это старинное здание, невероятные слухи о котором блуждают по округе, привлекая к нему внимание. Как обычная школа для мальчиков может удерживать свой статус лучшей во всем? Ученики школы не болтливы и не распространяются о методах нынешнего руководства в поддержании дисциплины и уровня получаемого образования, посему он остается загадкой для всех.

Только об одном жалеет Юичиро, что не имел возможности окончить тут среднюю школу и начальные два класса старшей – здание которых находились здесь же, на территории старшей, – а ходил в самую обычную. Фактически, эта школа имела под своим началом и младшую и старшую школы. Ее ученики могли спокойно провести здесь все 12 лет своей жизни, но также могли покинуть ее в любой момент, отправившись получать образование в любое другое место. Строгих правил на этот счет не было.

Стоя у входа, Амане примечает среди прочих школьников пару человек, которых вчера видел на церемонии поступления и начала нового учебного года. В последующем эти ребята оказались в том же классе, что и он сам, правда их имен он пока не знал. Направившись за ними, он вошел в здание школы, равно как и прочие. Когда он уже практически оказался в классе, к Юу подошел парень, судя по виду старшеклассник.

– Ты из новеньких? – осведомился он, без особой учтиво-

сти в голосе и одновременно указал на дверь класса Амане.

– Да, – обернулся к нему Юу.

– Тогда позови сюда Амане Юичиро.

Юу был удивлен, что в первый же учебный день прозвучало его имя и что он кому-то понадобился.

«Что ему нужно?» – подумал Юичиро и спокойно произнес:

– Это я – Амане Юичиро. В чем дело?

– Ты? – с каким-то недоверием покосился на него парень. – Ладно, директор просил тебя зайти в его кабинет.

«В кабинет директора, зачем? Разве я что-то сделал?» – с удивлением поглядел Юичиро на старшеклассника, который, видимо решив, что на этом его миссия, как разъяснителя ситуации выполнена, больше ничего не говоря, пошел обратно по коридору, лишь сделав определенный жест новенькому, чтобы тот следовал за ним.

Амане поглядел на двери класса, в которые ему, видать, пока не суждено было попасть, и направился следом за парнем.

– А почему меня вызывают? – спросил Юу, шагая по коридору.

– Я почем знаю, – фыркнул парень.

«Может у них так принято здесь?», подумал Амане.

– Тебе сюда, – кивнул на двустворчатые двери старшеклассник, обернувшись к Юичиро. – Заходи.

Ничего не понимая, но чувствуя предубеждение против

таких несозвучных слов как «директор» и «кабинет директора», которые еще с детства стали для него роковыми и малоприятными, Юичиро, набрав в грудь воздуха, вошел в кабинет.

– Можно? – осведомился он, уже будучи внутри. Кабинет был большим и светлым. У окна стоял деревянный стол в старинном стиле, за которым сидел крупный мужчина лет сорока. Когда в помещение вошли, он устремил строгий взгляд поверх очков на двери.

– Здравствуйте, мне сказали, Вы хотели меня видеть? – Юу прикрыл за собой дверь и прошел ближе к столу.

– А вы – Амане Юичиро? – поправив очки, уточнил пожилой мужчина. – Да, я хотел поговорить с Вами. Много времени это не займет.

– Я слушаю, – учтиво отозвался Амане и тут только заметил, что помимо них в кабинете присутствует еще один человек. Сказать, что он был незаметным сложно, но, тем не менее, он стоял точно статуя и не подавал никаких признаков жизни, так что его вполне можно было принять за античную скульптуру. Этот человек, одетый в школьную форму, высокий и подтянутый находился у окна и смотрел сквозь стекло на улицу. Единственное, на что обратил внимание Юу при беглом осмотре незнакомца, помимо того, что он явно не из первогодок, так это на его гордую осанку и длинные собранные в хвост серебристые волосы. Он даже из любопытства не повернулся к вновь прибывшему, продолжая со-

зерцать школьный двор. Но долго рассуждать, почему этот парень здесь и за чем он там наблюдает, Амане не смог, ибо директор заговорил своим хриплым голосом, в довольно любезной манере:

– Я полагаю, Вы осведомлены насчет некоторых тонкостей нашего обучения, в частности о том, что у нас строгая дисциплина и я очень надеюсь, что Вы не станете причиной возникновения конфликтов в нашей школе, – выждав непродолжительную паузу, мужчина продолжил. – На самом деле, я вызвал Вас не для этого, – радушно улыбнулся он и скрестил пальцы в замок на столе. – До меня доходили слухи, что среди наших новеньких есть необычайно талантливый юноша, успевший хорошо зарекомендовать себя среди команды юниоров по футболу. Это правда, что Ваша команда выиграла городской матч?

– Правда, со счетом 5:1, – подтвердил Амане.

– Замечательно, Юичиро. В столь юном возрасте, такие успехи. Это сулит большое будущее скажу я Вам, если Вы конечно не подумаете оставить свое увлечение.

– Не подумаю, – усмехнулся Юу, беспокойство в душе которого из-за внезапного вызова к директору отступило.

– В таком случае, – одобрительно взглянул на него директор, – полагаю, Вы присоединитесь к нашей школьной секции.

– Раз она у Вас имеется, тогда обязательно, – живо отозвался Юу. Похоже, удачное намечается будущее. Можно бу-

дет не забрасывать тренировки, не искать клубы, если тут есть своя команда.

Директор усмехнулся, принимая положительный ответ нового ученика.

– Я также слышал, что Вы намерены продолжить осуществление задумки Вашего отца. К сожалению, он не смог воплотить свою мечту в жизнь и вероятно это сможете Вы, как его наследник.

Юу удивленно распахивает глаза.

– Не смотрите так, молодой человек, – усмехается мужчина. – Я не всегда был директором этой школы. Некоторое время преподавал в одной частной школе, где как раз и проходил обучение Ваш, кхм, родитель.

Сдержанное «кхм» заставило Юу поежиться, он с волнением взглянул на парня у окна, но тот не придал этому значения и тогда Юичиро напряжено взглянул на директора, который мог продолжить открывать никому не нужные подробности, коих, к слову, он старался избегать. Эта осведомленность удивила его или же он попросту преувеличивает, воспринимая обычное покашливание за намёк.

– Так что Вы скажете? – прямо взглянул на него директор.

– Я приложу для этого все свои силы, – собравшись, уверенно произнес Юу, устремив взгляд на мужчину. «Папа бы сумел достичь всего, что хотел, если бы не умер от болезни»

– Простите, я кажется, затронул слишком болезненную тему, – заметив мрачную тень проскользнувшую на лице

парня, сказал директор, усмехнувшись в душе от сентиментальности подростка.

– Все нормально, – покачал головой Амане. Опасаясь лишь того, чтобы разговор слишком не углубился в обсуждение более личных мотивов его жизни в присутствии посторонних.

– Вот и славно, – кивнул мужчина. – Вообще, скажу я Вам, хорошо, когда у молодого человека есть стремление. Он натворит меньше глупостей.

Юу передернул плечами.

– Что же, мы мило побеседовали, но пора вспомнить о делах. Идите, совсем скоро будет звонок.

– Да, всего доброго, – сказал Юу и направился к двери. Прежде чем выйти, он бросил взгляд в сторону длинноволосого парня, что так ни разу и не отозвался.

Когда дверь закрылась и парень отправился на урок, мужчина обернулся к юноше за своей спиной.

– Что думаешь на его счет? – спросил он. Прозвучавший вопрос заставил парня перевести свое внимание с окна на мужчину. Красивое лицо юноши с тонкими чертами и светлой кожей было безупречным, но что-то настораживающее было в нём, что не позволяло говорить о чистоте его красоты. Она была опасной для слишком наивных умов.

– Время покажет, – сузив глаза, напоминающие взор хищника, ровно отозвался парень.

Возвращаясь обратно в класс, Юу размышлял над этой встречей. Странные все же были порядки в этом заведении. Неужто его вызывали только чтобы напомнить о правилах и осведомиться о спортивной деятельности? Если и так, то уж лучше пусть спрашивают и предупреждают, чем предъявляют обвинения. Этим он уже сыт по горло.

«Интересно, всех новичков этой школы вот так вот просят зайти к директору?»

В аудитории никто особого внимания не обратил на Юичиро. Заняв свободное место в конце ряда, Юу принялся наблюдать за собравшимися. Компания парней в противоположной от него стороне, создающая довольно много шума, помогла парню сделать вывод о том, что они местные, ибо их коллектив выглядит сплоченным. Их знакомство тянется со времен средней школы, а быть может и раньше. Новичков, подобно Амане, было немного и все они, сбившись на одном ряду и помалкивая, поглядывали на оживленных, пришедших после каникул друзей, которым не терпелось поделиться новостями друг с другом. Сам Юу занял позицию где-то посредине, не желая топтаться около вновь прибывших, ощущающих дискомфорт, но и не вступая, пока не разведает обстановку или не представится повод, в уже сложившийся коллектив.

Когда прозвенел звонок и вошел преподаватель, все живо разошлись по своим местам и как полагается стали около парт.

– Садитесь, – сказала женщина в строгом костюме, уверенной походкой шествуя к столу. Затем, она произнесла короткую вступительную речь, в которой представилась сама и узнав поименно учащихся, начала занятие.

Слушая ее речь, Амане обернулся на место в соседнем ряду. Оно было пустым.

«Кто-то опаздывает в первый же день?», подумалось ему и когда парень снова посмотрел на учителя, заметил, что взгляд женщины тоже ненадолго остановился на единственной пустующей парте заднего ряда.

После окончания урока к Юу подошел парень, имя которого, как он сам сказал, когда представлялся классу, было Ичиносе Глен. Его и еще одного парня с белыми волосами и необычайно синими глазами, Юу заметил, когда только прибыл в школу.

– Привет, Юичиро, – темноволосый парень с колким взглядом, протянул Юу руку. – Я Ичиносе Глен, будем знакомы. Слышал, ты серьезно увлечен футболом.

– Привет, – Амане ответил на рукопожатие. – Верно.

– Это здорово. И как капитан команды буду рад видеть тебя в нашем клубе.

– Ты капитан? – поразился Юу так, что даже поднялся со стула.

– С этого года, – с улыбкой ответил Глен, сунув руки в карманы брюк.

– На самом деле его хотели выбрать еще в позапрошлом

году, да только школьные правила запрещают учащимся средней школы занимать эту должность. Так что посчастливилось ему только сейчас, – вмешался в разговор беловолосый парень, незаметно подошедший к ним. – Извини, что вмешиваюсь. Хиираги Шинья, – с добродушной улыбкой Шинья протянул руку Юу.

– Дело даже не в этом, – недовольно взглянул на него Ичиносе. – А в том, что наш бывший капитан выпустился два года назад, так бы меня не назначили.

– Другими словами тебе крупно повезло, что он свалил в университет, а его первый сменщик оказался бестолковым, а то так бы и сидел на скамейке запасных, – хмыкнул Шинья.

– И совсем я не о том. Он был отличным капитаном и я не радуюсь, что наша команда лишилась его, а наоборот. Меня это огорчает, – раздраженно заметил Глен.

Препирание одноклассников вызвало у Юу улыбку.

– Не обращай внимания, Шинья иногда говорит не то, что нужно, тем самым выставляя людей в дурном свете.

– Говорю, как есть, что тут такого? – пожал плечами Хиираги.

– Да ничего такого, – с легкой иронией отозвался Глен.

– А вы неплохо друг друга знаете, – произнес Юичиро. – Небось, давно тут учитесь.

– Нет, я только в старшую школу поступил, а Глен да, он тут со средней, – ответил Шинья. – А знакомы мы почти что с детства.

– Классно, – восхитился Амане, ощутив даже некоторую зависть, ведь в его жизни не существовало друга, с которым бы отношения тянулись так долго. Да что там, у него не было и друга, с которым отношения вообще хоть как-то завязались бы. Друзей из средней школы брать в расчет не стоит, ибо они не были поистине близки.

– Слушайте, – вдруг вспомнил Юу, бросив взгляд на пустующую парту за спинами парней привлекшую также внимание преподавателя. – А в этом году наш класс набрал полное количество учеников или есть свободные места?

– А тебе зачем? – усмехнулся Ичиносе. – Отчет составить хочешь?

– Нет, просто спрашиваю, – смутился Амане.

– Вроде все, – пожал плечами Шинья обернувшись к другу, который тоже не знал точного ответа. Юу снова поглядел на парту. «Почему же тогда тут пусто? Кто умудрился прогулять первое занятие в первый же день?»

– Хорошо, Юичиро, увидимся позже, – сказал Глен и с этими словами парни покинули аудиторию.

Начало года для Юу складывалось неплохо. В первый же день он познакомился с двумя парнями, сразу ощутив, что между ними может завязаться нечто вроде крепкой дружбы. По крайней мере, на первых порах они производили очень хорошее впечатление. На следующей перемене ему также удалось немного пообщаться с ними. Заинтересованность в новых собеседниках отбросила на задний план размышле-

ния о пустующей парте и о ее хозяине, который к слову, так и не появился в тот день на занятиях.

– Извините.

Услыхав позади тоненький голосок, Юу остановился и обернулся. Перед ним, заложив руки за спину, стоял мальчик. Судя по виду ему было не больше одиннадцати лет. Переминаясь с ноги на ногу, он украдкой поглядывал на Юичиро.

«Из младшей школы?», подумал Амане оглянувшись по сторонам. Однако во дворе перед входом в здание старшей школы больше детей не было. «И что он тут забыл?»

– Вы… Вы ведь Амане Юичиро? – робко осведомился мальчик. Бегающий взгляд блестящих черных глаз, вызвал у Юу недоумение.

– Да.

Темные глаза буквально заблестели. Мальчик с трепетом взирал на Юу от чего тот начал чувствовать себя неловко.

– А Вы не распишетесь вот здесь? – дрожащим голосом, осведомился паренек, протягивая ручку и блокнот, которые до этого держал за спиной.

– Дать тебе автограф? – Юичиро неуверенно взял из рук мальчика предметы. Впервые его просит о подобном ребенок, а не девица.

– Я Ваш большой поклонник. Я с братом был на всех ваших играх. И то, что Ичиносе пригласил Вас в нашу команду

и Вы согласились делает меня просто счастливым. Я смогу еще раз увидеть Вас на поле.

Юу с некоторым цинизмом принял слова о том, что он умудрился побывать на всех его играх в его-то возрасте, но в блокноте все же сделал надпись, после чего отдал младшекласснику ручку и блокнот.

– А Вы и правда такой, как говорили, – с восхищением взглянул на него мальчик, прижимая к груди блокнот с автографом. Юичиро так и не понял, что именно имел в виду этот хорошенький малыш и кто эти самые «говорящие» разносящие о нем какие-то новости с первых дней обучения, но как подобает старшему, улыбнулся и произнес:

– Буду рад увидеть тебя среди болельщиков, когда мы в следующий раз выйдем на поле.

– Конечно, я буду там. Я только этого и жду и не только я, вся школа, – с восторгом произнес мальчик.

– Даже так? – поразился Амане, а сам задумался. Весьма неожиданный расклад, он ведь пока только любитель, а уже такой ажиотаж. С чего бы это? Когда он был в средней школе и они выиграли свой первый матч, так и там не было подобного. А тут о нем наслышана чуть ли не вся школа, хотя в деле он себе еще не проявил. Первую тренировку команды Глен назначил только в конце недели, а к нему уже начинает подбегать малышня причем с такими глазами, будто влюбленный. Но этого ведь не может быть.

Мальчик радостный и счастливый поблагодарил и убежал

прочь, а Юу возвратился в класс, размышляя над всей этой странностью. Он вошел в классную комнату, бегло взглянув на незнакомого ему парня, который, опершись спиной о дверь, глядел в телефон в своей тонкой изящной руке. Юичиро впервые заметил этого ученика и в какой-то момент подумал, что быть может это и есть тот самый парень, не являющийся на занятия уже который день. Вьющиеся отдающие серебром локоны, лежат на хрупких плечах. На нежном, почти девичьем лице, обрамленном ореолом пышной шевелюры, больше всего выделяются глаза. Выразительный, ясный взгляд серых глаз из-под темных ресниц привлекает внимание более остального. Изящно изогнувшись в талии, опираясь на одну ногу, он не замечает никого вокруг себя.

– Чего ты такой задумчивый? – поинтересовался у Юичиро Шинья, когда тот вошел в класс.

– Да нет, ничего, – покачал головой Амане, поглядев на товарища, забравшегося на парту, пока никого из учителей нет поблизости, а после рассеяно взглянул на пустующую парту, по соседству со своей.

– И как он будет объяснять свое отсутствие учителям, – усмехнулся Юичиро, поглядев на сосредоточенного на телефоне юношу.

– Кто? – покосился на него Глен.

– Вот этот парень у двери, – кивнул в его сторону Амане, усевшись за парту.

– А тебе известно, что он отсутствовал? – недоуменно

спросил капитан школьной команды.

– А вам разве нет? – Юу поглядел на парней, явно ведущих себя странно.

– Понятия не имеем, – переглянувшись друг с другом, сказал Шинья.

– Постойте, но вот этот же парень, разве он не из нашего класса? – оборачиваясь то на незнакомца, то на друзей, спросил Юичиро.

– Коэн? Нет, из параллельного, – усмехнулся Хииираги. – А ты решил, что он наш?

– Ну, – пожал плечами Юичиро. – А чего он тогда тут трется?

– Наверное, ждет кого-то, – хмуро воззрился на ученика из параллельного класса Ичиносе.

– Тебя это волнует? – хмыкнул Шинья.

– Да мне вообще все равно, – отвернулся от них Юу и полез в нишу парты за учебниками. Тем временем Глен мрачно взглянул на Шинью, но тот лишь развел руками.

Видимо, так и не дождавшись того, кого ожидал, длинноволосый парень ушел прежде, чем прозвенел звонок на следующий урок.

Юичиро был полностью доволен своей новой школой, ее учителями, учениками. Тут присутствовала особая атмосфера, которая все острей ощущалась с каждым днем присутствия. Невзирая на строгие порядки и сложную программу, ничто не омрачало учебные будни Амане и он был убеж-

ден, что так будет происходить и дальше, ни на миг не помышляя о том, как сильно он заблуждался. В планах Судьбы не входило дать парню возможность безмятежно прожить свои дни в старшей школе в мире и согласии со своими одноклассниками, в сладкой паутине иллюзии своих желаний и стремлений. Неопределенность беспокойных дней ждала впереди беснующееся в трепетном волнении перед будущностью сердце.

Следующим днем Юичиро немного завозился дома и теперь торопился успеть к первому уроку. Ему удалось, он залетел в класс буквально за несколько минут до начала занятия, и вот тут-то его и настигла та самая сводящая с ума и погружающая в оцепенение бесспорная истина.

То самое место, которое привлекало его внимание с самого начала, теперь не интриговало, а ужасало. Юичиро так и замер на полпути, плененный дерзким и надменным взглядом ярко-голубых глаз. Хранящее серьезность лицо, чуть растянутые в соблазнительной полуулыбке губы, достигающие плеч золотистые локоны, вальяжная, непринужденная поза – изящная, пленительная. Расстегнутый ворот белой рубашки, оголяющий длинную, красивую шею и грудь, небрежно повязанный галстук, дополняющий этот порочный образ, так бесцеремонно влившийся в замкнутую жизнь класса и внесший за собой раздор и противоречие.

В класс входит учитель, а Юичиро так и стоит, не отрывая взгляд от человека, который к слову быстро потерял к нему

интерес – буквально стоило только взглянуть на вбежавшего в класс парня, как внимание юноши переключалось куда-то в другую сторону.

– Амане, ты не слышал? Урок начался, – недовольно поглядел на него учитель и только эта реплика позволила Юу совладать с нахлынувшими эмоциями и кое-как проследовать к своему месту и сесть. Несколько секунд он смотрел перед собой, пытаясь осознать, не играет ли с ним его подсознание, подставляя губительные образы. Однако стоит только повернуть голову, как тело вновь пронзает разрядом.

«Это он, – шепчет подсознание. – Он. Микаэль Шиндо».

Буквально со страхом Юичиро взирает на блондина с соседнего ряда, который не удосужил его ни единым взглядом и словом на протяжении всего урока. Только к середине занятия с трудом, но Амане удается взять себя в руки. Мысли вроде «что он тут делает?» и «как такое возможно?», «почему именно он и почему именно здесь?» постепенно теряют свою страсть, давая волю более здравому мышлению, которое пытается смириться с этим жутким явлением реальности, в которой ненавистный враг снова делит с ним территорию не только школы, но и класса.

Казалось его пыл и ненависть по отношению к своему однокласснику по младшей школе утихли с течением времени, но сегодня, увидев его, вспомнив все, что было между ними, все обиды, унижения и боль, эти чувства нахлынули на него таким мощным потоком, будто бы прорвалась дамба. Только

сейчас он с ужасом для самого себя ощутил, как пуста была его жизнь без этой ежедневной вражды.

Как бы не шикали ему друзья, пытаясь вернуть в учебную колею, Юичиро был полностью погружен в себя и не слышал ничего вокруг, кроме того волнительного трепета, что раздирал его изнутри, заставляя дрожать.

Втоптанный в грязь порыв

Урок завершен, можно уходить, однако Юичиро не двигается с места. Неторопливо он собирает со стола свои вещи в сумку, ни на кого не оглядываясь. Краем глаза только заметны движения одноклассника, проделывающего то же самое. Довольно быстро расходятся ученики и в классе остается всего шесть-семь человек, включающих в себя двух парней, издавна питающих неприязнь по отношению друг к другу. Один из них не знает, что по прошествии пяти лет испытывает к нему другой: возможно, он давно оставил ненависть позади и не жаждет возвратиться к ней вновь, зато он прекрасно осведомлен в своих личных чувствах. Они душат его, опоясываясь смертельным кольцом вокруг горла, и разрывают на куски. Забыть о том, что было, оставить в прошлом и простить? Это просто смешно. Не все так легко выбросить из памяти и простить. Есть вещи, которые нельзя забыть. И таких вещей у него скопилось предостаточно, и как бы теперь не был настроен противник, он останется тем, кто будет вызывать лишь неприязнь и отвращение к себе одним только своим появлением и видом.

Вот наконец стул отодвигается и блондин встает с места. Как по сигналу, в теле Юу напрягается каждая мышца, ведь сейчас он пройдет мимо. Непонятно, что диктует ему его следующее действие, будто всплывает память из прошлого

и движение происходит машинально – Юу резко выставляет ногу.

И словно птица вспорхнула ввысь. Изящный, легкий прыжок. Он словно ожидал этого, равно как и много лет назад. Юу поворачивает голову, дабы взглянуть в это лицо, но тут же его настигает удар, переворачивающий мир перед глазами. Это не удар кулаком, это пощечина. Мощная, с оттяжкой. Кожу полосонула жгучая боль. След от ногтей горел багровыми полосами.

– А ты так и остался все тем же идиотом, – отпрыгнув в сторону, Микаэль криво усмехнулся, взирая на Юу, по инерции схватившегося за щеку, на которой выступили алые капли крови.

– Сволочь, – выдохнул Юичиро со злостью взглянув на Шиндо и, не удержавшись, не сумев стерпеть оскорбления от такого вида удара, вскочил и бросился за Микой, который со смехом устремился к двери. Никто из оставшихся парней так и не понял, почему вдруг эти двое ни с того ни с сего вылетели из аудитории.

– Тьфу, черт, – плюнул один из них, с раздражением, высказываемым и прочими собеседниками, затем отвернувшись от двери, продолжил разговор.

Выбежав вслед за Микой в коридор, Юу столкнулся с их классной руководительницей Джуджо Мито, возвращающейся в класс. Шиндо остановился в нескольких шагах от Юичиро и с неким ликованием во взгляде наблюдал за пар-

нем, снова оказавшимся в нелепой ситуации.

– Амане, что ты себе позволяешь?! – негодующе воскликнула Мито. – В своем уме, что ты творишь?!

– Простите, я не нарочно, – задыхаясь от злости и возмущения Амане испепелял взором улыбающегося Мику. – Этого больше не повторится.

– Очень надеюсь, – хмуро сказала женщина, тут только обратив внимание на лицо своего ученика. – Что у тебя с лицом? – она перевела взгляд на другого своего ученика, стоящего тут же рядом.

– Пустяки, обычная царапина, – отмахнулся Юичиро. Ничто, даже расспросы преподавателя не могли отвлечь его внимание от основной цели.

– Шиндо, тебя кажется предупреждали и не раз, – строго произнесла госпожа Джуджо.

Тут только Юу очнулся и с удивлением взглянул на учителя.

– Я здесь не причем, он сам погнался за мной, – сдвинув тонкие брови, холодно ответил ей Микаэль.

– Вижу, ты уже соскучился по дисциплинарной комнате, – вскинула голову Мито.

– Я ведь уже сказал, – сухо заметил Микаэль.

– Достаточно, – оборвала его Джуджо и направилась к классу. Юу отступил, давая ей дорогу. Прежде чем войти, женщина обратила строгий взор на темноволосого парня.

– Делаю тебе замечание, Амане, а ты, – она обернулась к

Мике, – после занятий не торопись покидать школу.

Юичиро заметил, как Мика сжал уголки губ, со злостью взирая на непреклонную женщину. Это столкновение подействовало на Амане остраткой. Рассудок и трезвое мышление возвратились к нему вовремя, до того, как он показал всей школе свою глупую несдержанность.

– Пойдем, поговорим, – твердо сказал он и прошел мимо Микаэля. Хмыкнув, Шиндо последовал за ним.

Вдвоем они вышли во двор. Юичиро, отыскав место на задворках, где бы никто их не мог увидеть или услышать, направился прямиком туда. Он чувствовал, что Мика идет следом и с трудом удерживал себя в руках.

– Ну? Еще кружок по территории накинем или тут побеседуем? – когда Юу остановился у стены школы, Мика опершись об нее плечом, устало воззрившись на Амане.

– Слушай, ты! – Юу обернулся и схватился за ворот Микиного пиджака, с раздражением вглядевшись в спокойное, нахальное лицо оппонента. Но тут же он вспомнил о данном себе обещании, что будет держать себя в руках и отпустил Мику.

– Значит так, – он уперся рукой в стену на уровне головы Мики, стараясь быть как можно более убедительным, – только заикнись кому о прошлом и я клянусь, живым тебе не уйти.

Юичиро ожидал любой реакции, но только не пренебрежительного смешка.

– Хах, ты в своем репертуаре, – хмыкнул Микаэль, все также вальяжно подпирая стену школы, будто над ним не нависал парень, готовый в любой момент нанести мощный удар, а летала безобидная мошка. – Только знай, – до этого насмешливый взгляд стал непреклонным, – мне до тебя дела нет. А ответил ты за свою тупость, которую, я больше чем убежден, ты не удержишь долго в тайне. Так что, – он усмехнулся, – вне зависимости от того, буду я рассказывать о тебе, звезда интернета, или нет, рано или поздно все всё равно увидят тебя в твоем истинном обличии. Как говорят, кретинизм – не излечим.

«На какой черт ты сюда явился?»

– Слышишь ты?! – Амане сжал его горло.

– Давай, Юу, – сдавленно процедил Мика, чувствуя, как пальцы сходятся все сильнее. – Сделай это и тебя не только выпрут из школы, но и упекут лет на десять. Давай.

Этот парень буквально напрашивался на то, чтобы его избили, так откровенно он провоцировал Юу своим поведением. Доля истины была в его словах и Юу сам понимал это. Только осознание пагубных последствий позволило ему сдержаться и не оприходовать обидчика прямо тут, среди бела дня, за стенами школы.

– Надеюсь, ты меня услышал, – Юу отошел в сторону, потирая запястье левой кисти.

– Не лезь ко мне, если не хочешь проблем, – сказал Микаэль, гордо вскинув голову.

– Это мы еще посмотрим, у кого из нас проблем будет больше, – криво усмехнулся Юичиро и, считая, что все сделал правильно, пошел прочь.

– Урод, – с досадой прошипел Шиндо, глядя ему вслед, а потом, когда Юу зашел за угол, сокрушенно склонил голову и закрыл глаза.

«Какое-то проклятье…», он коснулся кончиками пальцев лба. «Почему снова ты?»

Позабыв о том, что он не собирался компрометировать себя недостойным поведением, нарушать правила и тому подобное, Юичиро не смог заставить себя остаться в школе. Не возвращаясь в класс за своими вещами, он покинул территорию учебного заведения, думая только о Микаэле.

Эрика была на работе, потому Юу пошел прямо домой. Ситуация, в которой бесило абсолютно всё. И то, что учеником, пропустившим занятия в начале семестра, оказался именно Шиндо и то, что он очутился в одной школе с ним, хотя вероятность этого совпадения одна из тысячи, учитывая количество старших школ в городе, и то, как нагло и высокомерно вел себя этот тип, даже не помышляя прекратить выводить его из себя, а только больше подзадоривая. Еще и угрожать посмел.

Господи! Юичиро был вне себя от злости. Он уже был совершенно спокоен и собирался, как все, мирно окончить школу, но не тут-то было, вихрем в эту устраивающую его

тихую жизнь ворвался Микаэль и с первой секунды их встречи перевернул реальность с ног на голову. Как бывало раньше, чуть не выставил его дураком при всех.

«Но ничего», – думал Юичиро, осматривая в зеркале ванной ссадину на щеке и заклеивая ее пластырем. – «Больше ты не посмеешь надо мной смеяться. Я тебе такой радости не доставлю. Не знаю, что ты задумал, действительно ли тебе плевать на меня или это одна из твоих грязных уловок, не важно, но как в детстве уже не будет. Это я тебе гарантирую, Шиндо»

Амане серьезно и мрачно глядел на свое отражение в зеркале. Щека все еще немного саднила, что вызывало жгучую злость в его душе, подстегивающую подсознание придумать какую-нибудь достойную месть унизившему его обидчику.

– Черт бы тебя побрал.

«Упрямый идиот», Шиндо сидел за партой. Урок давно начался, но для Мики он не имел никакого значения. Его настойчиво разрывало негодование на дурака, который никак не может оставить его в покое даже по истечению стольких лет.

В отличие от Юичиро, сбежавшего домой после их разговора, он не посчитал нужным уходить, а предпочел торжественно возвратиться в класс. Пустующее по соседству место врага, говорило о том, что он был прав насчет него – Юу

действительно сбежит. Предсказуемый болван.

«Неужели опять?» – Мика опустил голову на скрещенные на парте руки и закрыл глаза. «Неужели все начнется сначала…». Юноша не понимал, почему Амане снова решил продолжать эту войну, почему не повзрослел и не образумился. У самого Микаэля и без того полным-полно проблем, чтобы еще в старшей школе обзаводиться такой раздражающей вещью как вражда. А теперь снова начнется этот бред, в котором он не даст спуску противнику. Мика твердо убеждён, что выходки Юичиро, какие бы они не были, не останутся без его ответа. Он не простит себе, если позволит унизить себя этому человеку, из-за которого ему не раз доставалось, который только и делал, что подставлял его под удар. Только из-за него ему попадало почти каждый день и никто не мог отличить побоев школьной драки от тех, что наносил ему сводный брат и заставлял молчать обо всем, угрожая более жестокой расправой, хотя, что может быть более жестоким чем-то, что он вытворял с ним… Нет, Мика никогда не простит Юу этого и будет отвечать на каждый удар.

Тяжелый вздох вырывается из груди. А ведь так хотелось покоя. Проведенное здесь время было сложным, но по крайней мере оно было терпимым, а теперь… С появлением Юичиро… Микаэль с остервенением впился пальцами в кожу собственных предплечий. «Зачем ты пришел?», мысленно простонал он. «Я не видел тебя пять лет и надеялся, что больше не увижу, но ты свалился мне на голову и снова наме-

рен вести эти гребаные войны. Ты такой же придурок, как и раньше. Только и можешь, что бесить…»

"Но только…"

Мика открыл глаза и безжизненно поглядел перед собой.

«Я все равно немножечко, совсем чуть-чуть, но рад, что ты здесь… И я также знаю, что скоро пожалею об этом… Но жалеть буду не я один. Поэтому тебе лучше убраться с моего пути, Юу, пока не стало поздно…»

– Эй, Шиндо, чего приуныл?

Мика поднял голову, встретив рослого парня, выросшего перед ним, и озарявшую его лицо недоброжелательную ухмылку хмурым взором. Черт, как это он не заметил, что урок завершился, иначе бы давно ушел из этого клоповника.

– Не твое дело, Синго, – огрызнулся Микаэль, бросив мельком взгляд за спину одноклассника на его дружков, сидящих за партами и поглядывающих в их сторону.

– Поговори еще тут, – фыркнул Синго. – Чё ты к новенькому уже полез? Мы с парнями видели, как он за тобой кинулся. Что ты ему сказал?

– Что сказал? – губы Мики расплылись в обворожительной улыбке. – А ты у него спроси. Ах да, совсем забыл, – он сочувствующе поглядел на одноклассника, а потом на соседствующую парту. – Он же трусливо сбежал.

– Слушай ты, чертово отродье, – ударил рукой по парте Мики, Синго. – Заруби себе на носу, не подходи к нему. Не создавай нам еще больше проблем, мы и так из-за тебя их не

оберемся. – Дальше он произнес реплику, обращаясь будто к самому себе. – И угораздило же кинуть тебя именно к нам. Точно поиздевались.

– А что, Синго, глаз на него положил, да? – хмыкнул Микаэль, насмешливо взирая на парня и не видя на его лице открытого пренебрежения. – Не мудрено, новенький-то симпатичный такой, подающий надежды спортсмен, грех не полюбоваться.

– Пасть свою грязную закрой, – прохрипел тот. – Я не такой, ясно тебе?

– Ясно-ясно, что уж, – усмехнулся Мика.

– В общем так, еще раз рядом с ним увижу, пеняй на себя, – грозно изрек Синго, взирая на улыбающегося парня.

– Да больно нужен мне ваш Юичиро, – хмыкнул Мика, затем элегантно поднялся с места и, забрав свои вещи, направился к двери. – Глаза бы мои его не видели, так ему и передайте, если конечно появится сегодня, сбежал ведь, хаха, – добавил он и, засмеявшись, вышел.

Шинья и Глен только мрачно смотрели со своих мест на эту маленькую разборку одноклассников.

«Идиоты. Тоже мне защитнички всех униженных и оскорбленных выискались», Мика сжался всем телом от странной злости, что разрывала его изнутри. Почему было так обидно? Почему?

– Ненавижу вас всех, – прошипел он, покидая территорию

школы.

– А что, у вас тут дисциплинарная комната имеется? – спросил Юичиро Глена, когда они сидели в столовой на следующий день.

– Да, есть. Чего вдруг интересуешься, только не говори, что уже умудрился накосячить?

– Да нет, просто услышал, как говорили об этом. Так что это? Смахивает на нечто средневековое, с реальным телесным наказанием.

– Нет, – засмеялся Шинья, – у тебя слишком буйная фантазия. Хотя, я думаю некоторые предпочли бы получить розгами пару раз и отправиться домой, чем сидеть и несколько часов выслушивать сладкие речи нашего школьного председателя о правилах поведения.

– А ты там бывал? – осведомился у Глена Юичиро.

– Не доводилось, – улыбнулся тот.

– Глен у нас примерный студент, зачем ему дисциплинарная комната, – похлопал друга по плечу Шинья. – Она у нас только для отдельных персон.

«А он, похоже, с ней хорошо знаком», подумал Юичиро, припомнив вчерашние слова Мито. «Почему? Он же задирался только со мной, а по отношению к другим был довольно миролюбив»

– И много в этой школе этих, – Амане пожал плечами, – ”отдельных персон„?

– Хватает, – признался Шинья.

– А разве не говорят про эту школу, что здесь все отличаются примерным поведением, поэтому даже отчисления тут большая редкость, – недоуменно взглянул Юичиро на друзей.

– Ну, всякое бывает, – неуверенно произнес Хииираги, опустив взгляд на свою тарелку.

– Может достаточно, – вмешался Глен. – Неужели больше не о чем поговорить кроме как о такой ерунде?

– Глен прав, – оживился Хииираги. – Кстати, мы тут слышали, тебя уже поклонники атакуют. Не расскажешь?

– Что там рассказывать, – усмехнулся Юу. – Просто подошел какой-то парень, попросил дать автограф, вот и все.

– Всё говоришь? – сузил глаза Шинья.

– Я удивился, если честно, – признался Амане. – Не думал, что здесь могут быть люди, которые меня знают. Я ведь пока ничего не достиг, а он на меня так смотрел, будто я мировая знаменитость.

– Чего ты удивляешься, если есть те, кто в курсе победы вашей комнаты в городском матче, следовательно, есть и те, кто может этим восхищаться. По-моему, все логично, – с улыбкой произнес Хииираги.

– Так-то оно так, – Юу помедлил с ответом.

– Ничего, скоро ты покажешь им, что они не зря тобой восхищались. Я уверен, с тобой наша команда победит, – серьезно проговорил Глен. – Не забудь только о первой трени-

ровке в конце недели.

– Как я могу забыть, я ведь жду ее. Мне интересно посмотреть на ребят, узнать кто на что способен, кто что умеет, – Юу оглянулся по сторонам, где за столиками сидели парни, по словам Ичиносе играющие в их команде. – Это же здорово.

– Да, – согласился Глен. – И мне тоже это интересно, – со вздохом добавил он.

– Вот еще, – вмешался Хиираги. – С утра хотим спросить, чего ты вчера с уроков сбежал, даже сумку оставил.

– А, одно срочное дело возникло. Некогда было возвращаться, – отвел взгляд Юичиро.

– Понятно, но ты поосторожней с этим, а то такими темпами точно до дисциплинарной комнаты скатишься, а это тебе плюсов не добавит, – многозначительно произнес Шинья. – Дамы дамами, а у нас это не приветствуется.

– Дамы? – распахнул глаза Юу.

– А это разве не от твоей? – Шинья кивнул на пластырь у Юу на щеке.

– Шинья, – Глен ткнул его локтем.

– Это? – Юу коснулся щеки. – Нет, это другое. Случайно вышло. Глупость сплошная.

– А вообще встречаешься с кем-нибудь? – поигрывая стаканом в руке, спросил Шинья.

– Я? – смутился Юичиро. – Ну, вообще-то…

– Не надоело выпытывать? – Глен обернулся к другу.

– А что такого? Обычный вопрос. Вполне уместный для нашего возраста, – отозвался Шинья. – Было бы странно, если бы я его не задал.

– Бесполезно тебе что-то говорить, да? – прикрыл лицо рукой Ичиносе.

– Не нужно мне ничего говорить. Мне любопытно – я спрашиваю, – добродушно отозвался Шинья. – Да, Юу, вот еще что. Вчера парни говорили, что ты с Ши…

– Это и впрямь лишнее, – одернул его Глен. Юичиро недоуменно взглянул на него.

– А, ну да, – скованно усмехнулся Хиираги, видимо что-то вспомнив. – Ладно. Ну, что? Возвращаемся в класс? – он поднялся из-за стола и взял пустой поднос.

– Угу, – кивнули Глен и Юу, вставая со своих мест. Амане несколько насторожило поведение друзей, но так как это не было чем-то важным, он не стал вдаваться в расспросы.

Возвратившись в класс один, поскольку Глена зацепил кто-то из ребят, а Шинья остался за компанию, Юичиро прошел мимо Микаэля, который, сложив одну ногу на другую, поигрывал шариковой ручкой, глядя в одну точку, не замечая никого вокруг. Ответно Юу тоже сделал вид, что не заметил его присутствия и прошел к окну. Несмотря на свое обещание устроить Мике что-то неприятное, Юу пока не торопился воплощать это в жизнь и предпочитал просто игнорировать недруга.

«Был ли он вчера на дисциплинарной лекции?» – подума-

лось Юичиро и, обернувшись к Шиндо, он увидел, как тот скрипнув стулом, вышел из класса. Амане сдвинул брови. «Это потому что я пришел сюда или у него своя причина?»

Только над ответом он не успел поразмыслить, потому как один из парней, что столпились в кучку около учительского стола, отделился от группы и пошел к нему.

– Можно кое-что спросить? – обратился к Юу парень, чье имя было Акутазава Синго. Юу мало что о нем знал, кроме того, что он учится здесь с самого первого класса и вокруг него постоянно собирается какая-то странная компания.

Юичиро одобрительно кивнул.

– Что у тебя с Шиндо?

Юу растерялся от такой постановки вопроса.

– Ничего у меня с ним, – возмущенно ответил он.

– Извини, я не так выразился, – усмехнулся Акутазава. – Я хотел спросить, что у вас вчера произошло.

– Ничего, – нахмурил брови Амане и отвел взгляд. Не хватало еще посвящать в это всех подряд. Какое ему дело?

– Юу, да ты расслабься. Никто тебя не винит, скорее наоборот.

– Что это значит? – недоверчиво покосился на Синго Юу.

– Просто мы хотели узнать, что ты думаешь о Шиндо. Ты ведь уже успел с ним вчера познакомиться и довольно близко, судя по всему, – хмыкнул он, коснувшись пальцем пластыря на щеке Юичиро.

– Ничего я о нем не думаю, – Юу отбил от себя чужую

руку. Вся эта ситуация, отчего-то начинала его раздражать. – Я его ненавижу.

– Ненавидишь? – сузив темные глаза, недоверчиво взглянул на него Синго.

– А что тут удивительного? – уязвленно бросил Юу.

– Абсолютно ничего, тут многие к нему подобные чувства испытывают. Правда, ребят? – обратился он к своей компании, дружно закивавшей в ответ.

– Да, а что так? – Юичиро было странно слышать эти слова, вспоминая, что в их прежнем классе никто, кроме него злостью к Мике не пылал. Что же случилось здесь?

– Да есть причины, – хмыкнул Синго, оглянувшись на своих парней. – У каждого свои. Явился тут полгода назад такой весь неприкасаемый, гонору столько, что за всю жизнь не выбьешь, а у самого только папик один и тот далеко не выдающаяся личность. Так, мелочь какая-то.

– Только отец? – удивленно переспросил Юичиро. Он-то помнил, что помимо отца у Микаэля были еще мать и старший брат.

– Ну да, и откуда столько спеси при таком положении – загадка, – фыркнул Синго.

– Я не о том, постойте, почему только отец, а мать?

– А ты откуда знаешь? – нахмурился Синго. – Ты что, был с ним знаком?

– Э, нет, просто слышал, – смутился Юу, быстро сообразив ответ, дабы никто не подумал, что он где-то раньше

встречался с Микаэлем.

– Ааа, тогда ладно, – снисходительно протянул Синго. Такой ответ его вполне устроил. – А о том, что у него там что-то криминальное случилось, ты не слыхал?

– Нет, – изумленно распахнул глаза Юичиро. – А что было?

– Толком никто не знает, – почесал затылок парень. – Но, поговаривают там что-то тёмное произошло в семье. У него мать приемная была, с детства его воспитывала, так она после этого, то ли с собой покончила, как узнала, то ли они просто разошлись, не знаю точно. Знаю только, что отец его после этого за границу увез на два с лишним года.

– Ужас какой, – содрогнулся Юичиро, услыхав историю.

– Да брось, это всего лишь слухи. Кто знает, может сам Шиндо их и распустил.

Тут Юу был вынужден признать правдивость предположения. Кто знает, что поселилось в голове у Микаэля за прошедшие пять лет. Насколько он тронулся в уме.

– Так у него мать, получается, приемная была? – несмело осведомился Юу, чувствуя в этом некоторую угрозу из-за смены привычного устоявшегося мнения о семье Шиндо.

– Ага, – кивнул Синго. – Приемная. У нее еще сын был, сейчас вроде в тюрьме сидит.

– Почему? – ужаснулся Амане.

– Я откуда знаю, – пожал плечами Акутазава и, помолчав, усмехнулся. – Поразительно только, что его в школу нашу

приняли с такой-то биографией. Чем думал наш директор? Ну это уже их геморрой. Уже половина преподов жалеет о том поступке, хех.

– Почему?

– Да потому, – усмехнулся Акутазава, глядя на недоумевающего новичка. – Хорошо, Юу, ты вроде свой парень. Если какие проблемы снова с этим возникнут, знай, мы на твоей стороне. Надо будет, поможем. – С этими словами он вернулся к своей группе.

Юу находился в какой-то прострации из-за свалившейся на него информации. О том мрачном случае, приключившемся в семье Микаэля, он не задумывался, восприняв это как преувеличенные со временем сплетни, однако то, что Шиндо оказался наполовину сиротой, действительно повергло его в шок. Сколько лет он ненавидел Мику, дрался с ним, завидовал, что у того есть и отец, и мать, да еще и старший брат, а теперь спустя такое длительное время каким-то нелепым образом выяснилось, что Шиндо родителей практически не имел. Родным был только отец. А женщина, приходившая время от времени в школу и парень, как Юу считал старший брат, были ему совершенно чужими. Мир будто бы вывернулся наизнанку. Юу не знал, как поступать дальше. В какой-то степени Мика был таким же как он, не имеющим полноценной семьи и, быть может, также завидующим Юичиро, что у него есть мать, родная мать. Может потому, что он рос с чужими людьми, он был такой высокомерной

сволочью? Из-за внутреннего одиночества?

Юичиро взглянул на настенные часы. До начала урока было еще время и, не теряя его даром, он выбежал из класса.

Он еле отыскал Микаэля в школьном дворе. Тот стоял под деревом, издали наблюдая за игрой в мяч второгодок старшей школы.

– Мика, – позвал его Амане. В его голосе на сей раз не было привычной грубости и раздражения. Мика вздрогнул и обернулся. Он не заметил этого приближения и потому весь напрягся, когда увидел перед собой врага, заставшего его врасплох.

– Не похоже на тебя, доблестный рыцарь в сияющих доспехах, подкрадываться со спины, – иронично прокомментировал Микаэль.

– Может прекратишь? Я хочу поговорить серьезно.

– Ух ты, это что-то новенькое, – восторженно воскликнул Мика. – А разве вчера мы уже не обо всем поговорили? – продолжал издеваться он.

Юу сжал кулаки, подавляя в себе желание ответить Мике грубостью. Все-таки он пришел сюда с другой целью.

– Я хочу спросить.

– Весь во внимании, – пропел Мика.

– Это правда, – Юу вскинул на него тревожный взгляд, – что тебя воспитывала мачеха?

Моментально Шиндо переменился в лице. Насмешливое выражение сменилось испугом. Он весь побелел и задрожал.

– Мика, – осторожно позвал Юу парня, склонившего голову. – Это так?

– Да, так, – в следующий миг прозвучал надменный голос и Шиндо гордо вскинул голову. – И что с того?

– Ничего, я просто подумал, что мы… – растерянно начал Юу, но не успел договорить, потому как смех Микаэля прервал его.

– Хочешь пожалеть меня? – насмешливо бросил он. – Будешь сравнивать? Мол я, которого воспитывала мать и он, которого воспитывал отец. Мы такие одинаковые, мы прошли через одно и то же и возможно, сможем понять друг друга. Так вот знай, – холодно произнес Мика. – Я не нуждаюсь ни в чьей жалости, особенно в твоей. И мне плевать, узнал ты об этом или нет. Я по-прежнему ненавижу тебя. Ты враг мне. Так что не лезь ко мне просто так, убирайся к своим мерзким друзьям и изливай душу им. Они с удовольствием тебя выслушают. Глен та еще сердобольная зануда и Шинья – простодушный идиот, – после этих слов, Мика, не дожидаясь ответа Амане, схватил свою сумку с земли и бросился к забору. С грацией семейства кошачьих преодолев его, он унесся прочь по улице.

Непростительная дерзость. Часть I

«Как? Откуда? Как он узнал об этом?»

Со злостью Шиндо швырнул сумку в сторону, после чего раздраженный последовал прямиком в свою спальню. Эхом разносились глухие шаги по лестнице. Привычный его сердцу холод пустого дома встретил юношу, чей отец пропадал на работе, частенько задерживаясь. Впрочем, Мика давным-давно смирился с этим положением, то, что сейчас действительно тревожило душу, так это внезапная осведомленность врага о его домашних делах, которыми он, кстати говоря, не интересовался все шесть лет их совместной жизни в школе, а теперь, невесть каким образом узнавшего об этом и решившего милостиво проявить к нему жалость и сострадание, как к такому же, лишенному родителя собрата по несчастью. Быть может, Мика слишком рано сделал вывод об истинном намерении Амане, пришедшему к нему с таким вопросом, но его глаза не были наполнены привычным негодованием, а смотрели жалостливо, следовательно, он пришел с целью неприемлемого для Шиндо разговора.

Мика не потерпит какого-либо проявления сочувствия от кого угодно, тем более от него. Только не от него. Никогда. После всех тех лет издевательств, о каком к черту сочувствии может идти речь?

Никогда, никогда, никогда он не позволит Юу жалеть его!

Захлопнув за собой дверь, Микаэль прислонился к ней спиной, будто бы отгораживаясь от всего лживого мира, что остался там, за дверью. Его разгневанный взгляд блуждал по комнате. Испепеляло унизительное положение, в котором его враг опустился до сочувствия. Только за это хотелось уже уничтожить его раз и навсегда, раздавить как жалкое насекомое, сделать что-то такое, чтобы он даже помыслить не мог о том, чтобы еще хоть раз у него возникли эти унижающие достоинство чувства по отношению к Мике.

– Проклятье! – выдохнул Шиндо, опершись руками о стол, понурив голову. Почему же ему сейчас так мерзко и противно, будто бы его облили грязью? Почему внутри все так разрывается от негодования?

Подняв голову, он прошелся взглядом по своей комнате и остановил взгляд на той ее части, где некогда располагалась комната его сводного брата, до того, как была снесена стена и маленькая комнатка Шиндо набрала метраж.

– Черт, – Мика закрыл лицо рукой. – Нет, нет… Только не снова… – срывающимся голосом простонал он, когда сознание внезапно вытащило картинку из памяти и еще более мерзкие чувства оплели Микаэля, своими липкими паучьими сетями.

Мерзкий смех, доносящийся со всех сторон, отвратительные грубые руки, что намертво вцепились в его тело, готовые разорвать его на куски. Ни пошевельнуться, ни умереть.

Словно каменная плита свалилась на тебя. Трудно дышать, ты чувствуешь, как эта мощная сила постепенно расплющивает тебя, разрушая твое тело и волю. Ты утопаешь в собственной беспомощности под веселый смех и зловонное дыхание потного липкого тела, бьющегося над тобой в остервенении.

– Нет! – Мика падает на стул, закрывая дрожащими руками лицо, пытаясь отогнать от себя страшные мысли. Собственные отчаянные крики звенят в ушах, вперемешку с чужими насмешками и непрерывная боль, точно бечевкой обжигает тело, сжавшееся в судороге. Яркие вспышки перед глазами, утопающие в темноте, застившей разум боли.

– Убирайся! Убирайся! Отстань от меня! – отчаянно мотает головой Мика из стороны в сторону, зажимая уши, чтобы не слышать всего этого. – Хватит! Хватит! – стонет он. Мучение старых воспоминаний длится еще несколько секунд, но в итоге ему удается побороть нахлынувший кошмар.

Тяжело дыша, он откидывается на спинку стула. Глубоко и прерывисто выдыхая, глядит в потолок. Эмоции утихли также внезапно, как и нахлынули. К обессиленному юноше постепенно возвращается холодный и трезвый рассудок. Проблемы настоящего вновь оказываются первостепенными. Все же это прошлое и зацикливаться на нём глупо. Есть вещи куда более важные, чем это дрянное прошлое.

Некоторое время Шиндо сидит без движения и без единой мысли в голове. Постепенно сознание вновь впускает в се-

бя воспоминания о Юичиро. Невольно Мика хмурится, ибо по-прежнему его гнетет поступок Амане. Складывая на столешнице руки, он утыкается в них лицом. Он не ведает, что ожидать далее, но предчувствие говорит, что ничего хорошего ждать не придется.

– Хоть бы этот кретин не придумал себе чего, – проговаривает Мика, приподнимая голову, устало глядя на свое отражение в черном мониторе компьютера.

– Доброе утро.

Шиндо обернулся с удивлением взглянув на прошедшего мимо Амане, садящегося за парту с непривычно беззлобным выражением лица.

«Что за на фиг?», изумился Шиндо и оглянулся. Вероятнее всего, это приветствие предназначалось не ему, ибо это немыслимо по своей природе. Юу никогда не позволял себе подобного, как и он сам. Врагов не приветствуют. Стало быть, он обратился к кому-то другому, но, пройдясь взглядом по классу, Мика не увидел того, кому мог бы бросить эту незатейливую фразу Юичиро.

«Что он себе думает?». Мика снова устремил непонимающий странной шутки взгляд на Юичиро.

– Представляешь, кажется, тетрадь забыл, – озабоченно усмехнулся Амане, поглядев непосредственно на Микаэля, одновременно роясь в сумке. – А нет, взял.

Шиндо сдвинул брови. Что случилось с Юу? Почему он

так себя ведет? Откуда этот мирный тон и нелепая попытка общаться как обычные одноклассники? Он что, спятил или это такой ход?

А вдруг… Мика ужаснулся от одной только мысли, что это поведение Юу связано с вчерашним инцидентом. Только не это

Смерив Амане, в лице коего отражалось благостное простодушие, презрительным взглядом, Микаэль отвернулся от него.

«Не может быть… Только не это. Вот ведь идиот». В душе́ парня все кипело и бурлило. Как можно быть таким идиотом, как этот Юичиро, разве Мика вчера ему не сказал все, что думал по этому поводу? Как он может сегодня прийти и говорить такие вещи?

Согревает только одно – тут Мика позволяет себе облегченно выдохнуть, – Юу не знает главного, иначе бы первый его вопрос вчера был совсем иного рода, а не о мачехе. Но все равно, как же он раздражает. Шиндо бросил гневный взгляд на ничего не подозревающего парня, спокойно слушающего учителя.

По окончании первого урока, Микаэль быстро покинул класс, а возвратился уже тогда, когда прозвенел звонок и вошел преподаватель, уничтожив тем самым любую попытку заговорить с ним. Юу так и не понял, где был всю перемену Шиндо, потому как не приметил его нигде. Правда, нельзя сказать, что он намеренно пытался отыскать его. Мика про-

сто не попадался ему на глаза и в один момент Амане даже показалось, что одноклассник уже вовсе не вернется на занятия. Однако Мика появился и как ни в чем не бывало, с присущим ему хладнокровием и безразличием к окружающим, занял свое место за партой.

Крайне непривычно было для Юичиро проявлять такую снисходительность к своему давнишнему врагу, однако тяжелая ночь раздумий над его жизнью и жизнью Микаэля, окрашенной после того разговора в новые тона, сегодня заставила его относиться к Мике иначе. Теперь ему казалось, что Шиндо не такой уж плохой по натуре человек, а все его действия: колкость, ядовитость, уловки были вызваны исключительно внутренним одиночеством. Как бы Юу не хотел, а разозлиться на Мику не мог, испытывая к нему эти странные, подавляющие извечную ненависть чувства.

Вот подошел к концу второй урок. Закончив писать, Юу обратил взгляд на Мику, который за весь урок даже не подумал открыть свою тетрадь и внести в нее хотя бы пару записей, диктуемых учителем. Безусловно, этот факт смутил парня, который привык видеть своего врага тщательно исполняющим долг прилежного ученика. Раздумывая над этим вопросом, он бросил взор на распахнутую покинувшими класс учениками дверь. И снова около их аудитории он увидел того парня с волнистыми волосами стального оттенка. В этот раз он не глядел в телефон, его внимание целиком и полностью было направлено на кого-то определенного. Едва заметная

улыбка играла на его губах, а взгляд был спокойным и доброжелательным. Юичиро обернулся к Мике, собираясь бросить ему какую-нибудь простую реплику, но тот уже встал из-за парты и быстрыми шагами направился к выходу. И, что поразило Юу, он направлялся именно к этому парню из параллельного класса.

– Лео, какого черта ты здесь делаешь? – грубо проговорил Микаэль, поравнявшись с Коэном. Проигнорировать эту встречу Амане не мог и с интересом наблюдал за ними со своего места.

– Тебя жду, – вкрадчиво отозвался тот, несмотря на резкий тон Шиндо, на который вполне можно было бы обидеться.

– Разве тебя об этом кто-то просит? – мрачно заметил Мика, изогнув бровь, но не дожидаясь ответа, он закатил глаза к потолку и пошел по коридору. Все с той же безмятежной улыбкой Коэн устремляется за ним. Оба парня покинули поле зрение Амане и удивленный этим поворотом юноша сам бросился к выходу и, остановившись на пороге класса, глядел на удаляющиеся фигуры.

«Как так?», недоумевает Юу.

Мика и этот юноша из параллельного следовали по коридору мимо группы учеников, столпившейся у окна, когда от компании отделился какой-то парень с пышной шевелюрой каштановых волос и что-то сказав Мике, схватил его за локоть.

«Это еще кто? Его друг?», промелькнула догадка в голове Юу, но она тут же испарилась, когда прозвучало не менее грубое: «Отвали! Не смей ко мне притрагиваться!» – и, резко выдернув руку, негодующий Микаэль направился дальше, а потом и вовсе исчез за поворотом. Сохраняющий почтительную дистанцию Коэн прошел мимо вначале растерявшегося, а потом поглядевшего со злостью вслед Шиндо парня, и также скрылся за углом школьного коридора.

Амане чувствовал, что находится в тупике. С озадаченным видом от открывшейся ему картины, он возвратился в класс.

– Ребят, вы вроде знаете этого парня из параллельного, Коэна? – неуверенно задал вопрос Юу Глену и Шинье, в свое время просветивших его об имени этого ученика.

– Да не особо, – пожал плечами Ичиносе. – А что?

– Так он оказывается к Мике приходил тогда, а его не было, – Юу поглядел на дверь класса.

– Ну да, они вроде как общаются, – нехотя ответил Глен. Шинья и вовсе помалкивал.

– А у меня сложилось впечатление, что Шиндо тут вовсе ни с кем не ладит, – сказал Амане, одновременно ощутив и облегчение и неприятие собственного высказывания.

– Если это можно назвать «ладит» то да, так и есть, – усмехнулся Шинья.

– То есть? – недоуменно взглянул на него Юичиро.

– Да нет, ничего такого, – замахал руками Хииараги. – Про-

сто говорили, – он посмотрел на Глена, – что Коэн тоже жил какое-то время за границей, вот на той основе они вроде и поладили.

– Вот как, – протянул Амане и снова перевел взгляд на выход из аудитории. «Странно, что-то Мика обращался с ним не как с другом. Он был скорее недоволен его появлением, чем обрадован…»

– Юу, а почему ты об этом спрашиваешь? – услыхал Юу через несколько минут, ровный голос Ичиносе и обернулся к нему. – Ты заинтересован в Мике?

– Я?! – Амане отпрянул, ощутив, как по телу мгновенно разлилось смятение. – Да вы что, я его терпеть не могу.

– А ты разве был с ним знаком? – спросил Глен, серьезно глядя на Амане.

– Вот еще, – фыркнул тот. – Просто увидел и сразу почувствовал, что от него лучше держаться подальше. Может это и странно, – Юу опустил глаза, чувствуя, что от этого вранья ему становится тошно, но допустить чтобы об их связи узнали, он не может. Слишком позорные аспекты связывают его с именем Микаэль.

– Понятно, – кивнул Глен и Юу уловил в его лице какое-то облегчение.

– Надо же такое, придумали, хах, – хмыкнул Юичиро дабы закрепить эффект сказанного и поспешил выйти из класса, пока не посыпались еще вопросы, которые могли бы навести друзей на мысли о его давнем знакомстве с Шиндо.

– Ну извини, – весело бросил ему вдогонку Хииараги.

Не принимая участия в обсуждении новой сетевой игры – банально еще не открыв ее для себя, – Юу просто слушал, как шумно отзывались о ней одноклассники, сбившись в кучу. Тут он заметил, как в класс вошел Микаэль. Выглядел он довольно угрюмо и задумчиво. Бросив на парту сумку, Шиндо, не обращая внимание на оживленную компанию в другом конце класса, уселся за парту и изящно подперев рукой подбородок, погрузился в себя. Долго не раздумывая, Юу оставил компанию мальчишек и пошел к однокласснику, предпочитающему держать дистанцию.

– А я не знал, что у тебя здесь есть друзья, – произнес Юичиро, став около своей парты и скрестив на груди руки, поглядев на Шиндо.

Услыхав обращение, Мика с предубеждением и оттенком непонимания воззрился на него.

– Я чего хотел-то, – усмехнулся Юичиро, видя, что Мика не намерен отвечать. – У нас в пятницу первая тренировка и я подумал, может ты захочешь прийти?

Это было уже лишним, потому как фраза, прозвучавшая из уст недруга, окончательна вывела Мику из себя.

– Ты что, совсем ополоумел? – криво усмехнулся Микаэль, прищурившись. Жгло сознание чувство, что над ним так откровенно издеваются и то, что в их сторону поглядывает Синго, смешавшийся с толпой одноклассников.

– Я? Почему? – распахнул глаза Юу, не ожидая столкнуться с подобной реакцией, считая, что он наоборот расположит Мику своим предложением.

– Думаешь, я такой идиот? – прожигал его взглядом Микаэль. – Отвали от меня, – прошипел он, глядя на Юу и чувствуя на себе чей-то недобрый взгляд.

– Мика…

– Неужто настолько баран, что не понимаешь, что я тебе говорю? – усмехнулся Мика.

– Да, но…

– Ты самая настоящая тупица, – засмеялся Микаэль и покинул аудиторию.

– Да что с ним? Я ведь без всякого, просто подошел, – пробормотал Юу, растерянно глядя ему вслед.

Стоило Мике покинуть аудиторию, Синго презрительно фыркнул и переключил внимание на разговоры парней.

– Что опять с лицом? – осведомляется Шинья, прекращая глазеть по сторонам улицы и устремляя взор на молчаливого товарища.

– А? – Глен словно очнулся от сна.

– Мрачный чего такой. Полдороги молчишь, что опять не так? – осудительно сдвинул брови Хиираги.

– Вроде бы ничего, задумался только.

– Так говори, чего молчать-то?

– Понимаешь, не нравится мне то, что происходит, – го-

ворит Глен, мрачно глядя на дорогу.

– А что происходит?

– А ты сам не видишь? – Глен взглянул на друга. – Юу слишком часто вертится около него.

– А, ты об этом, – смекнул Шинья и взгляд его потяжелел. – Ну да, последние пару дней так и норовит зацепить, причем до этого со злостью на него поглядывал, а теперь какой-то доброжелательный, но возможно, это другое и на самом деле всё не так плохо и ты преувеличиваешь.

– Шинья, – одернул его Глен.

– Ну что с того, что он ним интересуется. Разве он один такой? – усмехнулся Хиираги. – Скоро получит то, что причитается, и всё на этом закончится.

– Мне это не по душе, – опустил глаза Ичиносе. – Юу выглядит нормальным парнем и мне бы не хотелось, чтобы он испачкался, ворвавшись во всю эту дрянь очертя голову.

– Все случится так, как должно случиться, – философски изрек Шинья. – Только не тебе это решать, да и Юу, кажется, настроен не так как другие, – добавил он чуть погодя.

– Как бы это ни было, а связываться с ним ему ни в коем случае нельзя. Ты же знаешь эти компании, – темноволосый парень с сожалением взглянул на друга.

– Так поговори с ним, пролей свет на ситуацию. Объясни, что с Микой лучше не общаться, себе дороже выйдет.

– Нет, нельзя, – отрицательно покачал головой Глен. Шинья лишь развел руками.

«Юу нельзя сейчас посвящать в эти подробности, велика вероятность, что ему окончательно голову снесет, если он окажется в курсе дела. Так есть хоть маленький шанс, что он избежит этой глупости и не ввяжется в неприятности. А они наверняка возникнут, если он попытается сблизиться с ним»

– Твоя цель удержать Юу от соблазна без сомнений благородна, но почему ты так не уверен в нем? – мягко взглянул на него Шинья.

– Потому что у меня впечатление, будто он еще не твердо стоит на ногах и пошатнуть его может кто угодно, любая неудача погубит его. В нем есть задатки и я боюсь, что их уничтожит то, что сгубило уже многих, – проговорил Глен с озабоченным видом.

– Ты что, уже привязался к нему? – улыбнулся Хиираги.

Глен поджал губы.

– Что, капитан, поплыл?

– Прекрати, – огрызнулся Ичиносе, недовольно воззрившись на друга детства. – Ничего подобного, просто он действительно производит впечатление хорошего человека, и как с человеком, даже как игроком моей будущей команды, я не желаю, чтобы с ним произошло что-то плохое.

– Ты так убежден в том, что произойдет что-то плохое?

– Я ни в чем не убежден. Просто опасаюсь, что это может случиться, вот и всё.

– Ладно, – Шинья заложил руки за голову. – Полагаю, предстоящая тренировка заставит Юу забыть о всякой ерун-

де и вернет к тому, к чему у него действительно талант. Так что пока расслабься и живи спокойно.

– Только на это я и рассчитываю, – вздохнул Глен.

Вопреки всем опасениям Ичиносе, тренировка прошла отменно, каждый, вдохновленный возможностью снова выходить на поле и заниматься любимым делом, после длительных каникул, выложился на полную и проявил себя наилучшим образом. А больше всего команду вдохновлял «новичок» – единственный в команде. Слухи о нем оказались далеко не пустыми и Амане Юичиро, известный своей победой в городском матче, полностью оправдал все ожидания своих товарищей по команде.

– Круто!

– Вот это да! Ты реально молодец!

Сыпались на Юу восхищенные возгласы парней. Глен стоял чуть в стороне и просто с улыбкой глядел на радостного, запыхавшегося и немного смущенного Амане, окруженного гулкой толпой из десяти человек.

– Пустяки, – усмехнулся Юичиро, ощущая скованность.

– Да какой там! С таким игроком как ты, мы сто пудово выиграем, – крикнул кто-то из толпы, хлопая Юу по плечу.

– Да-да! – закивали остальные.

– Бросьте, – отмахнулся Юу, чувствуя, что парни уже перебарщивают с похвалой. Также глядя поверх голов учеников, он прошелся взглядом по стадиону. Однако кроме галдящей команды и нескольких незнакомых человек на трибу-

нах, пришедших поглазеть на тренировку, никого не было. На лице Амане отразилось огорчение. Он надеялся и почему-то был уверен, что тот придет, но ни в начале тренировки, ни в конце он так и не заметил его.

– Они правы, Юу, – сквозь расступившуюся толпу к Юичиро подошел Глен. – И нисколько не преувеличивают. Я очень рад, что ты присоединился к нашей команде. Спасибо, – он протянул руку.

– Тебе спасибо, что принял, – усмехнулся Амане, пожимая руку под дружный галдеж, который усилился вдвойне после следующей реплики Ичиносе, обратившегося ко всей команде.

– Все сегодня молодцы!

«Не знаю, какой был прошлый капитан, но Глен как никто подходит на эту роль», – с улыбкой подумал Амане.

«Проигнорировал», – пробежав взглядом по территории, с сожалением вздохнул Юичиро, направляясь вместе с командой обратно в раздевалку. Стоило покинуть поле, как, сбежав со скамьи для зрителей, к Юу подбежал тот самый мальчик, несколько дней назад попросивший его расписаться, в сопровождении парочки своих друзей.

– Это было нечто! Так восхитительно, а та Ваша подача! Ааа, – что-то затараторив, он сжал кулаки с восторгом взирая на новоиспеченного кумира.

– Это же ты, тот самый. Э-ээ, – Юу замялся. – Не помню

твоего имени, извини.

Давая автограф малышу, он не потрудился узнать его имя и ограничился общепринятыми фразами.

– Такахиро Хината, – с некоторым смущением ответил мальчик с большими карими глазами, распахнутыми так, будто он был не в меру удивлен происходящим вокруг.

– Спасибо, Такахиро, что пришел на тренировку, – улыбнулся младшекласснику Юичиро.

– Я не мог пропустить такое, тем более, когда Вы сами пригласили меня, – заложив руки за спину и гордо выпятив грудь, деловито заявил Хината.

– Юу, а ты вовсю поклонниками обзаводишься, – ткнул Амане в бок высокий, белобрысый парень из команды.

– Ребят, пойдем, не будем мешать началу тренировки секции американского футбола, – потопил команду Ичиносе.

– У вас и такой есть? – удивленно воззрился Юу на капитана, после того как шествие продолжилось. В его прошлой школе секция по футболу была одна и никаких разновидностей не предусматривалось.

– Да, у нас в школе практикуется два вида этого спорта.

– Фух, как хорошо, – усмехнулся Юичиро. – Было бы хуже, если бы у вас был только американский. Я ничего против не имею, но мне он как-то не по душе.

– Тогда тебе повезло вдвойне, – хмыкнул Глен.

– Ну как, идем?

– Да.

Полная энергии после первой тренировки команда зашла в раздевалку.

На уроке химии, происходившем в лаборатории для практического занятия, Юичиро оказался за одним столом с Микаэлем. Занятия не были парными, каждый должен был проводить свой собственный опыт, дабы потом предъявить результат. Готовя всякие колбочки с веществами, Юичиро поглядывал на соседа. Мика вел себя так, будто он находился один, не обращая на Амане совершенно никакого внимания. Впрочем, он был таким с самого утра – задумчивым и отрешенным. Пребывание в классе явно угнетало его, и он, как только звенел звонок, немедля покидал его. Юу даже не успевал ему ничего сказать, как тот уже хлопал дверью.

На тренировку в тот день он так и не явился. Конечно, вспоминая его реакцию на предложение посетить ее, это стало совсем неудивительным, но Юу почему-то сожалел об этом. Спрашивать Мику, почему тот не пришел, он тоже не имел намеренья.

– Ты разве не собираешься начинать? – спросил он, взглянув на лабораторные образцы в стеклянных баночках, к которым Шиндо не прикоснулся, хотя уже минут пять другие их одноклассники пыхтели, пытаясь воссоздать необходимую реакцию.

– Твоё какое дело? – холодно бросил ему Микаэль.

– Да никакого, – пожал плечами Юу, – успеешь ли до кон-

ца урока управиться?

– Раз никакого, так и не суйся не в свое дело, – иронично улыбнулся Микаэль.

– Слушай, я же по-хорошему пытаюсь.

– А кто тебя просит?

– Да никто, – Амане был совсем растерян из-за этой обстановки.

– Вот и держи свое хорошее обращение при себе и не лезь ко мне с ним.

– Да что с тобой? – возмутился Амане, отказываясь понимать недружелюбие парня.

– Это с тобой что? Что ты лезешь ко мне со своими замечаниями? Кто ты мне такой? Друг? – Мика презрительно засмеялся, а потом сухо взглянул на Юичиро. – Запомни одно, мы с тобой никакие не друзья. Оставь меня в покое.

Глядя в эти чистые, исполненные гневом синие глаза, Юу вдруг и впрямь почувствовал себя дураком, который действительно лезет туда, куда не следовало бы. На минуту ему стало обидно за себя, поэтому, смерив Микаэля рассерженным взглядом, он умолк и сосредоточил внимание на задании.

Проводя опыт, Юу думал только над одним вопросом – зачем он пытается заговорить с Шиндо? Все равно попытки беспочвенны и только унижают его. Да только, невзирая на их тщетность, в глубине души Юичиро понимал, почему он это делал. Все же чувство вины, которое он испытывал по от-

ношению к человеку, которого он нещадно избивал на протяжении долгого времени и который делил с ним тяжелую участь, не давало покоя. И через некоторое время отчужденного негодования, он снова стал предпринимать попытки заговорить с Микой на дружеской ноте.

Непростительная дерзость. Часть II

– Поднимайся, красавец, разговор есть.

Когда солнечные теплые лучики заслонила какая-то тень, Микаэль не подумал открыть глаза и прервать свой чудный отдых под деревом, и, даже когда прозвучала грозная реплика, он не сразу открыл их.

– Эх, а я надеялся, что вы свалите, – со вздохом разочарования негромко изрек Микаэль. Он понимал, что ему уже не насладиться спокойным отчуждением от прочего мира в этой тихой природной гавани вдали от суматохи школьного городка, потому как Акутазава Синго со своими друзьями пришли и нарушили это хрупкое уединение и, судя по их виду, убираться они не собирались в ближайшее время. Шиндо мало волновал вопрос, зачем к нему пожаловала столь достопочтенная компания. В какой-то степени он догадывался об этом.

– Ты чего сказал? – сжал кулаки Синго, все же услышав обидное замечание белокурого одноклассника.

– Что же, – цокнув языком, будто не замечая компании, что явилась по его душу, Мика поднялся с земли. – Тогда придется уходить мне.

– Куда собрался?! Я тебя не отпускал! – Мика уже сделал

было шаг, но его схватили за плечо и резко рванули назад, припечатав спиной к шершавому древесному стволу.

Зашипев от удара, Мика со злостью воззрился на неприятное ему лицо Синго. Однако попытку вырваться не предпринял, оставшись стоять и смотреть на окружившую его компанию учеников.

– Так-то лучше, – хищно ухмыльнулся Акутазава. – А теперь слушай сюда, – сдвинув брови, стараясь придать своему лицу наиболее устрашающее выражение, прорычал он, – я тебе что говорил?

Мика не отвечал, продолжая прожигать его взглядом.

– Я, кажется, предупреждал, чтобы ты не лез к Амане.

– Тогда ты должен был заметить, что я к нему и не лез, – хмыкнул Микаэль, без страха взирая на парня со свитой. – Ваш Амане сам мне проходу не дает.

– Потому что ты даешь ему повод, – процедил сквозь зубы Синго.

– Я? – не больно уж удивленно отозвался Мика. – Я только и делаю, что скрываюсь от него, а он как клещ прицепился, не отдерешь. Достал уже. И такой нетерпимый, – губы парня внезапно искривились в соблазнительной улыбке. – Совсем не признает отказов. Ты бы поговорил с ним что ли, а, Синго? Быть может ему труднее понять то, что пришлось понять тебе когда-то.

– Ах ты, сука! – рассвирепев от столь наглого вызывающего поведения парня, ни единому слову коего он не пове-

рил, Акутазава нанес Мике удар в живот. От пронзившей тело боли, Шиндо согнулся пополам.

– Слушай сюда, сволочь, – уязвленный напоминанием о своем позоре, Синго схватил задыхающегося Микаэля за грудки и опять припер к дереву. Он не мог более позволить этой швали открывать свой рот при его друзьях, чтобы не попасть в еще более компрометирующее положение. – Еще раз тебя рядом с ним увижу, – прошипел он в искаженное от боли лицо. – Не посмотрю ни на что…

– Ну да, в этом ты мастер, – слабо усмехнулся Микаэль и зря, ибо в следующий миг его не слабо приложили о дерево. Из глаз посыпались искры, при этом было ощущение, что череп на затылке пробило гвоздем. Парень едва слышно застонал, чувствуя огрызок обломанной почти до основания ветки, о который его приложили головой. Зато после этого Синго отпустил его, видать посчитал, что достаточно проучил. Перед глазами Мики сверкали цветные бабочки, не в силах твердо держаться на ногах, он чуть сполз по стволу дерева вниз.

– Короче, я тебя предупредил, а там выбирай сам. Еще хоть раз, – донесся до слуха противный, скрежещущий голос Синго и только после этого компания ушла.

Когда они удалились, Микаэль медленно опустился на траву. Удар и пылающая на затылке ссадина, несправедливость и беспомощность перед ненавистными людьми нестерпимо разъедали сознание гордого юноши, который был не в

силах вести достойную борьбу в одиночестве. А довериться было некому. Все, кто окружали его, вся эта бесчисленная масса, была одинаковой по своей природе и не могла своим поведением заслужить доверие и расположение, потому как в большинстве случаев слишком мерзко и отвратно добивалась внимания. Мика с отвращением относился к ним ко всем. Не желая от них ни жалости, ни снисхождения, ни понимания.

В душе незримо пылала злость, направленная на одного человека. Синго и без того был назойливым, отвратительным животным, задирающим его по поводу и без, а теперь у него появился дополнительный стимул для атак.

Мика закусил губу, сдвигая брови к переносице. Неужели теперь из-за этого чертового Амане нападки Синго и его мерзких дружков удвоятся? И самое противное, что этому идиоту не втолковать о Микином нежелании принимать его. Он прямым текстом заявил ему это, а тот вместо того, чтобы понять, просто выждал какое-то время и снова начал лезть со своей раздражающей дружбой. Сколько это еще будет длиться?

Юичиро вернулся домой подавленный и угнетенный. Что послужило причиной такого состояния духа, он определить не мог даже сам для себя. Просто ощущал нечто мрачное, затянувшее душу, и всё вокруг казалось серым и безжизненным. Сбросив в прихожей обувь, он направился мимо кухни к себе в комнату, но донесшийся голос матери заставил

его подойти и прислушаться. Она не заметила его прихода и, управляясь на кухне, мурлыкала себе под нос какую-то песенку. Скрестив на груди руки и прислонившись головой к притолоке, Юу с мягкой улыбкой глядел на нее. Эта привычная с детства песенка вызвала в нем какие-то старые теплые воспоминания.

Грела сердце не только звучащая мелодия. В последнее время его мать так редко улыбалась, а чтобы еще и пела… Аура веселья и беззаботности, кажется, покинула эту женщину давным-давно. Только лишь глядя на сына, она позволяла себе улыбку и то она скорее была печальной. Трудная работа, на которой она засиживалась допоздна, и сын-подросток – с этим нелегко справиться любому человеку. Юу понимал, как ей сложно, и как мог старался облегчить ей жизнь, помогая хотя бы по дому.

Так что сейчас, слыша ее голос, Юичиро радовался, что она наконец позволила себе немного раскрепоститься, и пусть ему было гадко на душе, хотя бы она не терзалась пагубными мыслями, не выглядела такой уставшей и задерганной, какой обычно приходила после тяжелых смен.

Юу готов был стоять вечность и вот так внимать неразборчивой мелодии. Давно не слышал он ее мягкого, нежного голоса, который так любил в детстве.

– Ах, Юу, я не услышала, как ты вошел, – слегка вздрогнула от неожиданности женщина, увидев сына.

– Извини, не хотел тебя напугать. Просто услышал, как ты

поешь и решил послушать.

Эрика смущенно улыбнулась.

– Ты сегодня раньше, чем обычно, и такая веселая, что-то произошло? – с улыбкой осведомился Амане у матери.

– С чего ты взял? – помешивая суп на плите, спросила она не оборачиваясь.

– Говорю же, – усмехнулся Юичиро. – Ты в хорошем настроении.

– Да нет, ничего необычного. Просто такая чудесная погода за окном, – она подняла взгляд на окно, за которым стояла действительно прекрасная погода. – Как тут можно печалиться?

– И правда, – темноволосый юноша перевел взгляд на окошко, однако пейзаж его мало трогал. Скорее наоборот, яркая зелень, искрящееся солнце, теплый ветерок вызывали в нем серую смуту.

– Как прошел твой день? – полюбопытствовала Эрика.

Юу повел плечом.

– Неплохо. День как день.

– Мне кажется, или ты расстроен? – обернулась через плечо женщина.

– Нет, что ты. Ничего такого, – изобразил улыбку на лице Амане. – Ладно, – в том же духе, произнес он. – Пойду, переоденусь и пообедаю. Есть хочется ужасно, а тут так вкусно пахнет.

– Угу, – кивнула мать.

Юичиро вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. На самом деле он был совсем не голоден, но сказать обратное – это вызвать ненужное волнение матери. Зачем портить ей настроение, оно и так не часто бывает такое светлое. Он прошел вглубь комнаты и, остановившись у стола, сбросил на стул сумку. Выдвинув нижний ящик стола, он достал оттуда фотографию, заключенную в рамку, и вместе с ней прошел и присел на кровать. Сколько хранится у него уже эта фотография, но он не решается выставить ее на стол, боясь, что если мать увидит ее там, расстроится.

В который раз рассматривая родные черты человека, которого нет с ним уже более десяти лет, Юичиро пытается понять, почему ему так плохо на душе. Школьный день ничем не отличался от других, ничего ужасного не произошло, но отчего-то все равно становится тяжко. Может дело в Мике, который хладнокровно отвергает его. А ведь он только пытается относиться к нему по-хорошему. Мика даже не представляет, как ему это трудно после стольких лет взаимной неприязни и почти кровавой вражды, но Юу, вспоминая услышанное, наступает себе на горло и проявляет дружелюбие, а он…

И почему он так себя ведет?

Амане тяжело вздыхает, опуская в руке фотографию. Как глупо думать об этом. Он ощущает это, но ничего поделать не может. Тем более тогда, когда благие попытки совершенно ни к чему не приводят и он не в силах осознать даже их

мотивов. Посидев в размышлениях "ни о чем„ еще несколько минут, он встает, прячет фотографию обратно в стол, переодевается и идет к матери на кухню, стараясь избавиться от поселившегося гнетущего чувства внутри.

Несколько минут остается до звонка на урок, но парочка, уединившаяся в укромном месте за школой, будто забыла об этом. На лице одного читается безумная страсть, в то время как второй выражает презрение к натуре другого.

– Отвали от меня, – упираясь руками в грудь наваливающегося на него парня, раздраженно шипит Мика. Черт, и как этому уроду удалось подловить его и затащить сюда? Нужно быть осмотрительней в следующий раз.

– Да прекрати ты уже, никто же не видит, – крепко сложенный юноша, в отличие от хрупкого Микаэля, даже не думает слушать, упрямо пытаясь сорвать с этих манящих губ хотя бы один поцелуй. Он до сих пор не может простить ему того, что Шиндо при всех прогнал его, а потом ему пришлось прятать глаза от своих одноклассников, созерцавших эту картину в коридоре. А сейчас выдалась такая возможность отплатить за тот отказ и наконец получить то, что по праву причитается ему.

Этот парень с гривой темных волос и колючим взглядом, давно жаждущий заполучить себе нежного юношу, напоминающего хрупкий цветок, но пока так и не осуществивший свою мечту, – Ко́та Нагашима, ученик параллельного класса

и один из нападающих в команде американского футбола.

– Уберись, я не желаю иметь с тобой ничего общего! Убери от меня свои грязные руки! – начинает выходить из себя Шиндо, видя, что его слова и несогласие не производят никакого эффекта на парня, чей взгляд становится все более вожделенным и глупым, а руки все с большим азартом шарят по его телу.

– Хватит ломаться! – жарко выдыхает ему на ухо Нагашима, крепко сжимая парня за плечи. – Сколько можно сводить меня с ума, а потом убегать?! В этот раз не выйдет, я тебе не щенок какой-то. Поэтому, – приподнимая подбородок Мики, он с наслаждением глядит в чистые, наполненные откровенной злостью синие глаза, – открой свой ротик и будь послушным мальчиком.

– Черт тебя возьми, отпусти меня! – кричит Мика и, собирая все свои силы, отталкивает от себя почти прильнувшего к его губам спортсмена. – Я сказал, не смей ко мне прикасаться, грязная свинья! – раздосадовано шипит он.

– Да сколько ты будешь выпендриваться?! – ухмыляется Кота, взирая на парня в чьем образе не угасает величие.

Вскидывая голову, Микаэль с высокомерием проговаривает.

– Я ухожу. А ты – чтобы больше даже не приближался ко мне. Ты мне омерзителен.

– Ах ты мелкий… – Нагашиму это не столько оскорбляет, сколько еще больше заводит. Вид этого нахального, строп-

тивого парня, не позволяющего прикасаться к себе, воспламеняет дикие желания в душе. Он делает шаг вперед.

– Мика, – услыхав за спиной внезапно раздавшийся непринужденный голос, Кота поневоле замирает и оборачивается. Микаэль тоже обращает внимание на окликнувшего его зеленоглазого парня. Юичиро не знает, чему он помешал и помешал ли вообще, но он не может оставить это без внимания.

– Скоро урок начнется, смотри не опоздай, – говорит он и направляется дальше. Мика недовольно цокает языком. Раздражение еще больше поглощает его.

– Мика, это еще кто? – усмехается Нагашима, оборачиваясь к злому, как черт Микаэлю, глядящему вслед однокласснику, который за последние дни его уже откровенно достал. – Прямо мамаша заботливая. Печется, чтобы ты вовремя на уроки явился. Вот это номер, смех один, ха-ха.

– Заткнись! – задетый за живое, гневно бросает ему Мика и задумчивый отходит в сторону. Посмеиваясь, Кота только наблюдает за его изящными, грациозными движениями, но остается стоять в стороне, не решаясь вновь припереть парня к стене, несмотря на все свое безумное желание наконец-то овладеть им.

– Нет, правда, кто это? – вместо этого осведомляется он у Шиндо.

– А ты разве не знаешь? – презрительно хмыкает Микаэль, оглядываясь на него через плечо. Тот отрицательно качает

головой.

– Это новый игрок команды Ичиносе, неужто не слыхал? – расплывается в обворожительной и хитрой улыбке Микаэль.

– Нет, – пожимает плечами Нагашима.

– Зато он о вас наслышан, – елейно проговаривает Мика, разворачиваясь к парню, принимая вызывающую позу. – И уже успел сделать свои выводы, – Микаэль медленно прохаживается, соблазняя каждым движением, но сохраняя дистанцию и ауру неприкосновенности к своей персоне.

– Да, и какие же? – складывает руки на груди Нагашима, теряя терпение перед столь компрометирующим призывом.

– Боюсь, тебе не понравится, если я скажу, – со скорбным видом проговаривает Мика, отворачиваясь и выдерживая паузу.

– Начал, говори, чего тянешь-то? – хмурится заинтригованный Нагашима.

– Хорошо, – нехотя соглашается Микаэль. – Я тут краем уха услышал, – беззаботно заговорил он, обратив внимание на свою руку и поддевая ногтем кожу на пальце, – как после тренировки, он заявил, что признает только стандартный вид футбола, а все те, кто играет в американский, просто тупоголовые качки, с одной извилиной на всю команду и то на шве мяча.

– Хах, что вот так вот прямо и сказал? – Нагашима вроде бы не подал виду, что его это зацепило, однако в его глазах промелькнул недобрый огонек. Он не сводил колючего

взгляда с Микаэля.

– Почему я должен врать тебе, Ко́та? Говорю, как есть, слово в слово, – мило улыбнулся Микаэль.

На несколько минут Нагашима погрузился в размышления. Мика спокойно и терпеливо ждал, пока информация дойдет в единственную нетренированную и ненакачанную часть тела – мозг – одного из лучших игроков.

И вот, футболист обратил на него недоверчивый взгляд.

– Что ты затеял? – проворчал он, чувствуя, что здесь что-то не чисто.

– Неужели думаешь, что это какой-то коварный план? – насмешливо бросил Мика, предполагая недоверие заранее. – Я лишь говорю тебе то, что услышал. Не веришь мне, спроси у любого из их команды, он при всех это заявил.

Эти слова заставили Нагашиму задуматься. Тем временем Микаэль решил подлить еще немного масла в огонь для верности.

– Мне тогда даже стало обидно за вас, хорошая команда, отзывчивые ребята, прекрасная игра, а тут вдруг такое пренебрежение, – искренне проговорил Мика, словно и впрямь это была правда. – Хах, пришел тут без году неделю, ничего не понимает, а говорит такие дерзкие вещи. Но, видать, зря я тебе это рассказал, – глядя на парня, чье лицо искажает непреодолимое желание серьезно поговорить с этим нахалом, произнес Шиндо. – Зачем тебе слышать мнение других о вашей команде, а уж тем более, вряд ли тебя заинтересует

мнение какого-то глупого новичка.

И, засмеявшись, Микаэль вышел из их уединенного укрытия и направился в сторону школы, оставив здоровяка размышлять над подкинутой ему информацией. Поскольку этот парень был спортсменом, времени на раздумья ему потребуется не мало, но зато эффект, когда слова дойдут до его мозжечка, не заставит себя долго ждать.

«Надеюсь, ты все поймешь, Юу», – усмехнулся сам себе Микаэль, заходя в здание школы.

Однако Микаэль слегка просчитался, ибо много времени на раздумья не потребовалось и исполненный ярого желания «побеседовать» с выскочкой новеньким Нагашима грузно зашагал к школе.

– А я тебе говорю, что это всего лишь теория, причем неправдоподобная, – проговорил Ичиносе. Урок истории был завершен и компания парней как раз выходила на улицу, когда Глен и Шинья завели спор о правдивости некоторых теорий древности.

– Но теория, основанная на фактах, описанных, заметь, еще Геродотом, – с важным видом ученого, заметил Шинья.

– А ты уверен, что записи не были фальшивыми или он не писал их под чужую диктовку? – скептически поглядел на друга, верящего только четким данным, Глен.

– Ууу, сколько подозрений, – хмыкнул Хииараги. – Можно начать игру в детективов.

– Никакой игры, просто это выглядит натянуто, – отвернулся Глен. – А ты что скажешь? – он обратился к Юичиро. В этот момент парни как раз миновали раскидистую лужайку перед зданием и вошли в арку, за которой виднелось игровое поле.

– Я в эти дела не вмешиваюсь, – засмеялся Амане, которому вникать в правдоподобность тех или иных сведений не хотелось, потому как его мысли занимали скорее размышления о том, о чем мог говорить с тем здоровым парнем Микаэль, который вроде бы не общался ни с кем. А этот щебет с милой улыбкой наталкивал на рассуждения. – Как сказано, пусть так и будет.

Его ответ Глен встретил удивлением, которое, пускай и не так откровенно, но все же заметно отразилось на его лице.

– А как же способность научиться мыслить самостоятельно, а не полагаться на чужие домыслы? – спокойно улыбнулся он. – Разве не это основная цель обучения, заставить нас размышлять самим и самим делать выводы?

Каменная, старинная арка поглотила в своей холодной тени компанию ребят, вошедших под ее тяжелый кров.

– Делать выводы иногда бывает слишком опасно, особенно когда не понимаешь о чем болтаешь.

Это сказал не Юичиро, он даже рта не успел раскрыть, когда на выходе из арки появился какой-то коренастый парень в сопровождении товарищей.

– Нагашима, – узнав одного из нападающей команды,

сдвинул брови Глен. Вид этих вступивших парней поселил в нем некое нехорошее предчувствие.

– Мы вас не прервем, Глен, идите дальше, – обратился к нему Кота. – У нас тут просто разговор есть к одному пареньку из твоей команды. – При этом его злобный взгляд впился в Юичиро.

– А в чем дело? – серьезно осведомился Ичиносе. – Я более чем уверен, что имею право быть в курсе того, зачем игрокам секции американского футбола вдруг понадобился новенький из моей команды.

– Ошибаешься, тебя это не касается! – рявкнул ему Нагашима, после чего прошелся гневным взглядом по кучке парней из параллельного класса. – Идите по своим делам и не вмешивайтесь, если не хотите проблем. А ты, умник, – он опустил свою тяжелую руку на плечо Юу и криво усмехнулся, – на пару слов.

– Зачем это? – дернулся Юичиро, сбрасывая с себя руку.

– Тебе лучше знать, – с улыбкой, не предвещающей ничего доброго, процедил Нагашима и следующим движением, схватил Юичиро за грудки. – Научим тебя как не трепать языком налево и направо.

– Эй, прекрати! Отпусти его сейчас же! – испугался за Юичиро Глен.

– А ну стоять! – рявкнул на него и на парней Кота, в то время как дружки из его команды встали плотнее и были готовы атаковать в любой момент.

– Что за бред? – возмутился Юу, опешивший от внезапного нападения. – О чем вы вообще? И убери свои руки, – он во второй раз попытался освободиться от хватки, но она оказалось более крепкой.

– Не прикидывайся ослом! – разозлился Кота, впившись в него взглядом. – Кто недавно кричал на всю площадку, что вы тут самые лучшие, а остальные команды дерьмо?!

– Что?! – распахнул глаза от удивления Амане.

– О чем ты, Нагашима? Это какая-то ошибка, Юу ничего такого не говорил, – вступил на его защиту Ичиносе и к нему присоединился Шинья с другими парнями, присутствующими тогда на тренировке и прекрасно помнящими слова Амане, по своему количеству находящиеся в меньшинстве в сравнении с группой Нагашимы.

– Вы здесь еще?! Я сказал, проваливайте! – прохрипел Кота.

– Прекрати. Юу ничего такого не говорил, это действительно ошибка, – пытался донести до Коты Глен.

– Верно. Верно, – закивали в поддержку Глена ребята.

– А, как же, защищают своего. Сами, небось, такого же мнения, а своего выгораживают, – фыркнул один парень, стоящий ближе всех к Коте и, судя по вызывающей позе, не менее значимый в коллективе.

– Такахиро дело говорит, – злобно хмыкнул кто-то из парней.

– Сам знаю, но сначала разберусь с ним, – он перевел взор

на Амане. – Слушай сюда, – он сделал шаг к Юу. – Еще хоть раз услышу, что ты о чем-то ляпаешь…

– Да ничего я не говорил! – взвился Амане.

– Заткнись! – прогремел Нагашима, взбешенный, что парень продолжает разыгрывать невинность.

– Заткнись, сказал, не выводи меня! – он замахнулся кулаком.

– Юичиро! – в толпу влетел белый как мел мальчик и бросился к Юу.

– Хината, уйди! – закричал парень за Нагашимой, испугавшись, что малыша случайно зацепят. – Кота, стой, не трогай его!

– Черт, – тот едва сдержал удар, от которого Юу успел бы увернуться.

– Ты что тут делаешь, совсем сумасшедший, тебя чуть не задели, – Амане возмущенно уставился на Хинату, без страха взирающего на здоровяка.

– Прячешься за спину малолетки, – злобно ухмыльнулся Кота с насмешкой глядя на Юичиро.

– Не трогайте его! – сжав кулаки, прокричал Хината.

– Хината, немедленно иди сюда! – позвал его Такахиро.

– Нет, брат, почему вы напали на него? – с отчаяньем проговорил мальчик.

– Брат? – изумился Юу, глядя то на темноволосого парня за спиной Нагашимы, то на мальчика. Тут только вспомнив, что прозвучавшая фамилия одного из парней показалась ему

знакомой, да только он не сразу соединил пазлы.

– Не трогайте Юу, он ничего вам не сделал. Почему вы напали на него?

– Не лезь во взрослые дела. Он сам напросился, высмеяв нашу команду, за что теперь должен получить по заслугам.

– Но он ничего такого не говорил, – ощетинился Хината.

– Может, заберешь его уже? – бросил недовольный взгляд на товарища Нагашима, которому это порядком надоело.

– Хината, иди сюда, – позвал тот брата.

– Нет, ты должен мне верить, Юу никогда бы такого не сказал. Наоборот, он очень хорошо отзывался о вас, я был на тренировке и сам слышал.

– Кота, – неуверенно позвал Такахиро.

– И ты ему поверишь? – фыркнул тот, обернувшись через плечо.

– Он мой младший брат, почему я должен не верить ему?

– Это правда, Кота, я сам все слышал, – обратился к игроку мальчик. – Он не говорил о вас ничего дурного.

На мгновенье Нагашима слегка растерялся. Тут Юу посчитал, что пришла пора и ему сказать несколько слов.

– Я не знаю, почему вы так решили и кто вам такое рассказал, но я бы никогда не стал говорить о ком-то гадости. Я уважаю людей, выбравших другую стезю и никогда бы не стал высмеивать их стремления, – он старался говорить спокойно и убедительно, однако его всего трясло. – Тут явно произошла ошибка. Все могут подтвердить, что я ни разу не

сказал о вас плохо.

– Наш Юу не из таких людей, которые станут от скуки хаять других, – выступил Шинья. – Не хочешь слушать нас, заинтересованных, послушай хотя бы его, – он кивнул на Хинату. – Этому малышу как раз было бы обидней всего услышать, что Амане поливает грязью команду, в которой играет его родной брат, и он уж никак не стал бы оправдывать его и защищать, будь все как-то иначе.

– Хм, – Нагашима задумался над словами блондина, чьи синие глаза пронизывали его насквозь.

– Еще раз повторю, – уверенно сказал Юу, выходя вперед. – Я бы ни за что не стал обсуждать другие команды, это унизительно. В конце концов, я тоже игрок и мне бы не хотелось, чтобы кто-то обсуждал меня только потому, что я выбрал не то, что им было по душе. Мне жаль, что так получилось и вы получили ложные сведенья обо мне и моих словах.

– Черт, – бросил Кота, чувствующий, что в этот раз он действительно оплошал. Открытого раздора с командой Ичиносе у них не было и он бы не хотел оказаться первооткрывателем реальной вражды между командами, а потому был даже рад тому, что все прояснилось.

– Если все действительно так, то мы должны извиниться за свое поведение, – нехотя протянул он, немного поразмыслив. – Без обид? – он протянул руку Юу, которую тот пожал.

– Без обид.

– И ты, Глен, ничего такого не подумай. Ошибка вышла, –

он перевел взор на капитана.

– Ничего, всякое бывает, – усмехнулся Глен, хотя ему было не до смеха, после того, как эта щекотливая ситуация заставила его изрядно понервничать.

После этой якобы уладившейся размолвки, парни команды по американскому футболу развернулись уходить.

– Могу я спросить? – вдруг вспомнив нечто важное, Юичиро догнал здоровяка. Кота обернулся и с непониманием воззрился на парня, который посчитал нужным продолжить их общение. – Кто сказал, что я наговариваю на вас? Кто распускает эти слухи обо мне?

– Кто? – рослый парень призадумался. В его взгляде появился непонятный для Юу блеск. – Ну, видимо тот, – протянул он, – кому ты не по душе, иначе бы не натравил на тебя кого-то вроде нас. Будь осторожней, не знаю, чем ты ему не угодил, но с ним шутки явно плохи. Имен называть не стану, сам разберешься у кого на тебя зуб вырос.

И в самом деле, какие-либо имена тут были совершенно излишни. Амане уже понял, чьих рук дело эта затея, которая могла обернуться Юу боком, в лучшем случае, его после этого столкновения отправили бы в больницу с серьезными повреждениями.

– Что же это было и, главное, кто учинил это? – задал вопрос Ичиносе.

– Юу, ты что-то знаешь об этом? – осведомился у Амане Шинья, приблизившись.

– Простите, – без дальнейших слов и пояснений, Амане направился обратно к корпусу.

– Юу, куда ты? – взволновано окликнул его Ичиносе. – Подожди.

– Юу! – позвал Хината, растерянный не меньше остальных.

Но Юичиро уже никого не слышал. Несясь по территории школы, ища глазами среди толп школьников, выбравшихся на свежий воздух кое-кого определенного, он, в конце концов, отыскал свою цель около оранжерей.

– Твоя работа?! – ничего не объясняя, налетел на Микаэля Юу.

– Ты бы отдышался сначала, а потом уже кидался обвинениями. Не хорошо так, без нужды обвинять человека.

Едкий смешок и колкий взгляд синих глаз, вызвали бурю эмоций в душе Юичиро.

– Так это все-таки ты?!

– Что я?

Шиндо точно потешался над ним и его взвинченным состоянием.

– Ты наплел этим гориллам про то, что я якобы смеялся над ними? – дрожа от негодования, выкрикнул Юу в улыбающееся лицо Микаэля.

– О, какие слова! Разве ребята не отучили тебя раз и навсегда бездумно чесать языком? – насмешливо отозвался Мика.

– Сволочь, зачем ты это сделал?! За что?!

Но Мика только улыбался, не желая пояснять более детально причины своего поступка.

– Я… я… ведь я к тебе по-хорошему, а ты! Ты! – Юу задыхался от негодования, настолько сильно в нем буйствовало обида и злость на Шиндо. – Ты ведешь себя, как последняя мразь!

– Я пытался до тебя донести, Юу, – Мика внезапно стал таким же серьезным, как и в прошлый раз. – Мы не друзья.

– И ты сделал это только для того, чтобы показать мне это? – Юу был поражен масштабами действий, в которые могли бы быть вовлечены и его друзья, продлись беседа немного дольше.

– А ты быстро схватываешь, – улыбнулся Шиндо.

– Блять, ведь я думал, я надеялся, что можно, что ты не… Но ты… из-за тебя… – Юу воззрился на Микаэля именно тем пылающим взором, к какому Мика был привычен – взгляд полный ненависти и жажды мести.

– О, наконец-то ты перестал разыгрывать из себя святую добродетель, выглядело это довольно смешно, – издевкам Шиндо не было конца, Юу понимал теперь всю глупость своих прежним намерений. Чтобы там не происходило с Микой в прошлом, а он – самая настоящая сволочь, оправдания поступкам которой нет и быть не может.

– С этих пор, остерегайся, – устремил на Мику гневный и холодный взгляд из-под бровей Юичиро. – Ты сполна отве-

тишь мне за то, что из-за тебя чуть не пострадали мои друзья. Теперь меня ничего не будет останавливать.

С этими словами, он развернулся и двинулся туда, откуда пришел.

– Вот он настоящий ты, Юу, – опершись о стеклянные стены одной из оранжерей, усмехнулся Мика, провожая его взглядом. – Вот твоя сущность, Юу, и вот твое истинное отношение ко мне. К чему тут лукавить?

Когда темноволосый юноша скрылся из виду, Шиндо возвел глаза к небу. Безоблачное, синее и такое недосягаемое обычному человеку, не имеющему крыльев и возможности свободно парить в нем. Так манит к себе, но только птицам позволено безнаказанно, свободно летать в небесной синеве.

– Друзья… – одними губами прошептал он, после чего они задрожали, и Мика быстро прикусил их, чувствуя, как от этого слова в нем разливается какое-то жгучее чувство, и возрастает еще большая неприязнь к Амане.

Сад сломанных роз моей души

« – Друзья…»

Мика презрительно фыркнул, когда мысленно повторил про себя это бесполезное слово и опустил тяжелый взгляд на землю. Он по-прежнему был один возле оранжереи. Ветер доносил до слуха смех и обрывки слов учеников, собирающихся в основном на заднем дворе школы неподалеку от входа. Шиндо не стремился к этому обществу, предпочитая ему спокойное уединение. Юичиро ушел некоторое время назад, а парня по-прежнему терзали его слова, касающиеся друзей.

Юу был так обеспокоен не столько тем, что Мика науськал на него громилу, сколько опасением, что из-за его действий пострадают его товарищи. Осознание этой вещи впивалось острым шипом в воспаленный разум, нежелающий смириться с этим фактом. Почему, почему он беспокоится за них так сильно? Кто они ему такие, чтобы бороться за них? Неужели он и впрямь считает этих людей своими друзьями?

Все они. Все здесь лицемеры. Говорят одно, а на деле поступают совсем иначе – подло и низко, и никто из них ни разу не дал Мике усомниться в том, что он сделал поспешные выводы. Все здесь одинаковые, и как Юу не видит этого? Даже Шинья с Гленом и те ничего не сто́ят.

Впрочем, что удивляться поступкам Юичиро? В этой сре-

де он, должно быть, чувствует себя комфортно, ведь и сам далеко от них не отъехал. Такой же лицемер, как и все остальные. И все эти его якобы добрые побуждения только оскорбляют чувства Микаэля, которому хорошо известно, что на самом деле испытывает к нему Амане, а именно – ненависть. Такой слабый предлог, как то, что у Мики тоже не было полноценной семьи, не свернет Юу со своего старого пути, по крайней мере, не так быстро и резко. Он просто что-то задумал в тот день, когда ему об этом донесли и придумал какой-то план, чтобы подобраться к Мике, прикинувшись другом, а потом нанести удар, когда тот будет ожидать его меньше всего.

Нет. Мика не так глуп и наивен, чтобы поверить в такую низкосортную ложь и подпустить его к себе близко. И то, что Юичиро прикидывался доброжелательным все это время, только воспламеняло злость в душе Шиндо, заставляя его презирать Амане еще больше. А даже если предположить, что Юичиро действительно испытал к нему сочувствие, то жалость от врага, причинившему ему столько бед и ни разу не раскаявшегося в этом, не нужна ему и подавно. Она противна ему равно в такой же степени, как все эти лирические заискиванья так называемых друзей, которые все до единого питают свои мерзкие, грязные мыслишки лишь одним стремлением – использовать.

«Никого из них нельзя допускать к своей душе, никого. В противном случае, ее просто растопчут. Не задумываясь.

Без жалости и сострадания»

Эти слова Мика принимал как догму и только так воспринимал мир и то, как нужно себя вести, чтобы выжить в нем и остаться более-менее не тронутым.

Что же касается его поступка с Юу, он понимал, что выглядит он довольно неприглядно, однако это был единственный способ отвадить от себя человека, доверия к которому у него не было, невзирая на его внешнюю благосклонность. Он пробовал объяснять Юу по-хорошему, но он не желал слушать, а тем временем Синго и его дружки продолжали прессовать и с каждым днем их нападки принимали все более серьезный оборот, а Мика не желал сносить этого ради человека, подобного Амане. Разумеется, он мог просто поговорить с Юичиро на этот счет и объяснить ему ситуацию, но Шиндо решил перекрыть Юу все возможные лазейки к себе и показать, что он никогда не верил и не поверит его действиям и это была контрмера, прежде чем Амане успел воплотить свой план в жизнь.

Опять же, если с Юу начать говорить и объяснять ему всю ситуацию как полагается, без негативных оттенков, он может посчитать, что Мика вынужден не контактировать с ним из-за чужого воздействия и, если бы не это, Мика с распростертыми объятиями принял его. А этого юноша допустить не мог. Таким образом, он показал, что их контакт не возможен никоим образом, и дело даже не в том, что его заставляют отказаться от общения (о котором Амане, к слову, ничего не

знает и не узнает никогда), а исключительно в его личном нежелании подпускать близко к себе Юу.

– А, вот, ты где прячешься.

Скрипучий голос, вырывает Микаэля из плена его мрачных рассуждений, заставляя возвратиться в не менее отвратительную реальность.

Он поднимает хмурый взгляд на Нагашиму, который стоит и смотрит на него с этой мерзкой ухмылочкой на губах. Темные глаза сверкают. В этом злом блеске отражена все та же единая эмоция, что сопровождает любой его контакт с Микой – восхищение, перемешанное с безумной похотью. Шиндо, не открывая рта, терпеливо ждет, что будет дальше, хотя интуиция настойчиво твердит, что надо уходить. Мысли этого кретина слишком очевидны, чтобы позволить ему приблизиться к себе еще ближе. Ведь тогда можно не успеть убраться. Но в то же время любопытство и чувство собственного достоинства, которое держит и не позволяет вот так вот просто оставить место столкновения, удерживают его на месте, позволяя спокойно взирать на спортсмена.

– Я уж думал, ты теперь до конца дня не покажешься на глаза. – Кота усмехнулся, – Должен сказать, ловкий ход, я сначала не понял.

– О чем ты? – изогнул бровь Микаэль.

– Только не делай такие удивленные глаза, – парень подошел к Шиндо и стал рядом. – Решил моими руками разделаться со своим врагом?

– Чушь! – фыркнул Мика и отвернулся, якобы не желая признавать собственную затею. Но Нагашима хоть и был спортсмен, да все же немного рассуждать умел, а тем более, когда дело касалось низких и мелких поступков.

– Чем он тебе насолил-то? – усмехнулся Кота, поглядев на парня, который продолжал решительно молчать.

– Как бы там ни было, – он развел руками, – а хоть ты и подставил меня в какой-то степени, я на тебя обиды не держу.

Мика не успел ничего сообразить, как оказался прижатым к толстому стеклу оранжереи, а прямо перед ним красовалось отвратительное лицо игрока.

– Более того, – продолжил говорить тот, наслаждаясь вмиг исказившимся от возмущения лицом Микаэля, – ты стал нравиться мне еще больше.

– Отпусти, – сдержано, со сталью в голосе произнес Мика, ощущая, как его плечи сжимаются в тисках чужих ладоней.

– Как же мне нравится твой дерзкий взгляд, – ухмыльнулся Кота, осматривая безупречное, белое тело под расстегнутой рубашкой и переводя взгляд на лицо беспомощного парня. – Прекрати сопротивляться, – он провел ладонью по шее, – я же остаюсь на твоей стороне даже после того, как ты так провел меня. А ведь мог бы обойтись с тобой куда хуже, а так прошу лишь малость, – он произнес эту фразу уже почти около лица Микаэля и тот моментально скорчился, ощутив неприятный запах чужого дыхания. Прежде, чем Кота успел

накрыть губы расслабившегося, как ему показалось, Мики своими, последнего резко обуяла ярость.

– Отпусти! – закричал Микаэль, с силой отпихивая от себя Нагашиму и ловко выбираясь из его объятий. – Ненавижу, когда ко мне прикасаются такие, как ты, – с ожесточением, прошипел он, оборачиваясь через плечо к парню. – Я сказал, между нами ничего не будет!

– Кем ты себя тут возомнил? Принцем? – услыхал он насмешливый голос Коты, в котором чувствовалась сдерживаемая ярость. – Ты здесь никто и ничто, тебя все ненавидят. А я… – Нагашима стал за спиной Микаэля и обхватил его за плечи, – несмотря на твою холодность и пренебрежительное поведение, все равно люблю тебя. Так будь благодарен…

Мика вздрогнул, когда ощутил, как рука, скользнувшая по его животу вниз, сдавила член.

– Нет! – ощутив приятную волну, вскрикнул он. – Не смей!

– Брось, тебе же нравится, – прошептал ему на ухо Нагашима, продолжая сминать орган и слышать сдавленные стоны, вырывающиеся из груди жертвы. – Прекрати корчить из себя недотрогу. Ты же хочешь…

– Не прикасайся ко мне! – выпалил Мика в отчаянье.

– Черт, да не вопи ты так, чтоб тебя! – разозлился Кота и, развернув парня к себе, попытался заткнул ему рот поцелуем, но этого Мика уже точно стерпеть не мог и что было сил, ударил того по лицу.

– Урод чертов, не приближайся, – Шиндо отскочил в сторону, как только хватка ослабела. – Кретин, никогда этого не будет! – усмехнувшись, добавил он и уже было развернулся, собираясь удрать, но его схватили за руку. Мика с испугом обернулся, но сразу же испуг сменился яростью.

– Стой, – Кота удерживал его, не давая возможности скрыться. – Ладно, что уж. Погорячился, извини.

Мика с недоверием покосился на него, сожалея, что не сумел убежать.

– Убери руку, – холодно проговорил он, испытывая футболиста. Его голос заметно дрожал.

– Извини, – Нагашима отпустил его и отошел на почтительное расстояние. – Я понимаю. Не убегай, я ничего тебе не сделаю.

Потирая покрасневшее от хватки запястье, Микаэль хмуро и недоверчиво глядел на Нагашиму. С чего это он вдруг одумался? Такой шанс, поблизости никого нет, а он стушевался, хотя донимает его буквально с первого дня поступления в эту дьявольскую школу. Или это уловка? Да, скорее всего. Нужно быть осторожнее.

– Я шел сюда не за этим, – произнес тем временем Нагашима. – Сорвался просто.

Мика закатил глаза к небу, якобы ему от этого признания становилось легче.

– И зачем же ты шел сюда, если не для того, чтобы напасть на меня или же поквитаться за подставу? – ухмыльнулся он.

– Что тебе сделал Амане? – серьезно осведомился Кота, но Мика только отвел взгляд в сторону. – Не скажешь?

Длинная пауза.

– Хорошо, не хочешь не говори, – сдался парень, видя, что Микаэль не намерен объясняться.

– Осуждаешь? – прищурился Микаэль. – Понравился он тебе?

– Нет, скорее наоборот, – усмехнулся Кота. – Он мне совсем не по нраву. Раздражающий какой-то. И я могу понять твою неприязнь к нему.

– У меня нет к нему никакой неприязни, – резко бросил Шиндо.

– Пускай так, – согласился школьник. – Могу понять почему он тебя раздражает, назови как хочешь, суть одна. Ты его рядом с собой видеть не желаешь.

– И что из этого? – сдвинул брови Микаэль.

– А то, если будет уж слишком назойливым, обращайся ко мне.

– Мне не нужна ничья помощь, если мне кто-то не по душе, я сам от него избавлюсь, – твердо заявил Шиндо.

– Вот он ты, не принимающий никакой помощи. Этим и влечешь тут всех, – улыбнулся парень.

– Чего? – ощетинился Шиндо.

– Да ничего такого, – махнул рукой Кота. – Просто хочу сказать, что окажу тебе любую помощь, не требуя ничего взамен. Тот твой ход многое сказал о тебе.

– И? – изогнул бровь Микаэль.

– И я был поражен, – ответил Нагашима. – Короче, можешь больше не опасаться меня. Я принимаю твои правила игры.

Выслушав признание, Мика фыркнул и, гордо тряхнув головой, развернулся и ушел, так ничего и не сказав в ответ.

– Сколько же спеси-то, а? – усмехнулся сам себе Кота, провожая парня взглядом.

Идиот, неужели подумал, что Мика верит в эту чушь? Направляясь по дорожке в сторону школы, Шиндо размышлял над случившимся. Ему не нужна помощь, особенно от таких, как этот Нагашима. Он и сам со всем справится, в конце концов, ему не привыкать к одиночной борьбе. Мика ведет ее с малых лет и привык к этому. И теперь, набравшись достаточно опыта, ему и подавно не нужны такие помощники, словам которых веры нет, даже если они звучат правдоподобно.

Школьный день оканчивается и Мика возвращается домой. Особых событий не случилось, а посему он мог продолжать думать о всех тех произошедших ранее вещах.

Уже поздно. Вечер. Темная одинокая гостиная, озаренная лишь светом работающего телевизора, перед экраном которого сидит Микаэль. На столике перед ним испускает пар чашка недавно налитого кофе. Еще один вечер, который он коротает сам, потому как отец никак не может расстаться со своей любимой работой и в последнее время приходит позднее обычного.

Вполне уже можно отправиться спать, что он обычно и делает, однако сегодня Мика упрямо продолжает сидеть на своем месте, вставая лишь для того, чтобы приготовить себе еще кофе, дабы не уснуть от скучной, дешевой мелодрамы наподобие той, от которых обычно заливаются слезами слишком мнительные и сентиментальные домохозяйки. Впрочем, трагедии тамошних персонажей мало занимают его мысли. Он сконцентрирован на собственных размышлениях, а посему, то, что идет по телевизору, не имеет для него никакого значения.

Подаваясь вперед, Мика берет со стола чашку и подносит к губам, снова откидываясь на спинку дивана.

Много всяких мыслей одолевают его, но в основном они сосредоточены вокруг Амане. Потому как, пусть даже Шиндо считает свой поступок верным, что-то внутри все равно травит его. Он не может действовать иначе, обстоятельства складываются против него, однако то, что он сотворил, не делает ему чести, и Мика понимает это. Также он понимает, что у него не было выбора. И эти два чувства сцепились воедино и не дают примириться с самим собой. Ему едва ли удается отогнать от себя эти противоречивые чувства, как в следующий миг снова в голове звучит заветное слово, упомянутое Юичиро, от которого внутри юноши все болезненно сжимается.

Друзья…

Прикусывая губу, Микаэль крепче сжимает чашку в ладо-

нях. Он вспоминает Юу, которого частенько видит веселым и болтающим с друзьями, у которого сложились хорошие отношения с командой, с некоторыми одноклассниками, и не понимает, как ему это удалось. Он тут не так давно, всего каких-то пару недель и уже завоевал сердца многих, в то время как Мика абсолютно одинок. Ему не так легко сойтись с человеком, поверить ему, он предпочитает замкнутость, но от нее же страдает. Разумеется, не без причин он избрал такой путь, в прошлом, да и в настоящем у него были неплохие учителя, буквально силой заставившие его осознать, что доверять кому не попадя опасно.

– Юу, как тебе это удается? – прикусывая большой палец, Мика с тоской глядит перед собой, невидящим взглядом. – Почему все тебя любят? Ты же…

Горький комок подступает к горлу, топя дальнейшие слова. Голос обрывается и стихает. Мика подносит чашку к губам, делая несколько глотков.

Темная комната, единственный голос, звучащий в ней, – это внутренний голос разума самого Микаэля и шум телевизора. Одиночество съедает сердце того, кто беспомощен перед ним. Кто не может разбить связывающие оковы и вырваться на свет из глубокой тени, в которой он уже увяз безвозвратно. Никто, никто не хочет прийти и вытащить его из этой ямы, помочь облегчить душу. Даже психологи не могут найти ту нить, что вытянула бы его в жизнь и заставила позабыть о собственной боли, что как жирный, мерзкий червь

пожирает его изо дня в день. Что говорить об отце, который, терзаясь своей собственной болью, совсем позабыл о нем и о том, что Мике нужна помощь не меньше чем ему, ведь это именно он пострадавший, именно он сгорал в аду, моля о пощаде, но в ответ ему только смеялись и причиняли еще больше страданий, пока все вокруг жили своей жизнью и не замечали, как он мучается. Видя отчужденность отца в какой-то момент Мика сам ощутил отчуждение, что в итоге привело к потере той слабой связи между ними, полностью отдалив их друг от друга.

Мика лишился такой необходимой ему поддержки в самый важный момент, а если вспомнить, что отец привел ему однажды двух совершенно незнакомых людей и назвал чужую женщину его новой мамой, которая вовсе не была ему матерью и никогда не могла стать ею, то поддержки от отца он фактически никогда не имел. Отец изначально пренебрег им, попытавшись вновь обзавестись семьей, которая причиняла Мике только моральные страдания. Но отец упорно не хотел замечать эти страдания, ведь утаить происходящее было невозможно, но он упорно делал вид, что у них в семье все хорошо, лишь бы только у его сына была мать и он ничем не отличался от остальных детей.

Вероятно, испытав предательство отца, который, вместо того чтобы быть с ним, решил обзавестись новой семьей, теперь Микаэлю было так трудно довериться кому-либо, поэтому он толком никогда не имел друзей, опасаясь подпус-

кать их к себе слишком близко, тем самым порождая в них недоверие и, естественно, их контакт был непрочным, а поверхностным и слабым. Но Мика ничего не мог поделать со своей душой и натурой, которая отказывалась так легко доверять людям, не раз причинявшим ему боль. И теперь он просто страдал в своем одиночестве, в своем доме, в котором по большей части он пребывал сам, в удушающей тишине, которую могли бы нарушать звонкие голоса верных друзей или мягкий голос любимого человека.

От всех этих внезапно нахлынувших чувств Микаэль дрожал, как осенний лист на ветру. Его разрывала мрачная тоска, разрушала собственная беспомощность, давило осознание, что рядом никого нет и никому он не нужен, ведь его предали все. Все, кто когда-либо окружали его, выбросили Мику из своей жизни и сейчас либо откупались, либо совсем забывали. Даже Юичиро обзавелся этими проклятыми друзьями, которые стали для него настолько важными, хотя он ничего о них не знает. Он видит их впервые, но уже принял. Он верит им, а они верят ему. Почему? Почему сам Мика не умеет быть таким? Возможно, веди он себя как Юу, не случись в его прошлом этой трагедии, оставившей глубокий след в его сердце, сейчас бы он не умирал от своего одиночества, сидя в большой, холодной гостиной, дожидаясь возвращения человека, который предал его, заменил новой женой и ее ублюдочным сынком, а потом бросил в самый важный момент, увезя за границу и спихнув на попечение все-

возможных психологов и врачей, вместо того, чтобы быть с ним самому. А потом по возвращении (хотя Мика предпочел бы навсегда остаться в Амстердаме и никогда больше не видеть этот треклятый Киото) определил в эту чертову школу, где Мика не ощущал покоя по сей день, вынужденный вести постоянную борьбу с теми, кто желал его и ненавидел за отказы.

Когда в замке повернулся ключ, Мика вздрогнул и обернулся к двери. А затем, отставив чашку, встал и неторопливо прошел в прихожую, озарившуюся светом лампы. Он остановился на пороге, как раз в тот момент, когда отец снял обувь и собирался уже подняться наверх.

– Привет. Ты еще не спишь? – увидев сына, с удивление воскликнул Натаниэль, ибо во всем доме не горел свет и он был убежден, что его сын уже давно видит сны.

– Нет, – приглушенно ответил младший Шиндо, с грустью взирая на родителя.

– Так иди ложись, уже очень поздно, тебе рано вставать, – взглянув на старые часы, служившие им ранее и теперь приведенные в действие, после смены батарейки, строго проговорил мужчина.

– А тебе? – опустив голову, глухо поинтересовался Мика, когда отец прошел мимо него.

– Что мне? – развязывая галстук, переспросил мужчина, обернувшись к сыну.

– Тебе разве завтра не рано вставать, так почему ты так

задерживаешься? – глухо повторил мальчик и поднял взгляд на отца. В этом взгляде таилась обида и злость за то, что тот продолжает оставлять его одного так надолго.

– Ты прекрасно знаешь, какая у меня сложная работа. Мой рабочий день не нормирован, а сегодня как назло свалилась целая куча дел, – устало ответил Натаниэль.

– Вчера она тоже свалилась? – хмыкнул Мика. – Никого там часом из ваших трудоголиков не пришибло?

– Мика, сколько раз я тебе повторял, не смей говорить со мной в таком тоне! – прикрикнул на него отец, но для Микаэля это не послужило поводом для того, чтобы остановиться, он сделал это по иной причине. – Я делаю так, как считаю нужным и если я задерживаюсь в офисе, значит так надо, ты меня понял?

«Как ты не понимаешь, дурачок, что я стараюсь не ради себя, а ради тебя»

Мика только повел плечами и отвернулся, скрестив руки на груди. Неизвестно выражал ли тот жест его согласие со словами родителя или же показывал безразличие к сказанному.

– Извини, что вспылил, но я очень устал сегодня, – более мягко проговорил мужчина. – Я хочу лечь спать, ты тоже иди. Действительно поздно уже.

– Если вдруг надумаешь поесть, твой остывший ужин на столе, – с безразличием глядя перед собой, проговорил Мика.

– Что? – изумился старший Шиндо, поглядев на сына. Не в диковинку был этот поступок для него, но только сейчас он подумал о том, что Мика не просто так дождался его возвращения, а теперь всем своим видом показывает обиду в свойственной ему манере.

– Мика, ты ждал меня? Ты хотел о чем-то поговорить? – мягко задав вопрос, он с волнением ждал ответа. Не часто за последние года, Мика давал ему возможность понять, что он что-то хочет от него. Быть может, именно сегодня мальчик решил раскрыться, что-то сказать ему, попросить, поделиться. Мужчина так долго добивается этого, делая все возможное, дабы вернуть сына к нормальной жизни и обычному человеческому общению. Но кажется, он опять упустил этот важный момент.

– Может, ты хотел, чтобы мы поужинали вместе? – предположил отец, но Микаэль отрицательно покачал головой.

– Мика, – он подошел к мальчику и опустил руку на его плечо. – Ты ведь обычно спишь, когда я возвращаюсь. Скажи, что ты хотел? – глядя в отчужденное лицо сына, осторожно проговорил он.

– Хотел сказать, что вредно так много работать, жизнь мимо пролетит, оглянуться не успеешь, – вдруг резко сменив настроение, засмеялся Микаэль и, высвободившись, быстро направился к лестнице.

– Мика! – окликнул его отец.

– Ничего, папа, все нормально, я спать. Спокойной ночи, –

и с этими непринужденными словами взвинченный юноша взбежал вверх по лестнице, а через пару секунд раздался стук захлопнувшейся двери.

– Мика… – глядя вслед сыну, тихо произнес мужчина и обреченно вздохнул. «Как же с тобой тяжело».

Подростки… с ними всегда трудно, а тем более с такими, как его сын, не желающий идти на контакт и ведущий себя довольно несдержанно, порой даже грубо.

«Я понимаю, тебе тяжело вдвойне, но я постараюсь дать тебе то, что так необходимо каждому ребенку»

Микаэль забежал в свою комнату и, быстро сняв с себя всю одежду, бросился на постель.

«Почему так трудно дышать, почему все вокруг так давит на меня?» – сжимая руками подушку и жмурясь, думал он, ощущая, как горькая обида и боль лижут своими языками каждую клеточку в его теле.

Может он и хотел. Может он хотел многое сказать, многим поделиться, попросить совета, но того не было так долго, что он успел позабыть обо всем том, о чем намеревался сказать. А теперь бесполезно. Все напрасно. Уже нечего говорить, все растаяло, как мираж в пустыне, осталась только голая, высохшая почва. Слова стерлись, а вслед за ними ушла надежда. Ничего не осталось, кроме пустой, темной комнаты и запертой в ней трепещущей, израненной души.

Танец на раскаленных углях

На следующий день, перед началом урока, Микаэль как всегда сидел за своей партой, не желая присоединяться к всеобщей болтовне одноклассников и желая только, чтобы время шло поскорее, и появление учителя, а также начало урока наконец прекратили эти надоедливые разговоры, когда вдруг позади него кто-то прошел. Обернувшись, он увидел Юу, который прошел мимо к своему месту, опустил на стол сумку, при этом не удостоив Шиндо ни единым взглядом, не говоря уже о слове, и, также игнорируя его присутствие, пошел к Глену и Шинье. Чувствовалось сейчас и на протяжении всего дальнейшего урока, что такой человек как Мика полностью исчез из жизни Юичиро. Он ни разу не обернулся к нему, а даже если и смотрел, то сквозь него.

Такое поведение Амане вызвало легкую усмешку на губах белокурого юноши, который вновь ощутил болезненную двойственность. И радость, и горечь овладели одновременно его душой, когда он убедился, что Юичиро более не расположен к нему так, как было прежде. Но Мика сделал то, что хотел и что должен был сделать, а потому то, как Юу ведет себя, вполне логично и соответствует реальности.

После урока, когда Мика прогуливался по территории, к нему подошел Синго со своими дружками.

– Ну что, ты молодец, – одобрительно проговорил Акута-

зава, с мерзкой улыбкой взирая на Микаэля. – Уж не знаю, как ты это сделал, что сказал, но Юу к тебе охладел. Ты очень послушный, несмотря на свою горячность.

– Пошли вон, – огрызнулся Мика.

– Уу, как невежливо, – протянул Синго. – Теперь, когда и Юу ты больше не нужен, тебе стоит быть сдержанней в выражениях. Мало ли что?

– А с чего ты взял, что я нуждался в этом надоедливом слюнтяе? Я только рад избавиться от такого неудачника, как он. Ведь я не ты и, чтобы не чувствовать своей никчемности, мне не нужна компания крутых ребят, которые будут охранять меня и днем и ночью, потому как я сам не могу постоять за себя, – криво ухмыльнулся Шиндо.

Рассвирепев от столь наглого заявления, Синго моментально подскочил к Мике и что есть мочи ударил его коленом в живот. Шиндо согнулся пополам от пронзившей его боли.

– Эй, парни, поднимите его.

По приказу Синго, двое парней стали по бокам от Микаэля и, взяв его под руки, выпрямили. Удар был более чем сильным, Шиндо все еще не мог успокоить сбившееся дыхание. Но тут кто-то схватил его за волосы и поднял голову. Это был Синго с удовольствием наблюдавший за его беспомощностью.

– Нравится? – злорадно поинтересовался он. – А как тебе понравится это? – с этими словами он впился грязным, отвратительным поцелуем в губы Микаэля. Он с наслаждени-

ем насиловал его рот, чувствуя, как трясет от этого Шиндо, как он пытается вырваться, но его крепко держат его друзья.

– Еще раз повторяю, выбирай выражения, иначе кто-нибудь рано или поздно оторвет твой поганый язык, – сказал Синго, разорвав поцелуй и схватив Мику за подбородок, по которому из уголка рта стекала слюна. – Вижу и впрямь понравился поцелуйчик, хочешь еще? – усмехнулся парень.

С ненавистью глядя на Синго, Мика сделал единственное на что был способен в такой ситуации – ударил обидчика лбом.

Схватившись за нос, по которому пришелся довольно сильный и резкий удар, повредивший переносицу, Синго воззрился на Мику, чье оскорбление было для него вопиющим, с такой ненавистью, словно был готов растерзать его тут же на месте, отплатив за ту кровь, что заструилась из носа. А в следующий миг размахнувшись, вложив в удар всю свою злость, ударил Шиндо по лицу. Он уже был готов начать наносить еще удары более жестокие и внушительные, но один из дружков отвлек его.

– Эй, Синго, глянь туда. Скорее. Остановись.

– Чего? – с яростью, которую он намеревался выплеснуть на Микаэля, набросился он на товарища, который испугавшись чего-то стал быстро жестикулировать, указывая на что-то в другом конце аллеи. Когда Синго поднял взгляд в указанном направлении его всего передернуло. Стиснув зубы, он наблюдал за высоким, стройным парнем, элегантности и

лоску коего мог бы позавидовать любой аристократ начала XIX века. С присущей его натуре изысканностью и величием этот сереброволосый принц следовал по направлению библиотеки, но его внимание привлекла стайка ведущих себя шумно парней у здания учебного корпуса. Сделав им замечание, которому все последовали, ибо игнорировать указания председателя школьного совета, было не в их интересах, старшеклассник последовал дорогой, пролегающей как раз неподалеку от того места, где учинял свой беспорядок Синго. Авторитет этого человека в школе был незыблем и идти против него было себе дороже. Многие учащиеся воспринимали его тут как нечто божественного происхождения, однако их бог был суровым и не делал поблажек своим почитателям.

– Черт, Батори, – выдохнул Синго, как и многие опасающийся лишний раз попадаться на глаза человеку, добившемуся столь высокого положения в их школе, а тем более когда он делал вещи недопустимые и противоречащие установленным правилам поведения на территории школы.

– Запомни, грязная шалава, еще одна выходка и тебе конец! – прорычал он, обернувшись к Мике, которого продолжали удерживать его дружки. – Отпустите эту шваль, – сказал он парням, кивнув на Шиндо и развернулся. – Пошли отсюда, пока президент нас не заметил. Не хочу его видеть. Не хватало нам еще огрести от него из-за этого.

Двое парней, что держали Мику, отпустили его и пошли

вместе с остальными за своим лидером. Ферид Батори прошел по тропинке, ведущей в библиотеку, так и не увидев всего того, что творилось в районе оранжерей.

Упершись руками о землю, Шиндо с трудом удерживался, чтобы вовсе не упасть. Тело все еще ныло, голова после столь мощного удара шла кругом. Во рту чувствовался металлический привкус, похоже, ему разбили губу, а может он прикусил язык, трудно сейчас разобраться. Он содрогался всем телом, но не позволял себе слез. Сейчас они стали бы еще более унизительными, чем обычно, он просто терпел, пока не угаснет в нем эта буря разрывающих чувств, дабы потом на трезвую голову обдумать ситуацию, но было кое-что, что он уже понял. Так дальше продолжаться не может, нужно что-то предпринять, ибо спасенья нет.

Учебная неделя пролетела незаметно. С того дня, когда Юу пригрозил Микаэлю, он больше ни на миг не задумался над тем, дабы попытаться еще раз заговорить с ним или даже взглянуть в его сторону, а уж тем более проявить учтивую снисходительность. Поступок Шиндо полностью отвернул от его персоны Юичиро, который был уже готов забыть о прошлых разногласиях и попытаться наладить более-менее мирные взаимоотношения. Но Мика вновь предстал перед ним в том самом неказистом свете, что много лет назад, напрочь лишив Юу тех маленьких, едва возродившихся лучиков, которые можно было бы назвать душевным расположе-

нием. Теперь Амане перекочевал в число тех учеников, что таили на Мику зло, и, в отличие от других, его зло имело гораздо больше причин для существования. По крайней мере, ему так казалось, ибо он знал Мику куда как дольше, нежели все эти парни вместе взятые. Он понятия не имел, чем Шиндо испортил жизнь другим и почему они его невзлюбили, но все чужие обиды казались ему вдвое меньше его собственных.

Он никому ничего не рассказал о том, кто был поистине виновен в том каверзном случае, произошедшим с двумя командами, только отныне он просто прекратил какие-либо попытки добиться внимания школьного красавца. Его отчуждение после некоторого времени заинтересованности в Микаэле, стало заметно классу, в частности Глену с Шиньей, но никто не отваживался заговорить с ним об этом. Многие и так понимали причины и лишний раз задевать брата по несчастью никто не собирался.

Что касается Акутазавы Синго, так его с переломом носа отправили домой лечиться. И тоже никто, кроме тех нескольких человек, присутствующих тогда в саду, не знал, кто именно так разукрасил лицо отпетого хулигана. Хотя некоторые слухи все же ходили, но поскольку точных подтверждений им не было, никакие меры не предпринимались.

Короткий выдох, в котором слышалась нотка озабоченности, вырвался из груди Мики, когда он присел на каменный выступ, бывший некогда оградой и, поставив на него одну

ногу, изящно оперся о колено рукой, подперев голову, в которой с утра копились всякие далеко не радостные мысли. Лицо Мики было мрачным и сосредоточенным, что делало его еще более прекрасным. Тень задумчивости придавала загадочности пленительному образу, а сдвинутые в красноречивом молчании брови только возвышали и без того величественную натуру.

– Поостеречься бы тебе, – эти слова слетели с уст другого юноши, не менее утонченного чем Шиндо, но все же не такого притягательного. Леонард Коэн присел на выступ напротив Мики. Теперь Шиндо во всем своем вызывающем облике был перед ним как на ладони.

Мика обратил на него колкий, недоуменный взгляд.

– Не находишь, что в последнее время слишком много на голову свалилось? – с легкой улыбкой поинтересовался длинноволосый юноша. Шиндо ничего не ответил. Он отвернулся и только сильнее нахмурился.

– Ты будешь выглядеть слишком самонадеянным, если решишь, что он тебе это так с рук спустит.

– О чем ты говоришь? – задал вопрос Микаэль.

– Не секрет, что один ваш товарищ отсутствует уже которую неделю по кое-каким причинам, связанным непосредственно с тобой, – ответил ему Лео.

– Ты-то откуда узнал? – хмыкнул Мика, однако эта осведомленность пришлась ему не по душе.

– Я бы хотел похвастаться тем, что мне лично сообщил

это тот, кто оказался непосредственно втянутым в эту бесчеловечную разборку, но, увы, довольствуюсь чужим источником, – с ноткой сожаления изрек Коэн, мягко взирая на голубоглазого парня.

Шиндо лишь фыркнул в ответ, но отпираться не стал и тогда Леонард спросил снова. На этот раз вид его был обеспокоенным.

– Есть какие-то мысли на этот счет?

Он был прав, Микаэль и впрямь не раз задумывался над тем, что будет, когда Синго вернется в школу. Собственно говоря, с утра его как раз и заботили мысли об этом чертовом, бесбашенном однокласснике. Он рассуждал так, что если до этого Акутазава не давал ему спокойной жизни, то после такого позора, он явно захочет поквитаться с ним. Предполагать, что он оставит это без внимания, Лео прав, может только последний самонадеянный, наивный болван.

– Может быть, есть резон поговорить с Батори, рассказать, как было? – осторожно предложил Лео, но тут же понял, что сглупил. Парень метнул в него такую молнию, что всё стало более чем очевидно.

– Мика, можешь не делать такой вид, я предложил не потому, что хотел тебя как-то оскорбить, – спокойно проговорил Коэн, не изменившись в лице даже после того леденящего взгляда. – Но ты всерьез должен подумать о своей защите.

– Для моей защиты мне не нужна чужая помощь, а тем более, помощь от него, – холодно ответил на это Шиндо и в

следующую минуту, его губы расплылись в хитрой улыбке. – Тебе стоит думать лучше, прежде чем говорить мне такие мерзкие вещи.

– Хочешь сказать, если я на что-то рассчитываю в дальнейшем? – прищурился Леонард, элегантно опершись на руку.

– А ты на что-то еще смеешь рассчитывать, Лео? – также сузил глаза Мика.

– А какой мой ответ тебя устроит?

– Черт, – Шиндо отвернулся, тем самым показав, что на этой благостной ноте их диалог, посвященный этой скользкой теме, должен быть окончен. Надоело смотреть в глаза этому типу. Вместо этого он устремил взгляд на лужайку, где столпились на переменке школьники, и среди прочих заметил Юичиро, направляющегося в сторону стадиона.

– А вообще хочу отметить, – снова донесся до его слуха, вкрадчивый голос Лео, – ты стал спокойнее в последнее время. Раньше весь как на иголках был, только и делал, что срывался, а теперь…

– Почему бы и нет, – повел плечом Микаэль, провожая взглядом Амане, который, объявив ему негласный бойкот, отныне действительно дал Мике возможность вздохнуть свободней. – Основная заноза, как таковая, удалилась сама собой, а мелочь меня мало заботит.

– Удалилась… – медленно повторил Коэн. – Хм, как знать, как знать…

– А тут и знать нечего, – Шиндо соскочил с выступа и пошел в сторону тропинки, – после того, что я ему устроил, он больше не сунется.

– Уверен? – бросил ему вслед Лео.

– Вполне, – крикнул Мика, продолжая следовать своей дорогой. Насколько же было бы предпочтительней, если бы той уверенностью, с которой прозвучал его ответ Лео, обладал его внутренний голос, звучавший не так убедительно. Мика неплохо знал Юичиро и глубоко внутри понимал, что долго это затишье тянуться не будет. Тот обязательно сделает свой шаг и этот шаг будет куда страшнее того, что может устроить взбешенный Синго. Юу давний враг, хорошо знающий его, и, надо признать, далеко не никчемный, в отличие от идиота Акутазавы. Мика не видел Юу пять лет и сейчас мог только догадываться насколько он стал выдержаннее. Конечно, эмоции все еще владели его поведением, но та сдержанность, которую проявил Юу около оранжереи, помогла Мике сделать новые неутешительные выводы о своем давнем враге. В детстве Юичиро не стал бы разбираться и выяснять, кто виноват, а кто нет, он просто поколотил бы его от души за подставу, а тут он обошелся предупреждением, хотя Мика видел сквозившее не только в его взгляде, но буквально в каждом жесте, непреодолимое намерение отплатить ему сполна. Как ни прискорбно, но надо признать – Юичиро изменился за эти годы и надо с ним быть начеку.

Еще одно бедствие, ни с того ни с сего свалившееся ему

на голову, причем так не вовремя. Хотя… когда проблемы настигают вовремя?

Микаэль тяжело вздохнул, ощущая безысходность человека, обреченного на постоянные ненужные ему неприятности, который сами находят его вне зависимости от желания самого Мики.

Следуя по школьному коридору, Глен мельком глянул в окно, за которым в компании старшеклассников с кем-то говорил Микаэль. Он даже остановился, наблюдая за ними. Шагающий рядом Шинья, заметив, что, а точнее – кто, заставил друга забыть о том, что им надо идти, также остановился и, уставившись на своего одноклассника, коротающего перемену в обществе других, принялся наблюдать за ними.

– Что по-твоему влечет его туда? – спросил он минуту погодя.

– Уж явно не то, что повлекло бы нас, – ответил Ичиносе, глядя уже куда-то сквозь учеников.

– Возможно, – тихонько засмеялся Шинья.

– Не имеет значения, что его влечет туда или сюда, я чувствую облегчение от того, что Юу прекратил попытки приблизиться к нему.

Шинья серьезно взглянул на обеспокоенного товарища.

– Ты считаешь то, что произошло тогда, его рук дело? – парень кивнул на окно. – И Юу об этом знает?

– Не могу утверждать, да это и не важно, главное резуль-

тат, – ответил Глен.

– По-твоему Юу попытался сделать это? – Шинья поглядел сквозь стекло на парней.

– Не думаю, – отрицательно качнул головой Ичиносе. – Мне кажется, там произошло что-то другое, что заставило Юу отступить. Он еще пока не понимает этого, никто ему не сказал, а сам он далек от этого понятия. Оно ему даже в голову не приходит.

«Очень бы хотелось верить, что и дальше не придет, как бы невероятно это не звучало»

– То, что с Микой тут все переспать пытаются? – легко уточнил Хиираги. Глен поджал губы, а потом нехотя выдавил:

– Именно так. И думаю, не стоит говорить об этом вслух, – с некоторой укоризной добавил Ичиносе.

– Тоже мне тайна, – фыркнул Шинья и развел руками. – Но, как бы там ни было, как бы он там для себя его не воспринимал, но тебе стоит не думать об этом больше, ведь Мика все равно стал ему безразличен, – с подбадривающей улыбкой произнес Шинья. – Уже вторую неделю Юу даже не заговаривает о нем, а ведь до этого все пытался выспросить о нем у всех. Остыл, значит.

– Угу, остыл, – машинально повторил Глен, не отрывая взгляда от окна.

– Так если остыл, что же ты тогда смурной такой, а, ка-

питан? – хмыкнул Хииараги. – Напрягался, когда Юу на него внимание обращал, теперь перестал обращать, а все равно напрягаешься. Не надоело?

– Я боюсь, что если Юу на время отстранился от него по каким-то причинам, то это еще не значит, что он утратил к нему интерес полностью.

– Тут еще вопрос возникает, бы ли этот интерес вообще? Может он справлялся о Мике только как об обычном однокласснике, который прогулял школу в первые дни учебы, не более того. Весьма редкий случай, вот он и проявил любопытство, ну и все, на том и окончилось.

«Жаль я не могу так просто и легко рассуждать, как ты», – мысленно усмехнулся Глен.

– Может быть, но кажется… – попытался заговорить он, но Шинья прервал его.

– А мне кажется, что ты слишком много времени уделяешь этому вопросу. Забудь об этом. Твой игрок уже приложился лбом о ворота, пусть и не с той стороны, как большинство, но какая по большому счету разница. Так что больше он к нему не полезет, – проговорил Хииараги. – Юу же не мазохист, чтобы добровольно становиться на грабли, зная, что они обязательно стукнут по носу. Ох, – простонал Шинья, оттягивая воротник рубашки, – какая же жарюка, а ведь еще даже не лето. – Он пробежался взглядом по стенам коридора. – Не могли что ли установить побольше охладительных систем в помещениях? Дышать же нечем, а особенно когда

тут толпа народа на перемену вываливает.

– Я не хотел, чтобы Юу вовсе обращал на него внимание, потому как понимал, что он только голову зазря расшибет, пытался предостеречь как-то, но не вышло, – Глен безрадостно усмехнулся, – он это сделал.

– Вот и прекрати заморачиваться. Юу получил свое, с ним ничего не произошло, а ты тут изводишься только, выдумываешь себе всякие глупости, – Шинье уже начинала поднадоедать эта пустая болтовня. – Ничего плохого не случится, – он хлопнул Глена по плечу. – А будешь говорить об этом постоянно, так сам навлечешь неприятности.

– Да, действительно, – усмехнулся Ичиносе, чувствуя, что его переживания и впрямь уже перешли в маразм. – И правда жарко здесь. Пошли, купим чего-нибудь прохладительного, пока время еще осталось.

Хиираги весело кивнул, и вместе они направились к выходу из здания.

Спустя полторы недели в школу возвратился Акутазава. Всем сразу бросилось в глаза небольшое искривление его некогда прямого, точно выточенного под линейку носа. Разумеется, никаких шуточек по этому поводу напрямую не отпускалось, имели место только перешептывания и хихиканье, воспринимаемые самим пострадавшим как личное оскорбление. Ненависть к тому, кто вызвал всеобщее внимание к его персоне, понесшей унизительное наказание от рук

такого ничтожества, возросла моментально, затмив предыдущие показатели шкалы. К тому же Синго выставился тогда не в лучшем свете перед своими друзьями, не успев как следует отомстить Шиндо за удар, следовательно, необходимо было исправить ошибку в самые кратчайшие сроки, дабы оправдаться в их глазах.

В тот же день, после завершения урока английского, Акутазава вместе со своей гвардией из четырех человек, проследовали мимо парты Микаэля.

– Отдохнул пока меня не было? А теперь берегись, сполна мне ответишь за каждый день, который я просидел дома, – приостановившись, так чтобы никто не заметил, грозно шепнул Синго Мике, который отреагировал на это более чем спокойно, не прекращая собирать книги и тетради, даже когда довольно впечатляющая группа людей направилась прямо к нему.

– Синго, это ты что ли? А я тебя и не узнал. Где же твой знаменитый греческий профиль, которым ты так гордился, что это за крючок сморщенный? Прямо хоть рубашку вешай, – хмыкнув, бросил на него насмешливый взгляд своих синих глаз, Микаэль.

– Чего?! Да я тебе сейчас, – прохрипел на полутонах Акутазава.

– Иди, Синго, иди, да не забывай улыбаться, – продолжал издеваться белокурый парень. – Улыбка-то у тебя ничего так, чего нельзя сказать о твоем кривом носе. Будешь поча-

ще ее показывать, может и будет у тебя шанс подцепить кого-нибудь страшненького с плохим зрением. На большее-то ты уже не годишься, – губы расплылись в еще большей издевательской улыбке.

– Сука, попадись мне только, – прошипел Акутазава и, едва удерживаясь от того, чтобы не наброситься с кулаками на Шиндо при преподавателе, вылетел за дверь. За ним ушла и его компания.

Презрительно поглядев им вслед, Шиндо хмыкнул и уже собрался уходить, когда за спиной раздался голос.

– Проблемы?

Юноша обернулся. Через парту от его собственной, сидел и смотрел на него в упор Томоказу Наир. Хорошо сложенный, но не перекаченный юноша, по телосложению напоминающий Синго, со светло-карими, почти желтыми блестящими глазами, которые, казалось, просвечивают тебя насквозь, и темными удлиненными волосами, разделенными пробором с левой стороны. Серовато-бледный, землистый оттенок кожи, словно его по жизни травит какая-то хворь, однако же при всем при этом обладающий отменным здоровьем и выносливостью. Один из лучших у них на потоке в забегах на длинные дистанции. Наружность не самая приятная, как и мысли этого парня, с первого дня своего появления в средней школе посчитавшего, что ему в компании Синго делать нечего.

– Не твое дело, – грубо ответил Шиндо, припоминая не

лучший эпизод из своей жизни, когда в последний раз Наир обращал на него свое внимание.

– Будет тебе, – Томоказу встал из-за парты и приблизился к Микаэлю. На его губах играла легкая ухмылка. – Я ж по-хорошему.

Бросив строгий взгляд на двух парней, стоящих скрестив руки около двери, Мика вновь перевел его на одноклассника, который был выше него на голову и держался рядом на слишком уж близком расстоянии. Микаэль не ощутил страха даже невзирая на то, что в аудитории они остались только вчетвером, однако внутри все напряглось. Дать себе расслабиться в компании этих людей непозволительная роскошь. Нужно быть готовым в любой момент к какой-нибудь выходке.

– Услышал краем уха, как тебе тут Синго пригрозил, – он ухмыльнулся уголком рта, одновременно его рука прошлась по щеке белокурого парня. – Ответил ты ему недурно, этот урод заслужил твоих слов и украшения на всю свою сопливую рожу, да только теперь за свой острый язычок можешь заплатить вдвое больше, чем тебе причитается. Хочешь… – он склонился к однокласснику, который невзирая на внутреннее сопротивление оставался неподвижным и весьма сдержанным, и почти шепотом, ласково проговорил: – …помогу тебе отделаться от этого кретина раз и навсегда?

– Придержи руки при себе, Наир, – ощущая, как чужая

ладонь скользнула по его талии, а дыхание стало слишком сильно опалять шею, холодно проговорил Микаэль, после чего, как ни странно, но парень отодвинулся от него.

– Как скажешь, – ухмыльнулся Томоказу. – Как тебе мое предложение?

– Мне не нужна помощь, – твердо заявил Микаэль, прямо поглядев в глаза одноклассника. – Синго свое и так получит. Ему меня не достать.

– Не слишком ли ты самоуверен?

– А ты проверь, а, Наир? – дерзко бросил Мика парню и, засмеявшись, смело направился к выходу из аудитории. Ему беспрепятственно позволили покинуть её и, пройдя за угол, оказавшись на безопасном расстоянии, Мика, ожидавший более крутого поворота, ощутив облегчение, бросился бежать вниз по лестнице.

В конце месяца было проведено небольшое тестирование по всем предметам. После того, как были объявлены результаты и на руки раздали листы с выполненными заданиями, дабы ученики сами определили, что в их работах являлось ошибками, Юичиро с торжеством взирал на свои бланки, где красовалась отметки не меньше чем в 80 баллов каждый. Оглядев своих одноклассников, склонившихся над листами, Амане не обошел беглым взглядом и своего соседа. Шиндо с безразличием выслушал, озвученные преподавателем баллы и даже не взглянул на свои бланки, оцененность коих со-

ставила цифры в районе от 20 до 30 единиц максимум. Юу бы даже не обратил внимания на эти цифры, если бы они не оказались самыми низкими в классе. Тут даже он, полностью отстранившийся от Мики и от всего, что было с ним связанно, позволил себе этот короткий, непонимающий взгляд в его сторону. Бывший отличник младшей школы, каким знал его Юу, и который не раз задевал его за мизерность получаемых время от времени баллов, вдруг сам получает чуть бы не ноли за выполненную работу.

Впрочем, не мудрено. Юичиро презрительно хмыкает и отворачивается. Если вспомнить то отношение Шиндо к учебе, которое он выказывал на уроках, в его низкой успеваемости нет ничего особенного.

Только все равно это было странно…

Волей-неволей, но Юу заняла эта мысль и, покинув класс, он раздумывал над этим, гуляя по территории. Шиндо, как обычно, стоило только прозвенеть звонку, раньше всех покинул аудиторию, при этом он вел себя так, точно в этот раз он действительно куда-то сильно торопился.

В намереньях Амане уже давно не было пункта попытаться отыскать его. Их столкновение произошло случайно. Вернее, это даже столкновением нельзя было назвать. Юу просто оказался свидетелем того, как нападающий команды по футболу Нагашима Кота зажал Микаэля у дерева. Его широкая спина скрывала собой действия, но как бы Юу не пытался растолковать эти объятия и последующий поцелуй иначе,

у него ничего не получалось. На мгновенье он остолбенел от столь откровенного зрелища между двумя парнями, о котором даже помыслить не мог, когда поступал в эту школу. О том, что здесь возможны подобные взаимосвязи между учениками ему не приходило в голову. Однако, как сильно ни было потрясение, но он, быстро собравшись с силами, постарался как можно скорее покинуть арену, где разыгрывалась столь пикантная сцена, свидетелем которой он стал.

«Нет. Не может быть», – твердил он себе, возвращаясь в школу. «Этого не может быть, мне просто показалось», – уговаривал он себя, не желая верить своим глазам и слушаться внутреннего голоса. «Они просто разговаривали и всё, ничего такого. Это абсурд. Такое здесь просто невозможно. Невозможно»

Сердце бешено колотилось в груди, в то время как воспаленный той «картиной» мечущийся разум пытался дать толковое объяснение тому, что несколько минут назад увидели глаза.

«Неужели в этой школе практикуются подобные вещи? Почему никто не следит за этим? И как можно творить такое посреди белого дня?»

Амане был совершенно сбит с толку, растерян, а вдобавок еще и злился. Как к этому относиться он для себя не решил, даже не подозревая, что столкнется с чем-то подобным в такой знаменитой школе, потому увиденное стало поистине ударом для него, как и то, что в этом был замешен Микаэль.

Пожалуй, именно то, что в этом участвовал его давний враг, в первую очередь и выбило его из привычного равновесия.

Только нет, Юу не хотел об этом думать. Не мог осознать. Не хотел принимать ничего, что могло бы быть связанно с чем-то нетрадиционным, хотя Юу сам по себе не являлся закоренелым консерватором и был способен принять прогрессивные изменения. В конце концов, он усмирил буйствующие чувства, несколько раз ополоснув лицо холодной водой и поразмыслив как следует. Кое-как он сумел втолковать самому себе что то, что он увидел, вовсе не было объятиями в том самом понимании этого слова. Кота мог просто стать напротив Мики и прошептать ему что-то на ухо и это вовсе не обязательно был поцелуй. Какая-то связь Шиндо и Нагашимы не особо удивила его, главным было то, что они находились друг к другу непозволительно близко. Юичиро испустил судорожный выдох, одновременно с ним успокаивая нервы и, в последний раз ополоснув лицо под проточной водой, вернулся в классную комнату. Там, никому, ничего не сказав о том, свидетелем чего он непреднамеренно оказался, он продолжил существование обычного несведущего ни о каких личных делах учеников школы человека.

– Ты охренел?! – взбешенно выпалил Микаэль, отталкивая от себя парня, в тот самый момент, когда компания во главе с Синго скрылась из поля зрения. Акутазава, углядевший свою цель в компании крепкого и сильного парня, толь-

ко заскрежетал зубами, но приблизиться не осмелился. Который раз подряд он заставал Мику на территории школы, но всегда, когда представлялась отличная возможность поквитаться с ним за сломанный нос, этот гадёныш вертелся в компании людей, к которым Синго приближаться опасался.

– Мика, ты чего? – отшатнулся Кота, когда внезапно блондин, до этого не проявляющий агрессии и позволивший подступиться к себе, словно сошел с ума.

– Кто позволил тебе приближаться, да еще лапать и целовать меня, лживый ублюдок?! – Шиндо чуть не поперхнулся своим возмущением. Его глаза пылали ненавистью, он весь дрожал.

– Так ты же сам, – в недоумении воззрился на него спортсмен.

– Что я сам?! – выдохнул Микаэль.

– Ты же сам позвал меня, я думал, ты согласен…

Эта фраза еще больше вывела Микаэля из себя.

– Да ты совсем без мозгов или думаешь, я настолько ополоумел?! Я тебе сказал, не смей даже мечтать об этом! Урод, клялся мне тут, что больше не тронешь. Проклятый лжец! Вот значит чего твое слово стоит? – Внезапно насмешливая улыбка озарила его лицо, заменив собой гнев. – Даа, – сбивчиво дыша, протянул он, – не знал я, что ты так низок и твое честное слово гроша ломаного не стоит. Я был о тебе лучшего мнения, а ты просто мусор. Лучше мне уйти, противно даже рядом стоять.

– Куда! – вспыхнул от злости спортсмен и крепко, до хруста в кости, схватив собирающегося сбежать Мику за плечо, потянул обратно. – Слышь ты, не испытывай мое терпение! – грозно прорычал он в лицо по-прежнему насмехающееся над ним. – И не смей меня понапрасну порочить. Не твоему поганому языку трепаться о чести.

– О, это еще как понимать? – колко взирая на спортсмена, хмыкнул Микаэль.

– Я тут неделю назад проходил и видел, как ты терся со старшеклассниками, – криво ухмыльнулся Кота. – Что, определился с аудиторией, да? Решил, к кому податься.

– Я не собираюсь с тобой объясняться по этому поводу, – горделиво заявил Шиндо и, сбросив с себя чужую руку, собрался уйти.

– Дрянь, а ну стоять! Я еще не договорил! – зло прорычал Нагашима. Мика остановился, но не посчитал нужным обернуться.

– Лучше не шути со мной. Я добрый-добрый, но и моему терпению может придти конец, – поумерив пыл, проговорил Нагашима, искривив губы.

– Угрожаешь? – Шиндо обернулся к нему с бесстрашием и улыбкой, воззрившись на Коту.

– Возможно, – сузил глаза спортсмен. – Повторюсь, не испытывай мое терпение. Оно на исходе. Так что ты там делал в их компании?

Загадочно улыбнувшись, Мика аккуратно расправил по-

мятый ворот рубашки, распахнув ее на груди и развернувшись на каблуках, быстро устремился вперед, скрывшись за ближайшим кустарником.

– Черт бы тебя побрал, маленькая сволочь, – прошипел сквозь зубы Нагашима, чувствуя, что его снова использовали и обставили, но как именно Шиндо это провернул, он не понимал.

Вместе с Гленом, Шиньей и еще несколькими ребятами из их класса Юичиро возвращается из столовой. Короткая прогулка по свежему воздуху кажется куда приятней, нежели толкаться в толпе студентов в душном коридоре, пробивая себе путь в класс. Их обратный путь пролегает как раз мимо окон классных аудиторий. Глен и Шинья что-то обсуждают, в то время как Юу занимают собственные рассуждения. О том, что он увидел несколько дней назад, он постарался забыть. Нельзя же так опрометчиво довериться тому, что увидел мельком и сделать из этого незыблемый вывод. В конце концов, это могло быть что угодно и списывать все на тесные, недопустимые контакты глупо, по крайней мере, не имея весомых доказательств. Тем не менее, как бы он ни старался избегать размышлений на эту тематику, однако они все равно временами закрадывались в голову.

Вот и сейчас шагая по пыльной асфальтированной дорожке, он думал о вполне вероятных взаимоотношениях в здешнем коллективе. Они его не радовали и не огорчали, он при-

нял их за некую данность, которую стоит получше осмыслить и только тогда сделать конечное заключение о своем к ней отношении. Только вот что немного тормозило ход мысли – за всё время пребывания в школе (а он тут уже два месяца) ему впервые довелось увидеть намёк на эту неприглядную сторону жизни школьников. Если бы здесь так это процветало, то он наверняка бы замечал отголоски небесного течения гораздо чаще, а так, то, что он увидел, был единичный случай, который, к слову, тоже не являлся стопроцентным доказательством существования здесь этих наклонностей. Впутанный в это возможное дело враг тоже наталкивал на определенные мысли. Представить, что Мика был одним из них было крайне сложно, несмотря на весь его сволочной характер.

Что же это было и было ли это чем-то?

Вот основной вопрос, не дававший Юу покоя уже четвертый день, но который он не осмеливается задать никому из появившихся у него товарищей. Уж слишком этот вопрос острый и болезненный, когда речь идет о мужском коллективе.

Но вот ответ на его вопрос дается сам по себе. И дает его Юичиро именно тот, кто впервые подтолкнул его на эти размышления. Бросая взгляд в сторону окон, Юу замечает отсутствующего на прошлом уроке Микаэля Шиндо в окружении старшеклассников. Полностью обнаженный одноклассник, без тени смущения или робости восседает на столе в

вызывающе-соблазнительной позе – изящно изогнув спину, элегантно опершись на руку и забросив одну ногу на другую, опустив на колено руку, – перед возбужденными, окружившими его учениками, которые без стыда оглаживают его тело, что-то говорят, улыбаются, живо обсуждают. Складывается стойкое впечатление, будто Шиндо выставил себя как некий товар на прилавке, у ног которого ведутся многочисленные споры о том, кто же все-таки богаче и в итоге овладеет этой редкой диковинкой.

– Юу, ты идешь?

Оклик Глена возвращает Юичиро к реальности, в которой он замешкался, но должен возвращаться в аудиторию.

– Нет, – стараясь чтобы волнение в его голосе не стало заметно окружающим, говорит темноволосый юноша, цепляя улыбку. – Я задержусь. Забыл телефон на столе. Не ждите меня. Идите, – с этими словами он устремляется обратно в сторону столовой.

– Хорошо, – кивает капитан команды и все вместе они направляются дальше. Как только ребята исчезают за дверью, Юичиро возвращается обратно к окнам аудитории. Все та же картина порочной красоты вырисовывается ему в тех же тонах, завораживая своей притягательностью. Что творится в душе Юу, когда он смотрит на то, как парни, обступив Микаэля, обхаживают его, а он при этом ведет себя так непринужденно, словно ему это не впервой и с таким надменным видом, который описать практически невозможно. Юичи-

ро ощущает лишь то, что его всего трясет мелкой дрожью. Он поражен, взволнован, растерян, испуган, зол. Какие только эмоциональные оттенки не окрашивают его душу в этот момент. Он видит это откровение, совершаемое среди бела дня, и не может оторвать от него глаз. Внутри все буквально восстает и противится тому, что созерцают его глаза, однако отвернуться, уйти он просто не в силах. Будто всё тело налилось свинцом и он потерял способность самостоятельно передвигаться. Что-то неумолимо жжет в груди, заставляя вскипать череп, но что это? Что так разрывает на части при виде того отвратительного зрелища, имеющего свойство опорочить любого?

Несколько секунд и Юу понимает, что смотреть на это дольше выше его сил. Как бы ему не казалось, что он прирос к земле, но как только становится совсем невыносимо, он тотчас уходит. Благо, когда он доходит до классной комнаты, звенит звонок и ему не приходится пояснять друзьям, почему у него такой потерянный вид. А к концу урока, на который Мика возвращается вполне довольный собой, будто бы не его только что облапывали во всех возможных местах с десяток лбов, а он вернулся с репетиции симфонического оркестра, Юу уже справляется с эмоциями и выдумывает в свое оправдание убедительное объяснение.

Однажды, как обычно во время перемены, шатаясь по территории школы без дела со своими друзьями, Синго улыб-

нулась удача. Он нашел свою цель, совершенно одну, без какого-либо сопровождения, греющуюся на солнышке, около здания школы. Обрадовавшись, Акутазава поспешил прямиком к Микаэлю.

– Так, так, поглядите-ка, кто тут у нас, – стал он напротив Шиндо и злобно засмеялся. Поблизости никого не было, а посему Синго уже ощущал приторно сладкий, пьянящий вкус расправы на кончике языка. Ситуация придала ему уверенности и он решил немного потянуть с местью и вдоволь насладиться минутами морального унижения своего врага. – Что же Вы, Ваше Высочество, на сей раз да без охраны? Или подданные изгнали Вас с престола за поведение, порочащее высокопоставленную персону?

– Синго, это ты что ли? – Мика открыл глаза и сонно взглянул на Акутазаву в сопровождении его ребят. – Неужели пока дома сидел, книжек умных начитался? Я и не думал, что ты умеешь так высокопарно и изысканно выражаться или ты там на руке себе речь заготовленную написал, не пойму? – Шиндо сделал вид, будто пытается рассмотреть на ладони Синго какие-нибудь записи.

– Поскалься, поскалься, пока можешь, – со злобной улыбкой процедил Акутазава. – Скоро тебе не до смеха будет.

– Да неужели? – наглое поведение этой выскочки даже когда ее приперли к стенке, не могло не раздражать.

– Добегался ты, достаточно поизводил меня, прячась за чужими спинами, а теперь, коль сам просчитался, оставшись

один, будь добр, ответь за свои действия, – с этими словами, он с ненормальным блеском во взгляде схватил Мику за ворот рубашки.

– Ой, не советую тебе, Синго, – глубокомысленно и загадочно протянул Шиндо, даже не испугавшись. – Ты лучше отпусти меня, пока совсем худо не стало.

– Ты что мелешь, недоносок?

– Погляди туда, – Мика кивнул в сторону окон.

– Чего? – прорычал Акутазава, но обернулся. Он содрогнулся, увидав, что на них обратили внимание парни из аудитории, перед окнами которой они находились. Разгневанных лиц парней старших классов, наблюдающих за их действиями, становилось все больше. Неуверенный шепот друзей за спиной, которым это тоже оказалось не по душе, вдвойне пошатнули уверенность Синго.

– Ты думаешь, я просто так тут сижу, болван? Я здесь выполняю роль творческого вдохновителя, то есть служу музой вон для этих очаровательных ребят, – Шиндо ловко выкрутился из чужой хватки и, как всегда с изяществом, в несколько легких прыжков очутился в стороне от компании и, гордо выгнув спину, насмешливо воззрился на кучку парней. – Они так милы, так высоко оценивают истинную красоту, так возвышенны. Так что только тронь меня и эти замечательные люди, для которых в последнее время я стал чуть ли не божеством, единственным, кто согласился служить натурщиком их художественному клубу, вам всем мало не покажется,

разорвут вас на кусочки за то, что посмели посягнуть на меня и изуродовать их идеальную модель, наставив синяков и ссадин… – Мика хихикнул, всем естеством ощущая питаемую к нему ненависть всей компании, а особенно Синго, не спускавшего с него злого, разъяренного взгляда. Также с издевкой и милой, чарующей улыбкой, Шиндо продолжил: – Так что уходите, пока они не вышли, да лица вам в одну плоскость не сравняли и будьте поприветливей со мной, чтобы они ничего такого не заподозрили. При встрече улыбайтесь и раскланивайтесь, тогда не придется зубные протезы ставить, тратиться на стоматолога, как давеча, на лор врача.

– Лицемерная трусливая тварь, хитрая лиса-потаскуха, ты еще получишь. Я до тебя доберусь! – сжав кулаки, процедил Акутазава, задыхаясь от гнева, но не смея ударить Шиндо на глазах у всех.

– Поосторожней, Синго, – улыбаясь, обнажая ряд ровных, белоснежных зубов, проговорил Мика, – стекла тонкие, без звукоизоляции, не увлекайся. Тут прекрасная слышимость, ха-ха. А то вдруг я расстроюсь из-за ваших оскорблений и не захочу им позировать?

Прорычав что-то нечленораздельное, нецензурного содержания, Синго и его друзьям не оставалось ничего другого, как позорно уйти. Подойти к Микаэлю теперь не представлялось возможным, по крайней мере, пока он представляет ценность для парней местного художественного клуба.

Проводив их насмешливым взглядом, Мика кивнул ребя-

там из художественной секции, показав, что проблем нет, и спокойно занял свое место на лавочке, как и прежде.

Присев на подоконник, Юичиро устремляет взор, направленный внутрь себя, вниз. Буквально несколько мгновений назад он наблюдал, как Шиндо покидает класс и у входа его ожидает Леонард Коэн. Какой раз подряд они вот так уходят куда-то вдвоем? Трудно сказать, если это происходит каждый день и почти после каждого звонка. Не то чтобы Юу намеренно следит за Микой, он по-прежнему вызывает в нем нежелание как-либо сталкиваться с собой, но Юичиро не может не замечать того, что творится у него под носом, как бы сильно этого не жаждал.

Почему Мика общается с ним? Куда они уходят? Что они делают?

Вопросы назойливо и болезненно впивающиеся в мозг ржавыми гвоздями. Сколько негативных чувств влекут за собой эти вопросы, сколько непонятных, необъяснимых реакций, сколько странностей, от которых порой хочется взвыть, лишь бы только избавиться от них.

Его окружает столько всего важного и интересного, а он который день печется мыслями о поступках человека, вызывающего в нем презрение. Разве это нормально? Разве этому можно дать благоразумное объяснение? Он ровным счетом ничего не понимает.

Но может в этом и кроется загадка увлеченности? Неиз-

вестность, непонятки, то, что не удается объяснить самому себе, притягивает внимание. Если такую загадку разгадать, она перестанет бередить сердце.

Амане подходит к коротко стриженному парню из компании Синго, Юдзуру Учиде, который по каким-то причинам остался в классе, в то время как трое его дружков и лидер покинули комнату.

– Скажи, ты ведь тоже, как и большинство, ненавидишь Шиндо? – придвигая стул и подсаживаясь к парню, что-то чертящему в тетради, осведомляется у него Юу. Тот поднимает голову и оценивающе глядит на Амане, будто соображая, стоит ему отвечать или же нет.

– Да, – снова склоняясь к тетради, отвечает он.

– А можно узнать почему? – спрашивает Юу, пристально глядя на одноклассника.

– Хочешь узнать почему я его ненавижу? – парень закрыл тетрадь и, отодвинув ее к краю, повернулся к Амане. Его губы растянулись в неприятной полуулыбке.

– Синго как-то сказал, что тут у многих есть веские причины для ненависти к нему, вот я и хотел бы узнать за что его так все невзлюбили, – Юу поглядел в сторону двери, стараясь придать голосу как можно больше небрежности. Якобы он интересуется просто так, а не с каким-то умыслом.

– За что…. – раздумывая протянул Учида. – Пожалуй за то, что это грязная гейская шлюха, которая портит репутацию не только нашего класса, но и всей школы.

– Что? – распахнул глаза Юу совершенно не ожидая услыхать настолько откровенный ответ.

– А чё, сам не замечал что ли? – пристально воззрился на него Учида, но потом усмехнулся. – Так знай. Эта мерзкая тварь с самого своего поступления путается тут со всеми. Правда свои чары он предпочитает направлять на тех, кто имеет значимость в школе. В большинстве это старшеклассники, спортсмены и так далее. Потому что они ему еще и защиту оказывают, ведь он большой любитель нарываться. Ну ты в курсе. Насколько знаю, ты тоже пострадал от него.

Юу кивнул чисто машинально, подтверждая, что повадки Мики ему известны, так же как и прочим, но само это заявление вытолкнуло его из реальности.

– И сколько не говорили, сколько не объясняли, – продолжил парень, явно смакуя свой собственный рассказ. – Да только без толку. Ухмыляется и продолжает. Вот за это его все здесь ненавидят и презирают, и я в том числе. Одним словом, он конченая мразь.

Юичиро не говорил ни слова, впитывая постыдную информацию, как губка, даже не задумываясь о ее подлинности. И как тут не поверишь, если многое он видел своими собственными глазами. Теперь он начинал понимать, за что непосредственно Шиндо вызвал у всех такое негативное отношение к себе. Если с первых дней Юу мучила эта загадка, ведь он помнил Мику, не конфликтующего ни с кем из класса, кроме него, то тут на него ополчились буквально все. И

теперь причина их негодования была совершенно оправдана. Когда в коллективе появляется такой человек, он вызывает всеобщее возмущение, а если его пытаются переделать, направить на нужный путь, а он упирается и продолжает упрямо гнуть свою линию, вскоре возникают конфликты и, как заключение, неприязнь. Иными словами, своим поведением Мика сам настроил против себя всех. Но… когда он успел стать таким? Неужели за те года, что они провели в разных школах, он изменился до такой степени, став одним из этих?

Трудно было принять реальность такой, какая она открылась ему теперь во всем своем блеске. Но отвергать ее, попытаться найти оправдание поступкам врага Юу даже не пытался. После слов Учиды то, над чем он так долго размышлял и то, чего ему не доставало, дабы сложить кусочки мозаики, теперь материализовалось и само довершило общую картину его представления о Микаэле. Он оказался геем, причем геем, не имеющим никаких моральных понятий, и как бы не просил его коллектив, он игнорировал всех и вся, действуя так, как диктовали ему его извращенные инстинкты.

«Невероятно», – мысленно выдохнул Юу, как заключительный итог цепочки своих умозаключений.

– Никто здесь понять не может, как его тут еще держат. Успеваемость у него хреновая. А та заслуга, что, поступая сюда, он набрал наивысший балл, из-за которой вначале тут надеялись, что он выйдет на этот уровень, но быстро обломались, уже не котируется. Слишком глубоко Шиндо увяз.

В полной заднице, я бы сказал. Иронично, хах. Но, видать, – он грязно хмыкнул, – нашел себе покровителя повыше, вот пока и удерживается здесь.

– А все правда так, как ты мне рассказал? – предпринял последнюю попытку разувериться в своем суждении о Микаэле, уточнил через несколько секунд осмысления Юу.

Юдзуру воззрился на Амане с таким возмущением, которое только может возникнуть у человека, обвиняемого во лжи.

– Если ты сам еще не въехал в ситуацию, слушай хотя бы знающих людей и не торопись чернить их. А вообще мог бы и сам уже убедиться во всем.

– Да, ты прав, извини, – Юичиро провел рукой по лицу, пытаясь собрать мысли воедино. – Я просто немного… растерялся что ли.

– Не беда, – снисходительно протянул Учида. – Не всякая правда дается легко. Так что ты с ним поосторожней.

«Наверное, по этой причине Глен и Шинья не хотели мне о нем рассказывать», подумал Юу, припомнив, как Глен тушевался, когда речь тем или иным образом заходила о Мике. «Не хотели, чтобы я узнал о нем эту правду. Но рано или поздно я бы все равно узнал, так зачем было скрывать?

Мы же друзья, разве они не должны были первыми предупредить меня?

Предостеречь, если уж были настолько проинформированы. Или они нарочно?»

Всё, всё вокруг было странно и покрыто загадкой. Помимо прочего, что свалилось на голову Амане, его немного грызла обида на друзей, которые могли бы сами рассказать ему обо всем том, что творится в этой чертовой школе. И то, что они утаили от него правду об одноклассниках, сильно задевало парня. Под конец раздумий он даже начал допускать мысли, что те решили посмеяться над ним.

Иными словами, душа Юу сейчас разрывалась на части, не зная, как все воспринимать и как со всем этим быть.

Мика опускает уже почти затекшие руки и потирает запястье левой руки. Прозвенел звонок, символизирующий его временную свободу, которая продлится вплоть до завтрашнего дня, когда ему снова придется исполнять роль обнаженной натуры для будущих художников. Ощущение будто тебя ткнули лицом в грязь, а потом извозили в ней всего целиком. Такое отвратительное чувство блуждает в душе, что парень едва мирится с ним. Он сам загнал себя в это унизительное положение, выносить которое ему стоит немалого труда. Когда множество затуманенных вдохновением безумных глаз устремлены на тебя на протяжении нескольких часов, начинаешь ощущать, как липкая нить грязной агонии начинает опутывать тебя изнутри.

Пока парни из художественного клуба заняты уборкой своих рабочих мест, их нежная и хрупкая модель идет к столику, где сложена вся ее одежда. Берясь тонкими пальцами

за рубашку, Мика вдруг ощущает, что рядом с ним кто-то остановился, а в следующий миг догадку подкрепляет голос.

– Как же мне каждый раз больно смотреть, когда такая красота скрывается от глаз, облачаясь в это проклятое тряпье.

Мика хмурит брови, ощущая, как по его обнаженному телу небрежно скользит рука от талии к ягодице и бедру.

– Может, сегодня походишь так, м? Доставь мне удовольствие еще немного полюбоваться на эту красоту, – звучит почти мурлыкающая интонация старшеклассника прямо над ухом.

– Эй, Инуяши, отстань от него! – одергивает его кто-то из парней.

– Да ладно, я же просто шучу, – усмехается парень, оборачиваясь к друзьям. – Ты же не обиделся? – он слегка подталкивает Микаэля.

«Черт, скорее бы уже все это закончилось», мысленно стонет Шиндо, покидая аудиторию наряду с парнями художественного клуба. Это его единственное спасения от Синго и его ребят, но оно дается Мике не так легко, как могло было бы быть. С одной стороны, он ждет этой свободы, но с другой и опасается, ибо как только он станет этим парням не нужен, Синго тотчас расправиться с ним, когда поймет, что защиты у Мики больше нет.

Но как же все это омерзительно. Эти улыбочки, подкаты, поглаживания…

Сборище извращенцев.

Тяжелый вздох. Он закрывает ладонью лицо, ужасно мутит, голова идет кругом. Какой тяжелый день, он так измотан. И вдруг ему на плечо ложится чужая рука.

– Эй, малыш, – Мика тотчас открывает глаза и глядит на приобнявшего его Инуяши, – что-то ты выглядишь уставшим. Не хочешь пропустить со мной стаканчик бренди, тут неподалеку? Я угощаю.

– Мне некогда, – холодно отвечает Шиндо, собираясь с силами.

– Да, ладно тебе, пойдем, будет весело. Я тебя потом домой отвезу, а хочешь сразу отвезу тебя домой? Но я бы предпочел сначала угостить тебя, как ты на это смотришь? – видимо Инуяши взял за цель уболтать его сегодня на совместный поход, который ограничится путем до его машины. По крайней мере, так Мика посчитал, когда услышал, как характеризовали этого ловеласа друзья по клубу.

– Я сказал, нет! Не хочу, неужели не доходит?! – сбрасывая с себя руку, ощетинился Мика со злостью, мгновенно загоревшейся в глазах.

Товарищи по секции смеются над Инуяши, потерпевшем отказ. Не собираясь далее слушать их речи и напрашиваться на новые подкаты и приглашения, Микаэль идет прочь от компании, столпившейся у класса, но уже начинающей расходиться.

Примерно в то же время, когда Мика отделяется от учени-

ков старших классов, из-за угла выходит Юичиро в компании Юдзуру Учиды, собираясь вместе отправиться домой и поговорить. Замечая Шиндо в компании старшеклассников, с которыми тот провел весь последний урок, Юу не в силах скрыть своего презрения, не сумел спокойно пройти мимо.

– Чё, шалава, наигралась? – с грязной насмешкой в голосе, обратился к нему Юичиро. Мика резко остановился, точно его ноги внезапно увязли в болоте, с недоумением воззрившись на человека, с чьих уст сорвались эти грязные слова.

– Хах, а я подумать такого не мог. Всё бил тебя, да бил, – пользуясь внезапно накатившей на него смелостью, Юу толкнул Микаэля к стене и, приблизившись, зашептал почти томно, – а с тобой все это время нужно было иначе. Ну? – он стал перебирать в пальцах прядку Микиных волос у лица. – Сколько ты принимаешь за раз, я еще сумею занять очередь или меня, как старого друга, ты без очереди обслужишь?

От такого поведения, унижающего его достоинство, Микаэль пришел в бешенство. Никому и никогда он не позволял вести себя с собой так нагло и развязно, а уж чтобы обвинять его в таком и вызывающе говорить ему в лицо такие вещи… Нет, этого он стерпеть уже не мог.

– Ублюдок! – Мика затрясся от негодования. Инстинктивно рука взмыла вверх и нанесла внушительный удар, от которого Юу мигом отпрянул.

– Да как ты смеешь, подонок?! – закричал Шиндо, готовый испепелить обидчика одним только взглядом и если бы

он это мог, от Юу уже осталась бы кучка пепла. – Как у тебя только язык поворачивается?! Кем ты себя возомнил, урод?!

– Эй, Мика, ты чего там? У тебя всё хорошо? – наблюдавшие эту сцену парни из художественного клуба, заподозрив неладное, решили справиться о делах своей капризной модели.

– Заткнитесь! – негодуя так, что здравое мышление уже покинуло голову, крикнул им Микаэль. – Ненавижу вас всех! – И бросив последний испепеляющий взгляд на Амане, умчался прочь.

– Интересно, эти педики все такие нервные? – потирая щеку, хмыкнул Юичиро, глядя туда, где скрылся Шиндо, а затем, покосившись на Учиду. Посмеиваясь над реакцией блондина, он лишь пожал плечами.

Сломанная ветвь

Утро следующего дня неминуемо наступает для всех, но каждый встречает его по-своему. Кто-то ждет его с радостью и улыбкой, кто-то так и не смог уснуть, ибо в жизни происходит такой бедлам, что становится банально не до сна; кого-то пробуждают нежные объятия любимого человека или того, кто пытается казаться любимым; кого-то убивают муки совести, мешая сомкнуть глаза хоть на минуту; кто-то, пожираемый гневом и болью, мечтая поквитаться с давним врагом, едва дожидается утра, ну а кто-то, открывая глаза, с мученическим стоном встречает новый день.

После безумного дня и не менее безумного вечера, испорченного раздумьями, выжигающими нутро необъяснимыми чувствами и порывами, Юичиро с трудом открывает глаза. Он ощущает себя измотанным и слабым. Груз вчерашнего нестерпимо давит, кажется, не только на душу, но и на все тело. Страсть как не хочется вставать, идти, опять сталкиваться со всем этим безумством напрямую. Зарыться и не высовываться, пока душа не обретет привычный покой – вот тайное желание разума. Такое сладкое и манящее, что хочется отдаться ему и наплевать на всё доводы против. Только этих доводов так много, что они буквально толкают в спину, вышвыривая из теплой постели. В первую очередь, основным двигателем является нежелание показаться слабым

перед самим собой. Узнать нечто подобное и остаться дома – непозволительная роскошь. Такое поведение может позволить себе кто угодно другой, но не Юу и не сегодня. Потому как сегодня назначена тренировка их секции, и причем Глен договорился с преподавателем физкультуры, что вместо обычного занятия они могут провести урок на стадионе. Возможность не частая, сопутствующая своевременному уходу из школы после занятий. Так что с постели его гонят различные эмоции, не только две приведенные выше.

За завтраком он ведет себя скромно. Почти не разговаривает, ест вяло, без аппетита. Мать хоть и спешит на работу и озабочена своими проблемами, однако не заметить угрюмости сына она не в силах. Тем более вчера она не позднее обычного вернулась домой, но сын не вышел встретить ее, как делал это всегда. Он вообще не показывался весь вечер в доме. Точнее, Юу вышел из спальни только один раз и то вихрем пролетел в ванную, так что Эрика не успела, как ничего сказать, так ничего и сделать. Она лишь заметила ярость на лице сына, причину которой понять не смогла. А так, Юичиро просидел в своей комнате до глубокой ночи.

Эрика пробовала постучаться, выяснить, но ответом ей служили обрывистые, резкие фразы, из которых она уяснила, что Юу разговаривать не желает. А навязывать ему свое общество силой было бы неправильным в такой ситуации, она бы только больше разозлила его. Могло бы дойти и до крупной ссоры. Временами из комнаты сына слышался гро-

хот, будто что-то падает или что-то швыряют о стену. Женщина каждый раз вздрагивала, но тут же ответом звучал раздраженный крик Юичиро из спальни, на подобие – «Ничего! Все хорошо! Тут просто упало!», и все вновь стихало на какое-то время. Проведенная ночь оказалась очень неспокойной, нервной, буйной.

Теперь, завтракая вместе с ним, женщина по выражению лица видела, что вчерашнее волнение так и не покинуло сердце ее чада. Его по-прежнему что-то гложет. Он измотан, если и спал, так совсем немного. Но что же это может быть? В принципе у нее появляется догадка. Ее сыну уже пятнадцать лет, он вырос, вполне допустим вариант увлеченности противоположным полом, однако объяснить его гнев немного сложнее, если только в его отношениях не присутствует серьезная преграда. И как только она собирается осторожно расспросить сына, он встает из-за стола и, говоря что-то неразборчивое, но напоминающее благодарность и заявление, что ему уже пора, покидает кухню так ничего толком и не съев.

Самим же Юичиро в этот момент движет не предчувствие грядущих аккуратных расспросов матери, взволнованной его состоянием, он элементарно хочет поскорее прийти туда, где все началось, и чтобы все точки окончательно стали по местам. Он знает, на что рассчитывать, чего ожидать, но взглянуть еще раз на человека, так исказившего его представление о жизни в тот день, просто необходимо. Он хо-

чет еще раз понять, что же все-таки испытывает, что именно заставляет все нутро пылать и трепыхаться в предсмертных конвульсиях.

Он гадал весь вечер, неистовствовал, терялся в рассуждениях, но определить, почему его поведение дало такой сбой, так и не сумел. Почему известие о занятии Шиндо спровоцировало в нем такой всплеск, что он даже не смог пройти мимо Мики? Почему осознание того, что Мика гей и тягается с учениками вызвало в нем такую бурю чувств, это же ненормально. Такого не должно было произойти. Какое Юу дело до того, чем занимается Мика? Это его жизнь и его проблемы, почему Юу так болезненно отреагировал на них, что, позабыв об окружающих людях, повел себя таким образом? В тот миг ему захотелось как можно сильнее унизить Мику, показать ему свое отношение к тому, чем тот занимается, чтобы ему стало также больно и мерзко, как было самому Юу, когда он узнал кем оказался в действительности заклятый враг его детства. Однако почему? Почему его так ранило это известие?

Собственная реакция ужасает и потрясает Юичиро. Он не находит ей оправданий и просто мечется в своем безумстве.

Одним из первых он приходит сегодня в класс и то ли ярость, то ли облегчение обволакивают его, когда он не находит доказательств присутствия Шиндо в школе. Он чересчур торопился прийти, а Мика так рано никогда не является, а если и приходит, то в классе его обычно нет. И теперь

Юу начинает понимать, почему и чем занят в те минуты Микаэль. Хах, не удивительны теперь и его низкие показатели успеваемости. Конечно, кому надо уделять внимание учебе и всему такому, когда ты просто нарасхват. Какая уж тут к Дьяволу учеба? Саркастичный пренебрежительный смешок срывается с губ.

Все же хорошо, что его нет.

Юичиро садится за парту и устремляет хмурый взгляд на часы. Если он сегодня вообще не явится, будет только лучше. Ужасно не хочется его видеть. Если бы он совсем убрался из школы, все и в частности Юу только бы облегченно вздохнули. Такие как он и впрямь только мешают.

Только бы он не пришел сегодня… Совсем… Никогда

Нервно постукивая пальцами по дереву, Юичиро не отрывает глаз от часов. Стрелка медленно, но верно движется по своей траектории. Постепенно в классе собирается все больше народу, аудитория наполняется привычным шумом.

До слуха доносится приветствие и Юу чисто машинально кивает Юдзуру Учиде, который проходит мимо него и стремится присоединиться к Синго и своим друзьям, которые уже давно собрались и сейчас, стоя в отдалении от других, разговаривают. Когда к ним подходит Учида, внимание всех четверых тут же переключается на него. Начинается обсуждение чего-то, что Юу в силу расстояния услышать не может, да и не до того ему сейчас. Взволнованный, он ожидает, когда соберутся все, кто должен присутствовать сегодня

и начнется обычный день со своими заботами. Но как назло, время ползет так медленно.

Пустующее место рядом с Юичиро просто воплощение скопления негативных эмоций, так и хочется двинуть ногой эту чертову соседнюю парту, от которой так и тянет всякой грязью. Но в классе уже довольно много народу, еще и Томоказу Наир, подперев голову, опирается на нее локтем. И как ему только не противно? Как он может спокойно говорить со своими друзьями и прикасаться к этому столу. Невыносимо, убери от нее свои руки. Не прикасайся.

Юичиро отворачивается, когда осознает, что его мысли начинают принимать оборот близкий к сумасшествию и делает это как раз вовремя, потому как Глен сразу подзывает его к себе. Собирая всех на утреннюю тренировку, он решает, что их команда может не дожидаться звонка, а пойти на поле раньше остальных, тем более все, кто ему нужен, уже здесь. Юичиро уходит вместе со всеми в раздевалку, где в шкафчиках хранятся их спортивные формы. Даже предстоящая игра не позволяет Юу воспрять духом, все равно его что-то гложет. Еще и этот не явился, а ведь Амане хотел попытаться разобраться в себе… Всегда от него только одни неприятности.

Когда они уже почти доходят до раздевалки, Юичиро резко останавливается и смотрит на лестницу в другом конце вестибюля. Всматриваясь, он не может понять привиделась ему темная мелкая фигура, быстро взбежавшая на следую-

щий лестничный пролет и скрывшаяся с глаз, или это обман зрения на фоне усталости и бурной ночи. Так и не придя к однозначному решению, он в итоге идет переодеваться наряду с командой.

Пусть сегодня в команде и не полный состав, но тренировка проходит довольно успешно. Все с утра выспавшиеся, свежие и полные энергии, чего нельзя сказать о Юичиро. Его показатели сегодня далеко не из лучших и дело даже не в том, что его голову забивают всякие мысли, но еще и потому, что ужасно чешется все тело. Как это не отвратительно звучит, но горит буквально все, начиная со ступней и заканчивая шеей. Этот невыносимый зуд не дает ему сосредоточиться на игре, заставляя постоянно останавливаться и драть ногтями кожу. Естественно, это вызывает недовольство других и Амане приходится постоянно извиняться. Напрягает это сильно, день не задался с самого утра.

Спустя двадцать минут, он уже буквально готов снять с себя шкуру. Раздражение на коже усиливается в стократ, когда он чуть ли не до крови раздирает её, добиваясь облегчения. Ничего не понятно, но он продолжает играть, хотя его убивает ощущение, что тело объято пламенем, состоящем из миллиардов маленьких игл с каким-то особым ядом на кончиках, вызывающим такие унизительные реакции. Более всего раздражена кожа в области паха и вот тут-то и наступает самое ужасное. Прилюдное почесывание интимных мест это далеко не то, что способно поднять человека в глазах окру-

жающих, но это настолько нестерпимое зудящее чувство, что удержаться нереально.

Сегодняшняя тренировка худшая из всех, которые довелось посетить Амане. Мало того, что на него косятся и кидают замечания товарищи по команде, так еще приходится терпеть эту чертовщину.

Когда он пропускает очередную подачу, останавливаясь на поле и остервенело впиваясь ногтями в кожу на груди, начинает рвать ее, к нему подходит Глен. Красный от бега, запыхавшийся и жутко недовольный.

– Юу, что с тобой сегодня? – говорит он, хмуря брови. К ним подходят и другие члены команды, наравне с капитаном не жалующие сегодняшнюю игру их лучшего игрока.

– Ничего, продолжаем, – тяжело дыша, отвечает Амане, сжимая на груди футболку, под которой у него будто маленький пожар, который пытаются затушить сотни крошечных зверьков с мелкими коготками.

– Прекрати, ты сегодня совсем на себя не похож, что происходит?

– Ничего, давайте просто продолжать! – начинает злиться Юу.

– Так продолжать мы не можем! – не уступает Ичиносе. – Ты совершенно не собран! Это не тренировка, а позорище какое-то! Если ты решил так пошутить, то выбрал не самое лучшее время!

– Какие к чертям шутки?! Я стараюсь, как могу, из кожи

вон лезу! – прогремел Юу, взбешенный, не сколько положением, в котором его совершенно справедливо отчитывают, сколько не унимающимся зудом. Снова его рука невольно тянется к пылающему боку.

– Это заметно, хех, как она тебе мешает, ты ее прямо на поле сбросить решил, – засмеялся кто-то из ребят.

– Что с тобой? – уже более спокойно спрашивает Глен, взирая на Юу, который как-то нервно подергивается.

– Откуда я знаю, – выдыхает тот и снова тянется рукой, только в этот раз почесать спину.

– Постой, что у тебя там такое, – с этими словами Ичиносе подходит к однокласснику и, оттягивая ворот футболки, распахивает глаза.

– Чего? – недовольно бросает Юу.

– Да у тебя тут всё багровое, – пораженный увиденным, отвечает капитан.

– Как? – вскидывает брови Амане и задирает футболку вверх.

– Ни фига себе! – оглядывая пунцового оттенка тело Юичиро, восклицает Глен.

– Черт! – глядя сам на себя, выдыхает Юу. – Что за хрень?

– Смахивает на аллергию, – заключает кто-то из толпы.

– На что? – Юу смотрит на рыжего парня, подавшего идею.

– Тебе лучше знать, – хмыкает он.

– Тебе срочно нужно в медпункт, мало ли что это за дрянь.

– Ага, вдруг это болячка какая-то! – подает голос другой игрок. – Чума, например, и мы тут все сейчас ляжем.

– Идиот, чумы уже лет сто как нет на планете! – смеется другой.

– А вдруг новая редкая форма, – защищает свой мысль первый – Я читал, что такую где-то в Полинезии откопали в племени каком-то. Так сами аборигены там ее как родную воспринимают, адаптировались, зато некоторые члены экспедиции в течение получаса умерли, толком никто ничего понять не успели.

– Дурак, по-твоему, Юу в Полинезию смотался за ночь?! Где бы он ее подхватил?! – сверкнул взглядом на болтливого парня Ичиносе.

– Ну, может и не чума, так что-то другое, не менее ядрёное, – развел руками тот.

– Прекрати! – Глен останавливает попутно фантазию других, пока она не набрала масштаб, и снова оборачивается к Юу. – Что бы это ни было, но тебе срочно нужно показаться врачу. Пойдем, – он берет Юу за руку под дружный гул команды, поражающейся смелости капитана не боящегося заразиться чем-то неизвестным, и тянет в сторону корпусов. – Тренировка на сегодня окончена!

В медпункте Юичиро осматривает врач. Мужчина задает вопросы самому пострадавшему, изредка обращаясь к Глену. Ничего иного кроме как аллергическую реакцию он по-

ставить не может. Она тут на лицо, однако ее источник остается загадкой. При этом парень говорит, что ничего такого не ел. Конечно, мальчишка может чего-то недоговаривать, в силу личных мотивов, но не пытать же его на манер заключенных в камерах строго режима. Ну, а поскольку, ученик выглядит действительно измученным сыпью и зудом, приходится предпринимать стандартные меры и давать ему противоаллергические препараты и мазь, способствующую уменьшению раздражения на коже. Однако пока врач делает назначение, какое-то легкое жжение охватывает его пальцы и ладони. Тогда же мужчину посещает одна мысль.

– Ты сказал, зуд начался буквально сразу после того, как вы переоделись и вышли на поле, а до того ничего такого не наблюдалось? – потирая кончики пальцев, которые от трения начинают еще больше жечь и чесаться, осведомился врач у Амане.

– Да, – ответил Юу. Глен тоже кивнул, подтверждая, что все слова его игрока абсолютно верны.

– Тогда немедленно сними всю свою одежду и прими душ, только потом обработаем кожу. Если раньше, то это не окажет никакого эффекта.

– В чем дело? Что это такое? – взволнованно спросил Ичиносе.

– Скорее всего, именно его одежда является источником аллергии.

– Моя форма? – поразился Юичиро, уже стоя у двери дер-

жа руку на ручке.

– Именно твоя форма, так что, когда вымоешься, не вздумай снова надеть ее, – строго говорит врач. Амане плохо понимает происходящее, но указание исполняет чётко и после принятия душа, облачается в школьную форму.

– Какая-то глупость, причем здесь твоя одежда? – подпирая стену около кабинки в которой купается Амане, проговаривает Глен, отправившийся вместе с ним.

– Понятия не имею, – честно отзывается тот, выключая воду. – Но эта хрень, испортила нам всю тренировку.

– Да забудь ты об этой тренировке, – наблюдая как Юу выходит из кабинки, говорил Ичиносе. – Сейчас куда важнее узнать, что это такое с тобой случилось. Если дело, как он сказал, в форме, то почему только твоя, а не чья-нибудь другая. Если кто-то захотел пошутить, то почему только над тобой, а не над всей командой. Смахивает на нечто запланированное, как думаешь? – он устремляет внимательный взор на товарища.

– Пойдем, узнаем поточнее, – сдвигает брови Юу, предчувствуя неутешительный ответ. Где-то на подкорке уже засела мысль о манере поступка и все это был до боли знакомый почерк. Вместе с Гленом они возвращаются в медпункт.

– Исходя из ваших слов, я могу сделать только один вывод, – мужчина в белом халате сидит за столом и что-то записывает в журнал. Двое мальчишек стоят около него, ожидая заключения. – Скажи, почему вся твоя одежда в стекло-

вате? Ты в ней по стройке носился или спал на тюках с этим стройматериалом? – он устремил взгляд на пострадавшего.

– Стекловата? – поразились ребята.

– Ее частицы повсюду на ткани. Стирать форму бесполезно, лучше сразу выбросить, а тебе, – он протянул Юичиро флакончик с мазью, которой ранее обработал его кожу, – несколько дней придется пользоваться вот этим. Постепенно зуд пройдет.

Амане взял в руку флакон. Его первоначальное недоумение теперь медленно сменялось гневом. Услыхав, что его одежда была испорчена, и речи не могло быть о том, чтобы еще гадать, кто это мог сделать. Теперь Юу понимал, что то, что ему привиделось на лестнице, вовсе не было миражом. Там действительно кто-то быстро старался сбежать, пока его не заметили и сейчас Амане точно знал, кто это был.

– Кто мог такое сделать? – озадаченно произнес Ичиносе, когда они вышли из врачебного кабинета и направились по коридору. Пока происходила вся возня с медпунктом, миновал урок и сейчас все вышли на перерыв после звонка. Впереди столпились ребята из команды, пришедшие узнать, что же все-таки приключилось с их игроком, однако сейчас все их внимание было приковано к телефонам. На приближающегося капитана и Юичиро никто не обращал внимания.

– Да есть кому, – сквозь зубы процедил Юичиро, сжимая в кармане флакончик с мазью, представляя, будто сжимает

чью-то тонкую шею. Он был уже в шаге от того, чтобы ринуться искать Микаэля, но сдерживался. Однако, когда они приблизились к хихикающей команде и на экране одного из телефонов Юичиро увидел себя, бегающего по полю и чешущего все возможные места, а внизу под роликом прочитал заголовок автора выложившего видео «Блохи помогают горе-футболисту не упустить мяч, за что он благодарно почесывает им брюшко. Вшивые бомжи рулят!», силы на поддержание самообладания иссякли на корню. Затрясшись от стыда и негодования, он уже не слышал слов своих товарищей по команде, не видел веселых взглядов других школьников, увидевших в сети новое видео, он просто стремглав помчался по этажу.

О том, что он сам своей вчерашней выходкой мог спровоцировать Шиндо на этот поступок, он не думал. Впрочем, он не задумывался об этом по привычке, развившейся с самого детства, когда он наказывал Мику за то, что тот фактически давал ему сдачи за нанесенный физический урон. Разрываемый злостью от позора Амане летел поквитаться с противником за свое унижение, коснувшееся самого святого, что на данный момент присутствовало в его жизни – спорта.

– Ну как, продезинфицировали тебя в медпункте, больше не чешешься? Ха-ха-ха.

Слова и едкий смех заставляют Юу мгновенно остановиться и обратить свой пламенный взор туда, откуда донеслись до его ушей эти издевательские звуки.

– Ублюдок! – взревел Юичиро и кинулся к Микаэлю, чье лицо озаряла победоносная ухмылка. В руке он держал телефон, которым слегка поигрывал.

– А ну попридержи коней! – Амане резко отталкивают назад. Он сначала не понимает, что произошло, почему ему так и не удалось вцепиться в глотку этой ликующей сволочи.

– Отвали! – кричит Юу и снова бросается вперед, но его снова удерживают. – Отпусти, урод! Мика!

Следующий момент его хватают за грудки и встряхивают. К Юу возвращается понимание реальности, он видит перед собой грозное лицо Нагашимы, а где-то на заднем плане улыбается Микаэль.

– Ты чего тут вытворяешь?!

– Не твое дело, отпусти! – вырывается из хватки Амане. – Я убью тебя, грязная тварь! – кричит он, снова бросаясь к Шиндо.

– Грязная? Хах, я хотя бы не чешусь, – издевательски пропел Мика, прищуриваясь и вскидывая голову. – Ты бы почаще ванну принимал что ли, глядишь бы и блохи не заводились, стыда бы такого не было. Ха-ха.

– Тебе конец! – окончательно взбесившийся злобным смехом врага, Юу кидается на него, но его как щенка хватают за шкирку и оттаскивают назад. Амане только и видит, как, усмехнувшись, Микаэль изящно спрыгивает с подоконника и плавно идет по коридору, вскоре исчезая за углом.

– Отпусти! – дергаясь и вырываясь, чтобы побежать сле-

дом, кричит Юичиро, но отпускать его никто не намерен, во всяком случае не сегодня и не сейчас.

– Ты кажется меня не слышишь, а я ненавижу, когда кто-то вроде тебя меня игнорирует, – рычит Нагашима, склоняясь к Юу и сжимая его плечо до хруста в костях так, что тот даже забывает, что ему нужно догнать и побить Шиндо. Он вскидывает свирепый взор на нападающего команды американского футбола.

– Запомни, – проговаривает тот, когда на него наконец обратили внимание. – Только посмей к нему прикоснуться и я тебе ноги повыдергиваю, нечем будет по полю бегать! Ты меня понял?

Юичиро молчит. От того что его плечо продолжают безжалостно сдавливать в тисках, на его лице появляется мученический отпечаток.

– А теперь пошел отсюда, игрок! – презрительно фыркает Кота и отталкивает от себя парня, который впечатывается в стену напротив. После этого Нагашима грузно следует за Микаэлем.

Оседая у стены, держась за ноющее плечо, Юу судорожно и прерывисто дышит, переваривая внутри клокочущее в нем бешенство.

Заворачивая за угол, Кота чуть ли не наваливается на Мику, который, скрестив руки на груди и опираясь спиной о стену, стоит, грациозно изогнувшись и закрыв глаза.

– Я бы сам справился, – холодно замечает он, вскидывая гордый, недовольный взгляд своих синих глаз на верзилу.

– Он летел такой злой, что мне показалось он тебя сейчас на клочки порвет, – усмехается Кота и с обожанием глядя на белокурого парня, облокачивается рукой о стену, приближая свое лицо к Мике. – Что ж ты ему сделал? – насмешливо шепчет он.

– Отстаешь, Кота, нужно быть в курсе последних событий, – хмыкает Мика, смело глядя в лицо парня.

– Посвятишь? – растягивая губы в похотливой улыбке, спрашивает игрок.

– Разбежался, – фыркает Микаэль и отворачивается, тем самым едва успевая избежать поцелуя. – Еще раз выкинешь такое, и можешь больше не приближаться ко мне. Я не нуждаюсь в защите.

– Знаю я, знаю, – качает головой Нагашима. И почему этот парень такой непримиримый? Уже давно бы, имея столько проблем с окружающими, нашел себе покровителя и спокойно жил. Так нет же. Терпит всякие нападки, издевательства и не желает принимать помощь. Хотя в последнее время его поведение претерпело некоторые изменения. С таким ожесточением он от себя его не гонит. Почему бы?

– Тебе твоя гордость рано или поздно боком выйдет, – не убирая с лица улыбки, серьезно говорит Нагашима.

– Беспокоишься? – синие глаза лукаво прищуриваются. –

Не смеши. И хватит таскаться за мной. Надоел.

С этими словами Шиндо уносится прочь, оставляя своего защитника одного. Он не может больше тут находиться. Случайная месть не приносит ему облегчения. Слова Юу слишком больно ранили его, слишком глубоко, чтобы вот так вот запросто забыть обо всем. Самое ужасное, что Юу, единственный кто ненавидел его здесь только потому, что враждовал с ним с детства и даже не допускающий похотливым мыслей, теперь принял сторону этих людей.

«Как ты посмел, как посмел обвинить меня?! Ты же ни черта не знаешь! Эти уроды врут тебе, а ты как последний идиот веришь их грязным словам!», – Микаэль мечется по комнате точно дикий зверь, в которого вонзили копье, но он чудом сумел избежать поимки. Слова Амане жгут сердце, испепеляют душу. Он не помнит, как добрался домой, после того как Юу с такой наглостью и цинизмом повел себя с ним, не заметил, дома ли отец, вообще ничего не видел и не слышал, кроме своей ярости, что горела в душе.

«Теперь ты ничем не отличаешься от них. Ты посмел сказать мне это, возвести на меня напраслину, а ведь я никогда… Ни с кем из них…», – он хватает со стола школьную сумку и швыряет ее в стену. Уничтожает осознание чужой несправедливости. Он никогда не имел контактов ни с кем из этой чертовой школы, всегда как мог защищал себя от алчущей стаи стервятников, которая вскорости начала прези-

рать его и ненавидеть за отказы. И Юу был единственным, кто ненавидел его по иной причине, а не потому что считал его продажным геем, а теперь и он стал одним из них. Теперь и он презирает его за то, в чем он никогда не был виновен.

«Почему? Почему ты поверил им?», – Мика опускается на колени. Его всего трясет, на глаза наворачиваются слёзы. Безумие, вызванное поведением Юу, также не объяснимо, как и причина по которой Юу взбесился, когда узнал, кем является для всех Мика. Оно просто выжигает пламенем нутро, рождая в уязвленном уме жажду отомстить за свое унижение и мерзкую клевету.

«Что же, Юу, любимчик всех вокруг, если ты такой же как и все, смеешь так думать обо мне, пощады не жди… Ты у меня еще кровавыми слезами умоешься за свои паршивые слова», – Мика поднимает ожесточенные взгляд заплаканных глаз на стену. Его по-прежнему всего колотит, точно в лихорадке, а в ушах звучит отвратительная, насмешливая интонация Амане.

« – Что, шалава, наигралась?»

Ему так и не удается уснуть в ту ночь. Но на утро Мика был готов осуществить свою задумку – отыскать кусок строительного материала на территории школы, где как раз идет починка здания, и пока никто не видит, пробраться в раздевалку, а там натереть всю одежду Юичиро стекловатой, а после незаметно сбежать, чтобы из укромного места провести съемку тренировки школьной команды. Распространить ви-

део в сети тоже не составляет труда. Так и свершается месть, являющаяся только началом нелегких взаимоотношений с давним врагом.

Терновый венец

И вот, как бы Юичиро с утра не надеялся, что Микаэль будет отсутствовать, враг сегодня оказался в школе. И не просто явился на занятия, но еще изощрился на такой унижающий чужое достоинство поступок. Впрочем, он полностью соответствует его духу. Мика всегда был горазд на подляны такого рода, чего же ожидать от него теперь, спустя столько лет. Что он изменится? Хах, как же. Он не только не изменился, но стал еще хуже. Плюс ко всему прибавилась нетрадиционная направленность. Отныне Юу нисколько не сомневался в ее существовании. Лишним доказательством послужило то, что на защиту Шиндо стал Нагашима, попытавшийся уберечь свою даму, или кто там для него Мика, от нападения.

А Мика… хоть бы постыдился. Прятаться за спину любовника (Юу не раз своими глазами видел их уединение) – ничего более худшего и низкого не придумаешь. Был бы еще девушкой, другой разговор, но для парня это унизительно – прятаться за чужую спину и злорадно посмеиваться, зная, что тебя в любом случае не дадут в обиду. И как он еще уважал его столько лет? Да, именно уважал. Строки не обман зрения. Тут нужно отдать должное Юичиро, который все же признавал умственные способности и умение противника выходить без ущерба из ситуаций. И пускай вслух он бы ни

за что в этом не признался, но глубоко в душе всегда питал к недругу уважение.

Да только теперь, когда столько всего стало известно о человеке, сумевшем заслужить его уважение, ни о чем подобном уже и речи быть не может. Мало того, что гей, мало того, что отдается за просто так, так еще и прикрывается своими воздыхателями, боясь выступить один на один. И как при таком раскладе он в первый день их встречи осмелился пойти вместе с Юу за школу и не потащить за собой охранников? Проверял? Испытывал? Черт его знает, что было у него на уме в тот день.

Юичиро возвращается в класс и садится за парту. Закрывая руками лицо, он полностью отдается тому чувству, что плещется внутри. Он так и не получил возможность отыграться за выходку, что неумолимо давит на подсознание, а теперь еще он испытывает жгучую злость от того, что у Мики появился защитник, и сам Мика не пренебрегает его помощью. И скорее всего, Кота не единственный, чьим покровительством пользуется тут Шиндо. По словам Учиды, Микаэль продолжает обучение в этой школе только потому, что кто-то сверху положил на него глаз, при ином раскладе он бы уже давно вылетел, учитывая его низкую успеваемость. Все бы ничего, да только Юу не может понять, почему осознание того, что кто-то заступается за Шиндо, так будоражит его собственные чувства. Что у Мики есть кто-то настолько близкий, что не позволяет, чтобы его любимчика избивали,

даже несмотря на то, что этот любимчик полностью заслужил это.

«Неужели ты стал настолько трусливым, Шиндо? Или же это твой новый способ изводить меня?»

– Черт, я уже ничего не понимаю, – выдыхает Юичиро, хватаясь за голову.

– Юу.

Амане резко вскидывает голову. Около его парты стоит Синго. Он серьезен и смотрит на него так пристально, словно пытается прочитать мысли.

– Есть разговор. Будет минутка?

Когда Юичиро одобрительно кивает, Акутазава садится на стул перед Юичиро и складывает руки на спинку этого самого стула. Со стороны сцена может напомнить допрос у следователя, однако разница заключается в том, что Юу своей вины ни в чем не ощущает, потому трястись перед суровым судьей ему не нужно. Он спокоен, если не считать, что его все еще колотит изнутри от размышлений.

– В общем-то ничего серьезного, просто появилась необходимость кое-что уточнить, – говорит Акутазава, бросая быстрый взгляд себе за спину, где у окна собралась его компания и также ожидает пояснений.

– Я слушаю, – Юичиро не отрывает взгляда от лица одноклассника, который снова поворачивается к нему.

– Ты как-то сказал мне, что с Шиндо тебя ничего не связывает. Ты с ним впервые сталкиваешься в нашей школе, так?

– Ну да и что? – Юу искренне не понимает цели этой беседы.

– Да то, что спустя пару месяцев вдруг выплывает информация, что вы оказывается с ним давние друзья. Причем это не сплетни, – Синго прямо глядит в глаза Юу. – Это твои собственные слова.

Сначала Амане глядит с непониманием, но потом он вспоминает, как в порыве неистовства, направленного на Микаэля, обронил неосторожную фразу в присутствии одного из друзей Синго, которая впоследствии видать была озвучена лидеру.

– Сразу скажу, это не наезд, – поспешил предупредить Синго, когда Юу зло сверкнул глазами на Учиду, а после напряженно и хмуро воззрился на самого Акутазаву. – Просто мы с ребятами хотим понять, если не то, что между вами произошло, так хотя бы твое реальное отношение к нему.

– Хочешь услышать какое у меня отношение к этой гнусной сволочи? Хах, – Юичиро окидывается на спинку стула и с вызовом глядит на собеседника. – Оно все такое же, как было в самом начале. Скажу больше, моя ненависть к нему тянется с давних времен в отличие от вашей, потому как да, это правда, что я знаком с ним давно. В детали вдаваться не буду, они ни к чему, но в прошлом Мика частенько доводил меня до того, что мне приходилось серьезно разбираться с ним.

Хоть Юу и вел себя уверенно, однако проливать свет,

пусть и такой тусклый, на его совместное прошлое с Микой ему не хотелось по сей момент, однако раз уж он уже допустил такой промах, выдав сам себя, придется выбираться из щекотливой ситуации. Все же Микаэль был прав, когда говорил, что даже, невзирая на его воздействие, рано или поздно Юу сам выставит себя дураком и сам обо всем растреплется. Так в итоге и вышло. Но правда Амане уже не помнил этих роковых слов врага, иначе возненавидел бы его еще больше за возможность предугадывать действия Юичиро.

– Рад слышать, что ты не питаешь иллюзий по отношению к нему, – хмыкнул Акутазава, в то время как на его лице появилось заметное одобрение. – Он тут как бельмо на глазу, только мешает всем.

– Я был бы только счастлив, если бы его турнули из этой школы, – с улыбкой высказал свое истинное, на данный момент, мнение Юичиро. Ведь если бы Мика исчез, жизнь стала бы куда проще. Он бы перестал терзать его своими выходками и поведением, доводя чуть ли не до сумасшествия.

– Все же я не ошибся в тебе, Юу, ты реально свой, – усмехнулся Акутазава. – Таких открытых и честных парней тут немного, в большинстве своем это жалкие тру́сы, боящиеся открыто выказывать свое мнение, опасаясь осуждения коллектива. Слушай, – он поглядел в сторону своих друзей, – не хочешь поближе к нам сесть?

– Да у вас там вроде свободных мест нет, – Юичиро прошелся взглядом по ряду, на котором все места уже были за-

няты.

– Ну и что, – хмыкнул Синго, – ты просто выбери место, какое хочешь, и садись, а если хозяин начнет возмущаться, так мы поговорим, объясним в чем дело, думаю, человек поймет.

– Не знаю, – Юу был не уверен стоит ли так поступать, хотя честно говоря, желание отсесть от Шиндо подальше присутствовало.

– Че тут знать-то, – фыркнул Акутазава и, поднявшись с места, взял сумку Юичиро и отнес ее к парте у окна. Вещи, сложенные на столе, переложил на стол Амане.

– Ну вот, теперь ты сидишь впереди меня, чем плохо? Тем более, Юджин новенький, ему побоку где сидеть.

Собственно, Синго был прав. Паренек, занимающий это место, вряд ли успел так к нему прикипеть, чтобы начать возмущаться переселением, да и его друг занимал место в другом конце аудитории, а поменявшись с Юу местами, он немного приблизился к парте, где сидел его товарищ. Так что Юичиро без зазрений совести решился на смену места. А когда в аудиторию вошел Юджин, маленький и щуплый, в больших очках и увидел, что на его месте сидит Амане, Акутазава со смехом указал ему на его новое место.

– Мы с Юу хотим сидеть вместе, – он перекинул через плечо Амане руку и пристально уставился на мальчишку. – Ты же не против, надеюсь?

– А, эм, – замялся Юджин.

– Против? Ты против того, чтобы наш дружный коллектив стал еще более сплоченным? – хищно сузил глаза Синго, так что у парня побежали мурашки по коже от этого взгляда.

– Нет, что ты, я совсем не против, – замотал головой Юджин и покорно занял свое новое место.

– Может не надо было так?

– Поверь, Юу, так даже мягко еще будет, – хлопнул его по спине Синго. – Коллектив не сахар, тут сладким и податливым быть опасно, а то скатишься и будешь как этот, – он с презрением кивнул в сторону парты Микаэля.

– Я бы его податливым не назвал, та еще заноза, – скептически заметил Амане.

– Короче смысл моих слов ты понял, – недовольно бросил Акутазава и уселся за парту. – Садись и ни о чем не парься. Все само утрясется, – сказал он Юичиро.

Когда в класс вошли Шинья и Глен, оба были удивлены тем, что Юу занимает чужое место, причем теперь он как бы занимал центральное положение в рассевшейся спереди и сзади компании Акутазавы Синго, парня, не пользующегося расположением у большинства одноклассников.

– Ты решил пересесть, – удивленно произнес Шинья, после того как они с Гленом подошли к Юичиро.

– Ну да, почему бы и нет. Тем более, здесь как-то посветлее, – скованно улыбнулся Амане, бросив взгляд на окно позади себя.

– Ну да, – согласился Ичиносе. – А как же Юджин, он же

тут вроде сидел.

– Теперь сидит там. Мы решили поменяться. Ему там даже проще будет с Сиодзаки общаться.

– Да, пожалуй, – согласился Глен, взглянув на парочку друзей, между которыми значительно сократилось расстояние. Однако все равно эта ситуация вызвала озабоченность на его лице.

– А чего решил пересесть-то? – снова задал вопрос Шинья.

– Решил и решил, Шинья, чего ты докапываешься? Захотелось человеку, вот и всё, обязательно причина нужна? – фыркнул Синго.

– Не обязательно конечно, но обычно она есть, – добродушно отозвался Хиираги.

– Никакой особой причины нет, просто так, – перевел взгляд с Синго на Шинью Юичиро.

– Ну ладно, – пожал плечами Хиираги.

– Да, дело твое, – без тени улыбки, сказал Глен. – Как ты, кстати?

– А? – распахнул глаза Юичиро, позабыв об утреннем инциденте, хотя зуд никуда не делся, пусть после обработки и стал более-менее сносным. – Да лучше уже.

– Хорошо, – слабо улыбнулся Глен и после этого они с Шиньей отправились к своим местам.

– Это он о чем? – шепнул Акутазава Юу.

– Ни о чем, ерунда, – засмеялся Юичиро и отвернулся.

Лучше поменьше комментировать при Синго свою маленькую проблемку, на лечение которой по словам врача уйдет несколько дней и опять-таки все благодаря этому уроду. Нет, все же хорошо, что он сел от него подальше. Меньше будет видеть, меньше будет терзаться. А сидеть рядом с такой дрянью ему даже противно.

Прозвенел звонок и наряду с другими учениками в аудиторию вошел Микаэль. Сразу обратив внимание на то, что место Юу теперь занимает другой, он, сделав вид будто не заметил, по своему обыкновению – гордый, независимый и невозмутимый, которому глубоко безразлично все, что творится вокруг, – занял свое место. Хотя, все еще пылая гневом на оскорбившего его Амане, факт того, что тот отсел, прошелся еще одной рваной полосой по сердцу. Разумеется, на его внешнем виде это никоим образом не отразилось. Только ставший еще более колким взгляд и плотно сомкнутые уголки губ говорили о том отравляющем чувстве, которое испытывал сейчас Микаэль по отношению к человеку, не удостоившему его даже взглядом, когда он вошел.

Пустой школьный стадион, окрашенный оранжево-желтыми тонами склоняющегося к горизонту огненного диска. Со стороны школы сюда не доносится ни единого звука. Умиротворяющая тишина дневного покоя этого обычно шумного места поселилась здесь. Ей внимают только три человека, позволивших себе хозяйничать тут, вдали от досу-

жих глаз.

Один из троих – спортсмен, завсегдатай игрового поля, сейчас вальяжно восседает на длинной скамье трибун. Пользуясь его бедром, как подушкой, тут же на скамье лежит Микаэль. Его взгляд потухший и уставший, исполненный жестокой печалью, устремлен далеко ввысь. На ступень ниже стоит юноша и его серебристые, волнистые волосы треплет ветер. Сосредоточенный взгляд направлен в сторону школы, виднеющейся за верхушками деревьев.

– Идешь домой? – спрашивает он, оборачиваясь к этим двоим. – Мика.

Нагашима опускает глаза и с привычной кривой ухмылкой, также ожидает ответа.

– Нет, – глухо отвечает Шиндо. – У меня еще художественный клуб.

– Тьфу. И зачем тебе эта глупость? – усмехается Кота, однако Мика молчит и продолжает смотреть в небо, игнорируя два направленных на себя взгляда. Ему так тяжело на душе, что совсем не хочется говорить, не хочется ничего делать, сил хватает только на то, чтобы созерцать это пустое небо, напоминающее его собственную жизнь.

– Сейчас ты таким образом обеспечиваешь себе сохранность от посягательств Синго, а что будет потом, когда парни из клуба окончат свою работу? – с некоторой обеспокоенностью смотрит на Мику Леонард. – Как думаешь справиться с ним? Он же наверняка, как только все пронюхает, сразу по-

лезет к тебе.

Мика бросает на него усталый взгляд, а потом снова устремляет его обратно. Он не знает, что делать дальше и не может сейчас раздумывать над этим. Только не сегодня.

– Чего ты сразу не сказал, что у тебя проблемы с этим огрызком? Я бы с ним поговорил, объяснил все как есть, – криво усмехнулся Нагашима, едва касаясь пальцами светлых прядей. – На кой ты связался с этими дохляками из художественного? Не понимаю. Они ведь не сумеют по достоинству оценить такой редкий экземпляр, – осмелев, Кота ведет пальцами от белоснежной кожи шеи к оголенной груди под распахнутой рубашкой, цепляя пуговицу. Коэн неотрывно следит за каждым его движением. – Такое сокровище, разве они поймут его истинное предназначение, глупые марателли бумаги, – усмехается Кота прямо в измученное думами серое лицо Микаэля, который словно ничего не слышит и не чувствует. Мысли поглотили его, сделав слабым и беззащитным.

– Мика, – осторожно зовет Леонард.

– Хватит, – словно просыпаясь, Шиндо резко садится на скамье, всем своим видом выказывая недовольство от действий спортсмена, на которое тот отвечает усмешкой. – Мне пора, – одарив того гневным взглядом, говорит он, а после берет с земли сумку.

– Тебя провести? – осведомляется Коэн, но Микаэль только презрительно фыркает в ответ и устремляется к выходу

со стадиона.

– Что-то он не в себе сегодня, – проговаривает Леонард, провожая взглядом понурого друга.

– Только сегодня, хах. Когда он был в себе? – еще свободней развалившись на лавке, насмешливо поглядел на него Кота. – Его поступки… Их же ни черта не поймешь.

В этом Леонард должен был согласиться со спортсменом, который крайне редко, но дело говорил. Сегодня Мика был подавлен еще больше чем обычно, но конечно он ничего им не сказал. Утренний инцидент, о котором они узнали позже, не рассматривался как тот, из-за которого Мика мог впасть в депрессию. А о том, что случилось в классе Шиндо, они знать не могли, да и им бы и в голову не пришло заподозрить, что Мика мог как-то болезненно отреагировать на то, что от него отсел человек, которого он терпеть не может и строит ему ловушки. Сам Микаэль не мог понять, почему ему так тяжело от этого факта и от него ли вообще? Он знал только одно, что нечто очень болезненное рвет его сердце, а больше ничего знать и не надо.

– Ты все же проведи его до школы, мало ли что, – негромко произнес Леонард.

– Без тебя знаю, – фыркнул Нагашима и поднялся. – Главное, чтобы не заметил, а то опять истерику закатит. – И вполне гордый собой и тем, что в отличие от Леонарда смог добиться большего расположения со стороны Шиндо, направился следом. Постояв несколько минут на полностью опу-

стевшем стадионе, парень вскоре тоже покинул его.

Очутиться подальше от Микаэля не слишком помогло Юичиро обрести душевное равновесие. Совсем немного, самую малость он ощущал просвет и то только потому, что, оборачиваясь, не видел его гордого профиля, однако, как раз то, что он не мог его увидеть, вызывало еще какое-то малопонятное гнетущее чувство. Решение, принятое впопыхах, но не подлежащее изменению, вызывает немного не те эмоции, на которые рассчитывал Юичиро, когда отсаживался, хотя по-прежнему видеть подле себя Шиндо он не желает.

После окончания уроков он идет в раздевалку забрать свои испорченные вещи – что-то придется выбросить, что-то может удастся оставить. Гнев и злость на того, кто сотворил такое с ним, да еще и по старой привычке выставил всё в интернет, по-прежнему влекут его за собой. Поквитаться так и не удалось, а стало быть посему и страсть отмщения за свое унижение не утихла до конца.

Собрав все необходимое в сумку, Юичиро вышел на воздух. Он уже почти покинул стадион, когда что-то, может донесшиеся ветром обрывки слов, звуков, может еще что заставило его оглянуться и устремить взгляд на трибуны. И тут еще одна волна разъедающая разум и душу прошлась по позвоночнику. Прилегший на колени и оглаживаемый жилистым парнем, Микаэль в компании своего длинноволосого дружка, стоящего точно страж, хранящий идиллию их

непристойного уединения, всколыхнул в душе Юичиро еще одну невиданную бурю. Воздух будто бы на мгновенье закончился. Возмущение вперемешку с негодованием захлестнуло. Он не мог оторвать взгляда от столь откровенной картины, иного смысла которой, кроме как отдыха после сцены более пикантной, он придать не мог.

Однако, когда Шиндо вскочил на ноги и направился к выходу, Юу был вынужден отступить за угол. Однако обогнув раздевалку с другой стороны и проследив за Микой до самой школы, где около входа того встретила веселая толпа старшеклассников и, облепив его со всех сторон, завела в здание школы, Юичиро не в силах следовать дальше и наблюдать, что произойдет, когда эта дружная компания доберется до ближайшего пустого класса и начнется то самое, о чем Амане и помыслить страшился, он стремглав помчался домой, едва не столкнувшись по пути с Нагашимой.

«Как? Как он может так?»

Юичиро казалось, что его разрывают на части. Он ничего не соображал, ничего не хотел понимать и принимать, он просто весь исходил на нервы. Мечась по всему дому, не задерживаясь ни в одной комнате больше чем на минуту, он не переставал думать о том, что позволяет себе Шиндо. Мало того, что он устроил ему такую веселую жизнь, так еще и не считается совершенно ни с чем. Никакого понятия морали. Как можно было затащиться на стадион в компании этих и…. И… Юу не хватало слов даже в мысленных изречениях.

Его мгновенно захлестывала ярость.

А потом, после всего, что было с этими двумя, еще идти за добавкой к тем парням! Неужели мало?! О, он просто невыносим! Как же он его бесит.

Просто убивает своим бесстыдным поведением. Да кто он такой, черт бы его побрал?! Человек ли? Или демон, присланный сюда довести его до сумасшествия? Как можно быть настолько низким существом, чтобы вот так без всякого стыда и оглядки?! Как он может так?! Как?

Когда домой возвратилась Эрика и у Юичиро исчезла возможность свободно носиться по дому, он заперся в своей комнате и не вышел даже к ужину, невзирая на то, что мать умоляла его спуститься и поесть хотя бы один раз за двое суток. Но Юу в тот вечер, как и в прошлый, было не до еды и не до сна. Опять потратив ночь на свое безумство, так и не попытавшись вникнуть, почему его все это доводит до такого состояния, просто прозлившись всю ночь, на утро измотанный, с темными кругами под глазами он отправился в школу. Презрение и ненависть к Микаэлю за эту бессонную тревожную ночь волнительных раздумий только возросли.

Придумать и выказать свое пренебрежение к Шиндо каким-нибудь иным, более унизительным способом, Юичиро пока не мог. Под наплывом жгучих эмоций все достойные мысли растворились словно в кислоте, и, когда Микаэль, прихватив сумку, собрался выйти из класса, его хватило только на то, чтобы обернуться и позвать Мику с заготов-

ленной колкой речью.

– Эй, Шиндо!

Мика обернулся и хладнокровно устремил взор на Юичиро.

– Чего тебе? – ухмыльнулся он. – Собрался-таки с духом? Может хочешь сказать мне что или сделать? Давай, я один. Говори смело, что думаешь.

– Знаешь что, – выдержанно отозвался Юу, – я бы может и отплатил тебе за вчерашнее, как ты того заслуживаешь, да руки марать о такую шваль не охота. Только запачкаюсь, прикасаясь к тому, что и так по всем рукам ходит. Впрочем, не совсем по рукам… – Он криво усмехнулся. – Так что вали отсюда. Бить такое как ты – себя только унижать.

– Ах вот как? – улыбка озарила губы Шиндо, в то время как рука крепко сжала ручку сумки, переброшенной через плечо. – Так значит. Что же, Юу, ты сделал свой выбор. Теперь окончательный.

И развернувшись на каблуках, он с гордо поднятой головой покинул классную комнату под дружный одобрительный гул.

Юичиро только засмеялся, удовлетворенный чужим бессилием. Если бы можно было услышать, как в этот момент отчаянно забилось сердце Мики, почувствовать, как похолодело у него внутри, Амане возможно сжалился над ним и отказался от своих слов, а так он, не слыша и не чувствуя чужой боли, вызванной своими репликами, с ликованием гля-

дел вслед сбежавшему врагу.

Как только Мика вышел за дверь, он бегом устремился во двор.

– Мика, ты куда? – изумился Леонард, пришедший к классу и только и увидевший, как распахнулась дверь аудитории и из нее вылетел Шиндо и промчался мимо. – Подожди, остановись.

– Побежал утешаться, хах. Стало быть, раньше утра ждать его не придется, – с пренебрежительной усмешкой добавил Юичиро, приметивший как Коэн устремился за Микаэлем, тем самым спровоцировав еще один взрыв смеха.

– Юу, ты молодец.

– Здорово ты ему заявил. Вон как его аж перекосило.

– Ха-ха, будет знать, думал, ему тут никто ответить не в состоянии. Вечно с поднятым носом ходит, а теперь, глядишь, присмиреет.

– Круто ты его!

Слышались с двух сторон восторженные возгласы приятелей Синго, подбадривающие и одобряющие поступок Юичиро.

– Юу, – к Амане подошел Глен с укоризной на лице. – Зачем ты это сделал?

– Зачем? – фыркнул Юу, отворачиваясь. – Он заслужил.

– Что он заслужил, чтобы ты его унизил перед всем классом?

– Глен, не я это начал. Я тебе кажется все рассказал уже.

Какие ко мне претензии? – Юу не желал сдаваться и чувствовал себя правым. – А ему я правду сказал.

– Какую к чертям правду? – выдохнул Ичиносе. Шинья стоял рядом, но пока только молчал.

– Эй, капитан, ты на поле свирепствуй, а тут нечего. Юу все правильно сделал. А Шиндо давно напрашивается, вот и получил, – подал голос Акутазава со своего места.

– Я тебя не спрашивал, Синго, сиди и молчи, – гневно бросил ему Ичиносе.

– Чего ты сказал?! Я кажется не расслышал. Ты мне рот собрался затыкать?! – Синго поднялся из-за парты.

– Сядь, Синго. Нам незачем драться, – остановил его Юичиро. – Глен, хочешь поговорить, – он тоже встал из-за парты и спокойно взглянул на друга. – Давай не здесь. – С этими словами он пошел к двери. Закусив губу, Ичиносе в итоге направился следом. Шинья тоже предпочел последовал за друзьями.

– Юу, то, что ты сказал, возмутительно. Как ты мог так оскорбить человека, я не понимаю.

Амане остановился около окна и, привалившись к нему плечом, поглядел сквозь стекло.

– Что я не так сказал? Вы все это знаете, только почему-то не удосужились мне сообщить.

– Да о чем сообщить-то? Ты понимаешь, что говоришь? – не выдержал Ичиносе.

– А о том! – в свою очередь взбесился Юу. – Что у нас

в классе такая грязь конченая! Он своим поведением наш класс позорит! Его вообще выгнать отсюда нужно за такое поведение.

– Юу, откуда у тебя такие мысли? – Глен и Шинья глядели на друга, распахнув глаза. – Кто тебе такое сказал?

– Никто мне не говорил, я сам не дурак и не слепой! Вижу, что вокруг происходит, и мне обидно, что вы, друзья так называемые, ничего мне не сказали и я… – Он запнулся, ибо не хотел говорить о том, что так позорно попался на грязные уловки Мики.

– Остынь, мы конечно где-то виноваты, что не рассказали тебе все с самого начала и ты напридумывал себе всякого.

– Ничего я не придумал! – оборвал Ичиносе Юу. – Я сказал то, что знают все, но не решаются сказать. Я высказал мнение большинства.

– Какое мнение? – сдвинул брови Глен. – Ты просто прилюдно полил его грязью, совершенно ничего не зная.

– Все я знаю, – отрезал Амане.

– Тебе небось Синго и его дружки информацию подогнали? – скрестил руки на груди капитан.

– Причем здесь они? – с нарастающим раздражением воззрился на него Амане.

– Послушай меня, – Глен попытался смягчить тон. – Да, то, что за Микой здесь многие увиваются, это правда.

– Ага, а он отказываться не торопится, это я знаю, можешь не продолжать, – Юу махнул рукой.

– Да подожди ты, выслушай! – прикрикнул Ичиносе и расстановкой произнес: – За Микой бегают, бесспорно, но никогда и ни с кем он замечен не был. Ни разу за все время пребывания в этой школе.

– Подумаешь, – фыркнул Юичиро, – это еще ни о чем не говорит. Может видели, да сказать язык не поворачивается.

Какое к Дьяволу не заметили, если сам Юу неоднократно заставал его с другими и занимались они далеко не решением домашнего задания.

– Да нет же, – всплеснул руками Ичиносе. – В том то и проблема, что никто ничего не видел, потому что ничего нет.

– Глен пытается сказать, – наконец вмешался в разговор Хиираги, – что та буря подозрений и неприязни по отношению к нашему небезызвестному однокласснику, вызвана как раз тем, что он всех отшивает и не дает никому к себе приблизиться.

– Да как же, – презрительно фыркнул Амане. – Не дает. Да его тут почти вся школа перелапала. Я лично видел, как его в кабинете… – Он закусил губу, не желая высказывать это вслух. Что-то внутри не давало озвучить эту губительную истину.

– Я не знаю, что ты там видел, да только знаю одно, – Глен серьезно поглядел на Амане. – В нашей школе каждый второй, кто пытался подкатить к Мике, но получил отворот-поворот, будет только рад отплатить, очернив его в глазах других.

– А Мика тут якобы не причем? – фыркнул Юу, однако противоречия в нем поубавилось. – Ты видел, как он себя ведет?

– Его поведение – это отдельная история, – вздохнул Глен, – этим он и привлекает к себе ненужное внимание, от которого потом сам же и страдает.

– Не больно он похож на страдающего, – скептически изрек Юичиро.

– И, тем не менее, ты был неправ, оскорбив его и унизив при всех.

– Знаешь, Глен, – Юу приблизился и опустил руку на плечо капитана команды. – Не знаю о чем ты там думаешь и как все это для тебя, но в данном случае Мика получил по заслугам, он первый выставил меня кретином перед всеми. И ты это знаешь не хуже меня.

– У тебя нет доказательств, что это сделал именно он.

– А мне они не нужны, – усмехнулся Юичиро. – И, если после всего ты захочешь исключить меня из команды, что же… Пусть будет так. – Сказав это, парень направился по коридору.

– Юу, постой. К нашей команде это не имеет никакого отношения, – крикнул ему Глен.

– Отлично, – усмехнулся Юичиро, обернувшись через плечо. – Но мне все равно нужно идти. Увидимся позже.

– Вот же черт. И что на него нашло? – поравнявшись с Гленом, произнес Шинья.

– Это Синго, я уверен. Он стравливает его с Микой.

– Да, Синго его терпеть не может после того случая. Вот ведь, – хмыкнул Хииираги, – и никак не успокоится. Сколько уже времени прошло, а ему все неймется.

– Как же я хочу надеяться, что Юу образумится и не вляпается в неприятности, – со вздохом изрек Ичиносе.

– А ты оптимист. Даже когда он уже вляпался по самое не балуйся, ты предпочитаешь этого не замечать, – усмехнулся Шинья, взглянув на друга.

– Я же сказал, я надеюсь, он одумается и поймет, что не прав насчет него.

– Вряд ли это произойдет, – повел плечом Шинья. – Это же Мика устроил ему тот вселенский почесон, да и громилу Нагашиму он на него тогда натравил. Не думаю, что Юу простит ему это за просто так.

– Меня это беспокоит, – проговорил Ичиносе, серьезно глядя перед собой.

– Что именно? – обратил на него лукавый взгляд Хииираги. – То, что Юу так неадекватно реагирует на Мику, или то, что Мика ведет себя с ним не так как с другими?

– И то, и другое и… – Ичиносе глубоко вздохнул, – и третье…

– Третье? – удивился Шинья и обернулся к другу, который направился к лестнице. – А третье-то что? – он побежал следом за товарищем. – Эй, Глен, подожди, объясни!

«Не подпускает к себе никого, хах, как же», – презрительно фыркает Юичиро, шагая по коридору. Он сам все видел и, чтобы теперь не доказывали ему Глен и Шинья, это не имеет значения. Мика спит со всеми, и это бесспорно. Иначе подумать просто невозможно.

Но…

Юичиро склоняет голову. Положа руку на сердце, он вынужден признаться самому себе, что слова друзей заставили его немного задуматься и по мере раздумий ярость обжигающая душу поутихла. Поверить в то, что Мика на самом деле не такой и увиденное было случайностью, глупым и нелепым совпадением, чтобы перевернутый ранее мир вокруг вернулся обратно, было бы очень даже неплохо. Сознавать, что Мика такой, очень тяжело и подобное поведение вовсе не к лицу его старому врагу, с которым хочется продолжать войну, находясь на равных условиях.

Он немного запутался. Сбился с мысли и перестал понимать, что хорошо, а что плохо и что ему теперь делать. Как поступать дальше. Ликовать или каяться? Все погрязло в суматошной неразберихе.

Отмщенный, но не покаявшийся

По всему дому стелется прозрачная дымка полумрака, поглощенного стекающей со стен тишиной. Еще совсем не поздно, но сгустившиеся несколько часов назад тяжелые тучи заполонили небесную высь целиком, погрузив всё в вечерний мрак. В окна стучит дождь. Эхом отдаются звуки капель в серых комнатах. В прихожей горит несколько настенных светильников, они-то и создают ту единственную маленькую оживленную часть дома, погруженного в темноту.

Улицу освещают фонари. Из окна второго этажа видны редкие прохожие, торопящиеся укрыться от разбушевавшейся стихии. Кто-то имеет с собой зонтик и прикрывается им от холодных капель, кто-то нет и, боясь промокнуть и простудиться, спешит поскорее добраться туда, где тепло и уютно.

Прислонившись лбом к холодному стеклу, Микаэль с тоской глядит на улицу. За окном почти ничего не разглядеть из-за усилившегося дождя и потоков, ручьями льющихся по стеклу. Смутные образы да расплывчатые ореолы фонарей, отражающихся в лужах.

Ярость и негодование улеглись в душе, на смену им пришло равнодушное унынье. В горячности и борьбе с поглощающей болью обиды прошли первые часы. Невыносимо было сознавать свое унижение от человека, которому ты не да-

вал никакого повода оскорблять тебя именно таким образом, да еще и при всех. Который ничего не знал, но с лихвой впитал в себя омерзительную байку, выдуманную другими и тешился ею, найдя изумительный повод отомстить за себя. Это низко. Низко и подло. Лучше бы Юу со своими новыми дружками избили его прямо там, на глазах у всех, чем также на глазах у всех он так оскорбил его. Ни у кого из прежних воздыхателей Микаэля не хватало на это духу, кем бы они ни были, пусть то был конченный ублюдок без достоинства и чести, или смельчак готовый в любой момент кинуться на любого без страха и упрека. И те, и другие бросали свои обиды и оскорбления, будучи с ним наедине, в крайнем случае, в кругу совсем небольшой компании. Они страшились объявить правду во всеуслышание и открыто заклеймить себя позором отвергнутого, а самого Мику выставить причиной своей страсти. А Юу… Юу экземпляр. Достойный экземпляр.

Первую нападку и оскорбление с его стороны Мика еще кое-как проглотил, но, когда это повторилось вновь, копье боли пронзило насквозь, хотя до этого острие только оцарапало сердце.

Бессмысленный взгляд устремлен в пустоту. Приготовления к завтрашнему дню завершены. Исполненный обиды и ненависти воспаленный разум быстро обмозговал мелкие детали к заготовленной ранее идее, а руки ловко воплотили ее в жизнь, а теперь все погрузилось в эмоциональное бес-

памятство. Что-то гложет изнутри, а сил справляться с этой болью уже не достает, как и выказывать ее открыто, ломая и круша все, что попадается на глаза. В комнате и без того уже беспорядок. Валяются разорванные клочья бумаги, с рабочего стола в порыве необузданного гнева на пол сметено практически всё, что на нём находилось.

Не обращая внимания на мусор под ногами, Микаэль выходит из своей комнаты, а когда возвращается, в его руках поблескивает бутылка крепкого красного вина. Отец видимо забыл о нем, да и предпочитал он что-то более крепкое, однако его сыну оно сегодня как раз в угоду. Выходить на улицу не хочется, а заглушить чем-нибудь внутреннюю боль необходимо, иначе она просто сведет его с ума.

Микаэль делает глоток, и осознание своего полного одиночества наваливается и давит как никогда. Никого, совершенно никого рядом, кто бы мог помочь ему, утешить, прижать к себе и не отпускать. Хотя бы произнести несколько слов для поддержания внутренних сил, столь необходимых для борьбы с этой жизнью. Позволить себе быть слабым и, как все нормальные люди, просто раствориться в теплоте чужих объятий и слов, исходящих из самого сердца. Очутиться в руках того, кто укроет и защитит от всех бурь, подарит смех и радость. Будет рядом и никогда не бросит, не обманет, не высмеет, не обидит.

И теперь, все что окружает – стены, потолки, мебель, все это дышит беспросветным одиночеством и осознанием, что

рядом никого нет и не будет. Все оставили его. Все. Не к кому идти, не к кому возвращаться, некого ждать. Вот она – мучительная реальность даже самого сильного на первый взгляд человеческого существа – в душе мы всегда одиноки.

Юноша мало привычен к алкоголю и довольно быстро его разум затуманивается, а мысли становятся бессвязными и путанными. Уже не думая ни о чем, он просто продолжает заливать свою тоску, в то время как в окна колотит дождь.

В какой-то момент становится ужасно жарко и невыносимо душно. Кажется, что еще мгновенье и тело воспылает. Отставляя полупустую бутылку на подоконник, Микаэль распахивает двустворчатое окно. Мгновенно в лицо ударяет поток холодного, промозглого ветра, врывающегося с силой в комнату. Противно и сыро, но разгоряченный алкоголем парень чувствует отдушину в безжалостных порывах. Ставя руки на подоконник и продвигаясь чуть вперед, он, закрыв глаза, с наслаждением подставляет лицо под жгучие капли небесной воды. Они успокаивают сознание, приятно охлаждают разум. Такие жаркие и горячие, словно страстные ласки влюбленных. Одежда и волосы постепенно намокают, становится зябко, но мальчик не в силах оторваться от пьянящего вечернего воздуха. Чуть приоткрыв глаза, он вбирает носом кислород, вглядываясь в бесконечную темноту неба, озаренного неоновыми миражами.

Где-то там вдали, за всей этой чернотой, быть может, есть то, чего так жаждет его душа. Куда отчаянно рвется, пыта-

ясь сбросить телесную оболочку, будто бы предчувствуя там конец своих мучений. Там… вдали… Где-то далеко-далеко, там, где кричат птицы, резвясь среди белых облаков.

Омываемый дождем подоконник становится скользким. По стальному откосу быстро бежит вода, падая на асфальтированную дорожку под окнами дома.

А мальчик все вглядывается и вглядывается вдаль, подаваясь вперед, словно пытаясь коснуться чего-то призрачного и непостижимого, но на самом деле нежась в холодных объятиях целительного июньского ливня. Подставляя лицо под резкие потоки, он еще подается вперед. Выставляя руку, сильнее высовываясь из окна навстречу пленяющему чувству желания раствориться в ласках дождя, Мика не нащупывает опоры. Секундное недоумение, а потом тело пробирает леденящий страх. Распахивая и опуская глаза, он видит землю перед собой, чувствует, как потерявшее равновесие тело переваливается через подоконник и нет ничего, за что можно ухватиться.

Он уже ощущает себя на земле, когда рука нащупывает и хватается за оконную планку, посредине окна. Собирая все силы, что остались в теле, Мика выравнивается, крепко хватаясь за раму. Падения удалось избежать, но его все еще трясет. Он уже увидел и ощутил себя размазанным по земле, даже услышал крик того, кто обнаружит в луже грязи его искалеченное и, возможно, уже бездыханное тело. Сидя на подоконнике, обхватив раму, он касается ее головой и тяжело

дышит. Страх не отпускает, надежно держит в своих мерзких лапах. Сердце бешено колотится в груди, набатом отбиваясь в висках.

Мика жмется к спасительной планке, словно она будет способна защищать его всю жизнь от всех бедствий и напастей. Так, как обычно дети жмутся к матери, желая получить ее тепло и нежность.

Постепенно пульс замедляется, дыхание выравнивается, осознание, что опасность миновала, укореняется. Микаэль открывает глаза, и почти неуловимый в общем гуле выдох невольно вырывается из груди. Продолжая держаться за планку, юноша опускает тяжелый взгляд вниз. Второй этаж, в принципе не так высоко, чтобы разбиться. Даже допустим слабый вариант невероятного везения ничего себе не сломать при приземлении. В ушах по-прежнему завывает ветер, проходясь холодной волной по мокрому телу, заставляя его дрожать.

Не отрывая взгляда от земли, он грустно усмехнулся появившейся мысли, что быть может, ему вовсе не стоило цепляться, а стоило упасть. Давящее чувство безмерной тоски, сковывает, как и намоченная дождем одежда на теле и тянет вниз. Упасть, разбиться и навеки освободить себя от терзающих душу чувств ненужности и непонятости. Никто даже не заметит, если вдруг он исчезнет. Ни в классе, ни на улице, ни дома. Отец? А что отец? Быть может погорюет, погорюет да обзаведется новой семьей, как сделал это, когда

потерял жену, мать Микаэля. Сделает так и теперь, потеряв сына. Что касается школы, так может, если кто и вспомнит, что его долго нет на занятиях, так это Лео или Кота, ну может быть парни из художественного клуба, которые, ринувшись к своей модели, не отыщут ее на территории школы, может еще несколько человек, пламенеющих желанием утолить свою плотскую жажду. И все. Нет никого, кто бы действительно оплакал его и пожалел, что его больше нет на свете.

Наверное…

Померкшие синие глаза устремлены в черную пустоту, где виднеются только легкие очертания предметов, находящихся под окнами дома.

…стоило разбиться.

Поздно возвратившись домой, отец, приоткрывая и без того незапертую дверь, обнаруживает сына спящим на постели. Окно в комнате распахнуто настежь, в него влетает свежий теплый ветер, хранящий влагу и сырость давно окончившегося ливня. Боясь потревожить чужой сон, мужчина, качая головой, так и притворяет дверь спальни, даже не догадываясь, что его сын попросту вдрызг пьян и доказательством тому служит пустая бутылка, стоящая за столом. Но он не видит ее, не знает, что испытывал Микаэль прежде, чем его свалил сон, и не знает, что более всего тревожит его душу. Он видит только своего шестнадцатилетнего мальчика, уснувшего в одежде на застланной постели в беспорядке соб-

ственной комнаты. Но он все так же беспокоится о его судьбе, отсутствии близких друзей, возлюбленной, развлечений, в общем, обо всем том, что должен был иметь Мика, будь он обычным ребенком, выросшим в самой обычной семье, а не трудным подростком, у которого в прошлом произошло множество тяжелых моментов, наложивших сильный отпечаток на его личность.

В отличие от Микаэля, прозлившегося весь вечер, Юичиро был более или менее спокоен, если не считать угрызений совести. Убеждения и заверения Ичиносе сыграли свою роль в изменении мнения Юу о Мике и его непристойном поведении. Пускай капитану не удалось до конца убедить своего игрока, но зародить в нем зерно сомнения в тот момент очень даже удалось, более того, оно начало быстро прорастать. Уже придя домой, Амане был готов принести свои извинения Шиндо, который, к слову, действительно сбежал с последних уроков. Юу понимал, что если его обвинения ложные и дела на самом деле обстоят иначе, то своими словами он очень больно ранил одноклассника, непростительно больно. Но, конечно, если ошибается Глен, то его слова абсолютно реалистичны и переживать не из-за чего, однако же если нет и эта клевета отвергнутых… Все куда хуже.

Узнать, что все слова, касающиеся Микаэля в этой школе, грязная ложь, было наилучшим из того, что могло бы произойти сейчас. Объяснить это сложно самому себе, но знать,

что враг твоего детства не пал так низко – окрыляет.

Поскольку укоры совести значительно уступали по силе мукам негодования, которые зверски терзали его последние пару дней, то вечер Юу прошел относительно спокойно. А на утро он был готов попробовать поговорить с Микой, если, конечно, тот придет в школу и если удастся вызвать его на разговор, потому как оба эти варианта представляются маловероятными учитывая вчерашнее оскорбление.

У ворот школы Юу приметил идущих друзей – Шинью и Глена, а с ними какую-то незнакомую девочку невысокого роста в школьной форме, похожей на ту, что носят ученицы соседствующей школы для девочек. Троица только подходила к главному входу, у которого их остался ждать Юичиро. По пути кареглазая девочка, что-то бросив своим спутникам, свернула в другую сторону на углу, а парни последовали по прямой.

– Опаздываете, – усмехнулся Юичиро, когда те подошли ближе.

– Шинье тут с утра работенку подбросили, так пришлось задержаться, – пожимая Юу руку в знак приветствия, отозвался Глен.

– Ага, а потом еще сестру пришлось провожать, – усмехнулся Шинья.

– Сестру? – удивился Амане. – У тебя есть сестра? Это она была с вами?

– Она самая. Шиноа редко ходит вместе с нами, невзирая

на то, что нам по пути, но сегодня, видимо, особый случай.

– Ясно, – усмехнулся Юичиро. – А ты не говорил, что у тебя есть сестра.

– Младшая сестра не такое уж великое достояние. Почти у каждого дома есть или сестра или брат. Морока с ними одна, даже если они всего на год младше тебя, – развел руками Шинья, для которого это и впрямь не было чем-то особенным, о чем стоит сообщать.

– Ну не знаю, – улыбнулся Юу, который ни за что не отказался бы иметь брата или сестру. Хотя предпочтительней был бы все же брат и желательно ровесник, ну или немного старше. Но он в семье был один и думать о том, что у его матери сейчас появится еще один ребенок не хотелось. В их положении это было бы очень накладно.

– Юу, по поводу вчерашнего, – начал Глен, но Амане покачал головой.

– Не надо ничего говорить, – он поглядел на школу. – Я надеюсь, он уже пришел, и я смогу с ним поговорить до начала занятий.

– Хочешь сказать, ты подумал над моими словами? – серьезно осведомился Ичиносе. – И к какому выводу ты пришел?

– Еще сам не знаю, – пожал плечами Юичиро, не отрывая задумчивого взгляда от здания. – Но зато точно знаю, что должен сделать, пока не стало совсем поздно.

Пускай он и не простил Мику за все его прегрешения пе-

ред ним, да только извиниться за свою грубость и недостойное поведение в данном случае Юу считал себя обязанным.

Шинья с Гленом только переглянулись, но расспрашивать подробней не стали и просто пошли за другом в школу. Исполненный неким благодушием, Юичиро ступил на порог школьного заведения и примерно с таким же внутренним настроем вошел в старое здание.

Непривычно шумно показалось им в коридоре второго этажа. В чем непосредственно дело они пока понять не могли, но что-то явно крылось около стенда с расписанием, возле которого собрался народ и проходящие мимо посмеивались, бросая взгляды на доску и стол под окном.

– Что это там такое? – осведомился Шинья, всматриваясь в то, что так привлекло всеобщее внимание.

– Может объявление какое новое вывесили? – предположил Глен.

– Возможно, но обычно вывешенные объявления стольких не привлекают и радости такой на лицах не вызывают, скорее наоборот, – протянул Шинья.

Подойдя ближе и получив возможность увидеть то, над чем посмеивались все проходящие, Шинья и Глен просто остановились, не зная, как реагировать и что говорить другу, а Юичиро оторопел, устремив взгляд на стенд, где и впрямь красовалось новенькое объявление с большими четкими иероглифами, которые гласили, что некоему ученику первого класса старшей школы, по имени Амане Юичиро

срочно требуется операция по увеличению его полового органа. Он слезно молит помочь ему в решении его маленькой проблемы, потому как хочет ощутить себя полноценным мужчиной и больше никогда не терпеть насмешек противоположного пола по поводу своей ущербности и обзавестись наконец подружкой, как уже давно подобало бы знаменитому футболисту, подающему большие надежды, к сожалению, только в спорте. А для того, чтобы все кто прочитает это объявление, были уверенны, что их не обманывают и человеку действительно нужна помощь, прилагалась фотография пострадавшего в неглиже. Идеальное смуглое, в меру рельефное тело красивого зеленоглазого брюнета венчала деталь, сводящая на нет всю прелесть спортивной фигуры. Обработанный умельцем, вывесившим это постыдное объявление на доске, половой орган был по размеру вдвое меньше спичечного коробка. Издали могло показаться, что там и вовсе ничего нет. Но кое-что там было, а чтобы разглядеть поближе всю степень трагедии несчастного, в довесок ко всему, под объявлением и фотографией была подвешена лупа.

Еще одна точно такая же фотография стояла на столике у окна рядом с коробочкой, надпись на которой гласила «Пожертвования». В самой коробке уже лежало несколько монет и проходящие мимо, не забывая посмеяться, бросали в коробочку мелочь.

Амане стоял ни живой, ни мертвый. Если бы сейчас пол под ногами разверзся и он провалился в самое пекло, то был

бы только счастлив. Гореть в аду и то приятнее, нежели стоять и наблюдать свой собственный позор, который ко всему прочему является гнусной ложью и никак не соответствует истине.

Парня буквально парализовало на месте, когда он понял какое количество человек на это смотрят в данную минуту, и сколько пришедших на занятия школьников уже увидели это объявление, и скольким еще посчастливится видеть и вдоволь повеселиться, если все это немедленно не убрать и не прекратить эти смешки, доносящиеся со всех сторон, раз и навсегда. Второй мыслью после того, что это немедленно нужно убрать с глаз, в голове пылает только один вопрос «кто?».

Расталкивая собравшихся зевак, Юу уже был готов сорвать объявление, фото и забрать коробку, в общем все, что выставляет его посмешищем на всю школу, но в это время со звоном в коробку падает несколько монеток, превышающих стоимость всех брошенных ранее.

У Юу замирает дыхание, когда взгляд останавливается на улыбающемся лице, только что подошедшего блондина.

– Ты?! – дрожащим голосом выдыхает Юичиро, понимая чьих рук все это грязное дело, ибо чужая насмешливая улыбка отвечает сразу на все его возможные вопросы. Отовсюду звучит смех и колкие замечания, но Юичиро их не слышит, он видит перед собой улыбающееся лицо врага, который явно наслаждается проделанной работой, потому как Юу чув-

ствует себя просто отвратительно.

– Извини, больше нет, помог, чем смог, – ухмыляется Шиндо. – А ты молодец, что не побоялся позора и попросил помощи. Давно пора.

– Это ты?! – сжал кулаки Юу готовый броситься на врага в любой момент. Да только его горячность нисколько не пугает блондина, даже не заставляет отступить.

– Пускай вчера ты оклеветал меня перед всеми, но я зла не держу. Наоборот хочу помочь тебе в ответ на твою «справедливость», – прищуривается Мика, вызывающе глядя на загнанного в угол Амане.

– Мразь! – нет больше сил терпеть эту издевку и, переполненный гневом Юу, бросается к Мике. – Я убью тебя, тварь!

Смеясь, Мика, будто кот, отпрыгивает назад, в то время как Шинья и Глен бросаются к взбеленившемуся другу и едва успевают схватить его.

– Пустите меня! – кричит, вырываясь Юичиро. – Я убью тебя! Я тебя так отделаю, что самому операция понадобится! Ненавижу! Ублюдок! Конченный урод! Отпустите меня, я задушу его!

– Юу, прекрати, оставь его! – кричит Глен. – Успокойся! Это дурацкая шутка, прекрати себя так вести! Неужели ты хочешь из-за такой ерунды вылететь из школы!

– Да мне плевать, если я смогу избавится от этого урода! – прогремел Амане и извернувшись, так, что друзья не смогли его удержать, ринулся к Микаэлю, который напрягся, будучи

готовым отражать удары.

Набросившись на Микаэля и повалив его на пол, хорошенько приложив при этом головой, Юичиро только успел занести кулак для нанесения более весомого удара, когда в коридоре прозвучал строгий голос, заставивший содрогнуться всех присутствующих на разборке учеников, а в следующий момент, Глен и Шинья снова схватили его и стащили с Шиндо, который, будучи уже не менее остервенелым, бросился на обидчика, но его схватили другие.

– Прекрати, дурак, – пытался успокоить его парень из художественного клуба. – Нарвешься же на еще большие неприятности.

– Плевать, отпусти! – задыхаясь от злости, прошипел Мика.

– Юу, успокойся немедленно, – тем временем пытался утихомирить своего Глен, в то время как Шинья был просто встревожен и пытался удержать вырывающегося друга, которому было все равно кто здесь и зачем – он жаждал только кровавой мести.

– Что здесь происходит? – вновь прозвучал холодный, строгий голос. Толпа расступилась, как по указке, дав возможность высокому, статному парню беспрепятственно подойти к месту основного события. Отовсюду доносился шепот. Никто не осмеливался говорить в полный голос.

– Это Ферид Батори. Председатель школьного совета.

– Говорят он из знатной семьи.

– Самый устрашающий человек во всей школе. Обладает неоспоримым авторитетом, даже среди учителей.

– Сам директор считается с его мнением.

– Ни фига себе!

– А ты что не знал? Стыдно должно быть.

– Сейчас им достанется!

– Сами виноваты, устроили черти что, пусть теперь расплачиваются.

– Я спрашиваю, что здесь происходит? – не обращая внимания на перешептывания, строго повторил вопрос юноша с серебристыми волосами, собранными в хвост и подвязанными черной, шелковой лентой. Его острый взгляд и не менее острый ум мгновенно оценили обстановку. Ничто не ускользнуло от его внимания: ни двое тяжело дышащих разгоряченных парней, уже почти вцепившихся друг другу в глотки и сожалеющих, что были вынуждены остановиться, ни объявление на школьном стенде, ни фото, ни коробочка с деньгами тут же рядом.

– Отпусти, – тем временем высвободился из хватки старшеклассника Микаэль и передернул плечами.

– Немедленно снимите это отсюда, – приказал Батори двум парням, находившимся ближе всего к стенду. Те послушно выполнили приказ и уже через несколько секунд ничего, что свидетельствовало бы об утреннем инциденте, не было видно.

– Кто это устроил? – холодно глядя на Юичиро, задал во-

прос Ферид. Но тот только опустил голову.

– Немедленно ко мне в кабинет, – Батори круто развернулся на каблуках. – Тебя это тоже касается. – Он бросил взгляд в сторону Шиндо, который уже направился прочь, якобы его это никоим образом не волнует и он обычный праздный зевака.

– Что? – обернулся Мика и взглянул на Ферида с той же неприязнью, которая читалась в глубине холодного взора главы школьного совета.

– Немедленно, – сдержанно и четко сказал Батори и грациозно последовал по коридору.

Поглядев сначала на Мику, придушить которого все еще страстно желалось, но, будучи немного пришибленным властным, аристократичным поведением выпускника, Юичиро послушно зашагал следом.

– Черт, – сквозь зубы процедил Микаэль и нехотя двинулся за Феридом и Юичиро.

– Удачи, – сочувствующе бросил Микаэлю парень из художественного клуба, но Шиндо никак не отозвался на пожелание.

– Что теперь будет?.. – глядя вслед другу, проговорил Хираги.

– Пойдем в класс, Шинья, – сказал Ичиносе, ощущая беспокойство. Это было единственное, что он мог сказать и предложить, после всего произошедшего.

Президент школьного совета элегантно опустился на стул и пристально взглянул на двух своих провинившихся учеников. По лицам обоих читалось, что они еще не усмирили свой пыл до конца и, будь на то их воля, они снова сцепились бы друг с другом, однако сейчас, потупив глаза, они смиренно помалкивали. От учеников, даже не думающих покаяться, его отделял письменный деревянный стол. Вообще по своему виду кабинет напоминал скорее личные покои, нежели одну из классных комнат, отведенных для школьного совета, хотя всё здесь было оформлено строго, не допускались никакие посторонние убранства, как в частных жилых помещениях. Один длинный стол с множеством приставленных стульев под стеной и один небольшой с двумя стульями по бокам. В комнате скорее витал подобный дух, возможно, создаваемый самим работающим здесь учеником выпускного класса.

Пробежав глазами по сторонам, Юичиро устремил взгляд на молодого человека, имеющего определенную власть в этом заведении и, глядя на него, Юу понимал почему. Аура, что исходила от него, была жутковатой и пугающей, но при этом величественной. Чувствовалось, что перед тобой не заурядный человек со средним умом, перед тобой нечто большее, тот кого следует опасаться и к кому следует проявлять должное уважение, в противном случае можно горько пожалеть. Юичиро не был напуган этой встречей, отнюдь, просто ощутил всю серьезность общения с этим человеком, с кото-

рым впервые пришлось столкнуться лицом к лицу в таких неблагоприятных условиях. Микаэль стоял рядом, но на него величие и значимость председателя студсовета впечатления не производило. Он был угрюм и даже будто бы недоволен и раздражен тем, что ему приходится находиться здесь.

– Итак, – Ферид изящно сложил руки на столе. – Согласно установленным правилам, драки в школе категорически запрещены. Те, кто нарушают это правило или любое другое из представленных на стенде, должны понести наказание. Вам известно об этом?

Ответ последовал только в образе кивка и то со стороны Амане, потому президент продолжил.

– Мало того, что вы затеяли драку у всех на виду, так еще и посмели осквернить школьный стенд, вывесив на него это отвратительное объявление. Складывается впечатление, что всё, чего вы касаетесь, очерняется, – Юу показалось, что когда он это говорил, то смотрел непосредственно на Микаэля. – У меня только один вопрос, – в этот раз он действительно строго и холодно взглянул на Мику, Юичиро он пока будто бы не замечал. – Зачем?

Как и предполагалось, на вопрос отвечать никто не стал. Микаэль стоял и безучастно смотрел в сторону.

– В последнее время, Шиндо, от вас чересчур много проблем. Вам бы следовало хорошенько задуматься над этим, а побеги и игнорирование дисциплинарных лекций Вас и подавно ни к чему хорошему не приведут. Ваша чрезмер-

ная популярность уж больно дорого нам обходится, – кривая усмешка быстро скользнула по лицу и вмиг исчезла.

«Так он просто сбегал каждый раз? И разве он тоже в курсе творящихся с Микой дел?» – Юу бросил удивленный взгляд на одноклассника, а потом перевел его на президента. Для него, пожалуй, было бы гуманней отсидеть, как полагается на этой лекции, чем потом нарваться на двойной гнев школьной элиты. Но у Шиндо на этот счет, видать, были свои размышления.

– Чем был спровоцирован поступок с объявлением?

Кажется, следующий вопрос относился непосредственно к самому Амане и, переведя взгляд с одноклассника, Юу наткнулся на высокомерный взор школьного председателя.

– Своим молчанием Вы хотите сказать, что это была его личная инициатива, целью которой было спровоцировать Вас на конфликт? Тогда объясните для чего? Что послужило причиной возникновения неприязни?

История повторялась в точности так, как много лет назад, когда двух мальчишек вызывали к директору и тот пытался добиться нужной информации от детей, но как бы ни старался, как бы ни бился, а эти двое всегда молчали. Однако этот человек был не похож на старого директора, он был иного сорта.

– Не скажете? – ровным тоном, проговорил Батори, выдержав некоторую паузу, дабы дать возможность ученикам обдумать ответы, ежели они все же собираются говорить. –

В таком случае, безвинных здесь нет. Оба понесете наказание и, – он опустил подбородок на скрещенные руки, – я уже знаю, что с вами делать. – Он слегка помедлил, словно наслаждаясь растянувшейся минутой приговора. – Юичиро Амане, Вы отстранены от тренировок ровно на три недели.

– Как на три недели? – впервые за все время подал голос Юичиро.

– Я поговорю с тренером вашей команды и предупрежу его обо всем.

– Но как же так, ведь скоро игра? – Пропустить как минимум три дня, и то довольно накладно, учитывая, что нужно быть в форме постоянно, потому Юу воспринимает этот приговор весьма драматично.

– В таком случае я сожалею, если из-за Вашей небрежности наша школа потерпит позорное поражение, – холодно проговорил Батори.

– Но это же несправедливо, – выдохнул Юичиро, уже видящий осуждение в глазах команды, которую он подводит.

– Вы забываетесь, Амане, – его взгляд стал ледяным. – К тому же на время отстранить Вас от тренировок, пришлось бы в любом случае из-за Вашего участия в одном мероприятии, в котором Вы будете задействованы.

– Каком мероприятии? – распахнул глаза Юичиро.

– Об этом Вы узнаете позже, – загадочно проговорил Ферид. – Если Вам по-прежнему нечего сказать, Вы можете идти.

– Идти?

– Именно, – подтвердил Ферид. – И помните, что только Вы и никто другой в ответе за все свои поступки. Даже если Вы не являлись зачинщиком, Вы позволили спровоцировать себя, а это тоже проявление духовной слабости. Так что идите и подумайте над этим, как следует. И быть может, приняв правильное решение, впредь Вам удастся избегать неприятностей и визитов в этот кабинет.

Юу был поражен, и как только прозвучали слова о том, что ему можно удалиться, он поспешил к двери, но прежде чем выйти, остановился и обернулся. В какой-то момент стало любопытно, почему он решил отчитать Мику уже после того, как выпроводит из кабинета Юичиро и почему Микаэль так напряжен.

– Что касается Вас, Шиндо, – Батори устремил взгляд на белокурого юношу. – То… – он замолчал и взглянул на застывшего в дверях Амане. – Что-то еще?

– Нет, извините, – сказал Юу и быстро покинул кабинет, но не ушел, а остался ждать под дверью. Правда зачем он это сделал, он так и не понял. Тем временем, когда два ученика остались с глазу на глаз, один из них поднялся из-за стола, а второй продолжал стоять с отрешенным и мрачным лицом.

– Говорить тебе в тысячный раз о недопустимости такого поведения бесполезно, слов ты не понимаешь и, видимо, уже никогда не поймешь, прискорбно, – строго окинул его взглядом Батори, пройдясь к окну. – Только, пожалуйста, не

думай, что все твои выходки будут и дальше оставаться безнаказанными.

Микаэль со злостью поглядел на парня, глядящего на него свысока.

– За то, что ты устроил сегодня, хочешь, не хочешь, а ответишь. – Он перевел взгляд в окно. – Поучаствуешь в общественной жизни школы, возможно, даже проникнешься ею, завяжешь новые знакомства, укрепишь старые. Твое усердие в художественном клубе вдохновило меня на мысль, что тебе ни в коем случае нельзя прекращать, а следует продолжать в том же духе, – при этом тонкие губы расплылись в насмешливой улыбке, а Микаэль понял, что эта деталь также не ускользнула от него и теперь это повод для лишней издевки. – Такому как ты это пойдет только на пользу. Научишься больше ладить с людьми, такими как, к примеру, этот темноволосый мальчик. Вижу, ты проникся к нему, осталось только укрепить вашу связь. Что на это скажешь? Не желаешь поблагодарить меня за услугу?

Шиндо плотно сцепил зубы. Ему нарочно навязывают общество врага, зная, как для него это будет тяжело. Батори лишь усмехнулся его беспомощности и так явно выказываемой ненависти.

– Молчишь? Что же, молчи. Молчание признак покорности и согласия, которые ты так не любишь, – пожал плечами президент. Какие уж тут могут быть манеры?

– Господин президент столь любезен, всегда и во всем го-

тов поддержать своих учеников, – вдруг елейно проговорил Микаэль, присаживаясь на стол и забрасывая ногу на ногу. – Он так заботится о каждом, что совершенно не думает о самом себе.

– Иди на занятия, – сухо сказал Батори.

– Жаль, а ведь я хотел поблагодарить Вас от имени всех, о ком Вы так отчаянно заботитесь, – соскальзывая со стола и делая несколько шагов в направлении президента, сладко, но с ноткой иронии проговорил Микаэль.

– Немедленно оставь мой кабинет, – с неприязнью взглянув на парня, так вызывающе ведущего себя, отрезал Ферид прежде, чем Мика успел приблизиться.

Хмыкнув, Шиндо развернулся и плавно проследовал к двери.

– Еще кое-что, господин президент, – остановившись у выхода, Шиндо язвительно взглянул на Батори. – Вы всё твердите о правилах, а сами допускаете строжайшую ошибку, позволяя себе панибратство с одним из Ваших же подчиненных.

Ферид вопросительно взглянул на дерзкого, доставляющего кучу хлопот мальчишку.

– Разве президент школьного совета не обязан выказывать одинаково должное почтение к учащимся, закрывая глаза на свои личные мотивы? – улыбаясь, мягко проговорил Шиндо, сужая зрачки.

– Закрой дверь с той стороны, – ухмыльнулся Батори, на-

глядно демонстрируя, что отношение к Мике он менять не собирается, что ни говори и как ни упрекай.

Осклабившись, ощущая, как неприязнь разливается внутри, Шиндо покинул кабинет того, кто намеревался втянуть его в общественную деятельность, которая была для него наихудшим наказанием.

Когда дверь за ним закрылась, Ферид подошел к окну и с раздражением распахнул его, дабы остыть после общения с человеком, безумно раздражающим его своей вызывающей дерзостью и открытым протестом, так бесцеремонно навязанным ему вышестоящими инстанциями.

– Будь моя воля, я бы тебя даже на порог этой школы не пустил, – вполголоса произнес он, глядя во двор.

– Что он тебе сказал? – встретил Юичиро Микаэля вопросом, когда тот вышел из ненавистного ему дисциплинарного кабинета, а Юу скрестив руки на груди, подпирал собой стену.

– Тебя это не касается, – грубо бросил Шиндо и направился по коридору.

– Какая ты все-таки сволочь, – фыркнул Амане. – И зачем только я сегодня шел к тебе извиняться.

– Кретин, нужны мне твои извинения, – пренебрежительно хмыкнул Микаэль. – Вот ответь, по чести, начни я сейчас извиняться после всего, что произошло, ты бы меня простил?

– Представь себе, да, – бросил Амане.

– Хах, не дождешься ты от меня извинений, – фыркнул Шиндо.

– Ты знаешь, – стараясь держать себя в руках, сказал Юу, – мне уже плевать, кто ты там такой, это я понял, когда сегодня увидел твое объявление. Я просто ненавижу тебя и всё, без поводов и причин. – Обогнав Мику, Юу последовал в класс.

– Вот и славно, что тебе не нужны поводы, – приостановившись и, глядя ему вслед, прошептал Шиндо.

Приговор свыше

Юичиро возвратился в класс первым. Проходя на свое место, он даже не оглянулся посмотреть, зашел ли следом Микаэль. После выволочки председателя школьного совета, которая сопровождалась наказанием, наиболее невыгодным для Юичиро, связанным с запретом тренировок и язвительных слов Шиндо, последнего хотелось видеть менее всего. О том, в каком мероприятии он будет задействован в будущем, он не думал в принципе. Это было не значительно, ни то какую роль ему отведут в этом мероприятии, ни то какое оно будет само по себе. В сравнении с запретом выходить на поле в течение трех недель все остальное было сущими мелочами.

– Юу, ну что? Что тебе будет? – Шинья и Глен сразу подошли к нему с расспросами. Что Амане мог им на это ответить. Вздохнув, он сначала извинился перед Гленом за причиненные неудобства, а после без радости поведал о том, что его отстраняют от тренировок на определенное время.

– Мда, ситуация, – задумчиво протянул Ичиносе, потирая подбородок. Лишиться лучшего игрока в такой ответственный момент самое неподходящее, что может произойти накануне игры с командой соседней школы.

– Извини, Глен, – мрачно повторил Юичиро.

– Да ничего, справимся как-нибудь. – улыбнулся Глен, однако ситуация его отнюдь не радовала и даже появилась идея

попытаться переговорить с директором или с тем же Феридом, убедить их хотя бы сократить срок отстранения игрока. Честно говоря, он был удивлен этому решению, учитывая ситуацию, ведь их школа гналась за перспективой быть лучшей во всем, далеко не только в учебе, но также и в спорте, и в общественной жизни. Вероятно, произошла ошибка и президент попросту поторопился с вынесением окончательного приговора или же решил припугнуть Амане на будущее.

– Тем более, всегда можно тренироваться самому, – вступил в разговор Шинья. – Как по мне, это совсем не проблема.

– А как же отработка игры в команде? – Юу поглядел на парня, не совсем разбирающегося в тонкостях тренировок спортивных игр.

– А кто не дает вам пойти на любую площадку и там вдоволь погонять мяч? – усмехнулся Хиираги.

– Тоже верно, – улыбнулся Амане. Да, пускай Шинья и не вникал в детали некоторых отраслей, зато всегда мог дать четкие логические советы на любой манер. – Только…

– Шинья дело говорит, мы вполне можем устроить тренировку где-то во дворе, – улыбнулся Ичиносе, подбадривая приунывшего товарища по команде. – Кстати, ты говорил о каком-то мероприятии, в котором будешь участвовать.

– Да не знаю я, он ничего конкретно не сказал. Только и была речь о том, что меня куда-то определят, вот и все.

– Что же он там для тебя придумал? – протянул Хиираги, а потом поглядел куда-то за спину Юичиро. – А Мика что?

– Мика? – сдвинул брови Юу, а после обернулся. Все же Шиндо тоже вошел в аудиторию и теперь сидел за своей партой и совершенно не глядел в сторону друзей.

«Сволочь. Из-за тебя все это» – мысленно процедил Амане.

– Понятия не имею, что с ним, – с агрессией заявил он, наблюдая за недругом, вид которого был таким, словно ничего пару минут назад между ними не происходило. – Но, надеюсь, прилетело ему не меньше моего.

– Юу, – Ичиносе выглядел обеспокоенным.

– Черт бы тебя побрал, – прошипел Юичиро, не обращая внимания на друзей, а после, сожалеющий, что ему не удалось отплатить Микаэлю за свое унижение и за наказание, пошел к своей парте.

Начался урок, преподаватель объяснял новую тему, а Юу все думал о том, что произошло. Бросая злостные взгляды на Микаэля, он был просто вне себя. Ужасно хотелось придумать что-нибудь такое, что раз и навсегда отобьет у того желание подшучивать над Юичиро. Однако этому демону сопутствовала какая-то определенная необъяснимая удача, которую Юу подметил еще с младшей школы. Стоит только попытаться начать мстить Шиндо или задирать его, как обязательно кто-то появляется на горизонте и спасает его. Даже взять сегодняшний инцидент. Всплывает вопрос: "Почему президент появился в тот самый момент, когда именно Юу бросился с кулаками на Мику, а не скажем тогда, ко-

гда тот же Мика часом ранее выставлял это гнусное объявление?" И таких примеров можно привести еще множество, если хорошенько напрячь память.

Впечатление, будто сам Дьявол покровительствует ему, оберегая своего слугу, не чиня тому препятствий в сотворении козней.

Конечно, и сам демон, надо отдать ему должное, не так прост, а каждый раз специально затевает конфликты именно в тех местах, где предположительно может пройти кто-нибудь, исключая для самого себя возможность попасть под горячую руку и по чести ответить за свои гадкие поступки.

Под конец занятия Юу уже окончательно запутался в своих чувствах, в которых он то ли ненавидел и желал кровавой мести, то ли восхищался проницательным и изощренным умом давнего врага.

Противоречивые рассуждения прервал раздавшийся голос Синго за спиной. Юу откинулся на спинку стула, чтобы можно было лучше слышать чужие слова и чтобы его не одернул преподаватель.

– Юу, я слышал твой разговор с капитаном. Хреново получилось с тренировками.

– Не то слово, – иронично фыркнул Амане так, чтобы его ирония не достигла ушей учителя.

– Что больше всего раздражает, так это то, что ты пострадал зазря. Ведь это он всему виной и один должен был отгребать, – Акутазава смерил Микаэля презрительным взгля-

дом. – Совершить такое и остаться безнаказанным… Черт и где взялся председатель.

– Выходит ты тоже в курсе, – без удовольствия протянул Юичиро, которому бы больше хотелось, чтобы об этом инциденте знало, как можно меньше народу.

– Мы с парнями были неподалеку, – признался Синго. – Понимаю, почему ты не сдержался и кинулся на него. Такого оскорбления никто бы вот так просто не снес. Даже представить не могу, как ты его сейчас ненавидишь.

– Слушай, Синго, – Юу хотел было прервать его провокационные речи, затрагивающие его личные чувства, да только сдержался. Воспоминания о том, что говорили о нем Глен и Шинья, не жалуя его как человека, оказали сейчас слабое влияние на его психику. Учитывая, что он сам пылал жаждой поквитаться с Микой, настрой Синго и его компании был Юу куда ближе, нежели благочестивые намеренья Глена, предпочитающего соблюдать нейтралитет и придерживаться христианской догмы прощать обидчика. Некая симпатия овладела сердцем Амане, встретившего такого же недруга Шиндо, коим являлся он сам, хотя сам Юу не стал возводить напраслину, не имея доказательств. Он всегда предпочитал действовать открыто, а не исподтишка, как это низко делал Микаэль. Быть может, потому и проигрывал. Разумеется, поступать как Синго – распускать ненужные сплетни – он не собирался и сейчас, но и отталкивать от себя этого

парня тоже не стал.

– Что? Я просто хотел спросить, ты ведь не оставишь это унижение просто так? – серьезно осведомился Акутазава.

– По-твоему я похож на тряпку, о которую будут вытирать ноги уроды, подобные ему, а я буду молча сносить оскорбления? – презрительно хмыкнул Амане, кивком указывая на Микаэля.

– Я об этом даже не думал. Ты не из таких, Юу, – усмехнулся Акутазава. – Я тут как раз подумывал над одним вариантом, с ним можно отлично отплатить ему за выходку, если интересно, расскажу.

– Да нет, Синго, спасибо, с ним я как-нибудь сам, – поблагодарил Юичиро.

– Тоже правильно, – одобрительно кивнул Акутазава. – Если тебе понадобится помощь, только скажи, мы с ребятами окажем тебе поддержку.

– Угу, – кивнул Юичиро. Синго отстранился, и до конца урока они больше не обмолвились ни словом, зато по окончании урока, Юичиро покинул класс в сопровождении компании Акутазавы. С самим же Синго Юу в этот момент что-то живо и со смехом обсуждал.

Шинья с Гленом только проводили их взглядами. Мика также обратил внимание на новое дружеское веяние в отношениях Юичиро с этой компанией, однако, не подав виду, ушел из класса во двор, где ему снова стал докучать своим обществом Нагашима.

– Что скажешь? – Ичиносе озабоченно поглядел на Шинью, когда они покинули класс.

– Ты о ситуации с тренировками или о том, что Юу ушел с Синго? – ответно осведомился тот. – Но как по мне в этом положении тебя больше беспокоит второй пункт.

– Сначала пересел, теперь ушел вместе с ними. Неужели он так и не понял, что я пытался до него донести?

– Мне кажется, он все прекрасно понял, да только ему побоку.

– Но почему? Он же не такой, как они. Зачем он идет у них на поводу? – с ноткой отчаяния выдохнул Глен.

– Им движет определенная сила, заставляющая его поступать таким образом.

– Что ты имеешь в виду? – взглянул на него Ичиносе.

– Ты не хуже меня понимаешь, о чем я говорю, так к чему тут эти глупые вопросы? – усмехнулся Хииараги.

– Он непозволительно сильно заинтересован в нем, это ты хочешь сказать? – Глен устремил взгляд на дорогу. – И сегодняшний случай только лишний раз доказал, насколько он очарован ним. До такой степени, что, чувствуя невозможность сближения, готов объединиться с таким, как Синго. – Он прикрыл глаза и с досадой выдохнул: – Черт!

– Как раз то, чего ты так не хотел все это время, – со вздохом заключил Хииараги. – Потерпев поражение, он не смог достойно его перенести и влип в самое болото нашей школы.

– Но может это несерьезно, он одумается и уйдет от них? –

с надеждой произнес Ичиносе.

– Как говорят, коготок увяз – всей птичке пропасть, – развел руками Шинья.

– Да уж, – протянул Глен. – Но что важнее, так это его увлеченность. Она наиболее губительна. Юу же с него глаз не сводит, даже когда разъярен.

– Ага, он-то не замечал, но за его спиной вся школа наблюдала, когда он бегал за Микой, пока тот его не отшил, а потом шептались о том, что у любовничков затишье.

– Какие еще любовнички? – возмутился Ичиносе. – Они же все знают. Зачем трепятся о ерунде?!

– Знают, не знают, но это лишний повод зубы поскалить. А правда тут отходит на задний план, тебе ли не знать, – спокойно отозвался Хиираги.

– Идиотская ситуация, – раздраженно бросил Глен. – Ну чем он его так зацепил?

– А то ты сам не знаешь, – хмыкнул Шинья. – Равно тем же, чем Мика зацепил тут добрую половину ребят. А может я ошибаюсь, и не только половину, – он прищурился на Глена.

– А что ты сам-то думаешь на этот счет? – сконфужено осведомился тот, пропуская мимо ушей нелепое замечание дуга.

– Не знаю, я далек от всего этого, никогда раньше не задумывался о своем отношении к нему, – медленно ответил Хиираги. – Хотя если поразмыслить, Мика и впрямь выглядит соблазнительным и характер у него такой, что поневоле за-

интересуешься. Загадочная личность, загадочное прошлое, все, что касается него, окутано сплошной тайной. Не мудрено заинтересоваться всерьез, особенно если вспомнить его внешность.

– Шинья, ты чего? – с удивлением и даже неким страхом поглядел на него Ичиносе.

– Я просто говорю, что думаю и всё, – засмеялся он, видя озадаченное лицо друга. – Разве это плохо?

– Скорее наоборот, – усмехнулся Глен. «Всем бы такую непосредственность, как тебе».

– А по поводу Юу, – Шинья стал серьезным. – Знаешь, есть у меня одна мысль. Если еще не поздно, она должна сработать.

– Слушаю, – обратился в слух Глен. Миновав оживленный вестибюль, двое друзей вышли на залитую солнцем улицу.

После того, как работа в художественном клубе завершилась и Микаэль зашел в смежную комнатку одеться, в помещение буквально следом за ним вошел один из представителей клуба. Шиндо ничего не успевает сообразить, когда, взяв рубашку со стола, почувствовал, как его грубо разворачивают и укладывают на этот же стол, заваленный всяким барахлом. Прикосновения к телу чужих рук, неразборчивый лепет, а потом его губы бесцеремонно накрывают. Распахивая глаза, Микаэль чувствует, как сначала страх неожиданности, а потом негодование вмиг наполняют его душу.

– Идиот! – с криком, отталкивает он от себя Инуяши, подкравшегося со спины, да еще и позволившего себе такое обращение.

– Как же я ждал, и вот наконец-то ты весь мой. Ты мой, мой прекрасный цветок, – шепчет парень с вожделенным блеском в глазах, снова приникая к желанному телу юноши. – Не нужно сопротивляться.

– Что за чушь, отпусти меня сейчас же! – шипит Мика, пытаясь встать, но его хватают за плечи и снова насильно укладывают на стол и рот затыкают грязным поцелуем. В попытке освободиться, он извивается всем телом, при этом мозг лихорадочно соображает, как спастись от похотливого парня, в последнее время выказывающего жуткое нетерпение. Неужели их никто не слышит? Не может быть чтобы все разошлись. Или же…

Мику молниеносно пробивает разрядом паники от мысли, что все это подстроенная ловушка и за дверью, никто попросту не обращает внимания на то, что творится в этой треклятой подсобке.

– Нет! – вскрикивает Микаэль и тут же содрогается всем телом, когда ладонь Инуяши ложится на его член. – Отпусти… нгха… – сдавленно выдыхает он, когда рука, массирующая его орган, крепко сдавливает его.

– Ты так чувствителен, так изящен, ты просто идеал, мечта любого художника. Стань моей единственной и личной музой, – с жадностью припадая к белоснежной груди, горячо

шепчет Инуяши.

– Нет, нет, – дрожа всем телом, Мика попутно шарит рукой по столу, в попытке отыскать хоть что-то и когда его рука нащупывает какой-то твердый и тяжелый предмет, он не думает ни секунды.

– Я сказал, отпусти! – в бешенстве выкрикивает Шиндо, ударяя Инуяши коробкой для хранения тюбиков красок и кистей и, вскакивая, садится на столе.

– Ты с ума сошел! Что ты вытворяешь, псих?! – получив увесистый удар деревянным ящиком, обитым кожей, выдыхает Инуяши, хватаясь за голову. Боль и грохот от высыпавшихся из коробки вещей немного возвращают трезвость рассудка старшекласснику.

– Это ты больной, раз позволяешь себе такое! Кто позволил тебе прикасаться ко мне?! – гневно проговаривает Мика и, хватая рубашку, кое-как набрасывает ее на себя, устремляясь к двери.

– Стой! – бросается к нему Инуяши, хватая со спины, не давая выскользнуть из помещения.

– Выпусти меня! – Мика хватается за ручку двери, хотя более чем уверен, что она заперта или же там его поджидают другие, но не попробовать сбежать он не имеет права. Если есть хоть малейший шанс на спасение и избежание контакта, им не стоит пренебрегать.

– Прекрати, черт тебя возьми, ты сам позвал! Заходя сюда, ты так посмотрел на меня, – пытаясь оттащить упираю-

щегося Мику от двери, шипит ему на ухо парень. – А теперь на попятную, ну уж нет! Хватит изводить меня! Немедленно возвращайся обратно, пока я тебе глотку не заткнул!

От этих слов, Мика разъяряется еще больше и, резко разворачиваясь, ударяет парня по лицу так, что тот невольно отпускает его.

– Ты просто чокнутый, если решил, что я когда-нибудь стану звать тебя и еще более чокнутый, если решил, что испугаюсь и стану слушать! – И с этими словами, брошенными со злостью и насмешкой, он выбегает из подсобки, дверь которой все же оказывается незапертой. Снаружи его встречают только удивленные взгляды тех, кто услыхал внезапно поднявшийся шум и не заметил, как в отдельную комнату к Мике проскользнул Инуяши.

– Мика? Мика, ты куда? Что там произошло?

Но Шиндо бежит от этих вопросов, от этих людей, от этой комнаты. Все это уже настолько осточертело, что сказать нельзя. Сегодняшняя выходка Инуяши, лишила его последних сил, которые он и без того едва находил, дабы пребывать там, где на него устремлены эти похотливые взгляды восхищения, где почти каждый старается прикоснуться к нему, сделать замечание и все это прикрываясь таким святым понятием как искусство.

Последние капли терпения иссякли сегодня, Мика уже не сможет вернуться и продолжать в том же духе. Присутствие там в последние дни становилось совсем невыносимым. Ес-

ли до этого парни хоть как-то держали себя в руках, то теперь вовсе позабыли о понятии достойного поведения. Поступок Инуяши это только первый звонок, то, к чему все шло с самого начала. Нет, надо убираться оттуда, пока не стало хуже. Хотя куда уж хуже, его чуть не изнасиловали в этой грязной подсобке.

Мика вылетел из класса художественной секции и сразу же чуть не налетел на Томоказу Наир, отчего-то дежурившего со своими друзьями около клуба.

– Вижу, вы всё на сегодня? – усмехнулся уголком рта парень, взирая на разгневанного Микаэля.

– Уйди с дороги, Наир, – прошипел Шиндо. Только столкновения с этим парнем и его дружками ему сейчас не хватало. И что они тут забыли? Уроки давным-давно окончены.

– Я не пытаюсь тебя задержать, – миролюбиво отозвался тот. – Я только хотел удостовериться, что с тобой ничего не случится.

– Что за бред ты несешь? – Мика направился по коридору. Думая, что на этом Томоказу отстанет, он глубоко заблуждался – тот последовал за ним.

– Эти наши художнички те еще лицемеры, – хмыкнул Наир, не отставая от блондина, но держась чуть позади. – Да и вообще, утренний инцидент с Юу.

– Уж кого-кого, а тебя это совсем не касается, – горячо бросил Микаэль, через плечо, направляясь к выходу из школы.

– Не стоит так грубо отвергать предлагаемую помощь, это, по меньшей мере, не вежливо, – спокойно проговорил Наир.

– Кто сказал, что мне нужна помощь, а тем более твоя? – презрительно фыркнул Микаэль, а в следующую секунду Наир ухватил его за руку и развернул к себе.

– Не дури, Мика, – серьезно проговорил он, глядя в гневное лицо Шиндо, – ты не хуже меня знаешь, в какой ситуации находишься. Что ты натворил и чем это может обернуться. Ты изначально ведешь опасные игры, а сейчас положение усугубилось. Разве то, что произошло только что, не является тому доказательством, – он кивком указал в сторону художественного клуба.

Мика вздрогнул. Откуда он узнал? Неужели следил за ним?

– Ты встрял в еще большие неприятности, пытаясь защититься от Синго, – продолжал говорить Томоказу. – И повздорив с Юичиро, нажил себе еще одного врага. Даже для тебя такое количество врагов – это многовато.

Прямо глядя в светлые глаза одноклассника, Микаэль криво усмехнулся. Он уже немного оправился после случая в подсобном кабинете, и к нему стало возвращаться прежнее состояние.

– И что же ты предлагаешь мне, Наир? Защиту в обмен на возможность самому приблизиться ко мне? – Дразнящая улыбка озарила его лицо. – А может мне больше по душе их компания? Зачем мне ты? Какой от тебя прок?

– Тогда почему сбежал, раз они тебе по душе? – изогнул бровь Наир, чувствуя, как неприятно задели его слова Мики, но он не подал виду.

– Это моё дело, как я поступаю, – хитро прищурился Микаэль, вызывая еще больше ранящих чувств в душе парня.

– Как знаешь, – махнул рукой Наир. – Но тебе следует быть осторожней. – После этого он прошел мимо одноклассника, а за ним поспешили и его друзья.

– Я всегда осторожен, – со смешком бросил ему Мика, провожая их взглядом. Когда они скрылись с глаз, Шиндо привалился к стене. Он понимал, что в словах Томоказу есть смысл и ситуация вокруг него выходит из-под контроля. Еще немного, и его припрут к стенке, и тут ни Кота, ни Леонард не окажут должной поддержки. Если Юу настолько разозлился, что решил принять сторону Синго, это может быть гораздо опасней, чем когда они действовали порознь.

– Что же делать? – коснувшись макушкой холодной стены и поглядев в потолок, прошептал Микаэль.

– На этом пока всё, господин директор, более подробно с ситуацией Вы можете ознакомиться здесь, – положив папку с бумагами на стол директора школы, проговорил Ферид.

– Как всегда безупречно, спасибо за работу, – одобрительно кивнул мужчина.

– Благодарю, – почтенно склонил голову президент, не утратив при этом ни капли достоинства.

– Но есть одна вещь, которая меня беспокоит, – директор скрестил пальцы в замок и пристально уставился на парня.

– Слушаю Вас, – серьезно взглянул на него Батори.

– Это касается твоего распоряжения отстранить Амане Юичиро от тренировок. Я убежден, ты вынес ему это наказание заслужено и справедливо, однако я бы не хотел, чтобы, вынося приговоры, ты забывал о самом главном. Не скажется ли это плачевно на результате? Все же он важная фигура, впрочем, что тебе это говорить, ты сам все знаешь. Я просто пытаюсь понять твой поступок.

– О, господин директор, я ни на секунду не позволил себе забыть о том, что такое честь нашей школы и как это важно не уронить её, – проговорил Ферид. – Однако я специально позволил себе принять это решение, потому как оно затрагивает непосредственно другой пункт, которому также уделяется значение не менее важное.

– Ты говоришь о…

– Вы правильно меня поняли, – кивнул Ферид. – Временное отстранение Юичиро, послужит ему только на пользу. Форму он не потеряет, так что на предстоящей игре не подведет команду.

– Примерно это я и объяснил их капитану.

– Ичиносе был у Вас? – переспросил президент школьного совета.

– Да, он также беспокоился о предстоящем матче и пришел уточнить, так ли это на самом деле, но я заверил его, что

все учтено, – пояснил мужчина. – Только тот наш разговор был приватным, надеюсь, ты понимаешь к чему это?

– Я все понимаю, – проговорил Батори. – Что же касается моей деятельности, то всю ответственность я беру на себя.

– Иначе и быть не может, – фыркнул директор.

– Да, – согласился Батори и продолжил. – Но во время этого отстранения он поспособствует решению другой проблемы. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Я полностью полагаюсь на твое мнение, потому как именно тебе было доверено это важное дело, – заключил директор. – Потому поступай, как считаешь нужным, но палку не перегибай.

– Ни в коем случае, – заверил его Ферид.

– Хорошо, а теперь другое. Что касается Шиндо. Сегодня он тоже был у тебя, как продвигаются дела?

– К сожалению, тут пока докладывать не о чем. Никаких изменений, разве что кроме… – Ферид замолчал.

– Продолжай.

– Нет, извините, я должен еще немного понаблюдать, и только когда смогу убедиться в достоверности выводов, доложу о результате, – молвил Батори. «Не нужно пока сообщать о прямой заинтересованности, лучше это скрыть. Планируемое мероприятие само расставит все точки по местам, и только тогда можно будет говорить с уверенностью».

– Твоя излишняя таинственность, порой убивает, – недовольно проговорил мужчина.

– Простите, директор, но так будет только лучше. Пока могу лишь сказать, что на предстоящее событие, в котором будут задействованы эти двое, у меня большие надежды.

– Еще раз повторю – тебе была доверена эта работа и только тебе решать, как ее выполнять, я полностью полагаюсь на тебя.

– Спасибо за доверие, – произнес Ферид, чувствуя, как тяжесть этого задания давит на него. И нет никакой возможности отказаться от неприятного ему дела.

На следующий день, классный руководитель Джуджо Мито в присутствии школьного председателя, сообщила своим ученикам о том, что их класс вместе с другими задействованы в школьной постановке. Никого не удивило это заявление, потому как подобные мероприятия осуществлялись и в прошлом году, и их организовывали ученики первых классов средней школы. Следовательно, их очередь была неминуема. Более всего учеников удивляло присутствие Ферида Батори во время объявления такой обычной вещи. Преподаватель хоть и говорила уверенно, но все же ощущала некую робость в присутствии этого ученика.

Темой всех спектаклей в этом году было избрано творчество Вильяма Шекспира и для их класса была отведена пьеса «Отелло».

– Почему именно «Отелло», давайте лучше «Ромео и

Джульетту»? У нас даже актеры готовы! – крикнул кто-то из парней и сразу же поглядел на Юичиро и Микаэля.

– Актеры будут в любом случае, – строго проговорил Ферид, до этого спокойно стоявший в стороне. Теперь же он вышел вперед. – Простите, – бросил он преподавателю. – Вы позволите?

– Да, конечно.

– Что касается утвержденных и закрепленных за классами тем – они обсуждению не подлежат, – оглядывая властным взором класс, строго заявил президент. – На ваше усмотрение остается только распределение ролей. Но и тут я вынужден внести поправку, позволив себе самолично отобрать учеников на главные роли в постановке. Не только на мой взгляд, но и на взгляд директора – это идеальные кандидатуры.

Класс внимал речам школьного идола, не смея перебить. Только один ученик вел себя совершенно не заинтересованно, позволяя себе скучать. Микаэлю и в голову не могло прийти, что буквально через пару минут прозвучит его имя, потому он просто ожидал завершения трепа президента над делом, не стоящим такого чрезмерного внимания.

– Микаэль Шиндо, Юичиро Амане, Синго Акутазава, вам достаются три основные роли в нашем спектакле, соответственно – Дездемона, Отелло и Яго, – с неким торжеством объявил Ферид.

– Что? – Мика и Юу буквально одновременно выдохнули

эти восклицания, при том, если первый это сделал с возмущением, то второй скорее с удивлением.

– Почему это я должен играть Дездемону?! – возмутился Микаэль, прожигая Ферида ненавидящим взором.

– Хах, все правильно.

– Кому как не ему девиц изображать.

– И так как девчонка.

– Президент просто гений, знает толк в распределении ролей, ха-ха.

– Да, вот это ирония.

По классу прошелся глумливый смех, в то время как Шиндо был оскорблен до глубины души и никак не хотел с этим примириться.

– Я отказываюсь! – выпалил он, вскакивая с места.

– Извините, но отказы не принимаются. К тому же, – Ферид прямо взглянул на недовольного юношу, – избирая Вас на эту роль, мы можем сэкономить на парике и макияже.

– Ага, не говоря уже о том, что лучшего образа девчонки, у нас в школе не найти, – донесся до Мики чужой смешок, прошедшийся еще одним ударом ножа по сердцу. К нему и без того относятся как к девице, а еще с такой унизительной ролью, это и вовсе невыносимо. Кроме того, в роли возлюбленного выступает Юичиро, а в роли главного врага – Сингo… Нет, Батори точно знал, какое наказание будет для него наихудшим. Это подобно смерти.

– В соседнем классе, к примеру, избранный на роль Джу-

льетты – Леонард Коэн – совершенно спокойно отнесся к поставленной задаче, отчего же Вы проявляете недовольство, м? – безмятежно продолжал свою речь председатель. – Или Вас что-то смущает?

Мика заскрежетал зубами, улавливая эту издевку.

– Совершенно ничего, – грубо бросил он.

– В таком случае сядьте и не устраивайте сцен, Вы пока не играете, не стоит так фанатично входить в роль, – с холодком проговорил Батори. – Надеюсь, больше недовольств по поводу ролей ни у кого не возникает?

Юу был бы и рад высказаться, попытаться воспротивиться и решительно отказаться, да только безрезультатное возмущение Шиндо дало ему понять о невозможности отказа. К тому же, судя по всему это и было то самое наказание, о котором вчера упоминал Ферид, так что торг тем более не уместен.

Юу взглянул в сторону Мики. Все бы нечего, если бы только не довелось играть с ним, можно было бы закрыть глаза на зубрежку текста и кривляние перед публикой.

«Вот же черт»

Из всей троицы, пожалуй, только Синго равнодушно отнесся к известию, если не считать, что разучивать роль ему было в тягость. Однако ничего сверх этого его не угнетало, чего нельзя было сказать о двух врагах, коим предстояло сыграть любящую пару, состоящую из жуткого ревнивца и его несчастной жертвы.

– Хорошо, – не встретив вопросов и возмущений, Ферид обернулся к классному руководителю – Госпожа Джуджо, мне кажется, стоит посадить нашу влюбленную пару поближе, чтобы, так сказать, они получше притерлись друг к другу и смогли убедительно сыграть, – задумчиво проговорил юноша так, чтобы его могла слышать только женщина.

– Замечательная мысль, я сама подумала об этом.

– В таком случае не откладывайте. Желаю удачи с учениками, – сказал Ферид, после чего покинул класс.

Потрясение и неприятие всего этого было настолько велико, что, как только прозвенел звонок, Мика выскочил из аудитории. Амане пересадили обратно, и терпеть его присутствие еще дольше Шиндо уже физически не мог.

Юу пребывал в том же отвратном положении. Снова вернуться на это место (хотя этот пункт отчего-то вызывал в душе двойное чувство), да еще и играть с ним в одном спектакле ведущие роли. Самоубийство не иначе.

– Вот ведь повезло, – услыхал он над собой голос Акутазавы.

– Не говори, бесит, – забрасывая в сумку вещи, проворчал Амане. – Мало того, что из-за него тренировки накрылись, так теперь еще в этот цирк впутался.

– Зато выдастся отличный шанс отыграться. Он тебя оскорбил, а ты его за это придушишь, – злорадно хмыкнул Синго.

– Пожалуй, единственное, что доставляет наслаждение, –

усмехнулся в свою очередь Амане и впрямь ощущая некоторое облегчение от открывшейся перспективы, не только официально попытаться придушить Шиндо, но и вдоволь потешиться над его женским образом.

– Не дрейфь, как твой соратник по жизни, а теперь еще и по сцене, я буду с тобой и сообщу обо всех провинностях этой шалавы, – посмеиваясь, хлопнул Юу по плечу Синго.

– Рассчитываю на тебя, – улыбнулся Юу. – Только давай полегче в выражениях.

– Без проблем, – кивнул Акутазава и криво улыбнулся. – К тому же, я уверен это будет довольно весело, с такой-то Дездемоной.

Уязвленные сыновьи чувства

– Ну что?

Леонард отрывает взгляд своих серых глаз от экрана смартфона и глядит на одноклассника. По школьному коридору снуют ученики, но внимания длинноволосого парня, подпирающего стену, настойчиво требует футболист.

– Что-что? Сам спрашивай, мне это зачем.

– А затем, он перед тобой больше открывается, соответственно, может, где и обмолвился о том, что реально думает о нас.

– Напрасно ты так считаешь, – усмехнулся Леонард.

– Считай, не считай, а так оно и есть, – фыркнул Кота. Предчувствие, что этот тип не скажет ему ничего путного, не подвело.

– К тому же я больше чем уверен, если бы Мика и стал давать нам характеристики и расписывать свое отношение к нам, ни тебя, ни меня это бы не порадовало. Так что на твоем месте я бы избегал задавать ему такие вопросы напрямую, тем более, когда они выглядят так по-детски, – с улыбкой проговорил он.

– Ты еще посмейся, – хмуро покосился на него Нагашима. – Да вот еще, чего ты там с этим парнем Наиром, прохаживался на днях?

– Когда это? – блондин сделал вид, что удивлен.

– Не прикидывайся, я вас вчера в саду видел. Что вы там обсуждали? – с некоторым раздражением, осведомился Кота.

– А почему ты считаешь, что я должен тебе это рассказывать? – с той же приветливой улыбкой, осведомился Леонард.

– Лучше говори, пока я из тебя это не выбил.

– А Мика прав, – негромко произнес Лео, однако футболист расслышал фразу.

– Чего ты там сказал?

– Ничего, – усмехнулся Леонард. – И наш разговор был самым заурядным. Ничего особенного.

– Если узнаю, что ты что-то затеваешь против меня, держись, – зло хмыкнул Нагашима.

– Что-то ты на себя не похож, подозрениями мучаешься. Мы, конечно, преследуем в некотором роде одни и те же цели, но играть нечестно я не намерен. Сам в этом убедишься рано или поздно.

– Значит, не скажешь о чем вы там трепались?

– Извини, Ромео, но твоей Джульетте нужно отойти припудрить носик, – с загадочной улыбкой произнес Леонард, после чего ушел.

– В жизни бы не стал травиться из-за кого-то, подобного тебе, будь то реальность, – с досадой бросил Нагашима, все же где-то глубоко в душе ощущающий расположение и некоторое доверие к умному и проницательному Леонарду,

с чьей тонкой подачи Мика все же подпустил его к себе ближе. Так что упрекнуть Коэна в несоблюдении сделок нельзя было, как ни старайся. И все равно душу время от времени съедало легкое недоверие.

Завершение еще одного учебного дня. Микаэль покидает территорию школы и неторопливо идет по улице. За ним, отставая всего на несколько шагов, идет компания парней. Состав немного необычный – аристократ, спортсмен и тройка, напоминающая уличное хулиганье, но все они неплохо ладят между собой, невзирая на присутствующую между всеми конкуренцию, тем более тогда, когда всех сейчас объединяет обсуждение предстоящего спектакля. Разговоры об этом крайне неприятны Шиндо, он совершенно не хотел принимать в этом участия, особенно в такой роли и уж тем более с таким напарником по сцене как Амане Юичиро, но жребий брошен и воспротивиться чужому распоряжению нет возможности. Принимая гнет судьбы таким, какой он есть, златовласый юноша вовсе не торопится присоединяться к разговору, а молчаливый и смурной шагает впереди.

Заметь бы сейчас их компанию кто-нибудь из учеников, он был бы крайне удивлен подобной процессией. В первую очередь тем, что гласный и негласный предмет воздыхания школы позволяет себе шествовать в группе, хотя обычно пребывает в одиночестве. Редкое исключение составляет, когда его видят в компании парня из параллельного класса

или же в компании футболиста. Те, кто и замечают их, крайне удивлены резкой смене настроя местного идола, прежде не подпускающего к себе никого. Они только и гадают, что могло послужить этой перемене или же отпускают глумливые шуточки.

– Гляди-ка, Шиндо, вон твой темнокожий Аполлон, любовь ревнивая, неспетая к себе на родину возвращается.

Обратив взор на другую сторону улицы, куда указывал Кота, Мика заскрежетал зубами, когда увидел идущего домой Юичиро в компании Синго и его приятелей.

«Черт бы тебя побрал, Юу, не мог отказаться от участия!»

– Какая к чертям любовь неспетая, совсем крыша съехала?! – гневно воскликнул Мика, обернувшись к парню. – Никогда не смей заикаться о таком в моем присутствии! Меня выворачивает от одной только мысли, что придется стоять с ним на одной сцене! Да лучше я умру, чем переживу все это!

– Как я люблю, когда ты так бесишься, заводясь с полоборота. Так натурально, глаз не отвести, – засмеялся Нагашима. – В тебе реально актерский талант пропадает.

– Что ты сказал? – ощетинился Шиндо.

– Не обращай внимания, – мягко проговорил Леонард. – И постарайся воспринимать это менее трагично. Пусть отношения между вами натянутые, но эта игра продлится не так уж долго.

– Разве я просил, чтобы меня успокаивали? – презрительно фыркнул Мика и, развернувшись, направился дальше.

– А я, к примеру, жду не дождусь поглядеть, как эти двое вместе сойдутся, – хмыкнул Наир, когда Мика отошел на некоторое расстояние. – Забавный ожидается концерт. Думаю, такого у нас в школе еще никто не видел. Два врага играют влюбленную пару. Нонсенс.

– Первая репетиция начнется уже после выходных, надо будет хоть попытаться в зал проскользнуть, поглядеть на это зрелище, – усмехнулся Кота. – Оно будет незабываемым.

– Если Мика, конечно, придет на эту репетицию, – совершенно справедливо заметил Коэн.

– Тоже не исключено. Он такой, – согласился с ним Нагашима. – Сбежит запросто, не задумываясь, и плевать ему на гнев президента и директора.

– Что если намекнуть Мике о необходимости серьезно поговорить с Амане? – проговорил футболист чуть поразмыслив. – Убежден, что без эксцессов с его стороны не обойтись. Мика ему уже столько всякого сделал, а он пока только клыки точит, но ничего толком не делает, а тут такой шанс отыграться, или же самим подойти и поговорить с ним, чтоб даже в мыслях не было на Шиндо косо посмотреть?

– Мысль хорошая, да только Мика в жизни не станет с ним вот так просто разговаривать, – ответил ему на это Леонард. – А если узнает, что ты сам деятельность за его спиной разворачиваешь, разозлится только.

– Подумаешь, и что с того? – фыркнул Кота. – Я в своих действиях отчитываться ни перед кем не собираюсь.

– Чего ты его останавливаешь, пусть делает, нам же проще, – хмыкнул Наир, обращаясь к Коэну.

– Чем это вам проще, ты?! – с угрозой зашипел Нагашима, оборачиваясь к парню, к присутствию которого он еще не привык, но уже и прогнать не мог по некоторым причинам. – Задумал чего? Избавиться от меня хочешь, так не надейся. Не выйдет. Уйду тогда, когда сам захочу.

– Что ты, Кота, я совсем не это имел в виду, – спокойно поглядел на него Томоказу, вовсе не собирающийся разжигать конфликт со здоровяком, во всяком случае пока. – Всего лишь шутка, а ты уже заводишься.

– Смотри у меня, – сверкнул в его сторону глазами Нагашима.

– Прибавим ходу, а то совсем уже отстали, – поглядев на Мику, который шел вперед и ему было все равно, что другие задержались, проговорил Леонард.

Трапеза за столом в доме Мики проходит весьма немногословно. Отец погружен в свои мысли в то время, как его сына разъедают думы о предстоящем спектакле. Настолько невыгодное мероприятия, что даже сообщать о нем не хочется, да и опять же, кому? У Натана свои заботы. Пусть сегодня тот редкий случай, когда он не засиделся в офисе до поздней ночи и завтра ожидаются выходные, он ведет себя так, будто и не покидал офисного помещения.

Когда звучит вопрос, Мика даже подпрыгивает от неожи-

данности, на мгновенье теряясь.

– Как твои дела в школе?

Младший Шиндо поднимает глаза и встречается со спокойным взглядом отца.

– Нормально, – хмурится мальчик, опуская глаза. – В школе планируется спектакль. Шекспировские пьесы будем разыгрывать. Нам «Отелло» достался.

«И зачем я это рассказываю, все равно тебе дела нет»

– М, ты участвуешь? – осведомляется отец, заставляя Мику немного удивиться такому вниманию. – В твоей старой школе тоже разыгрывали всякие сценки, но тогда ты отказывался от участия.

– А сейчас у меня выбор невелик, – мрачно заключил Микаэль.

– Значит, тебе отвели роль? Какую?

– Да какая разница какую, – парень отводит глаза в сторону. Признаться, что ему предоставили роль девушки не то, что хочется сообщать отцу. – Дали и дали.

– Не скажи, играть одну из главных ролей, пусть даже в школьном спектакле, это совсем не то, что второстепенную, – заметил старший Шиндо.

«Да лучше б я кого угодно другого сыграл, хоть могильщика, только бы не это и не с ним» – мысленно прошипел Мика.

– Когда назначен день представления?

– Еще две недели, не так уж скоро, – безрадостно ответил

Микаэль. – В пятницу. А тебе зачем?

– Я был бы не прочь прийти посмотреть, – улыбнулся мужчина.

– Посмотреть? Зачем? – испугался Микаэль.

– Мика, – отец мягко взглянул на сына. – Странные вопросы, право слово. Если ты участвуешь, я хочу это видеть. Неужели не понятно.

– Не на что там смотреть, дешевый спектакль с кучей бездарей, – фыркнул парень. – Смех, да и только. Лучше сразу в цирк пойти, там и то веселее будет.

– Это не важно. Я все равно хочу прийти.

– Ну и зря, только время потратишь, – он бросил салфетку на стол и, скрипнув стулом, поднялся из-за стола.

– Ты разве сам не хочешь, чтобы я пришел? – когда парень уже выходил из кухни, спросил его отец.

Микаэль помедлил с ответом, а потом твердо заявил.

– Нет, не хочу.

Натан только вздохнул и снова поглядел на сына.

– Хорошо, сынок, к этому вопросу мы вернемся позже. Возможно, ты передумаешь, а пока я хочу сказать.

– Ну? – Мика устало обернулся и, скрестив руки на груди, оперся о дверной косяк плечом.

– В эти выходные я планирую поехать с тобой на источники. Подумал, неплохо будет провести время вместе. Мы давно уже никуда не выезжали.

– Источники? – переспросил парень. Чувствовалось, что

идея ему не симпатизирует. – У меня вообще-то уроков полно, а теперь еще текст с ролью зубрить.

– Ничего, – ответил на это мужчина и тоже поднялся из-за стола. – Немного развеяться не повредит. Отдых тоже нужен, – сказал он, приблизившись к сыну и опустив руку ему на плечо. – Так что готовься, завтра и выедем. – После этого он поднялся на второй этаж.

– Вот черт, – недовольно цокнул языком Микаэль и возвратился к столу убрать грязную посуду.

Считающая себя никому не нужной и одинокой эта гордая ранимая душа, несмотря на боль остающаяся в своей первозданной чистой красоте, продолжала тянуться к солнцу, подобно цветку, жаждущему света. Малейший лучик извне мог бы возродить в ней жизнь, если бы только смог пробиться сквозь черную мглу исковерканной тяготами жизни души и добраться до того светлого, что похоронено глубоко в сердце. Однако, как бы ни была несправедлива жизнь, он по-прежнему оставался один – неуязвимый, непреклонный, возвышенно прекрасный внешне, но чувствительный и беззащитный внутри, бьющийся за свою жизнь.

Путешествие к источникам оказалось не таким долгим и утомительным, как могло бы быть, и пока за окнами машины мелькал почти не меняющийся зеленый пейзаж, Микаэль пришел к выводу, что идея отца не такая уж и плохая.

Взбешенный школьными неприятностями, он воспринял это предложение сначала враждебно, однако совсем скоро подумал, что, чем сидеть в комнате все выходные и забивать себе голову мыслями о вещах, которые в любом случае не изменить, будет лучше провести эти дни подальше от дома и забыться хоть на время. Не видеть никого из знакомых и не слышать. Оставить шумный город с его заботами позади и полностью растворить сознание в живописной природе горных пейзажей.

Провести побольше времени с отцом, что тоже не такая уж частая возможность. Они прожили тут почти год и за все это время всего один раз выбирались за пределы города. Совсем уж удачной поездкой это нельзя было назвать, ибо тогда отец только-только получил работу и навалившийся спектр обязанностей не позволял расслабиться. Он почти все время проводил с телефоном у уха, практически не говоря с сыном. Но и тогда, невзирая на занятость родителя, Микаэль получил удовольствие от пребывания на горячих источниках и теперь, когда это повторилось снова, не радоваться этому было трудно. Больше всего Шиндо мечтал об уединении и спокойствии, которое принесет ему эта тихая, покрытая густой зеленью, местность, в окружении людей, которые не знают его и которых не знает он, в сопровождении человека, на которого у него было много обид, но он по-прежнему оставался самым близким ему человеком.

Итак, Шиндо многого ожидал от этой поездки, так спон-

танно заявившей о себе. Однако, как и всегда без разочарований в этом мире обойтись нельзя, и даже когда на первый взгляд все идеально, обязательно найдется то, что подпортит, а иной раз и разнесет на куски хрупкий идеал.

Шагая по коридору по направлении ванной, облаченный в темно-синюю юкату, Микаэль внезапно остановился, проходя мимо очередной комнаты посетителей. Дух спокойствия и расслабленности мгновенно покинул его тело, наполнив противоположным чувством. А все дело в том, что из-за двери донесся мальчишеский голос, знакомый настолько, что если бы Мика был сейчас в купальне, он бы подумал, что от изобилия горячего пара у него закружилась голова, но он был далеко от нее и внутренний разлад был вызван не паром, а именно голосом. Не прошло и секунды, после того как донеслись до слуха чужие бодрые слова, когда и сам хозяин этих фраз, не менее радостный внешне, вышел из комнаты.

Подвязывая на ходу широкий пояс серой юкаты, Юичиро, собирающийся отправиться искупаться, вполне довольный и безмятежный, наткнулся на Микаэля. На минуту он замер, равно как и сам Шиндо. Улыбка, озаряющая лицо брюнета быстро сошла с его лица. Настолько безумное стечение обстоятельств просто не могло не потрясти двух парней, оказавшихся на одной территории за черти сколько километров за городом. Юу первый пришел в себя и, несмотря на то, что еще секунду назад он был весел и легок, его объяла внезапная злость.

– Ты?! – выдавил он и, понимая, что его прекрасному отдыху пришел конец, разозлился еще больше. – Что ты здесь делаешь?! – схватив Мику за грудки и приперев к стенке, выдохнул он тому прямо в лицо. Ответно вцепившись в ворот одежды Амане, Шиндо с не меньшей злостью, вызванной разочарованием, воззрился в лицо парня, нарушившего планируемую гармонию пребывания в таком райском месте.

– Отдохнуть приехал, правда теперь лучше бы уехать обратно. Если здесь будешь ты, это не отдых получится, а самая настоящая пытка, – с кривой ухмылкой, колко взирая в гневные зеленые глаза, проговорил Микаэль. – И лучше отпусти меня, а то соседи если увидят, еще не то подумают. Прижал меня тут так нежненько у стеночки. Я-то не возражаю, а вот ты…

– Черт, и почему именно ты? – сделав пару шагов назад, досадливо бросил Амане раздражающему его все больше с каждой минутой и с каждым провокационным словом парню.

Микаэль тоже немного отошел от стены.

– У меня возникает тот же вопрос, – хмыкнул Шиндо. – Мало того, что в школе буду вынужден созерцать тебя на глупых репетициях, так теперь еще и здесь никакого от тебя покоя нет.

– Как будто я в восторге от того, что нам дали эти чертовы роли! С кем угодно было бы играть приятней, только не с тобой, а тут еще и эти источники, будь они неладны… –

Амане заскрежетал зубами.

– Юу, милый, у тебя всё хорошо? – раздался из-за двери голос Эрики, которая обратила внимание на некоторый шум в коридоре, куда только что вышел ее сын, а чуть погодя, услыхала его голос.

– Да, мам, все отлично! Я ушел, – крикнул ей темноволосый юноша, после чего снова гневно перевел взгляд на одноклассника. – Значит так, чтобы на протяжении этих двух дней, я тебя не видел. Я хочу хоть одни выходные провести спокойно! – с угрозой прошипел Юу, опершись рукой о стену на уровне головы Шиндо.

– Извини, но я забыл положить в сумку мантию невидимку, так что ничего обещать не могу, – со смешком в интонации проговорил Микаэль.

– В общем, я тебя предупредил, увижу – пеняй на себя, – пригрозил ему Амане и после этого быстро зашагал по коридору. Внезапная резкость по отношению к Шиндо была вызвана не столько тем, что он встретил его в этом отеле, сколько непринятием самого Мики этого факта. Только увидев его, Шиндо сразу изменился в лице, стал холоден и агрессивен.

– Это мы еще посмотрим, будто бы я хочу тебя видеть, меня от тебя вообще тошнит, – дерзко бросил ему вслед Микаэль.

– Вот и отлично! – через плечо, фыркнул Амане, не сбавляя темпа ходьбы.

– Отлично, – проговорил вполголоса Микаэль. Желание принять расслабляющую ванну, как и предполагалось вначале, заметно потускнело после такой шокирующей встречи, однако дабы не портить себе окончательно выходные, юноша проследовал к ближайшему водоему. Благо, Юичиро там ему не встретился.

Эти два молодых сердца уже отчаянно бьются в унисон, но они еще не ведают об этом, продолжая вести борьбу за независимость друг от друга. Окропляя высокое чувство ядом взаимной неприязни и поглощающей ненависти, они еще не готовы принять свою судьбу. Слишком большим количеством преград омрачено и затуманено чело каждого, чтобы ясно взглянуть на такие очевидные вещи.

«И как же так угораздило» – с досадой подумал Амане. Он направлялся к источнику и когда приблизился к двери, остановился, заскрежетав зубами. В бассейне, который он собрался посетить, он увидел Мику в своей первозданной красоте. По пояс погруженный в воду, он, опираясь рукой на камни, выложенные по краям бассейна, в этот момент брал полотенце. Длинные пряди норовили помешать, а потому он грациозно тряхнул головой, отбрасывая их назад, при этом изящно изгибаясь в спине. Покрытое капельками влаги белоснежное, хрупкое тело ненавидимого человека, такого прекрасного, что невозможно оторвать от него взгляда. Юу сам не понял, как оказался захвачен этим зрелищем одиноч-

ного купания, пробуждающим в нем все больше злости по отношению к этому цветку, скрытые шипы коего способны не только ранить, но и убить того, кто будет неосторожен. Только наивный человек слепо пойдет на чарующий аромат этого венца природы и пропадет в его дьявольских объятиях.

Необъяснимые чувства пробуждаются в душе юноши. От них становится ужасно, невыносимо. Хочется сбежать и не видеть этого волнительного зрелища, пока голова окончательно не взорвалась. Единственное, в чем враг оказался прав, так это в том, что о спокойном отдыхе можно забыть. Впору и впрямь подыскивать новый источник, ибо покоя уже не будет, пока рядом находится человек, которого ты с детства на дух не переносишь, который нагло врывается в твою жизнь и рушит все то, что ты с таким трудом выстраивал все это время. Даже теперь, когда ты лелеешь надежду хорошо провести выходные, он появляется из ниоткуда и вносит хаос в мысли и чувства. Убраться поскорее из отеля кажется единым возможным выходом, да только мать вряд ли согласится. Она с подругой уже давно планировала поездку именно сюда и сказать ей, что я больше не могу тут оставаться из-за одного человека, и мы должны найти другое место для отдыха, ни к чему путному не приведет. К тому же придется объяснять, чем тебе неприятен этот человек, а этого очень не хочется.

«Все из-за тебя. Ты как проклятье, свалившееся мне на голову» – мысленно шипит Юичиро и, принимая решение пой-

ти к другому источнику – благо на территории он не один, – делает резкое движение, разворачиваясь, но тут же встречается со спокойным взглядом темно-синих глаз.

– Юичиро? Юичиро Амане, это ведь ты? – вглядываясь в лицо темноволосого юноши, не решающегося войти и, стоящего у стеклянной двери, неуверенно проговаривает Натаниэль Шиндо. Но вскоре в резких, правильных чертах сформировавшегося подростка он угадывает оставшиеся детские черты, придающие его лицу оттенки нежности и красоты, а тем более парень также робко отвечает на вопрос «Да, здравствуйте, господин Шиндо», что окончательно отбрасывает какие-либо сомнения.

– Ну надо же. Вот уж не думал, что встретимся с тобой. Как же ты вырос, прямо не узнать, пять лет миновало с нашей последней встречи, – с улыбкой говорит мужчина. – Ты здесь с друзьями?

– С мамой, – коротко отвечает Юу, чувствуя, что ему лучше было бы уйти, в противном случае придется париться в источнике вместе с Микой. Однако шестое чувство твердит, что теперь это уже невозможно.

– Эм, Эрика, – напрягая память и вспоминая имя матери мальчика, проговаривает мужчина так, чтобы его интонация не стала уж слишком заметной ребенку. Все же детям становится обидно, если не помнишь имя их родителя. Это ранит их чувства. – Очень милая женщина. Как она поживает? Ах, впрочем, что мы здесь болтаем, пойдем к источнику, там и

поговорим, – положив руку на плечо парня, мужчина увлек его вместе с собой. – Я к слову, тоже здесь не один.

– Я уже знаю, – едва слышно процедил сквозь зубы Юичиро. – Извините, господин Шиндо, но…

– В чем дело? – взглянул на него Натан.

Взгляд этого человека выражал такое удивление и якобы разочарование, словно мужчина почувствовал, что Юу намерен отказаться от совместного похода к источнику, что парню сделалось не по себе. По правде сказать, к отцу Мики он с самого детства питал некую слабость и, наблюдая за ним, представлял, каким бы мог быть его собственный отец, останься он жив. Между его родным отцом, насколько он мог помнить, и отцом Микаэля было что-то схожее не только внешне, и подсознательно мальчик стал ощущать в нем нечто близкое себе. Ему оппонировала это внутренняя сила и сдержанная мягкость человека, внешне кажущегося неприступным.

– Да нет, – Юу отвел взгляд в сторону. – Ни в чем.

– Ясно, – улыбнулся мужчина и повел парня дальше. – Решили с сыном выбраться на выходные.

– Мы с мамой тоже, – безрадостно проговорил Юу, выходя на улицу. «Если бы знал, что так будет, лучше бы дома остался» – вздохнул он.

– Мика, ты только посмотри кого я встретил, – остановившись у края бассейна, вместе с Юичиро, обратился к сыну мужчина. Расслабившийся в горячей воде Микаэль, на-

слаждался процессом, закрыв глаза от удовольствия, только раздавшийся голос отца заставил его открыть их и когда он это сделал, тотчас пожалел, что вообще способен видеть.

– Юу? – Микаэль весь напрягся, не понимая, как этому типу хватило наглости не только явиться и помешать его отдыху, да еще и прибыть в обществе его отца.

– Ты тоже сразу узнал его, хоть и прошло столько времени, – усмехнулся мужчина. – Оказывается, Юу со своей мамой тоже приехали сюда на выходные. Надо же совпадение.

– В гробу я видел такие совпадения, – буркнул младший Шиндо и отвернулся.

– Чего ты, Мика? – поднял брови мужчина и перевел взор на парня подле себя. Амане по виду тоже был не в восторге от такой встречи, но держался более спокойно и уверенно, видимо из-за его присутствия здесь. – Боже, парни, неужели вы до сих пор дуетесь друг на друга из-за прошлого?

– Без комментариев, – фыркнул Мика и резко поднялся. – Я буду в комнате.

– Не надо, лучше я пойду, а вы оставайтесь, – сдвинул брови Амане.

– Постой, – властно проговорил отец, с укоризной глядя на своего недовольного сына, в то время как его рука крепче сжала плечо Юичиро. – Ты извини его, он у меня дурно воспитан, всецело мой недосмотр, – он виновато поглядел на темноволосого мальчика, а после снова взглянул на Мику. – Немедленно прекрати ребячество. Сколько можно? Не

пора ли повзрослеть? – последнюю фразу он произнес мягко. Однако это внушение никоим образом не подействовало на Мику, не желающего сменять гнев на милость, он был по прежнему зол, а сейчас еще больше. Уйти он не посмел и послушно опустился на прежнее место, искоса пожирая Юу гневным взглядом.

– Извините, в этом есть и моя вина, – немного скованно проговорил Юичиро, обращаясь к отцу Шиндо, стараясь игнорировать взгляды Мики и свою собственную неприязнь к нему.

– Не стоит думать об этом, лучше попытаться прийти к взаимному пониманию теперь, чем копаться в делах минувшего. Давай, проходи, – позвал его мужчина, заходя и присаживаясь в бассейн. Несмотря на то, что всем своим видом Мика показывал, что Юу лучше убраться отсюда и поскорее, Амане все же занял место по левую сторону от господина Шиндо, предпочитая быть как можно дальше от своего врага, пребывавшего по правую сторону от отца.

– Восхитительно, не правда ли? – расслабляясь в приятной воде, Натаниэль поглядел на детей, которые отвернувшись друг от друга, якобы осматривая пейзаж, предпочитали помалкивать и хмуриться. – Юу, ты ведь тоже уже в старшей школе учишься, а в какой, наверно где-нибудь неподалеку от дома?

– Вовсе нет, – отрицательно качнул головой Амане и назвал свою школу. Услыхав ответ, мужчина был искренне

удивлен.

– Так вы в одной школе учитесь. Ну надо же, какое совпадение. Неужели учась в одной школе, вы только сейчас встретились?

– Да мы вообще-то в одном классе с самого начала года, – почтительно отозвался Амане.

– С начала года? – еще больше изумился Натан и поглядел на сына. – Почему же ты не рассказывал, что попал в один класс с Юичиро?

– Экая важность, чтобы об этом рассказывать, – элегантно махнув рукой, дабы сей жест только укрепил брошенную им фразу, отозвался Мика.

Юу ощутил, как эта колкость прошлась острием по телу, но смолчал, ибо ответить Мике что-то соответствующе болезненное, в присутствии его отца он не мог. Видя все это, Натан нахмурился.

– Мика, право слово, может, хватит?

На это Шиндо только фыркнул. Покачав головой, Натан снова обратился к Юичиро.

– И как тебе, нравится, не сложно? Требования в этой школе повышенные.

– Сложно бывает, но справлюсь. Надеюсь триместр хорошо окончить, вроде получается, – улыбнулся Амане, пока следующее едкое замечание Мики не стерло с его лица эту самую улыбку.

– И каким только чудом, всю жизнь на двойках ехал. Па-

радокс, – хмыкнул младший Шиндо.

– Мика, – строго воззрился на него отец. – Помолчал бы ты. Тебе бы с него пример брать, твоя успеваемость оставляет желать лучшего.

– Всенепременно, прямо с понедельника и начну, запишусь в футбольную секцию для начала, буду финты всякие разучивать.

– Между прочим, если бы ты захотел, мы могли бы принять тебя в команду, для начала как запасного игрока, а там, в зависимости от способностей.

– Да вот еще! – фыркнул Микаэль. – Велика заслуга с мячом наперевес по полю, как сайгак носиться. Вот уж поистине занятие для интеллектуалов.

– Между прочим, эта игра миллионов и количество любителей этого вида спорта увеличивается в геометрической прогрессии, – выступил в защиту игры Амане.

– Тогда меня пугает положение дел на планете в недалеком будущем. Моральное вымирание не за горами. Если все будут только к такому примитивизму стремиться, то уровень интеллекта упадет до первобытного человека, который, кстати, и придумал эту увлекательную игру, буцая кокосы, – съязвил Шиндо.

– Что ты сказал, а ну повтори! – взвился Амане, вскакивая на ноги.

– С удовольствием! – разгорячено выпалил Мика, принимая то же положение.

– Так, а ну прекратите оба! Сядьте! – не желая слушать, как усугубляется положение между парнями, прикрикнул на обоих Натан. – Вы что, в самом деле? Взрослые люди, а ведете себя как дети.

– Извините, – сдавленно проговорил Юичиро, бросая на Мику гневные взгляды, но понимая, что они действительно ведут себя глупо в присутствии взрослого человека.

– А ты не желаешь извиниться? – он поглядел на сына, который подпер подбородок рукой и устремил рассерженный взгляд в противоположную ему и Юичиро сторону.

Тяжело вздохнув, мужчина покачал головой и снова попытался завязать легкий разговор с парнем, которому и без того было неловко.

– Юу, ты увлечен футболом?

– Ага, с детства. Мой отец когда-то играл в нашей сборной и в какой-то момент я понял, что тоже хочу этого. Хочу осуществить его мечту.

– Похвальное рвение, ты молодец, – одобрительно кивнул старший Шиндо, в то время как Мика тихонько фыркнул, хотя делал вид, что не слушает их разговор. – Прямо гордость для отца.

– Свою первую победу, хоть она и не масштабна, всего лишь городской матч, но я посвятил своему отцу и очень надеюсь, что смогу сделать это еще не раз. Я хочу продолжить это занятие. Ребята из новой школы, с удовольствием приняли меня в свою команду, скоро первая игра и я верю, что

когда-нибудь осуществлю мечту, которую не удалось осуществить моему отцу. Правда, – он опустил взгляд. – Сейчас я уже не так уверен, что все получится.

– Почему? Ты не уверен в себе и в своих возможностях? Как по мне, это беспрецедентно для человека, победившего в городском матче, – улыбнулся Натан, внимательно слушая мальчика, что тому невероятно польстило. Видя, что этот человек проявляет к нему искренний интерес, ему хотелось говорить об этом. Быть может потому, что Юу не имел отца, с которым мог бы вот так запросто поговорить о подобных вещах, он, получив возможность хоть на миг представить, каким бывает истинное общение с взрослым умным человеком, Юу не мог не воспользоваться ею.

– Отсутствие тренировок.

– Что же ваш капитан прекратил тренировки перед матчем, странно, неужели он желает проигрыша?

«И что ты с ним любезничаешь. Ты же в футболе вратаря от арбитра не отличаешь. К чему это всё?» – думал Шиндо и эти мысли неприятно больно отдавались в сердце.

– Вовсе нет, дело не в нем. Это из-за спектакля, в котором я оказался случайно задействован. Поэтому меня и отстранили на время, – пояснил ему Амане.

– Вот как, – понимающе кивнул мужчина. – Но не переживай, форму ты не потеряешь. На это нужно гораздо больше времени, а тренироваться можно и отдельно от команды.

– Я тоже так считаю.

– Говоришь, участвуешь в школьном спектакле? – задумчиво протянул Натан. – Да, Мика рассказывал об этом. Кого будешь играть? – с легкой улыбкой осведомился он у Юичиро.

– Отелло, – коротко ответил тот.

– О, здорово. Ведущая роль, самая сложная и ответственная, но зато самая интересная и яркая. Тебе повезло, что ты получил именно её. Хм, а кто же сыграет Дездемону в вашем спектакле, ведь школа у вас все-таки мужская, – усмехнулся Натан. – Или вы решили без нее? Мика мне ничего не стал рассказывать о предстоящем спектакле, может, хоть ты просветишь.

Кажется, в этот момент Юу был уверен в своем ответе на вопрос, почему Мика не стал рассказывать отцу о своей роли, но предпочел не произносить его даже мысленно.

– Нет, без Дездемоны мы, конечно, не обойдемся, что же за «Отелло» без нее? – усмехнулся он, чувствуя, что этим мелким конфузом ответит Мике за насмешки.

– И кто же этот бедный парень? – с улыбкой поинтересовался старший Шиндо.

Юу кивнул в сторону блондина, который по мере этого разговора, переходящего не в то русло, все больше стискивал зубы.

– Мика.

– Мика? – распахнул глаза мужчина и поглядел на сына. – Так ты будешь играть Дездемону?

– Да, буду, – сковано проговорил тот, не оборачиваясь, чувствуя, как его достоинство медленно и верно втаптывают в грязь, и всему виной этот болтливый Юичиро, будь он неладен.

– Что же ты мне не сказал?

– Да как-то, – натянуто улыбнулся Мика, дабы скрыть свои истинные чувства в первую очередь от Юу, который сидел и нагло ухмылялся.

– Тоже очень эпатажная роль. Ты непременно справишься с ней. Кто как не ты? – по-доброму усмехнулся мужчина, принимая во внимание врожденную артистичность своего чада и желая ее подчеркнуть, дабы поддержать сына. Однако сам Мика воспринимает это скорее, как насмешку.

– В школе тоже так подумали, его лично наш школьный президент выбрал на эту ответственную роль, такая честь. Видимо, тоже осознали, что Мика у нас единственный, кто справится с этой тяжелой ролью.

Мика пустил молнию в Юу, произнесшего эту губительную фразу, которую тот проигнорировал.

– Любопытное совпадение. Учиться, отдыхать, а теперь еще и играть на сцене вы тоже будете вместе, – медленно изрек Натаниэль.

– Получается так, – согласился Юичиро. – Только Мика вот почему-то не рад.

– А чему тут радоваться? Тому, что ты постоянно рядом? Хах, так от этого мне не радоваться хочется, а совсем даже

наоборот, – фыркнул Шиндо, мельком взглянув на Юичиро и снова отвернувшись.

– Прекрати сейчас же, – вступился за Юу старший Шиндо. – Сколько можно так себя вести? Устал я извиняться за твое невежество, – осудительно проговорил он.

– Лучше я и впрямь пойду к себе в комнату, у меня уже голова разболелась от всех глупостей, что он несет, – кивнув в сторону Юичиро, Мика поднялся. Обернув полотенце вокруг талии, он зашел в помещение и в этот раз отец не попытался его остановить, что еще больше задело чувствительное сердце мальчика. Накинув халат, Мика еще некоторое время постоял у двери, наблюдая за тем, как его отец мило беседует с его врагом так, как никогда еще не говорил с ним самим. А ведь Мика был его родным сыном, а этот вообще проходимец, наглец, да еще и сволочь каких мало.

– Да уходи ты наконец, – процедил сквозь зубы Микаэль, не зная наверняка кому адресует эту фразу – врагу или же отцу, который вместо того, чтобы пойти с ним продолжал беседовать с Юу. Но как бы там ни было он ощущал, как внутри его буквально разрывает от негодования на человека, помешавшего быть может единственной возможности побыть вместе и по-человечески поговорить с отцом. Мало того, что явился и все испортил, так еще и вынудил отца своим святым личиком, стыдить самого Мику, а теперь еще смеет улыбаться и что-то рассказывать его отцу. Непозволительная дерзость и как только отец ведется на эти лживые речи?

«Ненавижу тебя, чтоб ты провалился» – Мика сжал кулаки и, чувствуя, что пребывание здесь уже становится поистине невыносимым, ушел к себе.

– Извини за него, Юу, – когда Мика удалился, произнес Натаниэль. – Он рос без матери, детство было довольно сложным, потом мы некоторое время прожили за границей, там тоже было довольно непросто. Переезд, приспособление к тому типу жизни. У Мики всегда был сложный характер, а все эти события очень сказались на нем. Оттуда и результат. Но ты не обращай внимания, – он по-доброму усмехнулся. – На самом деле он не такой уж плохой, если узнать его поближе. Я был бы очень рад, если бы вы сумели подружиться.

– Ничего, всё в порядке. И я бы тоже был не прочь поладить с Микой, – с заметной фальшью в голосе ответил Аманe, пытаясь говорить, как можно более искренне, не желая намерено обижать человека, симпатией к которому он проникся, ну, а то, что его сын оказался таким, не его вина и можно только посочувствовать.

«Дурак ты» – мысленно произнес Юичиро, обратив взгляд на стеклянные, запотевшие двери, в которые не так давно вошел Микаэль.

Не оставляя выбора

По возвращении в комнату Мика не переставал беситься. И каждое его движение, каждый рывок, когда он готовился ко сну, говорили о разладе внутреннего состояния. Он не понимал, почему отец делает это у него на глазах, почему уделяет внимание парню, который все детство избивал его сына, почему любезничает с ним. Неужели не понимает, какую боль это причиняет Мике?

Юноша как-то понемногу свыкся с тем, что его отец просто не способен выказывать свои чувства, не умеет вести себя как другие отцы и сейчас видеть, как тот спокойно беседует с его врагом, точно не Микаэль, а он его сын, больнее в стократ. Или это только с ним он всегда сух и сдержан?

И еще этот Юу. Вечно не вовремя, вечно мешает, вечно все ломает, вечно подставляет его. Испортил все, что можно было испортить, забрал всё, что мог забрать.

И вот сейчас уже полчаса они там сидят, когда Мика в комнате совершенно один. Но никому нет дела. Отец вместо того, чтобы прийти к нему, развлекает этого олуха, а на Мику и на его чувства ему наплевать. Только и может, что отчитывать да поучать. Лучше бы Юу приструнил.

Когда Натан все же возвращается в комнату, Микаэль, ни слова не говоря, встает с пола и выходит на террасу. Видя, что сын по-прежнему обижается, мужчина выходит за ним.

– Что-то вы быстро, – бросает ироничное замечание Мика, опираясь на деревянные перила и хмуро глядя вдаль. – И как это ты его к нам в комнату не пригласил? Он бы наверняка обрадовался возможности продлить общение.

– Что за глупости ты говоришь, – с легкой укоризной поглядел на него отец. – Почему ты вообще так ведешь себя, обижаешься? Я не понимаю. Ты же уже не маленький.

Младший Шиндо ничего не ответил, он продолжал упрямо смотреть вдаль. От того, что его продолжили отчитывать, оставшись один на один, становилось только хуже.

«Вот они чудные мгновения, проведенные в кругу семьи…»

– Понимаю, – вздохнул Натан и опустил взгляд. Его голос звучал мягко, с еле уловимой ноткой раскаяния. – Ты надеялся, что мы проведем время вместе. Будем только вдвоем, а я позвал вместе с нами Юу, да еще и стал говорить с ним, в некотором роде игнорируя тебя. Ты разозлился. Не столько на него, сколько на меня, а твои поступки, выпады в его сторону – защитная реакция и способ привлечь внимание, выказать недовольство. Так? Я прав?

Снова в ответ звучит тишина. Мика не намерен отвечать, он по-прежнему зол и гордость мешает ему говорить, отвечая на вопросы.

– Ты не должен сердиться на меня из-за того, что я уделил внимание этому мальчику. То, что я сделал, было исключительно из вежливости, так поступают абсолютно все, когда

встречают знакомых, и неплохо было бы тебе хоть изредка, но проявлять ее.

– Обязательно. Как только, так сразу, – ухмыльнулся Мика.

– Прекрати ерничать, а лучше выслушай меня, – Натан перевел взгляд на сына. – Неужели ты не понимаешь, у него никогда не было отца. Он даже не знает, что это такое проводить с ним время.

«Подумаешь, я тоже не знаю, а когда выпала возможность узнать, он явился и все испортил» – с досадой, мысленно изрек Мика.

– От того, что я, встретив его, поговорил с ним немного, ничего не изменилось. Я не перестал быть твоим отцом, а ты не перестал быть моим сыном. У нас с тобой будет еще много времени, а злиться сейчас просто глупо, – мягко глядя на подростка, мужчина опустил руку на его хрупкие плечи. – Приехали мы сюда не из-за него, а из-за тебя. Неужели не понимаешь, что ты мой сын и я люблю только тебя?

Сжавшись всем телом, Микаэль чуть повернул к нему голову.

– Впереди у нас еще целый день, за который мы все успеем, а сейчас еще осталось немного времени до сна. Неужто какие-то полчаса вынужденного этикета, способны испортить нам выходные? – усмехнулся старший Шиндо, продолжая нежно обнимать сына за плечи. – И на Юу ты тоже не

злись. Он не виноват в том, что у него нет отца и ему хочется хоть ненадолго испытать, что значит иметь его. Ты должен понять, что он чувствует. Кто, как не ты, должен понимать, что это такое и каково ему, – последние слова были произнесены с мягкой горечью, которую Мика четко уловил, тут же вспомнив, чего был лишен сам.

Но несмотря на то, что юноша был убежден в том, что, повстречав мать Юичиро, он бы не стал так слепо тянуться к ней дабы ощутить, что значит пребывание рядом с матерью, все же крупицы жалости, брошенные отцом, попали на благодатную почву. Шиндо поумерил свой пыл, решив, что это маленькая неприятность – всего лишь глупое совпадение и ничего не значит. У них еще достаточно времени. А Юу и впрямь, если уж так наивен, что хочет потешить себя иллюзией, пускай окунается в нее сколько влезет. Его можно только пожалеть за слабость и посочувствовать.

Они с отцом еще долго простояли, любуясь звездами и перебрасываясь незначительными миролюбивыми фразами, в основном это были воспоминания отца о своем детстве, о студенчестве и знакомстве с матерью Мики, о его рождении и еще о многом, о чем обычно говорят с близкими людьми. Слушая забавные истории о своем раннем детстве, когда его кормили с ложечки, носили на руках, купали и подбрасывали вверх, чтобы он засмеялся, Мика ощущал особое состояние тихого человеческого счастья и мягко улыбался отцу.

Глядя на раскинувшиеся в черно-фиолетовом небе россыпи небесных светил, стоя рядом с родителем, Микаэль успокоился, и когда пришло время отойти ко сну, он полностью позабыл о своем гневе и нелепом инциденте в купальне, о том, что Юу вообще находится в этом отеле и о том, насколько он ему надоел. Его поглотило иное чувство, и он решил полностью отдаться ему, пока представилась такая возможность. Как ни верти, а его отец был с ним, а не с Юу, и так будет и завтра, и послезавтра, и после-после завтра, всегда.

С этими мирными мыслями он и погрузился в забвенный сон.

Остаток вечера Юичиро провел в одиночестве, сидя в комнате и не высовываясь за ее пределы. Всему виной было полное отсутствие желания столкнуться где-нибудь в коридоре с Шиндо младшим. Сколько мать не звала его пойти вместе прогуляться по территории, он отказывался, в итоге она ушла вместе с подругой. Юу даже хотел, чтобы она пошла, поскольку им не часто выпадала возможность таких выходных, и он хотел, чтобы женщина хоть на время позабыла о домашних проблемах, банально пообщавшись с подругой. К тому же, самому Юу хотелось остаться одному и подумать. Сейчас ему делалось ужасно не по себе от того, что он наговорил тогда на источнике. Ладно, если бы они с Натаном говорили один на один, а так его откровения выслушал Мика, не забыв предварительно озвучить несколько своих ска-

брезных измышлений. Амане ощущал себя дураком, который сам дает врагу повод для лишней насмешки над собой.

Только сносить их молча он отнюдь не собирался – это он знал наверняка и был готов к нападениям.

И все же, он неплохо провел то время. Пусть Мика и выводил из себя, это не помешало Юичиро получить свое удовольствие от общения с его отцом. Сейчас ему было поистине жаль, что на этом всё окончилось и он остался один. Он задавался вопросом, что сейчас делает Мика со своим отцом – легли спать, а может, разговаривают, а может играют во что-нибудь, а может, как и его мать вышли во двор и дышат ночным воздухом. Существует много всяких вариаций того, что можно делать на отдыхе вместе с близким человеком, которому доверяешь во всём.

Юичиро поистине полагал, что взаимоотношения между родителями и детьми всегда крепкие, а если их объединяет не только кровная связь, но и духовные качества, то всегда можно найти общий язык и быть друзьями. С кем еще можно быть более близкими как не с отцом? Кому еще тогда и доверить все свои тайны, как не ему? Так он считал, однако не знал в силу своего возраста и неопытности, что не всегда родные люди, живущие под одной крышей, могут быть поистине близки. Порой все совсем наоборот и люди не в силах прийти к общему соглашению, сколько бы лет они не прожили вместе. Парню и в голову не могло прийти, что имея такого отца, его враг может ощущать себя одиноким и непо-

нятым. Само же поведение Микаэля казалось ему странным, нелепым и даже, можно сказать, глупым в его случае. Он вел себя так, что отцу постоянно приходилось извиняться за него, это ли не бесстыдство с его стороны и не избалованность? Мика ужасен. Его поведение вопиюще отвратительно. Уже только за это его стоит презирать. К примеру, Юу никогда не позволил бы себе вести себя так в присутствии своей матери. А он… Такой же как всегда, эгоистичный и самовлюбленный тип.

И зачем Мика только приехал сюда?

Следующим утром Амане отправился на завтрак. Оказавшись в дверях небольшого по размеру зала, оформленного в традиционном стиле, среди пришедших посетителей, он заметил Микаэля. Вчерашняя подогретая собственными рассуждениями неприязнь, тотчас вспыхнула в нём с новой силой, словно спичка. За столиком, где трапезничал Шиндо еще оставались места, в то время как за другими столами их было немного, но Юу предпочел сесть в другой конец зала, чем сидеть рядом с ним. Уж лучше выслушивать пустую болтовню и детские вопли, чем с самого утра портить себе настроение пребыванием рядом с ним. Тем более, вскорости, матери удалось утихомирить свое чадо и стало поспокойней.

Мика не спешил поскорее расправиться со своей порцией и уйти из зала, несмотря на то, что отец уже ушел к ним в комнату. Неторопливо поглощая пищу, он будто бы погру-

зился в какие-то свои мысли и не увидел вошедшего в зал зеленоглазого парня.

Время от времени Юу поглядывал в его сторону и то, что Мика так долго не уходил, выводило его из равновесия. Складывалось впечатление, что он нарочно оставался, желая тем самым поддразнить его после того вчерашнего предупреждения Юу об их столкновениях. Подобное поведение было вполне в духе Шиндо, и хоть сказать наверняка, что Мика не уходил именно по этой причине, было нельзя, но Юичиро не отрицал вероятности этого варианта.

Помимо того, что Микаэль оставался в зале, хотя его тарелка была уже давно пустой, так он еще стал отвечать своему соседу – студенту, прибывшему сюда с несколькими своими друзьями на выходные и балующимися выпивкой. Судя по виду, между ними завязалась беседа, что еще больше заставило Юу присматриваться к ним. Появившаяся игривая улыбка на лице Микаэля и принятие из рук парня емкости с алкоголем и последующее её пригубление, подействовали на Амане так, что он чуть было не сорвался с места и не ринулся прекращать творившееся среди бела дня распутство и пьянство.

«Да что он себе позволяет, черт бы его побрал?!» – Юу наблюдал за происходящим, сжимая в руке хаси так, что они чуть не треснули. А в это время Микаэль, посмеиваясь чужим шуткам, мило беседовал с парнями, не замечая на себе исполненного гневом, возмущением и болью обиды взгляда.

Окончив утреннюю трапезу, студенты в прекрасном расположении духа, вышли из-за стола, пригласив пойти с ними Мику. Тот, не раздумывая, принял их предложение и в сопровождении ребят двинулся из зала.

Только на пороге Микаэль остановился.

– Идите, я позже догоню, – сказал он.

– Ага, давай, – кивнул один из парней и они ушли по коридору. Проводив их взглядом, Микаэль довольно усмехаясь, обернулся.

– Чего уставился? – насмешливо спросил он, взирая на подпирающего дверь зала темноволосого парня, скрестившегося руки на груди и с укором взирающего на него.

– Ничего, – хмуро отрезал Юичиро.

– Раз ничего, так что тогда пялился на меня все время? – хмыкнул Мика. На его щеках играл легкий румянец, а речь была немного растянутой. – Да впрочем, и сейчас тоже прожигаешь меня взглядом.

– А ты не догадываешься? – глядя на чуть подвыпившего одноклассника с презрением, спросил тот.

– Хм, дай-ка подумать, – театрально приложив палец к подбородку, Шиндо сделал вид, что задумался. – Если отмести вариант, что ты на меня запал, тогда быть может, дело в твоей весьма внушительной вчерашней речи. – Он засмеялся. – Да? Но только я еще вчера ясно дал понять, что по углам от тебя прятаться не собираюсь.

– Что ты себе позволяешь? На кого ты похож? – с горячно-

стью возмутился Амане, не приемлющий такого поведения и подколок о какой-либо влюбленности со своей стороны.

– О, будешь меня отчитывать, господин примерный мальчик? – прищурился Микаэль, опуская руку на бедро. – Прямо как наш председатель, такой же зануда. Тебе бы к нему в помощники, цены бы не было.

– Хоть бы отца постыдился, – Юичиро отвел от него напряженный взор. – Что он скажет?

– Тебе какое дело? – усмехнулся Микаэль.

– А никакого! – гневно воззрился на него Юу. – У тебя такой замечательный отец, а ты ведешь себя как последний урод. Позоришь его только. Что о нем подумают люди, глядя на тебя! Зачем ты это делаешь, неужели тебе плевать на него?!

– О, как мило, – издевательски протянул Микаэль, ощутив отношение Юичиро к его отцу, которое вызвало в нем новый прилив вдохновения на циничные замечания. – Так заботишься о его репутации, благородно, Юу.

– Ладно, некогда мне тут с тобой болтать, – махнул рукой Мика. – Меня ждут.

– А ну стоять! – почему-то взбеленился Амане и, схватив Микаэля, припер его к стене. – Ты куда собрался, к ним?! Совсем ничего не понимаешь?

С насмешкой глядя в лицо Юичиро, Мика не спускал улыбки.

– Не стану я отчитываться куда я и зачем, особенно тебе.

– Он же к тебе и так и сяк, а ты! – крепче сжал футболку на груди Шиндо, Амане.

– Руки свои от меня убери! – резкий удар по рукам и Юу отпрянул назад.

– Это во-первых, – самодовольно изрек блондин, расправляя ворот. – А во-вторых, – он прищурился. – Что, нравится тебе мой отец? – хмыкнул Микаэль и взглянул на Амане так, что у того мурашки пошли по спине от такого колючего и ироничного взгляда синих глаз.

– Дарю, – изящно махнув рукой, сим жестом показывая свою великодушную щедрость, Шиндо засмеялся, видя замешательство в зеленых глазах и направился по коридору.

– Да как ты… – дрожа от негодования Юу хотел броситься за ним, но остановился, не имея достойных слов, – можешь?.. – тихо прошептал он, глядя вслед удаляющемуся парню, чувствуя, как в груди, что-то нестерпимо горит.

Эмоциональные речи Юичиро в защиту его отца, взбесили Шиндо, хотя еще с утра он был намерен проявить немного снисхождения. Правда этот порыв длился не долго, стоило только увидеть его в общем зале, как желание поддразнить и поквитаться за вчерашнее разгорелось с невообразимой силой.

Естественно к парням, пригласившим его с собой в горы, он не пошел, а вернулся в комнату. Принятая доза спиртного была небольшой, и к моменту, когда он вышел к отцу на улицу, запах и прочие признаки испарились, точно не быва-

ло. Полностью довольный собой Шиндо и его отец, как планировали еще с вечера, отправились в храм, лежащий в горах и почти целый день провели на природе, а к вечеру, напоследок ополоснувшись в источнике, вернулись домой. О том, как завершила свой отдых компания Амане, Мика практически не знал (если не считать столкновения с их семьей, когда они покидали храм, а те как раз только шли в него. Приветствие, короткий разговор и они с Юу, его матерью и ее подругой, направились в разные стороны), они больше не сталкивались, да ему было и не до того. Окутанные под конец дня легкой вуалью печали ум и сердце Шиндо волновали иные вещи, нежели беспокойство о враге. Он жалел, что все завершилось так скоро и в ближайшее время не повторится. Было еще одно удручающее чувство, к которому Мика спустя полгода так и не сумел привыкнуть. Чтобы он не делал, а воспоминания болью отзывались в душе. Тоска временами душила, и не было сил совладать с нею, хоть он и понимал, что ничего быть уже не может.

Так завершились выходные дни, а за ними последовали тяжелые и напряженные будни привычной жизни.

Холодно глядя на Юичиро, который вместе с Синго и его друзьями сначала просто смеялись над чем-то, а потом дружной толпой вышли из класса и направились, как стало понятно из их разговора, в актовый зал, где должны были проходить репетиции драмкружка, Мика сидел на подоконнике с

понурым видом. Видеть Юу в компании этих людей доставляло ему особое неприятное чувство. И, казалось бы, можно уже и привыкнуть к тому, что они ходят вместе, но нет, это также сложно, как и в первый раз. Также досадно и неприемлемо, невзирая на то, что они все без исключения относятся к числу его врагов.

Около Шиндо находится далекий от всех междоусобиц между классами и учениками Леонард Коэн. И если бы не его общение с Микаэлем, он бы совсем не вникал в дела других, а так Шиндо вынуждал его задумываться. Он обратил внимание, что Мика сегодня совсем не в духе. Но примерно на такую реакцию и рассчитывал Леонард, учитывая постановку Шекспира, но Микаэль был уж чересчур мрачен – неужто так сильно его гнетило то, что Юу окружил себя такими людьми? Об их вражде уже знают многие, в шутку окрашивая все в романтические тона, и возможно Мике претит появление у Юу союзников, вероятно именно поэтому он подпустил к себе Коту, Наира и его друзей, хотя до этого категорически отрицал какое-либо сближение. Сделал ли он это в противовес собранной команде Амане? Возможно. Только так сейчас можно объяснить, что он терпит рядом с собой этих людей, которые ему скучны и противны. Обстоятельства вынудили его изменить свою устоявшуюся школьную жизнь и угол зрения на многие вещи. Хотя он по-прежнему старается избегать их общества, и, когда они вместе, он по большей части помалкивает, думая о своём. Но что-то

в его характере осталось неизменно, и как бы не заставляли обстоятельства, он остается самим собой – непримиримым, не терпящим чужого вмешательства в свои дела, замкнутым и гордым.

– Как провел выходные? – спросил Леонард, пытаясь немного отвлечь парня от пагубных мыслей.

– Ездил вместе с отцом на источники, – хмыкнул Шиндо, обратив на него лукавый взор.

– А если без шуток, – чуть нахмурился тот, с недоверием взглянув на Мику.

– А я и не шутил, – мгновенно став серьезным, но, не убрав с лица той наполненной ироничностью улыбки, фыркнул Микаэль и, спрыгнув с подоконника, исчез за ближайшим углом.

Леонард только усмехнулся этой непредсказуемости и ранимости чужой души.

Между тем, спустившись на первый этаж и миновав дверь актового зала, Шиндо вышел на улицу. Учеников во дворе было немного и все они расходились по домам. Обойдя наиболее шумную и многочисленную компанию ребят, Шиндо свернул на тенистую аллею и торопливо зашагал в противоположную центральному выходу с территории школы сторону. Совсем немного и он свободен. Вот только дойти до забора, перемахнуть через него и всё, он вольная птица. Этой чертовой самодеятельностью пусть занимаются другие. А Мика не собирается в этом участвовать.

Вот, еще один поворот и уже видны стальные прутья, изогнутые причудливым образом, точно паучья сеть, заставляющая тебя барахтаться в ней, приклеиваясь еще больше, зато за всем этим улица, а значит, свобода. Готовый вспорхнуть и вылететь из этой клетки Мика уже берется за решетку, чувствуя приятную свежесть металла, как вдруг позади звучит чей-то насмешливый бас.

– И куда это ты намылился?

Вздрагивая от неожиданности, но, не оборачиваясь, Мика все еще надеется сбежать. Он ставит ногу на бордюр, но в следующий момент крепкая рука хватает его и тащит обратно.

– Пусти меня, сейчас же! – возмущенно выдыхает Микаэль, вырывая руку и оборачиваясь взглянуть на человека, препятствующего его стремлению сбежать. Он видит перед собой двух крепких парней, которые с кривыми ухмылками на лицах насмехаются над его жалкой попыткой улизнуть.

– Извиняй, Шиндо, но не в этот раз. Уйдете, Ваше Высочество, тогда, когда Вам позволят уйти, – к нему подходит ближе один из старшеклассников, судя по голосу тот самый, что окликнул его вначале и приобнимает за плечи.

– Это что еще значит? – отталкивая от себя парня, злится Микаэль, но хватка не ослабевает, даже наоборот.

– То и значит, у нас приказ не выпускать тебя с территории школы вплоть до окончания репетиции, – отзывается второй. – Так что не бесись, а идем обратно.

– Никуда я не пойду, отпусти меня!

– Слушай, Мика, – разворачивая Шиндо к себе и хватая за подборок, старшеклассник приближает его лицо к себе. – Нам дали приказ не дать тебе сбежать, но при этом словом не обмолвились о том, как тебя принудить вернуться, понимаешь?

– Кто приказал? – зло скривился Микаэль, зная, что эти парни легко могут прибегнуть к физической расправе, даже если она неуместна по определению, ну, а уж тем более получив приказ.

– Будто ты сам не знаешь кто, – фыркнул второй. – Так что пошли с нами, – он развернулся, сунув руки в карманы брюк. – И без фокусов, – добавил с явной угрозой. – Только попробуй попытаться сбежать. Черт, а он был прав. Этот паршивец захочет удрать в первый же день.

– Наш президент не промах, он таких типов насквозь видит и каждый шаг предугадывает, – со смешком отозвался его друг, после чего обратился к Мике. – Пойдем, – снова приобняв юношу за плечи, он повел его с собой. Шиндо послушно направился с ними. Сбежать уже не получится, а пытаться смыться от этих людей дело неблагодарное, если догонят, ситуация только усложнится. Если бы выдался удобный случай сбежать от них, чтобы они не сразу заметили, но он не представился по пути и пришлось возвращаться в школу.

– Давай топай и помни, мы здесь за дверью, – толкая Ми-

ку в дверь актового зала, хмыкнул старшеклассник и крикнул, обращаясь к преподавателю литературы, отвечающему за постановку: – Вот, учитель Медина, принимайте опоздавшего, он тут слегка от стаи отбился. Заблудился бедолага, плутал, плутал, у всех спрашивал, как пройти в актовый зал, так мы ему дорогу показали и домой проводим, чтобы снова не заблукал.

Пожилой, худощавый мужчина с залысинами на висках и в аккуратных очках, одобрительно кивнул.

Потирая плечо после неаккуратного обращения этих дуболомов, Шиндо с неприязнью окинул взглядом зал, где ему предстоит пробыть несколько часов.

– Как хорошо, что ты уже здесь, Шиндо, – благодушно произнес преподаватель, хотя опоздание ученика ему было не по душе. – Теперь мы можем приступать, – обратился он ко всем собравшимся участникам пьесы. – Микаэль, выбирай место и присаживайся. Для начала я объясню, что значит само понятие «пьесы» и как мы будем ее ставить. Мы уже немного начали, но слушай внимательно и все поймешь.

Понимая, что сегодня ему уже не сбежать, Мика был вынужден пройти к сцене, на краю которой расселись его одноклассники.

– Ну что, не вышло, сцапали тебя? Теперь не улизнешь, – криво усмехнулся Синго, когда Мика проходил мимо него и Юу.

– Посмотрим, я все равно в этом бреде участвовать не со-

бираюсь, – гордо вскинув голову, свысока поглядел на него Микаэль и уверенно проследовал дальше.

– Сколько нос не задирай, а против председателя не попрешь. Тебе с ним не тягаться, он на тебя управу всегда найдет, точно, Юу? – хмыкнул Акутазава, слегка подтолкнув Амане локтем.

– Угу, – кивнул тот, подтверждая. Правда сам Юичиро успел обрадоваться, что Мики нет и возможно сегодня уже не будет, поэтому когда тот все же предстал во всем своем блеске в актовом зале, настроение у него значительно испортилось.

– Что там за болтовня? Для вас же рассказываю, – строго взглянул в их сторону преподаватель.

Ребята притихли и принялись внимать пояснениям, из которых уяснили общий смысл весьма масштабного повествования – пораженная рассказами о военных компаниях полководца Отелло, Дездемона влюбляется в мавра и они тайно венчаются. После этого Отелло забирает ее к себе в дом и там, попадающий под влияние коварного Яго (своего помощника, который готовит против него заговор со своим другом дворянином Родриго), убеждающего воина, что жена ему не верна, и предоставляющего доказательства мнимой измены, в порыве ревности убивает любимую.

Начало первой репетиции получилось скорее устным, нежели наглядным. Никто не ходил по сцене, не изображал героев драмы, не переодевался. Поскольку роли были рас-

пределены несколькими днями ранее, каждому на руки выдались сценарии, которые парни были обязаны выучить наизусть и к завтрашнему сбору участников знать хотя бы первые страницы текста, чтобы можно было начать нормальную репетицию, а пока можно было попытаться прогнать хотя бы первую сцену, в которой отец Дездемоны, не без помощи Яго, узнает о том, что его дочь сбежала к мавру, а появляясь на пороге дома Отелло, застает эту пару уже обвенчанной местным священнослужителем.

Первая попытка сыграть сцену была полностью неудачна. И эта несостыковка возникает как раз в тот момент, когда дело доходит до влюбленной пары. Текст читается натянуто, парни напряжены и держатся на расстоянии друг от друга. Взгляды, которые должны быть наполненные нежностью, когда они смотрят друг на друга, колючи и холодны. Глядя на них, на то, как они выговаривают свой текст, как ведут себя, режиссер постановки сразу понимает, что это будет нелегко и не только потому, что для учеников актерство – непривычное амплуа. При этом, если Амане еще пытается вложить какие-то чувства в свои слова, то Шиндо вовсе не утруждает себя игрой – нехотя произносит текст, опаздывает, когда должна звучать его реплика, порой и вовсе делает вид, что его это не касается, отстраненно глядя на улицу.

– Ты можешь хоть одну реплику нормально произнести? – в конце концов, не выдерживает Юичиро, понимая, что из-за Мики они тут могут просидеть до сумерек.

– Что-то не нравится – я с удовольствием уйду, пускай меня заменяют кем-нибудь другим, – отвечает Микаэль с кривой усмешкой, словно оживая, когда звучит не стихотворный, вымученный текст, а настоящий, из их эпохи и их реальности.

– Да кем же? Другого такого дохляка, да еще чтобы пищал, как девица, вовек не найти на роль Дездемоны, – хмыкнул Синго, стоявший позади Юичиро.

– А ты вообще заткнись, шестёрка! – горячо бросил Мика. – Тебе с твоим клювом только попугая изображать, человеческие роли противопоказаны!

– Что ты там вякнул?! – оскалился Акутазава, выступая вперед.

– Мальчики, мальчики, перестаньте. Как вы себя ведете! – возмутился преподаватель. – Микаэль, с таким бы чувством, тебе реплики произносить. Соберись и будь серьезней. Разумеется, – смягчил тон мужчина, – некоторым из вас сложно, ведь вы первый раз участвуете в спектакле, к тому же сюда попали не по своей воле, но Мика, – он перевел взгляд на блондина, сжавшего в руке свой сценарий, – раз уж тебя избрали для участия в спектакле – исполняй свою роль достойно, – мягко проговорил господин Медина.

– Вы верно подметили, учитель, – хмыкнул Микаэль и ловко, грациозно спрыгнул со сцены, – не напрашивался. С меня хватит, я ухожу.

Сделав несколько шагов вдоль рядов, он поглядел на

дверь, в приоткрытую щель которой заглядывали парни, доставившие его сюда и остановился. Шиндо даже затрясся от возмущения.

– Микаэль, – окликнул его Медина и после того как его оклик остался проигнорированным, Шиндо не обернулся и не сдвинулся с места, мужчина вздохнул и посмотрел на парней, оставшихся на сцене, с ухмылками поглядывающих на своего строптивого товарища по актерскому искусству, сказал: – Полагаю для первого раза достаточно. Все устали и перенервничали, продолжим завтра, вы немного подучите текст, будет проще. Ты слышишь, Мика? – он обернулся к мальчику. – На сегодня всё.

– Да черта с два я сюда вернусь завтра, – приглушенно бросил Шиндо, однако поскольку он находился в зале с прекрасной акустикой, его реплика была услышана.

– Очень надеюсь, что ты одумаешься и придешь на репетицию, – проговорил учитель, после чего обратился ко всем. – Можете расходиться, до встречи.

Мика вышел из зала самым первым, не дожидаясь пока его зацепят одноклассники и с высоко поднятой головой прошествовал мимо двух парней, которые, поскольку репетиция официально закончилась, уже не имели права удерживать его.

– Шиндо, – услыхал он властный голос, доносящийся со стороны лестницы. Оборачиваться не хотелось, тем более он уже понял, кому принадлежит этот отвратительный тембр.

– Следуйте за мной, – твердо проговорил Ферид Батори и, развернувшись, стал элегантно подниматься по лестнице.

– Довыпендривался? – хмыкнул один из парней-охранников. – Сейчас тебе мозги вправят.

– Ты считаешь? – елейно улыбнулся Мика. – В таком случае, если он такой мастер по вправке мозгов, ребята, сходите со мной, может и вам какие крупицы серого вещества достанутся? Вашим пустым головам они как находка, если конечно ваши организмы примут мозги, а не посчитают их атавизмом и чужеродными веществами. – И со смехом, юноша бросился к лестнице догонять школьного президента.

– Чего? – зарычали старшеклассники, но гнаться, ловить дерзкого сопляка в присутствии Батори, ни один, ни другой позволить себе не могли.

– Вот же ж, мелкий засранец, – только и выдохнул один из парней, сжимая кулаки, в то время как Микаэль быстро нагнал Ферида в коридоре и вместе с ним зашел в его обитель.

– Я наблюдал за репетицией и скажу тебе, – Батори прошел по кабинету и сел за стол, – это отвратительно. – Он устремил холодный взгляд на ученика.

– Ну естественно, – фыркнул Мика, – я же не профессиональный актер, куда мне исполнять такие сложные роли.

– Талант всегда скромен, ты не исключение, – уголком рта ухмыльнулся Ферид. – Да только послушай, что я тебе скажу. Твои выходки тебе не помогут. Ты будешь играть в этом спектакле. И не делай такое лицо, будто мои слова – пустой

звук, – прищурился председатель. – Ты будешь играть. Причем, исполняя свою роль добросовестно и со всей прилежностью, в противном случае, я не поскуплюсь, выделю тебе людей, которые будут ходить за тобой по сцене и следить за произношением каждого слова и правильностью каждого жеста. Только полагаю, тебе не понравится твой неизменный конвой, не имеющий ограничений в своих методах, который будет следовать за тобой повсюду, – он откинулся на спинку сиденья и стал постукивать кончиками длинных пальцев по столу. – Тебе ведь пришлись по вкусу ребята, которые вернули тебя в зал, м? – он позабавился тем, как поежился Шиндо, вспоминая своих конвоиров. – А ты только представь на мгновенье, что вместе вы будете проводить все время, пока ты задействован в драмкружке и они будут подсказывать тебе текст, показывать куда надобно стать, как развернуться, куда посмотреть?

Шиндо весь ощетинился, слушая издевательские речи, которые были отнюдь не пустыми. Ферид вполне мог устроить ему нечто подобное, чтобы лишний раз поиздеваться.

– Но даже если тебе и этого окажется мало, и ты все равно попытаешься провалить этот спектакль, не тешь себя иллюзией, что тебя тут же исключат из школы, – президент усмехнулся. – Напротив, ты останешься в ней. Более того, я сделаю так, к слову, наш многоуважаемый директор полностью поддержал меня, – не без удовольствия заметил он, – что ты будешь участвовать в каждой следующей постановке и в каж-

дом фестивале на протяжении всех всего твоего оставшегося времени обучения, и заметь, – поспешил любезно добавить Ферид, видя, что Микаэль зол как никогда, – в спектаклях тебе будут отводиться исключительно женские роли, а на фестивалях вся творческая и развлекательная работа будет только на тебе. Так как, Мика, ты честно и с полной отдачей, без всяких эксцессов, свободный от конвоя, отыграешь свою маленькую роль на сцене или же к тебе приставят людей, которые все равно вынудят тебя отыграть ее, и потом в течение трех семестров ты будешь задействован во всех школьных мероприятиях? Выбор за тобой, – изложив весь расклад Микиного положения, парень кротко улыбнулся. – А теперь иди и наслаждайся отдыхом, – он миролюбиво поглядел в окно, за которым стояла чудная погода. Природа точно замерла в своей красоте в преддверии жаркого лета. – День сегодня великолепный.

Чувствующий себя невольником, заключенным в строгую тюремную крепость, где все делается исключительно по прихоти надзирателя, Микаэль покинул кабинет, так и не дав своего ответа. Да и что было говорить. Ответ очевиден.

«Да лучше бы тучи всё затянули и гром разразился». Он спешно шел по коридорам учебного заведения, дрожа от негодования на Ферида, придумавшего ему такие условия, которые не дают права отказаться, возмущаясь самой невозможности избежать участия в спектакле с людьми, которых

он не переносит.

Однако неосторожно бросаясь обидными словами, Шиндо не рассчитал, что старшеклассники обозлятся настолько, что дождутся его возвращения и встретят за школой со всей любезностью и радушием, на которое способны оскорбленные скудные умы. Тем вечером Мика возвратился домой и, с трудом добравшись до кровати, не переодеваясь, крепко уснул, сжимаясь во сне от тупой боли в теле, получившем несколько ударов.

В тот же вечер и Юичиро столкнулся с неожиданностью, когда после завершения репетиции его встретили Шинья и Глен и предложили пойти отметить начало репетиций, на что Юу простодушно ответил согласием, даже не подозревая, что затеяли друзья и, не предполагая, что его ждет встреча, которая немного изменит ход событий, отдалив момент благополучного завершения и только еще больше рассорив его с тем, кто уже был дорог его сердцу, однако он еще этого не понимал и потому продолжал жить в благом неведение, по-прежнему по-детски питая злость и обиду, не догадываясь, что за чувства на самом деле опьяняют его.

Сердце Принца. Часть I.

С самого детства Судьба была совершенно не расположена к нему. Будто бы проклятый самими Небом и людьми, он живет, окутанный тьмой собственных трагедий и неудач. Но он не склоняет смиренно головы, не плывет по течению жизни, а наоборот, взирая на всех свысока, продолжает гордо держать её, закрывая глаза на неудачи и прорываясь к свету так, как под силу только ему, жаждая его, рвется в другую сторону направленного потока. Цветок, не павший от бури, а только закаливший свой тонкий стебель и хрупкие лепестки, ставшие еще более прекрасными и возвышенными на одинокой вершине отвесной скалы, заметаемой снегами и обдуваемой грозными ветрами.

Слишком рано потерявший мать, не сумевшую оправиться после родов, но сумевшую бороться за жизнь еще полтора года, этот маленький принц лишился самого важного для каждого живого существа, явившегося на свет – тепла и нежности. Совершено осиротевшим он не остался, но одиночество надежно обосновалось в его душе, когда он утратил частицу самого себя. Пусть он не осознавал, что произошло в реальном мире, что мать оставила его навсегда, но он чувствовал. Чувствовал, что отныне потерял всё.

И никто не пожелал заполнить ту пустоту, заставить поверить, что он не один. Все вокруг были слишком черствы

и зациклены на своих собственных бедах и до чужой, нежной, детской души никому не было дела. Отец был погружен в собственную печаль из-за потери любимой жены и на какое-то время будто бы забыл о нём. В свои два года Мика научился сам справляться со своей бедой, не полагаясь ни на кого, однако, чтобы полностью перебороть горесть утраты в одиночку, ему не доставало ни моральных, ни физических сил и, нуждаясь в отце как никогда, он тянулся к нему, а в ответ получал либо холод и отчуждение, вызванные трагизмом утраты, либо же улыбку и взгляды, исполненные боли, от чего становилось еще страшней. Ведь лицо и движения сына приносили огромные страдания человеку, который видел в них свою возлюбленную. В какой-то момент малыш даже ощутил отцовское нежелание видеть его рядом с собой. Испугавшись этого возникшего ложного чувства, он замкнулся в себе окончательно, осознав, что рассчитывать может только на самого себя.

Чтобы осмыслить это целиком, он был слишком мал, но тут вступила в ход детская интуиция, которая примечала окружающий мир и видела его таким, какой он есть, без фальши. И видела она отнюдь не утешающие картины. Взору представал Натан, погруженный в дела и пропадающий в своем кабинете наверху, забывший в своем горе, что у него остался тот, кто не меньше него нуждается в утешении и заботе. Он не понимал, что приставленная к ребенку молодая няня, выполняющая свою работу честно, но только без ду-

ши, не может заменить малышу настоящий семейный очаг.

А потом случилось то, чего Микаэль никак не мог ожидать, и именно этот шаг стал роковым, чтобы оборвать и без того тонкую нить, связующую его с родителем и поселить в душе неверие и враждебность к людям.

Прижимая к груди плюшевого медвежонка, который был его единственным другом, четырехлетний мальчик стоит в прихожей. Он выглядит настороженным и взволнованным, находясь перед незнакомой женщиной, чьи глаза, несомненно, прекрасны и способны смотреть ласково, но доброта этих глаз напускная, ибо вся ее натура заключена в строгие рамки черствости и эгоистичной влюбленности в собственное отражение в зеркале. Второй незнакомый Мике человек, темноглазый мальчик лет двенадцати, – её сын. Он с безразличием оглядывает своего нового родственника, но мальчик чувствует, что от него исходит острая неприязнь ко всему вокруг, но более всего она направлена именно на него.

– Познакомься, Мика, это твоя новая мама, – слышится мягкая интонация отца, чувствуется его тяжелая рука, опустившаяся на плечо.

Слова звучат как удар, мгновенно вызывая в душе смятение и неприятие.

Она не та, нет, не она… Кто она? Пусть уходит… Это не его мама. От нее нет тепла. От них обоих нет тепла. Есть только холод, опасность, страх…

Только эти обрывистые мысли набатом стучат в голове,

когда Мика вскидывает несчастный взгляд на родителя, надеясь, что сейчас он улыбнется только ему и заставит уйти этих ужасных людей из их дома, но тот стоит и смотрит на эту женщину с улыбкой. И вот тогда Мика понимает, что они не уйдут, а останутся здесь, с ними.

Переводя взгляд на своего теперь уже брата, он содрогается, крепче сжимая игрушку, когда ловит на себе его желчный взгляд. Эндзай, а именно так звали его сводного брата, был жесток и непримирим. Решение матери выйти замуж, он принял только потому, что та объяснила ему преимущества этого брака с финансовой точки зрения. Только доводы, что его жизнь станет куда благоустроенней, если они станут частью этой семьи, заставили корыстного мальчика изменить точку зрения. Он понимал, что для того, чтобы добиться некоторых привилегий, нужно будет стелиться перед новым папой и угождать ему во всем, поэтому, будучи полностью готовым к этому заранее, он явился в новый дом с самой простодушной и вежливой улыбкой, на которую только был способен мальчик его возраста и склада ума.

Но поскольку необходимостью было располагать к себе только Натана, а не его сына, то на Мике можно было отыгрываться сполна, тем более, ангельский и прекрасный лик младшего брата сразу пришелся ему не по душе, зародив недобрые намеренья в его уме.

– Запомни одно, – как-то раз сказал Мике Эндзай, впоследствии частенько повторяя эту фразу оставаясь с ним

один на один. – Своему отцу ты до лампочки. Он любит мою маму и делает так, как она ему скажет, а мама сделает то, что скажу ей я. Если я пожелаю, тебя вышвырнут отсюда. Ты здесь никто и ничто. Поэтому, если хочешь продолжать тут жить, а не шляться по подворотням, где тебя сожрут голодные, одичавшие псы, молчи и слушайся меня.

И Мика слушал и помалкивал, хотя все его естество противилось вынужденной покорности и он не знал, почему продолжает терпеть нападки. Он поверил словам о том, что не нужен отцу, имея доказательства собственного опыта, что могло бы заставить его сбежать из дома, где он все равно никому не нужен, но и страх, что он окажется на холодной, кишащей, страшными дикими зверями улице, проболтайся он отцу о том, что его бьет, оскорбляет, унижает старший брат, пока никто не видит и не слышит, был непомерно силён. Но даже невзирая на страх, Мика боролся в меру своих сил, сбегая от своего мучителя и стараясь держаться поближе к взрослым, ведь под защитой старших Эндзай не осмеливался причинять ему вред, зато потом, оставаясь наедине с ним, Мика получал вдвойне.

Когда Мике было пять лет, его определили в детский сад, поскольку ситуация дома усложнилась и его приемная мать вынуждена была временно пойти работать. Шиндо это вполне устроило, он был рад оказаться вне дома и появляться там только вечером, когда отец будет ехать домой и заберет его. Хоть и в саду было несладко, один мальчик постоянно доку-

чал ему, но это было куда лучше, чем сидеть дома с братом, возвратившимся из школы. Да только и это счастье продлилось недолго, ибо спустя всего пару недель Эндзай вдруг изъявил желание самостоятельно заботиться о своем младшем братике, которому плохо в саду, где над ним издевается одногруппник. И тут Мика не смог воспротивиться. Отец был только рад, что мальчики дружны и Эндзай искренне желает заботиться о Мике. Он любящий и заботливый брат для его сына, который всегда печется о его благе. Но он был обманут детской коварностью, равно как и все прочие, и только Мика знал, что представляет из себя этот человек на самом деле – это жестокий, бездушный монстр, лапы которого навсегда сомкнулись на его шее и не выпустят, пока в его теле будет теплиться хоть какая-то жизнь.

Как только мог, он лишал Микаэля свободы и всего того, что было ему дорого…

«Где же? Где ты? Я же оставил тебя здесь» – маленький Мика уже который раз заглядывает под кровать, надеясь отыскать возможно упавшую за нее заветную игрушку – единственное, что осталось ему на память от матери. Этот медвежонок когда-то принадлежал ей долгое время, и даже в больнице он стоял у изголовья её кровати. Он был пропитан ее запахом, хранил тепло ее рук, и когда Мика наткнулся среди вещей матери на этого медвежонка, сам того не осознавая, но видимо чувствуя в нем ту частичку доброты и за-

боты, что исходила от него, вцепился в игрушку и не выпускал его из рук практически круглосуточно.

И теперь медвежонок бесследно пропал, хотя, выходя из комнаты Мика надежно спрятал его, памятуя неоднократные попытки Эндзая отобрать у него игрушку. Обыскав везде, где только можно, Шиндо забрался на кровать и уткнулся лицом в колени. Он понял, что уже не найдет своего друга. Можно и не спрашивать ни у кого. Брат наконец-то добрался до него, пользуясь моментом, когда младшего не было в комнате.

Боль потери, расставание чуть ли не с самым близким ему существом рвали маленькое, трепещущее сердечко, отчаянно бьющееся в груди, точно у маленькой птички. Он как будто снова потерял мать, причем уже окончательно. С этой игрушкой ушло чувство присутствия мамы.

– Мика, спускайся немедленно, время завтрака! – строго позвала женщина, рассыпая по тарелкам еду. Мужа она выпроводила рано утром на работу, осталось только покормить детей и отправить старшего в школу. – Эндзай, – мягко обратилась она к сыну, с удовольствием поглощающему рис, – почему он там сидит?

– Медведя своего профукал, сидит оплакивает всё утро, – с усмешкой бросил ей сын. – Я проходил мимо комнаты, обратил внимание.

– А ты его нигде не видел?

Эндзай только пожал плечами, одновременно отрицатель-

но покачивая головой.

– Господи, да что же за ерунда! – бросив на стол полотенце, сварливо поглядела в сторону Микиной комнаты женщина и быстро направилась наверх. Она застала Микаэля съежившегося под стеной на постели, уткнувшегося лицом в скрещенные на коленях руки. За все время он не проронил не слезинки, в тишине переживая свою скорбь от еще одной утраты.

– Ты не слышал, я же звала тебя? – строго смотрела на него мачеха, но Мика будто не видел и не слышал ее, он сознавал только свою потерю. – Прекрати немедленно и спускайся завтракать. В противном случае останешься до обеда голодным, – пригрозила она и снова пошла на кухню.

Мальчик не обратил на ее угрозы внимания. Ведь что такое голод в сравнении с потерей лучшего и единственного друга? Прах…

Микаэль не вышел к столу и, как пообещала приемная мать, а в этом случае она была хозяйкой своего слова, он остался без пищи.

Когда отец вечером, удивленный тем, что Мика сидит за столом мрачный и не держит в руках своего медвежонка, спросил об этом жену и старшего сына, ему сказали, что мальчик потерял его на улице и не может вспомнить, где и как, а все поиски были тщетны, Мика не возразил против их лжи.

– Он теперь с мамой, – единственное, что произнес он

вполтона и, спрыгнув со стула, ушел к себе в комнату.

Обреченное существование, неподвластное изменению… Вот она, страшная участь потерявшего защиту маленького существа, остающегося несломленным.

Невзирая на тяготы своей жизни, в душе он был очень добрым и отзывчивым. Когда он лишился игрушки, любовь к животным проявилась в нем с большей силой, теперь они стали его друзьями. Все местные кошки и собаки, даже птицы, которых он прикармливал, тянулись к нему, ведь Мика был ласков с ними, всегда подкармливал голодных животных. Тихонько, пока никто не видит, он стягивал со стола свою еду и прятал, чтобы потом отдать очередному пушистому страдальцу, уже ожидающему его у ворот.

Взамен медвежонка Натан предлагал взять сыну щенка или котенка, видя, что тот увлечен зверьем, но Мика категорически отказывался каждый раз, жутко боясь, что участь его любимой игрушки постигнет и несчастное животное. Таким образом, Эндзай фактически принуждал Мику добровольно отказывать себе в том, что могло бы принести его душе покой. Соседские коты, гуляющие по улицам бездомные собачонки, только на них мог позволить утолять свою нерасходованную нежность мальчик, не боясь, что они пострадают. Даже уже учась в младшей школе, он продолжал общение со своими мохнатыми и единственными друзьями.

– Бери. Почему же ты не ешь? – Микаэль подталкивает

поближе к котенку кусочек солонины. – Или уже не голодный? – мягко усмехается он. – Лучше съешь, ты маленький, а тебе нужны силы, чтобы постоять за себя, когда ты встретишься с большими котами.

Котенок словно понимает его слова и принимается за еду.

– Вот так, молодец, – улыбается Шиндо, наблюдая за животным.

– Кормишь котов?

Мика вздрагивает и оборачивается. За его спиной стоит такой же мальчик, как и он и улыбается во весь рот. Мика знает его, он живет через три дома от них, только он не понимает, как тот умудрился подойти к нему так, что Мика даже не заметил.

– Иногда.

– Я тоже. И собак. У меня под двором иногда их целая куча собирается. А отец с матерью все ворчат, что я еду разбазариваю, но не ругают, – склоняясь, упираясь руками в колени, весело говорит мальчик Мике, вместе с ним наблюдая, как увлечено поедает мясо бездомный кот.

– Я видел, – уголком рта улыбается Мика, припоминая, что после подкормки у соседнего двора, животинки его еду встречают уже с меньшим удовольствием.

– Тебя как зовут? – спрашивает у Шиндо сосед.

– Мика! – раздается голос брата, вышедшего со двора, от которого у Мики мурашки идут по телу, ибо он слышит эти недовольные нотки. А недовольство старшего брата может

обратиться плохим исходом.

– Ты чего делаешь? – удивляется мальчик, когда Мика вдруг начинает шикать и гнать кота. Встречая пугающую реакцию человека, котенок шипит и убегает.

Тем временем развязной, покачивающейся походкой Эндзай подходит к двум мальчикам.

– Ты что здесь делаешь? – он хмурит брови, грозно взирая на соседского ребенка, который сразу теряется в присутствии того, кто старше него лет на десять. – Пошел вон отсюда! – надвигает Эндзай всей своей массой на щупленького малыша, который, пугаясь, бежит прочь. – Вали, и чтобы я тебя больше у своего двора не видел, а то огребешь! – кричит ему вслед Эндзай, отбивая у мальчика последнее желание приближаться к этому дому и к людям, которые тут живут.

– А ты опять из дома еду воруешь? – с угрозой оборачивается Эндзай к Микаэлю, в котором тотчас напрягается каждая мышца, готовая получить привычный удар. – Смотри, еще раз увижу, получишь, а потом еще и отцу расскажу, он тебе мозги вправит. И еще, – приобнимая Мику за плечи, он ведет его обратно к дому. Усмешка на его круглом лице зловеща, а дружеский жест – всего лишь обманка. Микаэль прекрасно знает, чем заканчиваются такие братские объятия и разговоры – несколькими днями удушающей боли.

– Что это за сопляк к тебе лез?

– Не знаю, мне все равно. Я сказал ему уйти, – приглушенно проговорил Шиндо.

– Правильно, Мика, не говори ни с кем, не дружи, они все уроды.

– Он сказал, подкармливает животных, – неуверенно проговорил Мика, как аргумент против.

– Ха! – усмехается Эндзай. – Ты глупый, ничего не знаешь о жизни. А я вот видел, как твой дружок сначала этих котов прикармливал вместе со своими друзьями-малолетками, а потом швыряли в них камнями. Одному даже в голову попали и полностью башку размозжили. Кровищи было.

– Прекрати! Он мне не друг! Я ненавижу его! – с жаром воскликнул Мика, не имея сил перенести такое потрясение спокойно. Его всего трясло, как в лихорадке от мысли, что этот тихий с виду мальчик, способен на такое. Но по правде сказать, он уже давно не питал иллюзий насчет людей, однако для детского ума это все равно был шок.

– Правильно, Мика, не верь никому, все лицемеры. Не надо ни с кем дружить, – одобрительно улыбается словам младшего семилетнего брата Эндзай, заходя вместе с ним в калитку. – Ты мой и верить должен только мне и тогда я защищу тебя от всех… Ты только мой… Запомни это хорошенько.

Принадлежность кому-либо претила вольной душе, рвущейся ввысь, и Микаэль жестоко платил за свой непокорный характер, время от времени восстающий против тирании старшего брата. Однако какая-то часть его сознания под-

давалась влиянию. Он осознавал безвыходность своего существования под чужим гнетом и понимал, что зависит от воли старшего брата. Мика ненавидел его всей душой, ведь он издевался над ним всю его сознательную жизнь, лицемерил перед отцом, губил всё, что Мике было дорого, а главное – он растоптал его самого, уничтожал изо дня в день. Но не подчиняться ему мальчик не мог, он был слишком мал, чтобы тягаться с взрослым парнем, которому исполнилось 17 лет, который был крепок, силен и имел много друзей.

Время шло и ангельская красота белокурого, голубоглазого мальчика, становилась все ярче. Он и сам не понимал, насколько красив и насколько опасна для него дарованная небом такая пленительная нежная и страстная красота.

Эндзай стоит в дверях и с ухмылкой смотрит на брата. Шиндо мрачный и серьезный, вытаскивает из сумки книги и тетради на стол. На его лице сверкают новые ссадины, полученные от одноклассника, борьба с которым ведется еще с детского сада. Амане Юичиро – надоедливый, глупый, вспыльчивый остолоп, но у Мики, которого ничего ни с кем никогда не связывало, этот бешенный кретин занимает какое-то особое положение в душе. Юу единственный назойливый тип, который не оставляет его в покое, и даже когда Мика гонит его от себя, остается где-то поблизости. Это не любовь, не привязанность, это то, что держит тебя с этим

миром не позволяя сойти с ума.

– Мика, – сводный брат подходит и грубо касаясь пальцами побитого лица, разворачивает его к себе, пристально рассматривая. – Он тебя чё, опять отделал, или кто другой пристроился? – ухмыляется он.

Микаэль отводит глаза в сторону и сдавленно произносит:

– Он. Никого нового не было.

– Разберись уже с ним наконец, – презрительно фыркает Эндзай никчемности младшего. И пускай он говорит эти слова, но на самом деле то, что у Мики есть тот, кто периодически избивает его, выгодно самому парню. Ведь когда Микаэль приходит домой побитый одноклассником, никто не вдается в подробные расспросы о том, какой синяк и когда получен, а главное – кем нанесен. Это и без того всем понятно. Благодаря этим удачным обстоятельствам он уже много лет удачно скрывает следы собственных издевательств над младшим братом.

Но потом его губы расплываются в гадкой ухмылке. Рука опускается между ног мальчика и сминает член.

– Разве это не только моя привилегия, оставлять на тебе метки, а?

– Нгха, – выдыхает Микаэль, содрогаясь всем телом, прикрывая глаза, видя перед собой только мерзкое похотливое лицо Эндзая, и тогда злость мгновенно обуревает его.

– Не твое дело, ясно?! – огрызается он, резко отстраняясь от брата.

– Ах ты дрянь, как ты смеешь со мной так разговаривать! – со всей силы ударяя Мику по лицу, гневается старшеклассник. Нанесенная Юу ссадина на губе снова начинает кровоточить от нового удара, но Мика не теряет духа. Ехидная улыбка озаряет его лицо, в синих глазах вспыхивает игривый блеск.

– Если ты и с Каори также по-свински себя вел, как со мной, неудивительно, что она ушла от тебя.

На мгновенье по лицу Эндзая скользнуло удивление такой осведомленности младшего о его личных делах, но потом, будучи высмеянным и поддернутым этим сопляком, он уже не мог сдержать гнева. Неутоленные желания, унизительное заявление налили кровью его глаза, и он бросился на брата, изрыгая проклятья. Однако верткий, хрупкий Шиндо извернулся от грузной туши своего брата и выскочил из комнаты. Эндзай ринулся следом, готовый растерзать его на мелкие куски.

Сбежав по лестнице вниз, Мика бросился к входной двери. Страх прошелся мощным разрядом по телу, когда ручка отказалась поддаться. Дверь оказалась заперта.

– Не надейся, не сбежишь, – сбивчиво дыша и грязно усмехаясь проговорил Эндзай, стоя посреди пролета. – Я тебя знаю и предпринял меры. А теперь немедленно поднимайся обратно.

– Нет! – в отчаянье крикнул Мика и помчался в сторону кухни, где было распахнуто окно.

– Э! Куда! – почуяв опасность, что мальчишка сбежит, Эндзай бросился ему наперерез. Ухватив Микаэля за тонкое запястье, он рванул его на себя.

Испуганный вскрик и новый хлесткий удар по лицу.

– Нет! Нет! Отпусти, отпусти меня! Я не хочу! – вырывая руку, со слезами и страхом в глазах смотрит на него Шиндо, уже чувствуя еще одну свою погибель.

Еще удар, еще и еще. Стаскивая рубашку, оголяя белоснежное хрупкое тело вырывающегося брата, Эндзай валит его на пол, заламывая за спиной руки.

– Заткнись, не смей орать! Убью! – шипит он на ухо, брыкающемуся мальчику.

– Нет, нет, пожалуйста, пощади, – обреченность, неизбежность уже сковывают тело, заставляя его повиноваться, но протест не угасает в душе. Отчаянная мольба звучит в срывающемся, тихом голосе. Но этот голос не слышат.

Одежда полностью снята.

Еще одну попытку вырваться, пресекает мощный удар, доводя до полубессознательного состояния разум.

– Спасите… кто-нибудь… – шепчут в пустоту дрожащие, бледные губы. Сдавленные руки, сжимаются в кулаки, губа прикусывается, чтобы удержать всю ту боль, что рвется наружу, пока разрывают на части его тело, врываясь в него раз за разом.

Но никто ни разу не пришел на этот зов, не откликнулся, не протянул руку, чтобы спасти от того ужаса, что мальчик

стал испытывать не так много времени назад.

Когда животная похоть была утолена, тяжело дышащая туша неуклюже сползла с усыпанного новыми следами насилия изящного тела.

– Почему ты делаешь это со мной? – лежа на полу, безжизненно глядя в потолок, тихо спрашивает Микаэль. Сидя рядом, натягивая футболку и сопя, Эндзай молчит. После соития он совсем не желает думать и уж тем более отвечать на глупые вопросы брата.

– Это же неправильно, так не должно быть.

– Много чего не должно быть, но так есть. Почему ты должен становиться исключением, когда со всеми происходит что-то дерьмовое, м? – не оборачиваясь, говорит Эндзай. – Родители будут поздно и я пригласил к нам моих друзей.

От этих слов Мика содрогается похлеще, чем, когда понимает, что дверь заперта и спасенья ему нет.

– Ты знаешь, что это значит, – криво усмехается Эндзай, бросая короткий взгляд на распростершегося на полу Микаэля, в чьих глазах вспыхивает жуткий страх. – Вот-вот. Поэтому иди наверх, можешь пока поесть, а мы потом к тебе зайдем.

Старшеклассник тяжело поднимается с пола и уходит, но прежде, чем покинуть комнату, говорит:

– И только попробуй сбежать, найдем… – он сжимает кулак. – Ну ты сам понимаешь…

Да, Мика понимает. Прекрасно понимает. Он уже привык

к тому, что не только его брат забавляется с ним, но и его лучшие друзья. Если к такому вообще можно привыкнуть. Благо вечера, когда его брат приглашает к себе друзей, бывают в их доме нечасто, иначе Мика бы уже просто умер, но и этих редких визитов хватает, чтобы впасть в безумство.

Мерзкий смех друзей, их домогательства. Когда все уже наиграются с его телом, кого-то посещает мысль сфотографировать измученного, находящегося почти без сознания Мику, а иногда это делают в процессе. Почему-то им доставляет особое удовольствие потом разглядывать эти фото и грязно комментировать.

Вспышки слепят Шиндо, смех оглушает, а конвульсивные движения внутри выжигают пламенем и тело, и душу, а после всё сваливается на Микину драку в школе. Так никто не догадывается о том, что творится в доме Шиндо на самом деле. Даже мать не ведает, кого она воспитала.

Что касается Микаэля, то обойтись с тем же Амане по-хорошему, не позволить причинять себе боль и наносить новые увечья, которыми потом обязательно воспользуется старший брат, мальчик тоже не может. Ведь отыгрываясь на Юу, он словно мстит своему брату, которому не в силах дать отпор, от которого он зависим, потому что он старше и сильнее и от него нет спасенья.

Познавший ненормальную любовь своего старшего брата, в один день решившего, что Мика должен быть его, мальчик

потерял еще одну часть своей изорванной в клочья души…

Сердце Принца. Часть II

Еще немного и школа закончится. Скорее всего, я больше не увижу никого из них. В новой школе будут другие дети…

Возвращение домой проходит как всегда в одиночестве. Жаркий день, пыльный асфальт, шуршащая от ветра зелень и равнодушные облака, проплывающие в бескрайней синеве. Немного грустно в такой компании, но Шиндо сам избрал такой путь. Для него одноклассники – наивные глупцы, которым не место рядом с ним. Не место с теми, кто не знает ничего о жизни и ее тяготах, не понимает, каково быть растоптанным и униженным. Они ничего не знают о том, какой страшной бывает эта жизнь и даже если попытаться им рассказать, они все равно ничего не поймут, так что не стоит и начинать.

К тому же, Мика не хочет, чтобы его жизнь стала достоянием общественности. Поэтому подсознательно гонит от себя всех тех, кого расценивает как опасных для себя людей, а особенно тех, кто пытается подобраться, ворваться в самое сердце. Да только Микаэль не из простых людей, что вот так запросто подпустят к себе кого-либо. Нет, он никому не позволит увидеть эти жуткие уродливые подкравливающие шрамы, сплошь покрывающие его сердце и сделает всё, что в его силах, чтобы ни одному смертному не довелось даже заподозрить, что они существуют. Такова его возвышенная

натура, она скорее заставит всех окружающих себя ненавидеть, нежели допустит унизительную жалость к себе.

Вся его сущность отрицает тяготы, боль, окружающую ее с детства, и стремится к светлой стороне бытия, как бы ни было тяжело. Он продолжает жить жизнью обычного мальчика настолько полноценно, насколько это позволено, и отрицает для самого себя ту боль, которую испытывает от холодного и сдержанного обращения отца, от безразличной к нему мачехи, от мытарств и бесчеловечных расправ, которые учиняет над ним сводный брат. Все это не убивает в нем стремление жить и жажду радоваться этой жизни, даже когда его тело сгорает в аду. Он продолжает ходить в школу, продолжает хорошо учиться, продолжает вести ожесточенную войну с Юичиро, продолжает держать на расстоянии тех детей, что желают сдружиться с ним, не понимая, что Мика не верит их искренним словам, не верит их действиям. Для него все оплетено исказившими реальность черными нитями безразличия и жестокости, что царят вокруг. И там нет места волшебным сказкам, которые Мика никогда не читал и не слышал, ведь никто ему их не рассказывал – матери не было, а мачеха не хотела, там есть суровая реальность книг для взрослых, которые он находил, и с упоением читал сам, запираясь в своей комнате.

Правда всякой выдержке есть предел, и, доходя до этого предела, Шиндо, являющийся обычным двенадцатилетним ребенком, тяжело страдает от жизни, приносящей ему одну

лишь боль.

«Школа закончится, а что будет дальше? Что будет со мной?» – думает он, не обращая внимания на шум проезжающих машин. Страшно думать о том, что вся его жизнь пройдет вот так, что средняя школа, старшая станут таким же молчаливым, серым от тумана болотом, как и младшая, что эта боль будет преследовать его всю оставшуюся жизнь, ведь он уже успел уразуметь, что Эндзай не оставит его в покое, пока не выжмет из его тела все соки и быть может даже после его физической смерти не позволит упокоить его душу, захоронив тело как полагается. Вышвырнет куда-нибудь на мусорку, где его никто не найдет, кроме падальщиков, которые будут слетаться, сходиться на запах тлеющей плоти.

«Скоро у нас с тобой всё закончится… Юу» – с горькой усмешкой говорит себе Микаэль. Обычно этот взъерошенный парень не удостаивается его внимания, только сейчас, когда скоро придет время расставания с ним, Мике вдруг становится грустно и пускай всего несколько дней назад Мика мучился и стонал от побоев, генерируя в голове идею мести, это уже неважно.

Он тоскует так, словно заранее ощущает, что сегодняшний день в школе был последний. Он уже не пойдет туда завтра, не будет вместе со всеми на линейке слушать речи директора по поводу их выпускного, не увидит гордого за своего сына отца, который, стоя вместе с другими родителями, не спустит с него глаз ни на минуту, не увидит он и радостно-

го лица их классного руководителя, который наконец выпустит, пожалуй, самый тяжелый класс в своей практике. Всего этого он уже не застанет…

Возвращаясь с уроков, он не знает, что Эндзай ждет его дома, и от того, что Мика по своему обыкновению домой не торопится, зная, что там никого нет, его настроение становится только хуже с каждой следующей минутой ожидания младшего сводного брата.

Закрывая калитку, Шиндо не обращает внимание на силуэт в окне второго этажа, который сразу задергивает штору, как только Мика входит во двор. Мальчик в этот момент думает о своем выпускном. Отец обещал пойти с ним и это отзывается теплом в его душе, а потому он все-таки ждет этого дня несмотря ни на что. Одно только способно огорчить этот день – если вдруг его выпускной решит посетить и старший брат. Если он тоже придет, праздник будет испорчен, и пускай при отце он не позволяет себе того поведения, которое обычно выказывает пока никого нет, неизвестно чем все окончится потом. У Мики ощущение, что этот человек нарочно приходит, чтобы испортить ему существование. Осквернить, окрасить в темные тона даже самые тусклые лучи света, появляющиеся в его жизни.

– Где ты шлялся все это время?

Разуваясь в прихожей, Мика вздрагивает, когда до слуха доносятся жесткие нотки.

Он дома… Так рано…

Златовласый мальчик поднимает глаза на брата, что грозно взирает на него. Лишь на мгновенье в его теле появляется страх, а потом Мика спокойно отвечает:

– Нигде. Я шел домой.

– От школы до дома максимум минут 20! Еще смеешь мне лгать! – вспыхивая, Эндзай ударяет Мику так, что тот падает на пол. – Повторяю, дрянь, где ты был?!

Приподнимаясь на локте, утирая выступившую кровь, Микаэль весь дрожит.

– Я ведь сказал, со школы я пошел прямо домой, – срывающимся голосом ответил он.

– Врешь, ты нарочно задержался. Ты был не один. Тебя что-то задержало! Отвечай, кто это был!

«Он вконец помешался», – промелькнула мысль в голове Микаэля.

– По-твоему я встречаюсь с кем-то? – приподнимая уголок губ, проговаривает он, с презрением взирая на Эндзая.

– Говори сволочь, с кем ты был, – делает шаг вперед Эндзай, излучая угрозу всем своим видом. Он пристально следит за каждым движением младшего, который, пошатываясь, поднимается на ноги и продолжает загадочно улыбаться и помалкивать. – Кто это? Тот сопляк, что тебя избивает или кто-то другой? Говори сейчас же! С кем ты был?!

– Эндзай…

Еще один удар, из-за которого Мика снова чуть не падает на пол.

– Ты забыл? Забыл кому ты принадлежишь? Забыл, что только я вправе распоряжаться тобой и только я тот, кому ты обязан подчиняться?! У тебя нет другого выбора! – Он хватает Мику за грудки и, приближая его лицо к своему, говорит с мерзкой улыбкой: – Ну ничего, сейчас я тебе живо напомню. Навсегда забудешь, как своевольничать. Я на тебе места живого не оставлю, – говорит он, до синяков сжимая хрупкие плечи брата. – Запомнишь тогда.

– Нет! – сдавленно выдыхает Микаэль, когда его заваливают прямо в прихожей на пол и начинают срывать одежду. – Нет, не надо! Нет! – извивается он, но его пыл охлаждают грубые пощечины.

– Я тебе сколько раз повторял, ты мой. Мой! Ясно?! – отбрасывая в сторону рубашку, Эндзай склоняется над извивающимся телом, приводящим его в ненормальный восторг, равно как и стоны младшего брата, совершенно беспомощного перед ним. – Мой… Только мой…

– Отпусти! Отпусти! Нет! – отчаянно взвизгивает Шиндо, когда рука брата ложится на его орган. – Нет! – дрожа, как осиновый лист, выдыхает он, закрывая глаза, снова заранее переживая тот ужас, что его ждет впереди. Одна рука ласкает его член, а вторая, держа за горло, впечатывает в пол так, что не вырваться. Трудно дышать, слова застревают в горле, а в этот момент влажные губы касаются его тела, которое горит от боли и унижения.

Когда Эндзай, тяжело дыша и что-то бормоча себе под

нос, грубо врывается поцелуем в его рот, прижимая Мику к себе, тот ощущает, как возбужден его брат. Отвращение вперемешку с ненавистью застилают разум мальчика. Он ненавидит, презирает эту грязную свинью, от которой сбегают все девушки, потому что он отвратителен, груб, неучтив. Омерзительно животное. И это животное смеет касаться его, утолять им свою грязную похоть, не умея завоевать себе девушку, как все прочие люди его возраста. Не мудрено, что никто не хочет связываться с ним, ведь за душой Эндзая нет ничего кроме грязи, что до отказа наполнила его грузное тело. И будучи немощным перед противоположным полом, он черпает извращенное наслаждение, избивая и насилуя своего младшего брата.

Каждой клеткой своего тела Мика испытывает презрение к этому человеку. Его прикосновения невыносимы, ужасны. Легче умереть, чем позволить в очередной раз отдаться ему.

– Нет, уберись от меня! Я не хочу! – извивается изо всех сил Микаэль, пытаясь оттолкнуть от себя брата. Ища поблизости хоть что-то, что может помочь ему в этот раз избежать насилия. Но ничего нет и возможности вырваться из стальной хватки этих массивных рук тоже нет. Неужели придется еще раз вытерпеть это? Снова пройти через этот ад? Нет. Нет, только не это. Не снова, он не выдержит. Хватит, хватит мучить его.

– Заткнись, немедленно! – рычит Эндзай, нанося жестокие удары до тех пор, пока Шиндо не выбивается из сил и

смиренно затихает.

– Угомонился наконец, – криво ухмыляется парень, когда видит, что Мика снова уступил его силе. Чувствуя свою победу на вкус, он широко раздвигает ноги подростка в стороны и тянется к замершим, бледным, слегка приоткрытым губам. Замирая в немом крике, Мика вновь испытывает эту страшную боль, когда его тело пронзает насквозь. Это невыносимо, невыносимо. Умереть, умереть прямо сейчас, чтобы больше никогда не чувствовать этого, чтобы больше никогда не позволять осквернять себя. Тяжелое дыхание, трепещущее в груди сердце и непрерывные толчки внутри.

В непроглядной темноте жестокого безумства звучат два громких стона, один принадлежит ребенку, другой взрослому.

Теплая жидкость струится по ногам, но на этом все не оканчивается. Жажда продолжить пульсирует в каждой венке на лбу и безошибочно читается в возбужденном взгляде, который следит за тем как поднимается чужая грудь. Как окропляет белую кожу кровь и пот, как тяжело и хрипло дышат эти губы, как смотрит этот усталый блуждающий взгляд. Так призывно, что остановиться невозможно. Новый прилив возбуждения охватывает парня при виде брата, находящегося почти в беспамятстве после оргазма.

Да только он ошибается, Мика вовсе не расслаблен. Скорее наоборот, этот акт заставил все его тело напрячься, а ум лихорадочно работать и то, что Эндзай видел перед собой

покорного и готового еще и еще принимать его в себя брата, пока он полностью не удовлетворит свои потребности, всего лишь обман. Ловкий ход, чтобы усыпить бдительность, чтобы хватка ослабла. Эндзай расслабился и перестал удерживать его.

Так и получилось. И как только Мика ощутил, что больше ничто его не удерживает, он, не дожидаясь пока его телом снова начнут пользоваться, ловко изворачивается и бежит прочь.

– Так ты еще соображаешь?! Вернись сейчас же! – кричит ему Эндзай, пораженный действием брата и разозленный тем, что его жертва убегает, а ведь он еще не закончил играть с ней. – Сбежать надумал, не выйдет! – он вскакивает на ноги и бросается следом за братом.

Забегая в гостиную, Мика оборачивается по сторонам, ища глазами как выбраться из дома. Сердце колотится в груди и кажется, что сейчас оно пробьет кости. Но сердце вмиг замирает, когда мальчик видит, что Эндзай влетает в гостиную.

– И куда ты сбежишь? Все заперто, – ухмыляется он. – Так что лучше иди ко мне по-хорошему.

– Никогда! – отчаянно мотает головой Мика и бежит в кухню.

– Стой, глупый, тебя это не спасет, – кричит ему вслед Эндзай, но Мика не слушает его, он должен попробовать, должен убедиться, что еще может убежать. Ведь в кухне всегда

открыто окно. Однако он замирает посреди комнаты, внутри все обрывается, когда он видит закрытое наглухо окно.

– Я же говорил, – он оборачивается и видит насмешливое лицо старшего брата. – Я подготовился. Так что иди сюда.

– Нет! – Мика подбегает к окну и хватается дрожащими руками за щеколду. Это действие пугает Эндзая, окно закрыто не совсем наглухо и если этот поганец откроет его, то сбежит, а это не допустимо, ведь тогда трудно будет объяснить соседям внешний вид испуганного выбравшегося через окно брата.

– Только попробуй! – он подбегает и, хватая мальчика за талию, оттаскивает от окна.

– Нет, нет, отпусти! – цепляясь за подоконник, за шторку, за край стола, стонет Микаэль. Все его нутро в этот раз неистово сопротивляется тому, на что обрекают его тело. В этот раз он не может смириться с тем, что длится уже долгое время. Все его существо словно восстало против этих жутких, аморальных действий.

– Пусти меня! – срывающимся голосом кричит он и хватается за клеенку на рабочем столе, которая падает на пол, вместе со стоящей на ней подставкой для столовых приборов. С грохотом все это валится на пол. Мика продолжает вырываться точно обезумевший, так, что тут уже Эндзай вынужден остановиться.

– Да черт, совсем рехнулся! – шипит он. – Прекрати уже!

От удара, Мика отлетает к столу и, ударяясь об него спи-

ной, опускается вниз, но, оставаясь на полу, продолжает исподлба, ожесточенно смотреть на своего мучителя, в чьих глаза сверкает злой огонек. Кажется осознание того, что Мика так беспомощен, но при этом продолжает сопротивляться только пробуждает в нем похоть.

– Я тебе покажу, как от меня удирать! – присаживаясь на корточки, он хватает Мику за лодыжку и притягивает к себе.

– Нет! Нет! – пальцы скользят по гладкой поверхности стола, а потом пола, ни одного выступа, который не позволит ему очутиться в лапах чудовища. В мозгу мелькает только одно – он сделает это, сделает опять. Вся жизнь. Такой будет вся жизнь. Это безумие никогда не окончится.

Разворачивая Микаэля на спину, Эндзай нависает над ним. Колкий, ненавидящий взгляд синих глаз, вызывает у него грязную улыбку. Он не замечает, как блеснул в руке Шиндо стальной предмет, он увлечен только соблазнительным зрелищем младшего брата со слезами в глазах, распростертого перед ним на полу, всего в синяках и сперме. Накрывая искривленные в отвращении губы подростка, Эндзай не видит этой решимости и холода, что отразились на мгновенье в глубине его лазурных глаз. Разум парня затмило возбуждение, ослепившее его, заставившее пропустить удар и оглушившее настолько, что он не заметил, как отворилась входная дверь и в дом вошли.

Услыхав возню и крики мальчика со стороны кухни, вошедшие быстро направились прямиком туда. И когда в этой

неразберихе, где был виден некто полуголый, навалившийся на кого-то, отчаянно пытающегося освободиться, блеснул зажатый в тонкой руке нож и дикий вскрик, напоминающий визг, прорезал пространство, только тут полная картина произошедшего ужаса открылась Натаниэлю и его супруге.

– Мика!

– Эндзай!

Мужчина бросился к мальчику, который, поднявшись, ожесточенно, с наслаждением глядел на схватившегося за бок, Эндзая, повалившегося на пол и корчившегося от боли. Присутствия отца и мачехи, кинувшейся к своему ребенку, мальчик вначале не заметил, а потому слегка забрызганный чужой кровью, он победоносно смотрел на своего поверженного врага. Страх опутал его, но Мика не позволял себе поддаваться ему.

– Мика, Мика, – только когда отец начал трясти его за плечи, осознание реальности пришло к нему, и тогда он обратил свой затуманенный взор на белого, как смерть, родителя. Крики Эндзая, вопли его матери глушили все вокруг, создавая какую-то устрашающую иллюзию вокруг людей, находящихся в этот момент в доме.

– Ты не ранен?

Мика отрицательно качает головой.

– Нужно вызвать скорую, немедленно. Ты слышишь, Натан?! Он сейчас истечет кровью, – слышит он истерический, противный голос мачехи.

– Да, – выдыхает Натан и, видя, что сам Мика относительно цел, чисто машинально начинает набирать номер.

– Зачем? – возникает в голове вопрос, который Микаэль задает вслух. – Зачем? – он поднимается с пола и приближается к отцу в том виде, в котором пытался изнасиловать его Эндзай. – Пусть умирает, он заслужил, – опуская белую ладонь, испачканную алой кровью, на телефон в руке отца, говорит Микаэль. – Не делай этого, папа.

– Мика, – мужчина опускается на корточки и обнимает сына. Он в ужасе от того, что увидел, в ужасе от того, что допустил, в ужасе от того, что его сыну пришлось самому защищать себя, в ужасе от того, насколько сам был слепым. Однако он не теряет самообладания, вызывая скорую помощь и полицию.

– Вы что там совсем с ума сошли, он же умирает. Скорее! – оборачиваясь и видя, что от мужа толку никакого, он занят своим сыном, который пырнул ножом ее отпрыска, возмущенно кричит женщина.

– Уже едут, – снимая с себя рубашку и набрасывая ее на плечи сына, Натан оставляет Микаэля, подходит к пасынку и, присаживаясь, с отвращением глядит на него. – А пока нужно попытаться остановить кровь. Уведи Мику отсюда, – строго командует он жене и та, хоть и находится в истерическом состоянии, слушается его. Беря мальчика за руку, она уводит его в комнату. Следуя за ней, младший Шиндо совершено безэмоционально смотрит на то, как его отец пыта-

ется остановить кровь и не допустить чужой смерти. Он не понимает этих действий родителя и по-прежнему задается вопросом «зачем, не лучше ли будет, если такая мразь как Эндзай умрет?».

Шиндо не напуган, не в отчаянии, не впадает в истерику, он полностью осознает свои действия. Когда мачеха оставляет его в спальне одного, а сама спешит обратно к сыну, он не чувствует себя брошенным. Он скорее чувствует досаду от того, что вместо того, чтобы придти к нему, отец пытается спасти урода, изнасиловавшего его сына, потакая жене. Не зря Эндзай столько лет вбивал ему в голову мысль, что отцу он безразличен.

В момент, когда Мика нуждается в нем после такого из ряда вон выходящего случая, он находится рядом с его мучителем, оказывает ему помощь вместо того, чтобы быть рядом с тем, кто действительно пострадал. Это ли не доказательство того, что он не нужен отцу. Однако эти мысли сейчас лишь слабые отголоски в опустевшем разуме, пережившем такой страшный кошмар.

Придерживая рукой широкую отцовскую рубашку, Мика подходит к окну и глядит вниз на подоспевшую машину скорой помощи и полиции, которые вызвал отец.

Сколько напрасного шума вокруг…

Безучастный взгляд синих глаз сопровождает людей, вышедших из своих машин и идущих по дорожке к дому, откуда им навстречу выходит его отец. Противный вой сирен за-

глушает все звуки вокруг, призывая любопытных поглядеть, что же случилось, из-за чего среди бела дня поднялась такая суматоха, что приехала полиция и врачи. Но объяснений пока нет и все только ужасаются, когда из дома выносят на носилках старшего сына, возле которого залитая слезами идет мать, госпожа Шиндо, как становится известно чуть позже, получившего ножевое ранение.

И вот дверь Микиной спальни отворяется и входит Натан. Он уже не так бледен, но лицо его не менее тревожно от мыслей и чувств, которые он переживал, не имея возможности раньше пойти к сыну.

И если бы мальчик, который обернулся и взглянул на родителя с такой отчужденностью, с которой прежде не смотрел никогда, только знал, что испытывает сейчас отец, какую боль и вину раскаяния терпит, он не допустил бы не только этого жестокого взгляда, но и ни единой мысли о безразличии к нему родителя. Только Мика не мог, не умел читать чужие сердца, а помнил лишь свои собственные мучения, которые никто не пытался обратить вспять и прийти ему на помощь, хоть раз избавив от них, и потому оставался жесток и слеп к чужим терзаниям.

Не последовав сразу за сыном, Натан делал все так, как велел ему человеческий долг, а он не позволял мужчине не вызвать скорую человеку, который вот-вот умрет от потери крови, ибо удар ножом был существенным, даже тогда, когда все его существо порывалось добить нелюдя, поступившего

так с его сыном, а после списать всё на несчастный случай. Пока он возился с раненым до появления врачей, он ни на минуту не забывал о маленьком существе, находящемуся наверху, лишившемуся поддержки и отчаявшемуся настолько, что само попыталось защитить себя.

Невозможно представить, как пережить такое. Как не сойти с ума, зная, что терпел твой сын, а ты не замечал его страданий? Более того, ты был тем, кто привел в дом такого монстра и оставил ему своего ребенка. Как справиться с этим? Как признаться, что не смог защитить, уберечь? Как вспоминать имя любимой, чьего сына ты не уберег от такой страшной участи? Как? Как…

– Мика, – отец заходит в комнату и снова один только взгляд на закутанное в его широкую одежду хрупкое нежное существо, избитое, грязное, испачканное в кровь и сперму, с искалеченной душой и телом вызывают в нем сковывающие болезненные чувства. Сын послушно идет к отцу, а тому впору уйти и не видеть его, чтобы не испытывать этой боли. Совсем не этого он добивался, совсем не такой жизни он хотел ему. Прости, прости, Мика. Это все моя вина.

Снова невыносимо тяжело смотреть в лицо этого маленького ангела, в котором отразились такие резкие черты, что оно перестало быть лицом ребенка. Впрочем, Мика повзрослел гораздо раньше. Взрослая мрачность и сосредоточенность появилась в глубине его взгляда совсем рано и это вызывало удивление, но теперь отец с ужасом думал о том, что

послужило поводом столь раннего взросления его ребенка. Теперь он знал причину и, зная ее, ему безумно хотелось умереть, а если не умереть, то хотя бы сойти с ума и забыть этот ужасный кошмар.

– Мика, – Натан едва находит в себе силы смотреть на Мику, его голос периодически пропадает, руки дрожат. Он боится даже прикоснуться к тому, кто вытерпел страшные мытарства, чтобы не сломать его окончательно. – Сейчас мы поедем в участок, где тебя осмотрят и может зададут несколько вопросов, а потом мы поедем в больницу. Скажи, если ты ранен и не можешь, мы сразу отправимся в больницу.

– Я могу, – младший Шиндо опускает спокойный взгляд к полу, рассуждая про себя. – Они хотят расспросить меня о случившемся?

– Да, – кивком подтверждает Натан, мысленно поражаясь поведению ребенка. «Как он еще способен думать в такой момент и выглядеть таким спокойным. Другой ребенок на его месте кричал бы и плакал, жался к родителям, а он даже толком не смотрит на меня… Что уже говорить о слезах и страхе. Он как будто лишен самих этих понятий…»

– Мика, – он касается рукой щеки сына и, скользя, приподнимает его голову, как можно мягче глядя в большие глаза, лишенные детской посредственности и наивности. – Ты точно сможешь? – спрашивает он с тяжестью на сердце замечая сильную ссадину на нижней губе сына, по которой аккуратно проводит большим пальцем утирая выступающую

алую жидкость.

– Угу, – кивает Микаэль.

– Хорошо, – слабо улыбается отец и, оборачиваясь к людям, что ждут за дверью, говорит: – Подождите еще минуту. Мы скоро выйдем. – С этими словами он идет к шкафу, берет какую-то Микину одежду, помогает ему облачиться, а потом уводит за руку с собой.

Для Микаэля всё это словно сон. Единственное, чего он хочет, это предаться ему по-настоящему, ибо он так устал за последние несколько часов, что едва держится на ногах. Только есть еще вещи, которые он обязан сделать прежде, чем его оставят в покое.

Словно из другой реальности мальчик наблюдает за происходящим и за самим собой. Будто бы не его облачают в одежду, везут в участок, задают вопросы, осматривают его тело, что-то записывают, снова задают вопросы. Все это время с ним находится отец. Микаэль то видит его, то он пропадает из его поля зрения, но он продолжает ощущать, что тот где-то поблизости. Полицейские спрашивают и Мика говорит, говорит все, что знает, рассказывает все, что происходило с ним, в том числе и о тех групповых гуляниях, которые время от времени устраивал Эндзай. Называет примерные дни, когда это происходило последние разы, называет людей, чьи имена доносились до слуха. Без утайки и стеснения говорит обо всём, что было и кто в этом принимал участие, не подозревая как своими словами ранит отца, убивая

его каждым следующим признанием, загоняя в моральный тупик сознания.

Когда медицинское свидетельствование оканчивается, Микаэля и его отца увозят в больницу, где мальчику надлежит пробыть до выздоровления. Серьезных повреждений у него действительно не оказывается, но мелкие порезы, гематомы, ссадины, россыпью покрывающие тело, также требуют времени для заживления. Все это только физическая сторона вопроса, есть еще и моральная, с которой справиться гораздо сложнее, чем с телесными увечьями. Раны души не затягиваются так скоро, на это уходят месяцы и годы, а результат конечного лечения не всегда однозначен.

Запрет отца на какую-либо огласку этого дела сослужил свою службу, и Мика был полностью огражден от визитов местной прессы, расспросов и дополнительных поездок в участок для более подробного разбирательства в деле и далее от личного присутствия в суде. Все проходило без его участия.

Сам же Микаэль не ощущал необходимости ограждать себя, ему было все равно станут ли его спрашивать или нет. Подлечиваясь в больнице, он ничего не ждал, ничего не хотел. Он жил одним днем, одним моментом, не задумываясь о творящихся вокруг него вещах, без прошлого и без будущего. Врачи-психиатры не отмечали у него серьезных нарушений после перенесенной травмы, успокаивая этим отца,

переживающего за шаткое состояние психика сына. Но на удивление Мика оказался очень стойким и уже на следующий день вел себя так, словно забыл о случившемся и весь его облик говорил, что он вполне готов вернуться домой и продолжить привычную жизнь. Правда того же нельзя было сказать о Натане. Если Мика и был способен безболезненно продолжить свою жизнь, то для мужчины настал момент изменить весь их уклад.

На следующий день, в больнице ему удалось встретиться с женой, которая пребывала здесь же, но в другой палате. Ранение Эндзая оказалось крайне серьезным, избежать осложнений было невозможно, более того, после его излечения должен был состояться суд, после которого он и те, кто принимал участие в жестоких расправах над ребенком, должны были ответить перед законом. Натан и помыслить не мог забрать заявление, а жена не могла раскрыть рта, чтобы попросить его забрать бумагу, грозящую годами заключения ее сыну.

Женщина была поражена случившимся не меньше мужа. Но не столько жалея пострадавшего от рук ее сына пасынка, сколько ужасаясь тому, что Эндзай был способен делать подобные вещи. Более всего она не могла смириться с тем позором, что обрушился на ее голову. Она опасалась слухов, сплетен, клеветы и теперь ей предстояло жить с именем матери насильника и садиста. Это было выше ее сил. Она ходила в окаменелом безмолвии, точно тень – бледная, осу-

нувшаяся. Именно такой встретил ее в коридоре больничного отделения Натаниэль. В его сердце ничего не содрогнулось при виде измученной, растрепанной, с пустым обезумевшим взглядом женщины. Ведь это именно она допустила этот кошмар. Она, некогда обещавшая ему заботиться и оберегать его сына, клявшаяся заменить ему мать, загубила, искалечила жизнь его мальчику. О какой теперь жалости и сочувствии к ней могла идти речь?

– Надеюсь ты понимаешь, что наша совместная жизнь уже невозможна, – тихо, но с твердостью в интонации произнес мужчина.

Женщина обречено покачала головой, не поднимая на него глаз, быть может, где-то глубоко в душе, ощущая свою вину, или же скорее ею владели иные чувства, пусть это останется на размышление читателей.

– Через четыре дня я увезу отсюда Мику, – ровно продолжил Натан. – Эти дни ты можешь пожить в нашем доме, пока будешь искать новое жилье, не захочешь – можешь уходить сразу. Выбор за тобой.

– Куда вы отправитесь? – тихо спросила она, когда Натан уже уходил от нее.

– Далеко, – ответил он, не оборачиваясь.

«Туда, где он будет в безопасности… Подальше от этих слухов, от этих взглядов, от этих расспросов, туда, где он заживет новой жизнью, где ему откроются новые возможности и они не будут омрачены тягостным грузом прошлого. А эта

жизнь останется позади…

Больше ты не вернешься сюда…»

Не так давно Натану на фирме, где он работал, было сделано хорошее предложение отправится работать в их новый филиал в Амстердаме. Тогда он не принял этого предложения, руководствуясь тем, что детям будет тяжело бросить здесь всё и переехать жить в другую страну. Он вежливо отказался, но теперь это предложение было ему на руку. Тем более, его до сих пор расценивали как кандидата на место одного из ведущих специалистов их голландской фирмы. Теперь можно было рискнуть всем, что осталось, и отправиться в другую страну.

Микаэль воспринял новость о переезде на материк весьма равнодушно. Он не видел в этом нужды, он бы прекрасно мог оставаться и учиться здесь дальше, но раз ее видел отец – пусть будет так. Он не сказал ни «да», ни «нет», а лишь слабо пожал плечами. Натан же был непреклонен в своем решении и не стал бы слушать Микаэля, даже если бы тот воспротивился его решению. Мужчина был убежден, что только переезд поможет Мике забыть о прошлом и начать новую жизнь. Впрочем, в переосмыслении приоритетов нуждался не только Мика, но и он сам… И трудно было сказать наверняка, кому этот переезд был важнее и нужнее – терзающемуся муками совести отцу или его пострадавшему сыну.

Случившееся оставило еще один рубец на его детском сердце и теперь, где бы ему не предстояло жить, ничего бы не

смогло залечить эту рану и никто не смог бы стереть из подсознания четкое понимание того, что единственный на кого он может надеяться, единственный кто спасет его от невзгод – это он сам, даже люби его отец и не оставляй одного, он все равно бессилен перед многими вещами.

Спустя четыре дня Натан и Микаэль покинули Японию, как тогда казалось отцу, навсегда. Они не дождались суда, который приговорил Эндзая к заключению в тюрьме, не видели, как эта новость сказалась на матери насильника, не узнали слухов о ней, которые говорили о том, что, не сумев пережить такого позора, она в скором времени покончила с собой, вскрыв себе вены. Нет, ничего этого ни отец, ни его сын не знали, они были брошены в новый кипящий котел жизненных событий за тысячи миль от земли, долго служившей им родным и, как ошибочно казалось, безопасным домом.

Сердце Принца. Часть III

И вот семейство Шиндо, сократившееся ровно на половину, ступило на земли чужой страны, оказавшей своим заблудшим гостям достойный прием. Если вспомнить, что в облике отца и его сына преобладали все же европейские, а не азиатские черты, то с уверенностью можно говорить об отсутствии межрасового аспекта, в котором представители одной нации настороженно относятся к представителям другой, порой проявляя необоснованную враждебность к тем, кто заметно отличается от них. Итак, поскольку Микаэль и Натан были лишены признаков, выдающих в них людей другого света – их удерживал в позиции иностранцев только языковый барьер, который они успешно преодолевали, пользуясь международным английским языком, – проблем с окружением у них не возникало. А со временем познав азы и овладев тонкостями голландской речи, граница и вовсе стерлась.

– Что скажешь? Как тебе? – мягко осведомился Натан у сына, глядящего в окна машины такси, везущей их из аэропорта к новому дому. Пусть и уставший после длительного перелета, мальчик с любопытством изучал город, в котором отныне ему предстояло жить. Было заметно, что его что-то увлекало в этой панораме узких, словно игрушечных, доми-

ков с остроконечными крышами.

– Здесь красиво, – насколько это было возможно в движущемся транспорте, внимательно осматривая все вокруг, ответил Микаэль. – Легче дышать, – добавил он чуть погодя. А потом обернулся к отцу, в этот момент в его глазах отразилось волнение.

– Мы больше не вернемся домой?

Натан не смог понять говорит ли Мика с сожалением или надеждой, настолько были неуловимы интонации его остающегося нежным голоса и так замаскированы мысли непроницаемого взгляда, что мужчина ответил ему так, как должен был.

– Нет, не вернемся.

– Замечательно, – с тем же видом ответил Микаэль и прислонился спиной к сидению. На первый взгляд ничего особенного: усталость взяла верх над ребенком, но в этом жесте отец заметил некоторое расслабление. Его слова вызвали облегчение в душе сына, который словно бы все это время ожидал от него этого заверения и как только услышал, смог спокойно вздохнуть.

Значит, Мика не хочет возвращаться и рад, что этого не будет. Выходит, он правильно поступил, когда увез его из Японии. Это было первое появившееся чувство уверенности в собственных действиях, овладевшее мужчиной по прибытии в чужую страну.

– Я хочу осмотреться получше, – сказал Микаэль, переведя взгляд с окна на отца. Изучив дом и свою комнату, перенеся туда вещи, мальчик, стоя на коленях на стуле, глядел на простирающуюся за окном узкую улочку, стандартную для этого места обитания, но кажущуюся ребенку, который привык к более скромным размерам, широкой и просторной, собственно как и их дом.

– А разве ты не устал после перелета? – осведомился мужчина, входя в гостиную.

– Нет, – Мика снова поглядел на улицу.

– Тогда есть предложение оставить разбор вещей на попозже, а сейчас сходить пообедать. Тут неподалеку я видел кафе, и, если ты чувствуешь себя не настолько уставшим, мы можем сходить туда, – предложил Натан.

Мика согласился, и уже через пятнадцать минут они сидели за столиком в летнем кафе, пробуя иностранные блюда. Старший Шиндо говорил по телефону, а Мика осматривал окружающих. Разница между страной Европы и Азией бросалась в глаза, но он воспринимал это скорее положительно, чем негативно. Все вокруг было необычно, но довольно заманчиво. Совершенно иной мир, словно попал на другую планету, и ему это нравилось. Нравилась эта свобода, он наслаждался этим духом раскрепощенности, витающим в воздухе. Одежды, лица, манеры местных жителей – всё говорило о незакомплексованности и открытости людей, обитавших тут, когда в Японии царил дух целомудрия и скованной

индивидуальности. Одни запреты и строгие порядки, мешающие развитию личности человека.

Мальчик не заметил, как улыбка ко всему, что окружало его, засветилась в его взгляде так ярко, что привлекла внимание окружающих. Разумеется, красивый мальчик с синими, как небо, большими глазами, окаймленными длинными ресницами, с переливающимися на солнце золотыми локонами не мог не умилить. На него невольно заглядывались не только проходящие мимо представительницы прекрасной половины человечества, но и представители сильной половины так же испытывали симпатию к необычайно привлекательному ребенку. Ловя на себе эти восхищенные взгляды, Мика начал ощущать свою привлекательность, действующую безотказно и в этой стране.

Дух страны опьянил его с первой же секунды, как только Микаэль ступил на землю, выйдя из самолета и продолжал опьянять дальше.

«О чем он сейчас думает?» – наблюдая как увлеченно смотрит по сторонам его сын и в нём словно пробуждается нечто новое и свежее, мысленно спросил себя Натан.

Скользнув взглядом по студентам, спешащим на остановку, Мика задержал его на девочке на год или два младше него, которая шла рядом с мамой и поглядывала на обворожительного мальчика, восседавшего за столиком летнего кафетерия. Улыбка, которой одарил ее этот принц, смутила девочку, залив краской ее щеки и заставив на секунду отвести

взгляд, а после ответить милой улыбкой. Слегка кивнув ей и ее матери в знак почтения, Микаэль отвернулся и парочка прошла мимо.

– Мне здесь очень нравится, – проговорил младший Шиндо, провожая взглядом раскрашенный автобус наполненный людьми.

– Правда? – мягко посмотрел на него Натан. – Я рад. Потому что мне тоже здесь нравится. Все плохое осталось в прошлом и его нужно забыть как страшный сон. Здесь мы начинаем новую жизнь, с чистого листа.

Микаэль внимательно взглянул на родителя, словно оценивая его слова, а потом отвел взгляд.

Однако, несмотря на свой благодушный настрой, Натан ощущал, что в чувстве сына недостаточно искренности, хотя мальчик был вполне серьезен, говоря о своем отношении к новому месту. По возвращении домой Микаэль будто бы снова сник, опять встревожив отца, но, возможно, это было сопряжено с начавшимися заботами по приведению дома в жилое состояние. Ведь и сам старший Шиндо ощущал груз перелета, работая по дому. К вечеру оба чувствовали себя такими измотанными, что какие-либо разговоры пришлось отложить.

Да только как бы успех принятия окружающими не был велик, а переезд в другую страну не оказал должного эффекта. Изначально этот переезд давал стойкую уверенность на

сближение двух людей, однако он поспособствовал их отдалению друг от друга. Первые дни освоения на новом месте прошли практически порознь. Улаживание бытовых вопросов, устройство Мики в новую школу, ознакомление отца с сотрудниками и работой фирмы – все это негативно сказалось на общении двух близких людей, которые продолжали нести эмоциональный груз пережитого. И если один из них не уделял достаточно внимания произошедшей трагедии, просто привыкая к жизни в другом обществе, то на второго это оказывало сильное давление.

Натаниэль никак не мог совладать со своими чувствами и оправиться от пережитого потрясения. Он находил отраду и способность хоть как-то существовать, пребывая в одиночестве, либо погружаясь в работу. Столкновение с человеком, пострадавшим из-за его слепоты, приносило ему одну лишь боль. Мысли о том, что он не должен был упускать из виду безразличное отношение жены к его сыну, страх и ненависть мальчика к этим людям, что обязан был уловить враждебность к нему пасынка, впивались острым шипом в сознание Натана, стоило только увидеть перед собой мальчика с золотистыми локонами и глубокими синими глазами, в которых не угасал огонек жажды жизни даже в тот жуткий день, когда истина открылась ему в самом своем неприглядном свете. Он признавал необычайную силу своего сына, хрупкого и беззащитного с виду, но стойкого, как сама душа природы, который несмотря на невзгоды не сломался, а продолжал

свое существование. Натан не был таким морально стойким и его поражало, откуда берется такая внутренняя сила в таком хрупком, детском теле.

Один важный разговор между отцом и сыном все же состоялся. Это случилось как раз на второй день после приезда. Вечером, когда Натан вернулся с работы и спускался на первый этаж, чтобы выпить кофе, он встретил Мику на лестнице…

– Да, Адриан, спасибо, – поблагодарил мужчина своего друга, годом ранее покинувшего Японию ради работы в новой компании. – В самом деле? – вскинул брови Натан, касаясь рукой перил. – Ты сможешь это устроить? О, в таком случае я буду бесконечно тебе благодарен. Как скоро? Прямо завтра? Хм, это было бы превосходно. Хорошо, тогда до завтра.

Сбросив вызов, мужчина поднял глаза в тот самый момент, когда Микаэль, поднимаясь по лестнице, приблизился к нему.

– Мика, похоже проблема со школой решена, – пряча телефон в карман халата, произнес он, глядя на мальчика. – Мой друг позаботился о том, чтобы тебя взяли в одну хорошую школу. Полагаю, уже послезавтра ты сможешь начать ходить в нее.

– Так скоро? – с некоторой печалью взглянул на отца Шиндо.

– Да, так скоро. Тебе необходимо продолжать учебу. К тому же в школе найдешь себе новых друзей, будет не так скучно, как если бы ты сидел сутками напролет дома.

– А разве это плохо? – чистый взгляд поражал своей искренностью.

– Конечно плохо, ты пребываешь в таком возрасте, что общение со своими сверстниками очень важно для твоего становления в обществе. Разве ты не рад этой новости?

Микаэль отвел взгляд и неуверенно передернул плечами.

– Рад.

– Мика, посмотри на меня, – попросил отец и когда мальчик обратил к нему свой лик, на котором лежал отпечаток грусти, он, приобняв его за плечо, повел вниз: – Пойдем.

Микаэль присел на диван в гостиной, опустив руки на колени, и посмотрел вверх на отца. Лицо мужчины было слегка встревоженным, он также с грустью смотрел на сына, и мысли о том, что пережил этот мальчик, больно кольнули разум.

– Мика, сынок, ты больше не должен ничего бояться. Ты слышишь? – он присел на корточки перед диваном. Теперь его взгляд оказался чуть ниже уровня глаз мальчика. – С тобой больше никогда не случится ничего подобного, – мужчина опустил свою руку на скрещенные руки Мики. – Я обещаю тебе. Ты больше не будешь страдать. Я приложу все силы, чтобы ты никогда не столкнулся с таким ужасом.

Мальчик молча глядел на отца, вроде бы понимая и сочувствуя, однако в его сердце глубоко не проникали речи роди-

теля. Он оставался холодным и безразличным к чужим обещаниям. «Защищу? Ты? Ты ничего не видел, ничего не замечал, хотя все это происходило у тебя перед носом. Мысленно я звал тебя, каждый раз звал тебя на помощь, но ты ни разу не пришел ко мне. Это длилось так долго, что я уже начинаю думать, что это было с самого моего рождения, но больше всего я запомнил это время, и за них ты ни разу не пришел и не защитил меня ни от него, ни от его друзей… Я был один, всегда один, и сам защитил себя…»

Привыкшему в одиночку справляться со своими бедами, ему было нелегко увидеть искренность в словах родителя и поверить его обещаниям. Потерявший мать, а потом лишившийся отца, которого отняла у него мачеха, Мика не мог полностью довериться Натану теперь, когда он сам расправился со своими врагами. Для себя он решил, что не нуждается ни в чьей защите.

– Мика, прости меня, – отцовская рука крепко сжала детские ладони. Мика вздрогнул и с испугом посмотрел на отца. – Прости, что не уберег тебя и ты был вынужден терпеть всё это. Прости, что не замечал. Я бы не терпел их присутствия ни секунды, если бы узнал, что он делает с тобой. Я бы выгнал их сразу, не дал бы издеваться над тобой. Ведь я люблю тебя, ты мой сын. Единственный. Ты должен помнить это, всегда. Чтобы ни было, – с горечью смотрел Натаниэль на сына. – Мика, почему ты не отвечаешь мне? Я хочу, чтобы ты все понял.

– Я понимаю, – тихо проговорил мальчик. «Понимаю, что тебе было не до меня…»

– Понимаешь?

– Да.

«Но правильно ли ты понимаешь, ведь твоя душа искажена. Видишь ли ты вещи в том свете, в котором вижу их я, или для тебя существует иная реальность? Твоя обида необратима. И вы оба не простите меня?» – спрашивает себя отец, глядя в глаза сыну, пытаясь прочесть в них ответ на свой вопрос.

– Ты еще мал и не понимаешь до конца как сложна жизнь, тебе просто не дано еще этого увидеть, но когда-нибудь ты обязательно все поймешь, а пока ты этого не осознаешь, знай одно, все, что я когда-либо делал и буду делать, все это будет для твоего блага.

Несколько мгновений Микаэль смотрел на отца, после чего на его губах появилась слабая улыбка.

– Не переживай, папа, – он коснулся щеки мужчины и тот внезапно ощутил, как волна прошла по позвоночнику, словно заряд тока. Когда-то точно так же, таким же проникновенным взглядом смотрела на него его возлюбленная и так же нежно поглаживала его щеку пальцем. Увидев это отражение в детском облике сына, в его глазах на мгновенье появился страх и жуткая боль. Тем временем Микаэль, словно не видя этой резкой перемены, продолжал говорить: – Я верю тебе и твоим словам. Ты любишь меня. Да, я прав? Папа.

Затаив дыхание, глядя в глаза этому ангелу, в речах которого была дьявольская сладость, Натан вконец лишился сил.

– К-конечно, – с трудом выдавил он из себя и чтобы закрыть виденье, обнял Мику и прижал к себе. Однако это было не порывом любви или нежности, это было скорее желание скрыться от образа, и мальчик чувствовал это, понимал, и от этого понимания душа болела сильнее. Он сжался в отчужденных объятиях родителя, пытаясь найти хоть каплю спасительной любви в его холодной ласке.

– Конечно, я люблю тебя, даже не сомневайся, – прошептал отец. – А теперь иди, ложись. Время позднее, а день был тяжелый. И постарайся забыть обо всем.

Мальчик едва заметно кивнул, хотя больше всего ему хотелось остаться в этих объятиях, которые быть может еще чуть-чуть и согреют его душу, но сладкому моменту настала пора прекратиться, как любому сну. Когда отец отпустил его, тяжесть опутала сердце новым витком. Стало еще холоднее, еще больнее, чем прежде, ведь Мика продолжал любить отца, как бы не сердился на него, сколько бы тот не причинял ему боли. Он хотел быть с ним и продолжал надеяться, что когда-нибудь этот лед возможно растает.

Микаэль поднимался по ступеням, отец смотрел ему вслед, а потом провел рукой по глазам.

Проклятый ребенок, покинутый матерью и причиняющий своим видом боль отцу, вспоминающему свою любимую, он так и не мог получить от родителя то, в чем так нуждался…

Микаэль вел себя так, словно ничего не произошло, даже сам переезд и вливание в новую жизнь не оказали на него влияния. Уже через несколько дней мальчик свыкся с новой обстановкой в школе, дома и комфортно чувствовал себя в ней, точно жил тут с самого рождения. Необычайный адаптационный механизм. Конечно, отсутствие общения со сверстниками и нежелание сближаться с кем-либо настораживали отца, но дело в том, что Мика с детства предпочитал держаться от всех на расстоянии. Так что новостью это не стало. В остальном он нисколько не изменился.

Правда отсутствие изменения в поведении Мики также вызывало тревогу родителя, потому что, если мальчик лишился подавляющего его волю источника, он должен был измениться, но этого не происходило, и у отца возникла мысль, что сына по-прежнему что-то терзает, не дает раскрыться и свободно пойти на контакт с другими детьми. Его сын и раньше хорошо маскировал истинную картину происходящего, и его благодушное поведение не было показателем истинного мира в душе ребенка. Это дало отцу повод отвести Микаэля к психологу, дабы определить, остались ли у него какие-нибудь сдерживающие его мысли и чувства пятна души. Однако специалист ничего такого не выявил, но все равно предложил провести несколько сеансов для приобретения Микой коммуникабельности и, считая это правильным,

мужчина дал свое согласие.

Только тут он допустил ошибку, которую совершают большинство взрослых людей, доверяя воспитание своих детей и толкование им жизненных истин чужим, не сознавая самого важного, а именно того, что в тот момент мальчику была нужна не помощь специалиста или кого другого, а его личное участие в жизни сына.

И, быть может, Натан понимал это глубоко в душе, но переступить через себя, заставить себя свободно смотреть сыну в глаза он не мог, совершая еще один шаг на пути к разрушению доверительной связи с сыном. Погруженный в работу, опять же для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь подрастающему мальчику, справляющийся с собой в одиночестве, дабы не травмировать Мику лишний раз своим состоянием, он отдалился от него тогда, когда мальчик более всего нуждался в его внимании и поддержке. Нельзя сказать также, что Натан изолировался от его общества целиком и полностью. Как мог он старался уделить время сыну, сходить с ним вместе куда-нибудь, купить ему что-то, что вызовет радость, однако все это было лишь внешне. Боль потери любимой и неизгладимая вина перед единственным и горячо любимым сыном не позволяли Натану наслаждаться тихим семейным счастьем, вынуждая его постоянно страдать и казнить себя за ошибки. Будучи слишком чувствительным, Мика улавливал эту внутреннюю отчужденность отца, хотя внешне тот изо всех сил пытался окружить сына вниманием.

Ощущая себя ненужным отцу на протяжении долгого времени, младший Шиндо только убеждался, что в действительности он необходим исключительно самому себе. Эгоизм и недоверие все больше разрастались и опутывали его незащищенное сердце, которое он снова учился защищать от мира сам, прочно сковывая его льдом, даже не подозревая, что в этой холодной глыбе еще не каждый участок покрылся острыми пиками и есть еще трещинки, сквозь которые способны проникать и выплескиваться теплые чувства, погребенные так глубоко.

Два с лишним года спустя…

– Мика, ты меня слышишь? – худощавый мужчина пристально смотрит на парня, элегантно подперев голову, изящно сидящего напротив него в кресле. Внимание юноши сегодня необычно рассеянное, он то и дело отводит глаза, сосредотачивается на одной точке кабинета и совершенно не воспринимает слова.

– Да, – нехотя ответил Микаэль, не отрывая взгляда от окна, за которым небо с утра затянули серые, тяжелые тучи. По стеклу застучали мелкие дождевые капли, от чего и так удручающая атмосфера в кабинете стала навевать унынье.

– Продолжайте, я Вас слушаю.

– Но я как раз говорил о том, что на сегодня наш сеанс окончен. Что с тобой? – серьезно осведомился врач, вглядываясь в лицо парня, длительное лечение которого так и не

принесло результатов. Пациент был упрям и несговорчив и ни за что не желал приоткрыть завесу своего внутреннего мира, усложняя и разрушая тем самым свою же жизнь. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Да что Вы, доктор, я чувствую себя превосходно, – внезапно с живостью ответил тот, нацепив привычную усмешку и обернувшись к специалисту. – Ваши мудрые и поучительные слова мне прямо бальзам на душу. Чем я могу отблагодарить Вас за неоценимую помощь? – улыбка на его лице стала шире и соблазнительней. Врач застыл на месте, он не ожидал подобной реакции от своего пациента.

– Быть может, Вам не достаточно того, что платит мой отец и Вам нужна более весомая плата? – с этими словами Шиндо поднялся с места и, сделав пару шагов, замер перед врачом в манящей позе. – Только скажите, и я с удовольствием внесу её, а Вы удостоверитесь в том, что Ваши сеансы не прошли даром. Благодаря Вам я полностью здоров. Что скажете, не желаете проверить это лично? – томно взирая на надоедливого мозгоправа, сладко проговорил Мика.

– Я понимаю, насколько тебе неприятно находиться здесь и слушать эти разговоры, но ведь это для твоего же блага, – спокойно проговорил психолог, с достоинством выдерживая провоцирующее его откровенное поведение трудного подростка. – Ты должен понимать, что тебе никто не желает зла.

– Разумеется, о каком же зле может идти речь. Отовсюду я получаю лишь добро и заботу, вижу, как люди вокруг ме-

ня пытаются облегчить мне жизнь, – касаясь тонкими пальцами пуговиц, юноша начинает медленно расстегивать их, при этом блеск в его глазах становится все более манящим и призывным.

– Мика, прекрати, – строго говорит психолог.

– А мой заботливый папочка, он и вовсе из кожи вон лезет, лишь бы только его сыночку было не скучно, – продолжает парень, проходясь рукой по вороту рубашки и плавно оттягивая ее в сторону, при этом делая еще один пленительный шаг навстречу врачу. – Я так обязан Вам за труды, сколько же Вы уже провозились со мной…

– Прекрати! Прекрати сейчас же, как тебе не стыдно! Как ты ведешь себя? – пугаясь, не зная как остановить это бесчинство, врач отвешивает Мике пощечину как раз в тот момент, когда рука парня ложится на его колено, а сам мальчик, кажущийся сущим Дьяволом, сокращается дистанцию между их лицами.

– О, Господи! – тут же спохватывается он, вскочив из кресла и приблизившись к отшатнувшемуся ребенку. «Какая невероятная притягательная сила у этого ребенка», – ужасается мужчина второй раз, ощущая страшную вину за свой поступок. Этот мальчик – его пациент, и, что бы он не вытворял, он не имел права поднимать на него руку. Но в тот момент он действительно был сражен. Словно попал под некий гипноз. И паника, что он находится во власти незримых чар, возобладала над здравым рассудком.

– Мика, прости, я погорячился. Я не должен был так поступать. Тебе больно? – взволнованно говорит он, беря юношу за плечи. При этом у врача пульсирует в мозгу только одна мысль. «Что же я теперь скажу его отцу? Это же не допустимый проступок. Я ударил своего пациента… Не просто пациента… Мальчика… Ужас, катастрофа!»

– Это значит «нет»? – густая челка скрывает глаза, но губы растянуты в усмешке. Мика прижимает ладонь к ушибленному месту. Его вопрос звучит так твердо, что мужчина, находящийся в панике от своего действа, даже не сразу понимает о чем идет речь.

– Что? Что «нет»? – недоуменно лепечет он.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

– Бог мой, – отшатывается изумленный психолог. «Может он и впрямь сумасшедший?.. Или это я обезумел?»

– Да что ты такое говоришь? Естественно, я отказываюсь. С твоей стороны было глупо рассчитывать на обратное, какие бы цели ты не преследовал.

– А Ваш поступок можно назвать умным?

Врач содрогнулся, когда в него вонзился, будто стрелой, насмешливый, горделивый взгляд ярко синих глаз. Этот пронизывающий взор не давал шанса на спасение, заставляя вспоминать сотворенные прегрешения, которые дважды за последние пять минут обуяли его сущность.

Мальчик с чарующим ликом ангела и душой демона, слетевший на Землю дабы вывернуть мир наизнанку, показать

всем и самому себе ту черную сторону его природы, которую каждый человек утаивает глубоко в себе. Вот каким этот юнец предстал на мгновенье человеку, получившему прагматичное, стандартное образование, исключающее какие-либо религиозные мотивы.

– Даже не представляю, что скажет папа, когда узнает, что Вы подняли руку на его сына, – пропел Мика, с сожалением взирая на несчастного врача, ощутившего себя в ловушке.

– Чего ты хочешь, маленький Дьявол? – процедил сквозь зубы мужчина.

Губы Микаэля расплылись в улыбке, а в глазах читалось неприятие и издевка.

– Быть может, Вы еще передумаете? – лукаво прищурился он, однако видя в глазах психолога непоколебимую твердость и желание сказать ему прямо «убирайся отсюда», юноша только пожал плечами.

– В таком случае, до свиданья, – сказал он и, взяв из соседнего кресла свой школьный рюкзак, направился к выходу. Когда он покинул кабинет своего психоаналитика, тот так и остался стоять, словно пораженный током.

Шиндо вышел на улицу. Дождь немного усилился, пока он спускался на первый этаж, но в это время года такая погода была ему только в радость. Оказавшись под открытым небом, Мика взглянул в бескрайнюю серую высь, и на его губах отразилась легкая улыбка. Он был убежден, что сегодня

был его последний сеанс у этого врача. Чтобы отец не говорил, сколько бы денег не предлагал, а эта канцелярская крыса более никогда не подпустит его даже к двери своего кабинета. Фактически, он избавил себя от этого унылого общества, навязанного ему отцом. Легко вздохнув, с наслаждением втянув носом сырой воздух, Мика направился по улице. Ощущение легкости преследовало его, пока он думал о своем избавлении и говорил себе, что если отец надумает повести его к другому специалисту, его постигнет та же участь. Отныне Мика больше не потерпит вмешательств в свои личные дела всяких выскочек.

Правда легкость через время сменилась грустью. Шиндо опустил взгляд себе под ноги. Он не хотел понимать, почему отец отправляет его к этим чужим людям вместо того, чтобы самому поговорить с ним. Зачем он сплавляет его другим? За ненадобностью? Нежеланием возиться с ним самому?

Осознание ненужности родителю, который делает все что угодно, лишь бы только отстранить его от себя, не важно под каким предлогом, временами разрывает душу, когда начинаешь задумываться об этом всерьез.

А ведь ему нужно не так много, всего лишь чуточку участия со стороны отца.

– Какой ужасный ливень, – отодвигая жалюзи, проговаривает мужчина, поднимая вверх очки и вглядываясь во тьму. – Ты только посмотри, Натан. Натан? – он оборачивается к

только что вошедшему в офисное помещение человеку.

Задумчивость и недоумение отражается во взгляде Шиндо, хотя внешне он по-прежнему остается спокоен. Дело в том, что ему поступил звонок от Микиного психоаналитика, который сказал, что больше не может продолжать работу с его сыном, так как у него появились срочные дела, он приносит свои извинения отцу, возвращает деньги за несколько оплаченных наперед сеансов и предлагает ему взамен обратиться к другим знакомым ему хорошим специалистам, если у отца возникнет желание.

«Почему же так внезапно?» – хмурится Натаниэль, присаживаясь за свой стол.

– Натан, ты меня слышал? – к нему приблизился сотрудник, заметивший его состояние.

– Да, и надеюсь, Мика, уже дома, – со вздохом говорит Шиндо, бросая взор на часы.

– Что случилось?

– Давай поскорее закончим, Адриан. Я не могу сидеть тут допоздна, – отвечает на это Натан и склоняется над работой. Адриан пожимает плечами и уже собирается отправится на свое рабочее место, когда голос друга вновь раздается в помещении. – Микин врач внезапно решил отказаться от его лечения.

– С чего бы это? – оборачивается к нему тот. – Он чем-то это мотивировал?

– Нёс какую-то околесицу, будто ему нужно срочно от-

правляться на какой-то симпозиум в соседнем городке, – проговорил Натан. «Еще одна проблема. Где теперь найти другого специалиста? Как нового человека воспримет Мика?»

– Ты знаешь, а может это не так уж и плохо.

– Что ты хочешь этим сказать? – воззрился на Адриана Шиндо.

– Ну, скажем так, работа с этим типом не принесла особых результатов. И задуматься над тем, чтобы сменить Мике врача нужно было уже давно, – проводя рукой по гриве каштановых волос, проговаривает Адриан.

– Хм, – Натаниэль потер подбородок. В словах друга была неоспоримая истина. Работа с этим врачом практически не принесла его сыну положительных сдвигов. Мика оставался нелюдимым и замкнутым в себе, только теперь в его обращении иногда прослеживалась напускная мягкость, заключенная в рамки злой иронии.

Ход его мыслей прервал телефонный звонок.

– Пожалуй, тут я должен буду с тобой согласиться. Попробую подыскать Мике другого врача, может от него толку станет больше, – беря трубку, ответил другу Шиндо. Отвечая на этот телефонный звонок, мужчина даже не догадывался, какого рода он будет и как он изменит их дальнейшую жизнь с сыном, вернув их обоих так сказать, на круги своя, откуда они в свое время самонадеянно попытались вырваться.

Еще один великолепный, солнечный день. Микаэль возвращается домой. Прошло несколько дней с момента, когда он так удачно избавился от своего врача. Отец ни словом не заикнулся ему о том, что его сеансы окончены, быть может, сам все понял, или этот пугливый психолог наплел ему с три короба, так что теперь Натану нет смысла расспрашивать Мику. Старший Шиндо также не упомянул о том, что хочет отправить его к новому врачу, что дает дополнительный стимул, дабы пребывать в приподнятом настроении.

– Эй, малыш, – окликает Шиндо парень, приостанавливая свою машину. – Подвезти тебя?

– Подвезти? – узнавая в этом человеке одного из учеников старших классов, переспрашивает Мика, одаривая ослепительной улыбкой проходящую мимо стайку девочек. Машина останавливается у бордюра, и старшеклассник приоткрывает дверцу. Полностью довольный реакцией восхищенных и смутившихся школьниц, юноша приблизился к автомобилю.

– Подвезти говоришь? – кокетливо осведомляется он, облокачивая рукой о дверцу, становясь в свою естественную позу, от которой невозможно отвести глаз. – У меня нет денег.

– Бесплатно, – усмехается уголком рта парень, любуясь изящностью и грацией присущей не каждой девчонке.

– О, как мило с твоей стороны, – наиграно восклицает Мика, томно прикрывая глаза. – И все же…

– Мика!

Шиндо вскидывает голову, когда звучит оклик.

– Бесплатно я не езжу, – смеется он и, захлопывая дверцу, бежит обратно, вдоль по улице, где его ожидает отец на своей машине. Досадливо глядя ему вслед, старшеклассник тихонько чертыхается, понимая, что попытка соблазнить этого сексапильного малолетнего красавчика с треском провалилась.

– Здравствуй, папа, – подбегая к машине, весело говорит Мика.

– Что ты там делал? – строго осведомляется отец.

– Ничего, просто говорил, – улыбаясь, отвечает мальчик.

– С кем?

– Да ни с кем, время спрашивали. Ты за мной?

– Да, за тобой. Садись, – кивает мужчина и садится в салон, предварительно бросая взгляд в сторону удаляющейся серой машины.

– Нужно серьезно поговорить.

– Слушаю, – безмятежно отозвался Микаэль.

– Приедем домой тогда, – ответил отец, глядя на дорогу. Внимательно поглядев на него, Мика вдруг ощутил беспокойство.

– Так о чем ты хотел поговорить? – тревожащийся все больше по пути домой, задал вопрос Мика, когда они вошли в гостиную и он присел на диван, в то время как отец,

опустился в кресло. Пришлось выждать недлинную паузу, прежде чем мужчина решился начать разговор.

– Я больше чем уверен, что тебе не понравится то, что я скажу, – убежденно сказал отец, зная, что жизнь в этом городе нравится сыну, здесь он чувствует себя свободно, быть может, даже намного свободней, чем полагается в его возрасте. – Я ждал, пока все окончательно подтвердится и теперь хочу сообщить тебе новость. Мы возвращаемся в Киото.

При этих словах Мика распахнул глаза. Они сразили точно ударом. «Как?» Мысленно выдохнул он.

– Мне предложили очень хорошую и перспективную должность на старом месте, с окладом втрое больше нынешнего. Я не могу пренебречь ею, поэтому мы вернемся обратно, – проговорил Натан, мягко взглянув на сына. – Я понимаю, как ты себя сейчас чувствуешь, но постарайся правильно понять и принять необходимость этого решения.

«Здесь слишком свободно, настолько, что я начинаю опасаться, как бы эта свобода не сгубила тебя»

– Мика, – позвал отец, потому как мальчик совершенно никак не реагировал на слова. Склонив голову, он словно погрузился в размышления. – Мика, ты слышишь меня? Пойми, я делаю это не ради собственного удовольствия, так складываются обстоятельства и заметь, складываются они очень удачно.

«Мне, равно как и тебе, тяжела эта мысль, но я не могу

поступить иначе. Ведь это в твоих интересах. Я не допущу ошибок прошлого и смогу оберегать тебя. Дома я найду тебе самую лучшую школу, которая только возможна, и окружу людьми, которые будут любить тебя. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы кошмар минувшего никогда не повторился…»

– Когда? – одними губами спрашивает младший Шиндо.

– На следующей неделе. Я уже взял нам билеты. Можешь начинать складывать вещи. Мика, – снова позвал сына отец. – Ты расстроился?

– Отчего же, – усмехнулся Микаэль, вскинув голову. – Ведь мы возвращаемся домой.

С этими словами он вскочил и ринулся к лестнице.

– Мика! – окликнул Натан, но мальчик его не слышал.

«Ты же обещал. Обещал мне, что мы больше никогда не вернемся назад. Лжец, ты самый настоящий лжец, папа», – захлопнув за собой дверь, Мика опустился на корточки и закрыл лицо руками. Зачем? Зачем ему понадобилось возвращаться, здесь так хорошо. Зачем нужно покидать место, где так прекрасно, и ехать в этот омерзительный Киото, с которым соединяют одни ужасные воспоминания. Зачем? Зачем? Это несправедливо. Дать обещание и так жестоко нарушить его. Неужели отец не понимает, что чувствует Мика, находясь в этом городе, как он нравится ему?

Внутренне Микаэль еще долго неистовствует в душе, однако осознание безысходности и непоколебимого решения

отца в конце концов одолевают его. Он смиренно исполняет волю родителя, однако сердце принца еще долгое время продолжает принадлежать Амстердаму, городу, в котором, казалось, сбываются мечты…

Но мечтам не суждено сбыться, и его снова без права голоса забрасывают в холодный и серый Киото, затем определяют в школу, где на первый взгляд царит строгая дисциплина и порядок, а на самом деле происходят непостижимые вещи, и вынуждают приспосабливаться к нелегкой жизни в мужском коллективе. А потом, когда Мика более-менее адаптируется к обстановке, новый удар застигает его врасплох. В школу приходит тот, чье присутствие заставляет весь уклад жизни Шиндо перевернуться с ног на голову, по новой затеять войну, тянущуюся с малых лет и почти забытую. Снова вспыхивают старые чувства к ненавистному врагу, и снова каждый день становится кровавой схваткой на пути к отстаиванию своего «Я». Сколько уже связано боли с этой новой враждой двух юных сердец и сколько еще предстоит впереди.

И теперь, интуитивно действуя по ситуации, обзаведясь нужными людьми в борьбе со своим давним врагом, Микаэль вынужден играть с этим человеком на одной сцене, в столь унизительной роли, в проклятом спектакле затеянном верхами, без какого-либо права на отказ. Так некогда было и с его сводным братом, не помышляющим дать мальчику право выбора, а делающим так, как было угодно ему.

Замкнутый круг, из которого ему так легко не сбежать…

Моё забвение и твоя печаль

– Отметить? – простодушно удивляется Юичиро, провожая взглядом двух крепких старшеклассников, ранее втолкнувших Шиндо в актовый зал, которые теперь, о чем-то переговорив между собой, покидают здание школы.

– Ага, тут недалеко, – кивает Шинья.

– Хм, не знаю, – задумчиво проговаривает Амане, опуская глаза. В общем-то, никакого торжественного события в окончании первой репетиции нет, все-таки дело постановки скорее принудительное, нежели добровольное, и портит множество планов, но, с другой стороны, раз уж так случилось, почему бы и впрямь не отметить грандиозное начало. К тому же, это недурной повод переключить мысли с одной раздражающей личности, из-за которой они просидели на репетиции на час дольше чем полагалось. – Пойдем, – пожимая плечами, говорит он и, цепляя улыбку, идет вместе с друзьями к выходу.

Шагая по широкой алее, расположенной перед центральным входом в здание, у ворот Юичиро обращает взгляд на одинокую фигурку девочки с пепельного оттенка волосами. Прислонившись спиной к забору, она, скучая, следит за покидающими территорию учениками, словно ожидая кого-то. Узнавая в ней сестру Хиираги, Юу обращает к нему взор, но Шинья уже сам глядит в сторону ворот и, прежде чем ему

успевают сказать о сестре, говорит сам:

– О, она уже здесь. Юу, – он перевел взгляд на друга, – ты не будешь возражать, если моя сестра проведет с нами какое-то время? В наши планы это несколько не вписывается, но все же…

– Да с чего мне возражать, – искренне усмехнулся Амане. – Буду только рад. С удовольствием познакомлюсь с твоей сестрой. Конечно, пускай идет с нами.

Юу на самом деле не прочь женской компании, хотя глубоко в душе его одолевает робость. Ведь раньше ему не доводилось тесно общаться с девушками.

– Да. Вот и отлично, – улыбается Шинья. «Я же тебе говорил, что он так скажет», – именно эта фраза прозвучала в его синих глазах, когда он смотрел на Глена. Тот только разводит руками, якобы говоря: "Что же, твоя правда, ты победил".

Приметив парней, Шиноа отошла от забора и с приветливой улыбкой стала смотреть на них, а когда ребята совсем приблизилась, произнесла без намёка на укор:

– Как же вы долго, я уж думала, совсем не выйдете.

– Извини за ожидание, произошла некоторая заминка на репетиции, – сказал Шинья. – К слову, хочу тебе представить нашего с Гленом друга, – он опустил руку на плечо Юу, тем самым словно выталкивая его вперед. – Познакомься, это Амане Юичиро. Юу, это моя младшая сестра – Шиноа.

– Рада нашему знакомству, Юичиро, – девушка протянула ему руку.

– Я тоже, и можешь звать меня Юу, – отвечая на улыбку девушки такой же улыбкой, Амане пожал ей руку. «Такая маленькая, хрупкая рука», – пронеслась мысль, когда он смотрел на девочку на голову ниже него самого.

– Ну что, поторопимся? – сказал Глен, когда со знакомством было окончено, но Юу продолжал разглядывать девочку, в свою очередь, также оценивающую своего нового знакомца, которого теперь могла рассмотреть поближе и укрепить суждения, сделанные некогда впопыхах.

Компания отправилась в располагающийся и впрямь неподалеку от школы кафетерий.

– Как прошла первая репетиция? – спросил Шинья, покосившись на сидящего рядом за столиком Юичиро.

– Лучше не спрашивай, – отмахнулся тот. – Нет, в общем, все бы ничего, если бы не кое-какие обстоятельства. А так просидели там черти сколько, и, если бы учитель Медина не решил прервать репетицию, а закончил ее как полагается, мы бы там до сих пор сидели.

– Эти обстоятельства не Микой часом зовут? – хмыкнул Хиираги.

– Шинья, зачем? – строго взглянул на него Ичиносе.

– Не хочу об этом даже вспоминать. Глен, лучше скажи, как прошла ваша тренировка, – попросил Юичиро, чувствуя, что это единственное, что поднимет ему настроение в такой момент. И капитан принялся рассказывать. Пускай Юу ничего нового не услышал, однако сами упоминания о любимом

занятии поселяли в душе покой. Вскоре тема вновь зашла о постановке. Иначе, видимо, было никак, ибо как ни крути, а ребята пришли сюда отметить исключительно завершение первой репетиции, так что упоминание о работе в драмкружке было неизбежным. Только теперь Юичиро благодушней воспринимал этот разговор.

– Слушал бы и слушал, – поглядев на Юу, усмехнулся Шинья, когда Глен окончил свое краткое повествование.

– Извини, тебя должно быть утомили наши разговоры, – с извиняющимся лицом Юу обратился к девушке, которая, помалкивая, пила коктейль.

– Ничуть, – отозвалась та. – Я с удовольствием слушала Глена. Он всегда рассказывает с таким энтузиазмом, что поневоле слушаешь о вещах, в которых мало что понимаешь, и становится интересно.

«Она права. Глен умеет увлечь. Он горит сам и может зажечь других», – подумал Юичиро, разглядывая девушку. Самое первое впечатление о сестре друга было приятным. Шиноа нельзя было назвать писаной красавицей, но она имела весьма располагающую, миловидную внешность, а большие карие глаза придавали ее образу детскую наивность и привлекательность. Да только речи этой девочки не были детскими, она высказывала свои мысли вполне разумно и без стеснения, что вызывало к ней уважение.

Юу не заметил, как у них с Шиноа завязался диалог, в котором он и девушка немного рассказали каждый о себе. Ро-

бость, присутствующая вначале поубавилась. За время разговора Амане даже как-то проникся к девчонке, лелеющей мечту однажды стать журналисткой и упрямо идущей к заветной цели.

Засмеявшись, Шиноа торжественно подняла свой бокал.

– Давайте тогда выпьем за будущего покорителя национального стадиона, который временно осваивает менее масштабные горизонты, завоевывая зрительские симпатии непревзойденным сценическим образом!

– И за будущую журналистку, которая в перспективе просто обречена на успех! – весело добавил Амане, чокаясь с ней бокалами. «Интересно, он когда-нибудь сидел вот так вот с друзьями, общался с девушками?»

– Юу, о чем задумался? – увидев, что друг немного погрустнел, подтолкнул его Шинья.

– Да так просто, – слабо усмехнулся ему Амане, отметая внезапно охватившие его мысли о враге.

– Если станешь грустить в присутствии дамы, она может посчитать, что это из-за нее, – произнес Глен.

– Да нет, нет, ничего такого, – замахал руками Юичиро и обернулся к Шиноа. – Не подумай ничего дурного. Ты здесь не причем. То есть… – Юу осекся. Конечно, в его мыслях присутствовала Шиноа, но он вовсе не это имел в виду. Черт.

– Не стоит, я и не успела ничего такого подумать, – отозвалась та, с какой-то загадочной улыбкой. Ее позабавил вид внезапно смутившегося парня. Она расценила это поведение

по-своему и поспешила успокоить.

– Тогда я рад. Очень не хотел бы, чтобы ты приняла мое поведение на свой счет, – мягко сказал ей Юичиро. От чего Шиноа вздрогнула и потупила взгляд.

– Я ведь уже сказала, – негромко произнесла она.

– Знаешь, мне уже пора, но я хочу спросить, не будешь ли ты возражать, если я проведу тебя до дома? – поглядывая то на Шинью, то на Шиноа, спросил Юичиро. Нечто странное творилось с ним. Не находя объяснения своим желаниям, он все же испытывал стремление побыть с ней еще некоторое время. В чувствах была полная неразбериха и сумятоха, но, глядя на нее, ему казалось, что его сердце начинает биться чаще и, чтобы проверить что с ним происходит, он хотел остаться с ней еще хоть на сколько-то.

Едва заметно покраснев, Шиноа дала согласие.

– Хотя, – опомнился Юу. – У тебя уже есть провожатый. – Он воззрился на брата девушки.

– Эм, не сказал бы, – деловито заметил Шинья. – Мы с Гленом собирались к его тетке, она просила зайти, помочь с одной ерундой. Так что Шиноа должна была бы возвращаться домой одна. А если ты сам вызвался проводить ее, я буду спокоен за свою младшую сестренку.

– Значит, ты не имеешь ничего против? – уточнил на всякий случай Юичиро.

– Отнюдь, – покачал головой Шинья. – Совет да любовь, – хмыкнул он.

– Не смешно, – вспыхнула Шиноа. – Это еще ничего не значит. Он только проводит меня до дома.

– Вот именно, – хмуро покосился на друга уязвленный Амане.

– Юу, Шиноа, не кипятитесь, вы же знаете Шинью, – Глен укоризненно взглянул на товарища, который мог загубить свой же план, когда он только-только начал действовать. – Язык без костей.

– Я же шучу. Только не говорите, что восприняли мои слова всерьез?

– Нет, не восприняли, – смягчился Юичиро и поднялся из-за стола. – Идем? – взглянул он на девушку.

– Идем, – кивнула та и тоже встала из-за стола. Попрощавшись, они ушли из кафетерия.

– Ну как? По-моему, прошло отлично, – заложив руки за голову, Шинья откинулся на спинку стула.

– Еще рано делать выводы. Они только познакомились, – неуверенно ответил Ичиносе.

– Зато они ушли вместе, и лица у них обоих были такие, что… Ох, нечего тут и сомневаться. План гениален, и ты должен признать это, – взирая на друга из-под полуприкрытых век, довольно проговорил Шинья.

– Ну, – Глен мешкался, не желая заранее праздновать победу, посему Шинья решил закрепить эффект следующей фразой.

– Общение с противоположным полом ему только на

пользу. У него же никогда девушек не было. Не попрет он против зова природы, каким бы там ни был распрекрасным его злой гений-вдохновитель.

Ичиносе мог бы поспорить с ним на этот счет, причем успешно, но не стал, решив отдаться воле провидения.

– А это правда? – вместо этого спросил он.

– Что «правда»? – не понял Шинья.

– Что нас Мэгуми позвала.

– А, это! Да нет, – махнул рукой Хииараги. – Это я так выдумал, чтобы повод был.

– Тогда понятно, – вздохнул Глен и поглядел в витрину кафе на улицу, по которой некоторое время назад прошли Юичиро и Шиноа.

Когда Амане возвратился домой, то прямиком направился к себе. Пускай с девушкой он расстался еще возле ее дома, но до сих пор ощущал трепетное беспокойство в груди.

Неужели это она, мысли о ней вызвали в нем эти необъяснимые чувства?

Настолько заполонила его голову сестра друга, что позабыл даже о своем враге и том, как злился на него еще несколько часов назад.

«Удивительный день», – мысленно произнес Юичиро, взирая на черный потолок своей комнаты, лежа на постели. За окнами уже было темно, а на его губах все еще играла легкая улыбка, а на душе было легко и спокойно. Пожалуй,

такое внутреннее равновесие, если не считать вызывающих непонятные приятные эмоции воспоминания о девушке, он испытывал только до момента, когда узнал, что Шиндо учится в этой школе. Потому что потом его жизнь превратилась в повторяющийся беспокойный кошмар. И как же было приятно вновь погрузиться в волнующее блаженство.

За окнами стеной льется серый дождь, с силой барабаня о стекла. Касаясь лбом холодного стекла, Микаэль с тоской глядит в сторону сливающегося с верхушками деревьев унылого горизонта. Немыслимо до какой степени может гнетить безысходность чужого непоколебимого решения. Не избежать, не отказаться. Мысль о том, что ему доведется играть в школьной постановке с людьми, которые ненавидят и призирают его и к которым он питает аналогичные чувства, без права выбора действует отравляюще на душу, уже привыкшую к вольности и забывшей, что значит истинное принуждение. Каждая частичка его естества противится моральному насилию и питает ожесточенные чувства к тому, кто принудил его к этому. Сейчас злость на Батори как никогда ранее охватывает Микаэля.

Когда до слуха доносится возмущенный голос Нагашимы и досадливые вздохи дружков Томоказу Наира, продувших в покер наравне со спортсменом своему лидеру, Мика лишь слегка переводит зрачки в их сторону. Сидя чуть поодаль от компании, забавляющейся игрой в карты, Леонард на мгно-

венье отрывает взгляд от книги и глядит на шумных товарищей, после чего снова возвращается к чтению.

Некоторое время назад школьное помещение, оставшееся пустовать после того, как членам литературного клуба выделили помещение в новом корпусе, обрело новых хозяев. Здесь все осталось нетронутым: столы, стулья, стеллажи с книгами, которые были практически неприкосновенными и в те светлые дни, когда жизнь клуба кипела и бурлила. Даже новые портьеры на окнах никто не потрудился снять. Что уж говорить, оставленное в своем первозданном виде помещение со всеми удобствами, это заброшенное место оказалось идеальным убежищем, куда можно было сбегать и уединяться во время перемен и укрываться от тех, кто ведет на тебя охоту, или же просто отдыхать от назойливого внимания учителей. Его обнаружил Леонард. Оно было закрыто и когда зашел вопрос о том, как пробираться в запертое помещение, он каким-то непостижимым образом достал ключи, после чего парни стали частенько наведываться сюда (особенно в те дни, когда на улице стояла непогода, к примеру, как сегодня) на «собрания» (так Кота и Наир стали величать свои развлечения). Если бы сюда можно было беспрепятственно доставлять спиртное, парни и вовсе ощущали бы себя в раю.

Самого Микаэля этот маскарад никоим образом не трогал, он даже не знал зачем приходит сюда со всеми, но делал это, быть может, ощущая в этой комнате небольшое укрытие от внешнего мира, где его не достанут назойливые поклон-

ники. А может, вселяло уверенность пребывание в компании людей, которых едва ли можно назвать друзьями, ибо только покажи им свою слабину и молить о пощаде будет бесполезно. Шиндо так и не мог определиться до конца, что заставляет его посещать эту комнату, слушать одни и те же возгласы проигравших, сетующих на неудобства из-за слишком строгой дисциплины, пошлые рассказы и скабрезные шутки, от которых выворачивает наизнанку. Он просто приходил сюда и погружался в размышления, а потом уходил вместе с остальными, не испытывая ни радости, ни удовлетворения, ни грусти.

– Мика, что ты там забился в угол, как мышь. Лучше иди сюда, послужишь мне талисманом. Обыграем вместе этих сопляков, выигрыш пополам поделим, – с кривой усмешкой, окликнул Микаэля Наир, легко бросая карты на стол, тем самым вызывая у своих товарищей по игре скрежет зубов. – Хах, правда удача и без того глаголет мне. Иди, у меня тут как раз место для тебя свободное.

– Хватит языком чесать и сосредоточься на игре. Это еще не конец, поглядим, кто в завершении сопляком останется, – забирая колоду себе, рычит Кота, более не доверяя раздачу удачливому противнику, который еще смеет внаглую подзывать к себе Шиндо в его присутствии. Наир только усмехается, пожимая плечами. Игра возобновляется, снова слышатся чертыханья, недовольства, тихая брань.

Мика не придает их словам никакого значения, продол-

жая глядеть в окно. В который раз помешавшие ему читать парни заставляют Коэна бросить на них неодобрительный взгляд. Затем он переводит его на настенные часы, а потом на уединившегося на подоконнике блондина. Закрыв книгу, он кладет ее на колени.

– Мика, ты часом не опаздываешь? – осведомляется он. – У вас же назначена репетиция.

Напоминание о том, что ему еще предстоит сегодня кривляние на сцене и время начала репетиции неумолимо приближается, заставляет все внутри сжаться. Непринятие этого всего давит, но избежать участия невозможно, иначе тогда его жизнь действительно станет сплошным Адом. Уж Батори об этом позаботится на славу, Мика в этом даже не смеет сомневаться.

– Или ты решил не идти? – снова звучит мягкая, вкрадчивая интонация Леонарда.

– Правильно, оставь эту хрень. Что тебе там делать с этими выскочками? Забей и всё, – исполненный азарта вмешивается Кота, которому после раздачи своими руками стало заметно везти в игре. – Ну поворчит на тебя Батори и дело с концом. Не впервой тебе игнорировать его нравоучения. А насильно он тебя на сцену не затащит. Правда, хех, некоторые полномочия имеются. Шутки с нашим аристократом плохи.

– Ты, когда сосредотачиваешься на игре, даже не замечаешь, какую противоречащую чушь городишь, да? – усмеха-

ется Томоказу.

– Тебя забыл спросить, Наир, – с угрозой в интонации холодно проговаривает Нагашима, щурясь. – Хочешь из этой комнаты целым уйти, лучше помалкивай. У меня и так терпение на пределе из-за твоих грязных шулерских выходок.

– Мика, – пытается обратить на себя внимание Леонард, но Шиндо погружен в думы так глубоко, что почти ничего не хочет замечать вокруг себя.

Дождь неумолимо стучит по окнам целый день и кажется, что стихия не успокоится до следующего утра. Микаэль касается кончиками пальцев гладкой поверхности, по которой снаружи стекает ручьями вода.

Через некоторое время в его личное пространство снова вторгаются и в этот раз более настойчиво и бесцеремонно.

– Мика, – рядом с ним оказывается Нагашима, довольный и сияющий, как начищенный пятак. Он кладет свою тяжелую руку на плечо златовласого парня, грубо приобнимая. – Давай, вставай, мы уходим.

От этого неуклюжего действия спортсмена, Микаэль содрогается, ибо побои, нанесенные ему старшеклассниками, подкараулившими возле школы, еще не успели зажить и напоминают ему о недавней разборке, отзываясь в теле тупой болью.

– Что? – разворачивает к нему лицо Мика, возмущенный не только причиняемой ему болью, но и наглостью спортсмена, говорящеим с ним в такой властной и повелительной

манере.

– Я закончил, – усмехнулся он, бросив взгляд за спину на сидящего и задумчиво поигрывающего монеткой Наира. – И теперь мы с тобой уходим.

– Никуда я не пойду, оставь меня в покое, – дернул плечами Микаэль, возмущенный этим наглым поведением, но рука не убралась, хоть он и попытался ее стряхнуть, наоборот, Кота плотнее обнял его.

– И рад бы да не могу, – он искривил губы в мерзкой улыбочке. – Если ты не идешь на репетицию, то идешь вместе со мной. Без разговоров.

– Я не пойму, ты головой там повредился или как? – из-под лба взирая на осмелевшего игрока, спрашивает Мика, ощущая опасность. Уж слишком весел этот озабоченный болван. Что у них там произошло, что внушило ему такую веру в победу и напористость в своих действиях.

– Лучше не зли меня, я тебя предупреждал и даже доказывал, что со мной лучше не играть. Сегодня пойдешь со мной, – он склонился к самому уху Микаэля и прошептал. – И будь полюбезнее с тем, кто честно одержал победу. Сегодня, – сказал он уже более громко, чтобы его слова могли подтвердить упрямцу все, кто принимал участие, – будешь делать то, что захочу я. Я честно выиграл это право.

– Как ты сказал? – распахнул глаза Мика, чуть не задохнувшись от возмущения.

– Я выиграл право делать с тобой всё, что мне захочется,

так что не сопротивляйся и молча иди за мной, – эта мысль придавала Коте особой веселости. – Так что давай, шевелись, – он стащил Мику с подоконника, схватив за запястье.

– Кретин, да как ты посмел играть на меня?! – выдернул руку из его хватки, вспыхнул Шиндо, дрожа от негодования и презрения ко всей этой скверной компании. – Вы все! – он прошелся взбешенным взглядом по улыбающейся троице парней, которые только доказывали своим видом правдивость слов Коты, честно выигравшего право забрать его сегодня себе.

– Чего злишься. Мы выставили на кон самое ценное, что у нас было. Гордись, – усмехнулся Нагашима.

– Ненавижу вас! Видеть ваши мерзкие лица больше не могу, грязный мусор! – выдохнул Шиндо. – Да уж лучше я на репетиции загнусь от тоски и позора, чем тут с вами находиться и дышать одним воздухом! Жалкий сброд!

– Что ты сказал?! – зарычал Кота.

– Ты поосторожней со словами-то, – без улыбки заметил Наир. – Это всего лишь шутка.

– Ваши шутки такие же омерзительные и низкие, как и все вы. Мне противно находиться здесь, где все пропахло гнилью, – сказав это, он быстро устремился к двери.

– Стой, мелкий паршивец, ты кем себя тут возомнил?! – ринулся за ним вдогонку Нагашима, более всех оскорбленный подобным заявлением. Но Мика уже выбежал из комнаты и стремглав побежал вниз по лестнице к актовому залу,

где как раз начиналась репетиция.

– Безумец. Если Кота в этот раз его догонит… – хмуро глядя на дверь, за которой скрылась эта парочка, проговорил Коэн.

– То он получит по заслугам, – Наир поднялся со стула и сунул руки в карманы. – Его давно пора научить определенной вежливости. Только и делает что напрашивается.

Вместе с Томоказу из-за стола встали и его друзья, направляясь к выходу.

– Ты идешь? – обернувшись к Леонарду, спросил Наир.

– Такие зрелища не по мне, – сухо отозвался тот.

– Как знаешь, – пожал плечами парень и все вместе они покинули комнату.

– Вот ты и добегался. Теперь не уйдешь! – ловя и сжимая в кулак золотистые пряди, Нагашима делает рывок на себя. Вскрикивая, Мика падает прямо в объятия запыхавшегося и обозленного спортсмена, но и тут, даже когда его настигли и поймали, он не намерен так просто сдаваться, изворачиваясь, он бросается бежать снова, но его хватают за руку и сдавливают чуть ли не ломая кости.

– Нет, нет, отпусти меня. Ненавижу тебя! Отпусти! – взвизгивает от боли Шиндо, пытаясь выдернуть руку. – Не трогай меня! – задыхаясь от злости, шипит он, когда его припирают к стенке и грубо целуют, при этом Кота срывает с его плеч рубашку, оставляя ее на уровне локтей, тем самым

сковывая дальнейшие движения Микаэля.

– Сегодня ты у меня за все ответишь. За все мои унижения получишь сполна, – разгоряченный от бега и возбуждения Нагашима, не может удержаться от грубых ласк. – И только попробуй заори. Хуже будет.

– Какая же ты все-таки сволочь, не думал я, – поднимая плечи и содрогаясь от омерзения, подавлено стонет Микаэль.

– Сам виноват, не ценил доброго отношения, теперь получай, – приникает к манящим его губам Нагашима, сжимая Шиндо за плечи.

– Нагашима Кота!

– Председатель, – мгновенно вздрагивает спортсмен и оборачивается со страхом на выпускника, который холодно глядит на них.

– Шиндо, – колючий взгляд впился в раскрасневшегося, полуобнаженного парня. – Вы где сейчас должны находиться?

– А я туда и шел, – огрызнулся Мика, в то время как Кота молчал, опасаясь слово вставить и навлечь на себя еще больший гнев школьного идола.

– Немедленно приведите себя в должный вид и отправляйтесь на репетицию, – скомандовал Ферид и поглядел на застывшего Нагашиму. – А с Вами нам предстоит разговор.

– Господин президент, – бросился оправдываться Кота, но вдруг ощутил чужую ладонь, накрывшую его руку.

Набросив на плечи рубашку, Микаэль с соблазнительной улыбкой воззрился на Нагашиму.

– Только не уходи потом, а дождись меня с репетиции, – промурлыкал Микаэль, бросив вызывающий взгляд на Батори.

– Мика, – опешив от такого заявления, поглядел на него Нагашима. – Х-хорошо.

– Только не обмани, я буду ждать, – игриво подмигнув спортсмену, Шиндо со смехом побежал к актовому залу, игнорируя присутствие элиты школы.

Когда Шиндо скрылся за углом, растерянный Кота снова вспомнил, что он попал в крайне неприятную ситуацию и сейчас последует суровое наказание, но когда он поднял глаза на президента, то увидел холодный взгляд направленный в сторону сбежавшего.

– Конфликт, судя по всему, исчерпан.

Эта фраза, слетевшая из уст председателя, заставила Коту вздрогнуть и поежиться, хотя та и прозвучала без угрозы.

– Господин президент, я…

– В этот раз я обойдусь предупреждением, но если еще хоть раз я увижу подобное с Вашим участием, Вы навсегда покинете эту школу с соответствующей характеристикой, – со сталью в голосе и расстановкой изрек Батори. – А до завтрашнего дня, когда Вы зайдете ко мне после занятий на краткую лекцию о дисциплине, я надеюсь, более не увидеть Вас на территории школы. Вам все понятно?

– Да, – выдохнул Нагашима, чувствуя, что благодаря выходке Шиндо избежал суровых мер наказания, хотя и не был уверен, что Мика пошел на это ради него лично. Скорее всего, преследовал какие-то свои цели. – Благодарю. Всего доброго.

– Всего доброго, – учтиво отозвался Ферид и направился прочь от этого места. Наблюдавшие за развернувшейся сценой Леонард, Наир и его компания, только и увидели, как Кота, проведя рукой по лбу, словно стирая дурные мысли, поторопился как можно скорее уйти домой.

– Эй, нам тут долго еще торчать, или ты дожидаешься, пока мы тут состаримся? – колко бросил Микаэль своему чернокожему «избраннику», который, устремив взгляд куда-то, не произносил ни слова, хотя все вокруг ждали его реплики. Вообще Юу был сегодня немного необычным. Задумчивый, молчаливый. Совершенно непривычное поведение для его эксцентричного, вспыльчивого врага.

– Ах да, извини, – опомнившись пробормотал Юичиро, оглядевшись на участвующих в спектакле ребят и на учителя Медину.

– Извини? – поразился Микаэль, не меньше Коты, которого он попросил подождать его после репетиции.

– Да, извини, я заставляю вас ждать меня, – спокойно отозвался Амане, с улыбкой глядя на недруга.

– Не умничай, Шиндо, сам вечно резину тянешь. Дай ему подумать, в отличие от тебя, он хочет сыграть свою роль до-

стойно, а не бросать реплики невпопад и когда самому захочется, – произнес Синго.

– В отличие от меня, он хочет сыграть в этом цирке достойно только потому, что иначе его из команды выпрут, а без этого его никчемная жизнь станет абсолютно пустой. Ведь будь у него в жизни что-то помимо этого, он бы так не распинался тут перед всеми. Мне только смешно становится при виде этих жалких попыток, – самодовольно фыркнул Мика.

– Не стоит кичиться тем, что приличные люди скрыть пытаются, – хмыкнул Акутазава.

– Не нужно, Синго, – остановил его Юичиро и спокойно поглядел на Микаэля. – Мне жаль, если ты на самом деле так думаешь. Да, я играю здесь и стараюсь прилагать усилия, потому что не хочу навлечь на себя лишние проблемы, в том числе и исключение из команды, ну, а то, что я не пользуюсь таким успехом в определенных кругах как ты, так мне этого и не нужно. Более того, не имей я совершенно никого близкого около себя, я бы даже под страхом смерти не согласился на это.

– Вот значит, как ты запел? – искривил губы в ехидной улыбке Мика, правда и она не оказала должного эффекта на Юичиро. «Теперь ты так выказываешь пренебрежение ко мне и тому, чем я по-твоему мнению занимаюсь, что же, ладно, мерзавец, ты и за это оскорбление ответишь»

– Говори свою реплику, Юу, – елейно проговорил Мика. –

Некогда мне тут засиживаться. Дела, знаешь ли, есть неотложные.

Юичиро, как ни в чем не бывало, принялся говорить зазубренные реплики, словно никакой стычки не было. Зато Микаэлю казалось, что сегодняшний день сплошное издевательство. Мало того, что его собственная компания умом тронулась, раз решила сыграть на него, этот Кота, обезумевший олух, Батори, явившийся как чертов спаситель, так теперь еще Мика никак не мог понять смену поведения врага, который практически игнорировал его замечания, хотя раньше они приносили ему острую боль, стоило Мике только намекнуть на своё якобы занятие и встречи с другими. Юу витал в облаках, иными словами был совсем невменяем. Что же могло такого случиться, что так сказалось на поведении Юичиро?

Сумасшедший день. Кое-как дотерпев до конца репетиции, Микаэль покинул школу, не удосужив себя и мыслью о проверке, исполнил ли Нагашима его просьбу подождать его, или нет.

Демонический шепот Предательства

– Ты уходишь? – удивляется Эрика, когда сын вдруг сообщает, что его ждут и он должен торопиться. Он уже полностью готов к выходу и то и дело поглядывает на часы. Он взволнован, может даже встревожен, однако это не омрачающие чувства. Он буквально светится изнутри и будто бы с трепетом ожидает чего-то.

– Мы договорились с друзьями встретиться в торговом центре, – оживленно говорит Юичиро, выходя из кухни, заодно проверяя карман, убеждаясь, не забыл ли он деньги. – Я буду вечером. Пока.

– А, хорошо, – с легким недоумением кивает мать. – Будь осторожен.

– Ага, – слышит она голос Юичиро из прихожей, а после до слуха доносится приглушенный стук двери, свидетельствующий, что она осталась в доме одна.

– Друзья ждут, говоришь? – легкая улыбка появляется на губах женщины, когда она сквозь окно глядит, как покидает дом ее увлеченный сын. Немного грустно от того, что он ушел в выходной день, но, тем не менее, она рада этому, ибо отныне у нее нет сомнений, что у её сына появилась подружка, на свидание к которой он так торопится и так старатель-

но собирается с самого утра. Теперь становится понятно из-за чего он так рассеян, из-за чего забыл предупредить ее о том, что уйдет. Приятно осознавать, что проблема, терзающая сына ранее, наконец-таки решилась и теперь он наслаждается своей первой в жизни любовью. Мать может только надеяться, что это чувство будет ответным и не принесет ее ребенку боли разочарования, что так часто случается в таком юном возрасте, полном тревог, огорчений и неопределенностей.

В самом деле, Юу стоило только открыть глаза и встать с постели, как начались сборы. Он был так взволнован, собираясь на первое в своей жизни свидание, что все время боялся что-нибудь забыть сделать, и так обрадован, что ни одна другая мысль не появлялась в голове, кроме воспоминания о том, что предложил Шиноа погулять вдвоем, а она, к его удивлению, со сдержанной радостью приняла его приглашение. С момента знакомства в кафе и последующего похода вдвоем к дому девушки, они практически не виделись, и, когда удалось все же ненадолго встретиться после занятий, Юу предложил ей в выходные сходить куда-нибудь вместе.

Он был полностью во власти чарующего светлого чувства, которым хотелось жить, которым хотелось наслаждаться вновь и вновь. И кажется только пребывание рядом с ней приносило в его душу то незабываемое ощущение, когда все тревоги и хлопоты забываются, превращаясь в ничто и даже

нападки злейшего врага становятся не такими болезненными как некогда. То время пока он не с ней, он все равно продолжает думать о маленькой, хрупкой девушке. Ее образ словно преследует его повсюду, заслоняя от ежедневных неурядиц и провокаций со стороны.

– Почему ты так смотришь? – Шиноа чуть склоняет голову набок, с улыбкой глядя на парня, в чьем взгляде сквозят мечтательные нотки.

– Ничего, – качает головой Юичиро. – Пойдем? – растягивая губы в полуулыбке и, беря ее за руку, говорит он, увлекая за собой.

Шиндо останавливается на лестнице и оттуда наблюдает за отцом, который, прохаживаясь взад вперед по комнате, говорит с кем-то по телефону.

– Да, непременно буду.

«Ну вот опять», – закатывает глаза к потолку Мика, понимая, что даже в субботний день отец намерен оставить его одного.

Сбрасывая вызов, мужчина некоторое время глядит на дисплей, размышляя, а после, бросая взор на лестницу, замечает не спускающего с него напряженного взгляда сына.

– Мика, не заметил, когда ты вышел, – усмехается Натан.

– Еще бы, – негромко фыркает юноша.

– Мне придется на несколько часов отлучиться.

– Я уже понял, – хмуро отвечает мальчик, спускаясь на

первый этаж.

– Не нужно делать такое лицо. Это важно, – строго говорит отец, видя, что его слова сказались негативно на сыне.

– Да кто же спорит, – пожимает плечами Мика, отводя обиженный взгляд от родителя.

– Чем дуться, лучше скажи, ты подумал по поводу спектакля? – вспоминая о былой теме выступления, осведомляется старший Шиндо. – Все еще не хочешь видеть меня там?

Микаэль опускает глаза и напряженно молчит.

– Полагаю, это ответ «нет». Что же, мне искренне жаль, – со вздохом произносит Натан. – Не скучай, – взлохматив волосы Мики, он покидает дом.

Касаясь рукой взъерошенных волос, Микаэль с грустью смотрит на закрывшуюся дверь.

Не столько уход отца причиняет ему неудобство, ведь к этому он привык, сколько изменившееся в последнее время поведение Юичиро. Он совершенно запутался и не может найти ни одного довода, объясняющего, почему Юу перестал обращать на него внимание. Впрочем, так Мике стало спокойней; если его главный враг оставил его и не думает о мести, можно вернуться к прежней, относительно уравновешенной жизни, которая была до его появления, и не ломать себе голову, что за пакость замыслил этот тип. Хотя, если он избрал тактику игнорирования и как раз она является его ответным ходом, то похоже ему удалось выбить Шиндо из привычного состояния. Ибо он уже который день терзается в

догадках, почему вдруг Юу потерял к нему враждебный интерес без какого-либо на то повода. Неужели в его жизни появилось то, что заставило его забыть об их вражде? Но ведь он сам так страстно ее желал, сам дал Мике понять, что намерен продолжать даже спустя годы, а теперь вот так просто забросил всё? Нет. Такого не может быть. Если бы он мог так просто забыть о вражде, это случилось бы много раньше и, когда они встретились здесь в школе, он бы проигнорировал его с самого начала. Не было бы всего того, что было, если бы сам Юу остыл.

«Какая же ты сволочь, Юу, смеешь игнорировать меня, делать вид, что тебе нет ни до чего дела. Я ненавижу тебя за твое пренебрежение ко мне», – шагая по улице и рассеянно глядя себе под ноги, думает Микаэль. Позади него идет привычная компания друзей, которая, несмотря на свою наглую выходку с игрой, где Мика был призом победителю, все же не была отвергнута.

– Мы уже битый час слоняемся по улице, давайте зайдем куда-нибудь? – говорит Нагашима, присматривая подходящее местечко на шумной улице центра. – Мика? – поравнявшись с парнем, позвал Кота. Однако погруженный в собственные мысли Микаэль продолжается хмурить брови и не отвечать на вопросы.

– Ты чего, до сих пор не отошел? Мы ж вроде пришли к соглашению, я принес тебе извинения, что еще нужно? – усмехнулся Нагашима, опустив на плечо парня руку, кото-

рую тот немедленно сбросил с себя.

– Не трогай меня!

– Да хватит тебе уже, – хмыкнул спортсмен, снова властно приворачивая Мику к себе. – О, глядите-ка! – прежде чем Шиндо успевает оттолкнуть от себя наглеца и громко возмутиться, восклицает Кота, обращая внимание своей жертвы в сторону магазинов.

Сердце Мики замирает, а дыхание на секунду обрывается, когда он видит, как Юичиро заходит в развлекательный центр вместе с какой-то девчонкой.

– Ого, а Юу не промах. Не знал, что у него девушка есть, – присвистывает Наир. – И давно это?

– Да отпусти ты, чтоб тебя, – отталкивая от себя Коту, Мика делает несколько шагов вперед, изумленно глядя на улыбающегося Амане, пропускающего перед собой девушку. «Не может быть. Он с ней? Это всё из-за нее?», – он не верит своим глазам. Увиденная картина жжет, лижет раскаленным языком нутро. Настолько ошеломляющее открытие, что крупная дрожь охватывает тело. Теперь он понимает, кто стал на пути их вражды и кто именно виновник того, что Юу превратился в откровенно блаженного болвана, витающего в облаках.

– Давно, – уверенно отвечает на вопрос Томоказу Леонард, в то время как его ответ проходит мощным разрядом электричества в теле одного из друзей, который только подтверждает свою теорию давней заинтересованности Юичиро

в ком-то постороннем. – Я пару раз видел, как они встречались после школы и вместе шли домой.

– Ты видел? – обернулся к нему Нагашима. – А чего же не сказал?

– А вы меня не спрашивали, – усмехнулся Коэн.

– Эй, Мика, ты чего? – Нагашима воззрился на блондина, вид которого говорил о его внутреннем потрясении. – Неужто завидуешь?

– Чему? – презрительно фыркнул Микаэль, мгновенно взяв себя в руки, и поглядел на Коту так, что тот понял, что сморозил чушь, после чего, засмеявшись, направился по улице как ни в чем не бывало. – Зайдем вон туда, – указал он на ближайший кафетерий, куда и направилась группа школьников.

Однако, как бы Микаэль не изображал непредвзятое безразличное отношение, даже невпопад смеялся, казалось бы над нелепицей, да только душевная боль своеобразного предательства со стороны Юу жгла его всего изнутри. И сидя на бетонном ограждении берега, неподалеку от старого моста, он мрачно глядел на плещущиеся внизу волны пролива.

– Мика, – Леонард становится позади и кладет руку ему на плечо, но Мика не реагирует. Он все еще видит Юу и его подружку, входящих в здание. Так и не добиваясь реакции, Коэн тоже начинает следить за бьющимися о стены волнами.

Через некоторое время до слуха Шиндо ветер доносит девичий смех и, оборачиваясь, он с ужасом для самого себя

видит, как Юу и его подружка также останавливаются у берега и смотрят вдаль. Они довольно далеко от них и похоже не замечают компанию из своей же школы.

– Хах, они будто нас преследуют, – усмехается Нагашима, тоже обращая внимание на влюбленную парочку, решившую погулять по набережной.

– Мика, ты куда? – вздрагивает Леонард, когда внезапно Микаэль вскакивает и, разъяренный, несется в сторону домов.

– Походу, на сегодня прогулка окончена, – иронично заметил Нагашима и недоуменно поглядел вслед Микаэлю. – У него совсем уже крыша едет. Сейчас-то чего было срываться и убегать?

– Бесится, что теперь у Юу появился новый интерес, – глядя вслед удаляющемуся блондину, кривит губы в ухмылке Наир. – Раньше он с ним враждовал, а теперь Юу на него откровенно забил. Результат налицо.

– Если так… Тогда это забавней вдвойне, – растягивает губы в такой же улыбке Нагашима.

И вот он снова остается наедине со своими мыслями. Холодный мир вокруг давит своим безразличием и пустотой. Некуда идти, некуда и не к кому возвращаться.

Сумерки сгущаются, а юноша продолжает бродить по улицам города, окутанный мрачной пеленой вспыхнувших болезненных чувств. Почему они доставляют такое мучение?

Почему так претит увиденное и так терзает неопределенность, вызывая желание убедиться окончательно, что случившееся – правда? Но узнать все подробности одновременно и страшно. Хотя, что тут узнавать?

Болезненный смешок слетает с губ, растянутых в горькой улыбке.

Он все видел своими собственными глазами. Его враг нашел себе новый источник вдохновения, и то, к чему они оба привыкли и невольно стремятся, потеряло для него смысл. И отныне это важно только для него одного. Как бы ни трудно было себе в этом признаваться, но эта вражда была неотъемлемой частью его жизни и в некотором роде нравилась ему. Она разбавляла унылые будни однообразных действий. Во всяком случае, здесь, в Японии, это было самое яркое пятно его жизненного пути. Теперь нет и его. Юичиро лишил его и этой маленькой радости.

Не зная куда податься, он неосознанно идет туда, где возможно сможет залечить свою душевную боль. К тому, кто остается у него. Единственный, кто пусть даже подолгу оставляет его одного.

Впереди уже виднеется верхушка небоскрёба, в котором располагается отцовский офис и, точно во сне, Мика движется к этим ярким огням. Улицы в такой час становятся неспокойными, возобновляется их жизнь, мирно спящая в дневное время, но раскрывающая свои пестрые яркие крылья бабочки, пробудившееся из невзрачного кокона, пред-

ставая перед любителями ночных развлечений в своем чарующем облике искусной соблазнительницы.

– Эй, малыш, почему ты совсем один?

– Тебе не страшно? Иди ко мне, я тебя защищу.

– Приласкать тебя, а?

– Хочешь, побуду твоей нежной мамочкой, спою тебе песенку на ночь?

Вульгарный смех вырывается из грязных ртов низкосортных девиц, ожидающих на бульваре своего звездного часа, вызывая только омерзение и неприязнь к себе. Микаэль идет сквозь всю эту красочную стаю, ищущих продажной любви существ. Их слова не проникают в душу, он хорошо защищен от таких напастей и не питает пока пристрастия к подобным развлечениям.

– Иди ко мне, – его приобнимает за плечи молодая девушка и ласково шепчет на ухо, – мадемуазель Нана обогреет тебя, и ты вмиг позабудешь обо всех горестях, – ее сладкий, исполненный ядом голос проникает в сознание. Мика останавливается, устало глядя перед собой. – Такого юного красавца еще ничто не должно беспокоить. Живи и радуйся тому, что ты молод. Пойдем ко мне, я живу тут неподалеку. Побудь со мной этой ночью и ты увидишь, как прекрасен мир. Я покажу тебе все его радости.

Мгновенье Микаэль стоит неподвижно, позволяя чужим рукам обвиваться вокруг своего тела.

«Почему бы, собственно, и нет, – размышляет он, подда-

ваясь воле внутреннего голоса, который неоднократно за последние годы шепчет ему о том, чего невольно жаждет его познавшее некогда извращенную близость тело. – Забыться с ней и утонуть в страсти, и пусть все исчезнет…»

Минутная слабость, в которой терзаемый безразличием окружающих, мальчик готов уйти к первой попавшейся блуднице и утолить свою боль в ее жарких объятиях. Забыть и об отце, сменявшем его на работу, и о враге, предавшем их многолетнюю борьбу, и о всех людях, кто когда-либо ранил его осознанно или же, даже не понимая этого.

– Найди себе для игр кого-нибудь другого, – передергивая плечами, сухо говорит Шиндо, оглядываясь на отпрянувшую девушку.

– Подумаешь, – фыркает она, скрывая уязвленное самолюбие и, разворачиваясь, идет обратно к своим подружкам, в то время как Мика направляется дальше.

Когда юноша оказывается в офисном здании и непосредственно на этаже, где работает отец, озираясь по сторонам, он нигде не может его найти. Рабочий стол родителя аккуратно убран и не похоже, что здесь ведется оживленная деятельность. А ведь он должен быть здесь, как обещал. Может, вышел куда и нужно подождать, пока он вернется?

Думая так, мальчик усаживается на стол, решая, что в состоянии позволить себе ожидание, тем более на душе так гадко, что хуже уже все равно быть не может.

– Мика?

Младший Шиндо оборачивается, когда слышит голос друга отца. Адриан, вынужденный провести на работе выходные, входит в общий офис, где видит восседающего на рабочем месте его давнего товарища сына этого самого друга.

– Ты что тут делаешь? – он подходит к мальчику.

– Где отец? – сразу спрашивает его Микаэль.

– Натан? – удивляется Адриан. Почему Мика ищет его здесь, он же сегодня выходной. Неужели Мика этого не знает? Очевидно да, раз пришел сюда и справляется об отце.

– Да, где он? – кивает в знак подтверждения мальчик.

– Ты знаешь, – мужчина толком не знает, что и ответить. – Ты немного опоздал, он ушел некоторое время назад. Хочешь, я позвоню ему, скажу, что ты его ждешь в офисе, он заберет тебя?

– Не надо, – отрезает Микаэль и склоняет голову в раздумье. Ушел? Но куда? Дома-то его нет, Мика звонил, но никто не поднял трубку. Что же происходит, если он не на работе и не дома, тогда где, черт возьми, его носит? Чем он занят? Быть может, его сегодня и не было в офисе, и он соврал о работе с самого начала?

– Мика, – Адриан окликает задумавшегося парня.

– Послушайте, – улыбка появляется на губах юноши и, опираясь на руку, он слегка откидывается назад. – А Вы всегда работаете допоздна и без выходных?

– Нет, не всегда, а почему ты спрашиваешь? – с некоторым удивлением глядит на него мужчина. Внезапная перемена в

поведении мальчика, кажущегося потерянным еще буквально секунду назад, кажется подозрительной.

– Тяжело вероятно, – томно прикрывая глаза, проговаривает Мика. – Сидеть тут совершенно одному в этом отвратительно скучном месте.

– Пожалуй, я все-таки позвоню твоему отцу, – видя, что дело начинает принимать странный оборот, говорит Адриан.

– В этом нет нужды. Я ухожу, – спрыгивает со стола Микаэль и, посмеиваясь, легкой походкой покидает помещение.

– Что же ты делаешь с ним, Натан? – с жалостью проговаривает мужчина, глядя вслед несчастному парню.

По возвращении домой Шиндо снова охватили воспоминания об увиденном. Только сейчас образы Юу и его подружки приносили еще больше беспокойства в мечущееся сердце, не сумевшего получить такую необходимую поддержку. Отец не известно где и до сих пор не явился домой, даже в субботний день, когда просто обязан быть рядом с ним. Не только он оставляет его, а даже давний враг, отвязаться от которого казалось совсем невозможным. Даже он причиняет ему боль своим равнодушием и заинтересованностью в другом, а ведь еще совсем недавно казалось, что Юичиро как раз тот, кто не оставит его никогда, будет вечно преследовать его и пытаться испортить жизнь. Но нет. Как глупо было полагаться на постоянство зыбких человеческих чувств.

И почему осознавать, что был предан своим врагом так

больно? Вот единственный вопрос, не дающий покоя в этот вечер.

– Где ты был? – холодно спрашивает Натана Мика, когда тот все же приходит в дом.

– Ты прекрасно знаешь, где я был, – со вздохом отвечает мужчина, проходя мимо сына в гостиную.

– Я приходил к тебе в контору, но тебя там не было. Почему? – юноша устремляет на отца взор полный упрека.

– Мика, – устало смотрит на него Натаниэль. – Давай не сегодня.

– А может ты хоть один раз за всю жизнь попытаешься объяснить мне, что происходит, в тот день, когда я спрашиваю об этом? – не выдерживает Микаэль. – Почему ты уходишь в выходные дни? Что делаешь, когда не возвращаешься вовремя домой и сидишь где-то по полночи? Ты же врешь мне, что работаешь, я чувствую. Каждое твое слово – вранье! Почему ты все время бросаешь меня?

– Мика, как ты смеешь говорить со… – он осекается на полуслове. Быть может, сейчас действительно настало время пролить свет на некоторые обстоятельства. Ведь мальчик и так скоро обо всем узнает, и, поскольку в нем уже кричит дух противоречия, именно сейчас стоит всё ему рассказать. Он настолько хрупок эмоционально, ему сложно будет это принять, но в то же время он обязан будет смириться с этим.

– Мика, – смягчая интонацию, говорит Натан. – Извини меня. Я не должен был оставлять тебя в неведенье и бросать

одного. Я объясню тебе в чем причина и надеюсь, ты выслушаешь меня спокойно и поймешь то, что я попытаюсь донести до тебя. Это очень важно и касается нашей жизни.

При этих словах Мика вздрогнул, ощутив в предстоящем разговоре что-то нехорошее и пугающее, но, раз уж его отец намерен пойти с ним на откровение, он не может упустить этот, возможно, единственный шанс и без лишних слов позволяет увлечь себя в гостиную, где должен состояться разговор.

«С этим школьным театром я совсем забыл о тренировках. А это нехорошо», – укор самому себе в халатности с утра забивает голову Юичиро, и теперь, поднимаясь по ступеням школьного входа, он также не перестает думать об этом, хотя его мыслям всё норовят помешать – Синго и его дружки сегодня необычайно шумные и не прекращают болтать всю дорогу, сбивая его с мысли.

«Как давно совместный приход в школу стал для нас обычным делом?» – спрашивает себя Юичиро, бросая взгляд на друзей. Внезапно дверь открывается перед самым носом Юу. Он едва успевает затормозить прежде, чем нарваться на нее и на выходящего из корпуса.

– Прошу простить, я был неосторожен, – звучит сдержанный голос Ферида Батори, задерживающегося на входе. – Надеюсь, Амане, Вас не ушибло дверью?

– Нет, что Вы, – скованно усмехается Юичиро председа-

телю, перед величием коего все еще ощущает робость. – Это я не смотрел. Извините, – он слегка склоняет голову.

– В таком случае давайте в следующий раз оба будем внимательнее? – некоторое подобие улыбки появляется на тонких губах Батори, который также как и Юу, но менее заметно, кивает головой, приветствуя пришедших учеников, после чего уходит.

«Прямо иной раз до дрожи», – Амане глядит вслед школьному президенту, чье поведение вызвало в этот раз смешанное чувство.

– Видали, как разлюбезничался? – ухмыльнулся Синго. – От тренировок отстранил и теперь грехи замаливает перед тобой?

– Небывалые дела!

– Чтобы вот так сам с кем-то заговаривал!

«Действительно необычно, хотя и самая банальная вежливость», – Юичиро переводит взгляд на друзей.

– Ты своими разборками с Шиндо уже походу и председателя нашего покорил, – фыркнул Учида.

– Вы всё преувеличиваете. К тому же, для него мои дела с Шиндо только в минус мне оборачиваются, и уж никак не наоборот, – слабо улыбнулся Юу и, желая избежать дальнейшего развития щекотливой темы его личных разборок с Микаэлем и того, как на это смотрит верхушка, поспешил зайти в школу.

В классе, оставив сумку на парте, Юичиро подошел к Гле-

ну и Шинье – первый доделывал домашнее задание, а второй, сложив ноги на парту погрузился в онлайн-игру.

– Доброе утро, – поприветствовал обоих Амане. Глен поднял на него взгляд, кивнул и снова склонился над записями.

– Доброе, – весело отозвался Хиираги. – Как прошли выходные?

– Эм, ну, неплохо, – с некоторым смущением ответил Амане, ибо все выходные он провел в основном с его младшей сестрой.

– Ну понятно, – хмыкнул Шинья. – Судя по тому, с каким довольным лицом моя сестра ходит последнее время, я могу заключить, что вы действительно хорошо проводите время вдвоем. – Прищурившись, он покосился на друга. – Не переживай, в расспросы вдаваться не стану, для своего же личного спокойствия.

Невольное облегчение разлилось по телу Юичиро от этого заверения Шиньи.

– Глен, – обратился Хиираги к другу, – как насчет рассказать Юу о вчерашнем казусе на тренировке?

– Я бы с радостью, но мне нужно закончить к началу урока, извините, – виновато улыбнулся Ичиносе, погружаясь в решение.

– Хм, – пристально воззрился на него Хиираги, но тут же вновь обрел благодушный настрой. – Хорошо, тогда я расскажу.

– Шинья, может, давай позже, скоро уже урок начнется, –

остановил его энтузиазм Амане, которому было неловко слушать о вещах, о которых он в последнее время немного забыл.

– Да, ну как знаешь. Позже, так позже, – как всегда беззаботно отозвался парень, хотя было видно, что он растерян.

Юу вернулся на свое место. Соседнее по своему обыкновению пустовало – Микаэль как всегда не торопился приходить в школу.

Уроки прошли без происшествий. В конце дня была назначена репетиция и как только прозвенел звонок Юичиро, Синго и другие ребята принимающие участие в постановке направились к актовому залу, где их уже ожидал учитель Медина.

– Все пришли? – осведомился преподаватель.

– В лесу массовый падеж зверья начнется, если настанет день, когда он вместе со всеми наравне без опозданий явится, – посмеиваясь, Акутазава подтолкнул Юу в бок.

– Это точно, достал уже своими глупыми выходками, – раздраженно фыркнул Юичиро, припоминая, что сегодня Мика присутствовал в школе, но перед последним уроком куда-то запропастился. Вообще он показался Юу странным сегодня. Конечно, странность поведения блондина была его совершено нормальным состоянием, да только не сегодня. Сегодня с ним творилось что-то особенно необычное.

– Не торопишься ты сегодня, – ухмыляется со скамьи Ко-

та, глядя на прислонившегося плечом к дереву Шиндо, как к единственной опоре, способной поддержать его в эти минуты. Весь облик хрупкого юноши твердит его наблюдателям о внутренней замкнутости и мрачной серьезности. – В чем дело? Неужели так убиваешься из-за того, что Юу тебя на подружку променял, а?

Слова словно молнией пронзили тело Шиндо, заметно вздрогнувшего.

– Кота, – опасливо взглянул на здоровяка Леонард. Он бы не стал затрагивать больное место такого человека, как Микаэль, без крайней на то нужды.

– Плюнь ты на него и живи спокойно. Весь день как в воду опущенный. – продолжает скалиться Нагашима.

– Заткнись! Не смей мне даже говорить об этом! Ты ничего не знаешь, а смеешь свой рот открывать! – взвился Мика, мгновенно обернувшись.

– Чего это я не знаю, что тебя твой враг кинул? Так знаю, сам видел. Все видели.

– Плевать мне на него, – Мика коснулся рукой своей шеи и склонил тяжелую голову в сторону. Идеальный изгиб длинной белоснежной шеи, которую охватывает изящная рука, невольно приковывает к себе взоры некоторых учеников.

– И что же тогда? – ухмыляется Нагашима.

– Отец женится, – глухо проговаривает Микаэль.

Парни переглядываются между собой, но не находят в его словах причины быть грустным.

– Подумаешь, эка невидаль! – махнув рукой, фыркнул Нагашима. – Моя мать мне уже четвертого папика приводит и ничего. Жив, как видишь. Никакой трагедии. А ты, между прочим, через пару лет школу закончишь и уедешь, а отцу твоему будет хоть с кем остаться. Да, пожалуй, единственное неудобство, это если у твоей новой матери свой спиногрыз окажется. Вот тогда и впрямь вешайся, – усмехается он. – Ты как, не спрашивал, он только женой обзаводится или еще дополнительными детьми, окромя тебя?

– У нее тоже есть сын, – опускает напряженный взгляд Шиндо. – Только маленький.

– О, так ты у нас теперь старшим братом станешь! Будешь носить ему игрушки, водить за ручку, вытирать нос и петь колыбельные на ночь, не жизнь, а мечта, – восхищенно восклицает Нагашима и, поднимаясь со скамьи, приближается к парню. – Ах, Мика, – он приобнимает его и противно улыбается. – Как же я хотел бы оказаться на месте этого твоего будущего братца. Это же просто мечта, ты и я, в одном доме, за одним столом, в одной спальне. Это же сколько всего нафантазировать можно. Хм, а может, потолкуешь со своим папиком и мы наших предков вместе сведем, а то, чую я, мать долго этого болвана терпеть не будет. А, Мика, породнимся? Я буду тебе хорошим братом. Никому не позволю тебя обижать, сам буду.

– Уберись от меня, грязный кретин! – отталкивая от себя игрока, вырывается из его объятий взбешенный Шиндо. –

Достал уже, только и можешь, что эти мерзкие намеки делать! Никогда ко мне приближайся, ты омерзителен и скучен! – с этими словами он бежит в сторону школы, где уже давным-давно началась репетиция.

Ему все равно, поверили ли в его слова эти люди или нет, главное чтобы был достойный предлог, который поможет отвести подозрения от истинных терзаний его души, связанных с поступком Амане, а он и есть настоящий. Мика нисколько не врал и не преувеличивал, говоря о намеренье отца обзавестись семьей, и этот удар он испытал пару дней назад…

– И? – настойчивый взгляд юноши упирается в родителя. Он в томительном ожидании объяснений, но одновременно и побаивается их.

Испуская тяжелый вздох, собираясь с мыслями, Натан прямо смотрит на сына, который сто процентов не сумеет воспринять эту новость адекватно, как бы он его не умолял, но сказать надо. Иссякли все сроки тайны и молчания.

– Мика, послушай меня, – мужчина присаживается на диван рядом с мальчиком. – Пожалуй, я начну с главного. – Он немного медлит, но чуть погодя все же решается. – Я собираюсь снова жениться.

– Что? – распахивает глаза Микаэль. Известие действует как разряд электричества, убивающий за доли секунды. Неужели опять, неужели прежний опыт ничему его не на-

учил и он вновь намерен привести ему в дом чужого человека?! Неужели это правда? Нет, не может быть!

Не в силах справиться с навалившейся новостью, Микаэль вскакивает, намереваясь убежать к себе.

– Мика, постой! – мужчина успевает схватить его за руку.

– Нет, нет, отпусти! Отпусти меня!

– Мика, прекрати истерику и выслушай меня как взрослый адекватный человек! – мужчина усаживает его обратно. – Я делаю это не для себя. В первую очередь, это для тебя.

– Нет, нет… – в ужасе шепчет Шиндо.

– Мика, пойми, тебе нужна мать, тебе нужен человек, который будет заботиться о тебе, любить тебя так, как умеют любить только матери. Я был плохим отцом и не смог дать тебе любви и нежности, как обещал перед смертью твоей маме.

– Это неправда, ты хороший отец, – качает головой мальчик. – Мне не нужен чужой человек.

– Она не будет тебе чужой, вы обязательно поладите. Я уверен, она станет тебе другом. Я знаю, что ты пережил и как больно тебе было, но в этот раз я нашел действительно прекрасную, любящую женщину. Она будет любить тебя, вы подружитесь, она сможет дать тебе то, чего тебе так не хватает. Я долго встречался с ней и полностью уверен, что она очень замечательная.

– Ты любишь ее, да? – горько усмехнулся Микаэль, не поднимая взгляда на отца.

– Мика…

– Любишь или нет?

– То, что я испытываю к ней, совсем другое. Сейчас я хочу, чтобы ты понял главное, понял почему я это делаю, – проговорил Натаниэль. – Твоя мама очень любила тебя. Вам не довелось быть вместе, ты даже не помнишь ее, но она всегда очень трепетно, с огромной любовью относилась к тебе. Она знала, что умрет, и знала, чего ты лишишься после ее ухода, а потому перед смертью она взяла с меня обещание, что я найду женщину, которую смогу назвать своей женой и которая будет хорошей матерью ее сыну.

– Мама просила тебя об этом, – серьезно взглянул на отца Микаэль. Воспоминания о матери, о том, что она любила его, всегда тепло отзывались в его душе, хоть и доставляли боль.

– Я думал, что нашел ее, ту самую, которая сможет заменить Хиро хоть немного, но я ошибся, – он виновато склонил голову. – И вместо того, чтобы сделать твою жизнь лучше, я обрек тебя на мучения. Потом долгое время я хотел забыть об обещании, данном ей, но ты рос и я видел, что ты нуждаешься в заботе, как никто и только поэтому я снова решился начать поиски. И теперь нашел. Пойми, все это время я не мог быть тебе хорошим отцом, потому как каждый раз, глядя на тебя, я видел её. Мою любимую жену. Это причиняло и причиняет мне до сих пор нестерпимую боль, которую я только со временем научился усмирять. Когда я обнимал тебя, я особенно остро чувствовал боль утраты, ведь я любил

ее больше жизни. А потом еще присоединилось чувство вины перед тобой и перед ней за то, что не сберег тебя от боли и унижения. Но то, чего не смог дать тебе я, сможет дать она, если ты предоставишь ей хотя бы один шанс.

– Ты хочешь, чтобы я дал ей шанс? – изогнул бровь Микаэль.

– Всего один и, Мика, поверь, – он взглянул в глаза сына, – ты не разочаруешься, ведь она правда замечательный человек. Придя в наш дом, эта женщина только улучшит нашу с тобой жизнь. Если ты примешь её как мать, то никогда не раскаешься.

«Принять? Принять? Но ты же бросаешь меня ради нее. Ты меняешь меня на нее. Снова… Снова ты уходишь от меня к другому человеку, заменяя меня им…»

– Она ни в коем случае не помешает нам. Ее присутствие здесь пойдет нам только на пользу. Ты очень скоро привыкнешь к ней и ее сыну.

– Сыну? У нее есть сын? – снова ужаснулся Микаэль. Образы жуткого прошлого вновь всплыли в его памяти. У него снова будет сводный брат! Немыслимо! Не исключено, что он окажется такой же тварью, как и Эндзай! Мика не понимал, как отец может так поступать с ним, во второй раз бросая под этот страшный каток. Неужели он до такой степени ему безразличен?

– Да, у неё есть сын, он младше тебя. Не волнуйся, Мика, того что было уже не будет, я гарантирую тебе это. Она

будет любить тебя не меньше, чем своего собственного ребенка. Она ужасно хочет познакомиться с тобой все это время, она уже заранее испытывает к тебе теплые чувства. Не отталкивай её. Прошу, подумай и пойми, что для нас это будет лучшим решением проблем. Мика, – отец заглянул ему в глаза, – сможешь ли ты принять ее для меня, для себя, для нас обоих?

– Значит, ты все-таки любишь ее, папа? – горестно усмехается Микаэль, чувствуя, что второй раз за день его предали, причем отец предал не только его, но и светлую память о его матери.

– Люблю, – со вздохом отвечает Натан. – Да, я люблю эту женщину. Но тебя я люблю намного больше и согласился на брак только для того, чтобы у тебя была мать, как некогда просила меня Хиро. Я люблю вас обоих и ничего не могу с этим поделать.

– Ничего не можешь? – юноша опускает глаза. – Нет, ты можешь исполнить обещание и жениться на ней, вот что ты можешь сделать…

– Мика! – восклицает отец, когда мальчик снова подрывается и уносится прочь из комнаты. Он забегает к себе не в силах совладать со своими эмоциями, бьющими сейчас через край. Из-за которых он не может мыслить трезво. Отец не пытается его догнать, ибо понимает, ему нужно время осознать и примириться. Чуть позже, когда сын успокоится, можно будет еще раз поговорить с ним и попытаться еще раз

все объяснить. Но это оказывается уже ненужным, потому что буквально через полчаса Микаэль спускается из своей комнаты. Он выглядит спокойным, что настораживает отца.

– Извини, что так повел себя, – тихо произносит младший Шиндо. – Если она тебе правда нужна, ты любишь её так, как когда-то любил маму и она сумеет заменить тебе её, я не буду противиться вашему браку. И постараюсь принять её.

«Только не рассчитывай, что я стану называть ее «мамой». Она всего лишь та, кто поселится у нас, не более того… И я иду на это только потому, что ты мой отец и кроме тебя у меня больше никого нет…»

– Мика, – отец был поражен до глубины души этим откровением. – Ты говоришь серьезно?

– Более чем, – отвечает мальчик, в чьем взгляде сквозит некоторая обреченность. – Живи с кем хочешь. – Сказав это, он разворачивается и идет обратно наверх.

– Мика! – он оборачивается, но его взгляд далек от родителя.

– Спасибо, что понял меня. Я уверяю тебя, когда это произойдет и мы станем жить все вместе, ты ни на миг не пожалеешь о том, что так сложилась судьба.

– Да, я знаю, – уголком рта слабо улыбнулся Микаэль. – Я пойду спать.

– Конечно, спокойной ночи, сынок.

Однако в ту ночь юноша долго не мог сомкнуть глаз, думая о своей предстоящей жизни с новой мачехой и младшим

сводным братом, о том, что скоро его жизнь опять круто изменится и насколько это будет хорошо или плохо, он судить не может, но знает только одно – его заменяют и вытесняют из своей жизни абсолютно все… И близкие, и враги…

– Сколько можно, только тебя и ждем! – взвился Амане, стоя на сцене, когда в актовом зале, наконец появился голубоглазый блондин и своей неспешной, размеренной походкой поплыл между рядами.

– О, Юу, а ты уже соскучился по мне, как мило с твоей стороны, – элегантно бросив свои вещи на один из стульев, издевательски пропел Микаэль, после чего ловко взлетел на сцену и приблизился к прожигающему его гневным взором парню.

«Ненавижу тебя, мерзкий предатель» – шепчет оскорбленное подсознание, но сознание прочит вдоволь насладиться насмешками над врагом, а посему умелая игра сознания заставляет голос звучать приторно сладко.

– Вот я уже здесь, перед тобой, теперь быть может ты усмиришь свой гнев? – изящная рука касается груди; вызывающий томный взгляд голубых глаз наполнен колкостью, на губах играет лукавая улыбка.

– Прекрати! – отталкивает его от себя Амане. – Что ты себе позволяешь? Совсем уже?!

– Как же так, мой милый Отелло! – восклицает Шиндо, отшатываясь и театрально прижимая ладони к лицу, а по-

сле снова приближаясь. – Неужели не признал свою дорогую Дездемону? – со страхом и отчаяньем глядит он на Амане. – А ведь я так ждала тебя из похода, а ты так жестоко холоден со мной, – наигранно печалится юноша, опуская глаза. – Гневаешься на меня, неужто дурные языки оклеветали меня перед моим героем? Но я бесспорно чиста перед тобой. Иди ко мне, я докажу тебе свою невиновность. Утешу тебя, согрею своим теплом, окружу заботой, и ты осознаешь, что мое единственное счастье заключено лишь в тебе, – Мика подается вперед всем корпусом, прижимаясь к брюнету.

– Мы еще не начали, уберись от меня! – отдергивается Юичиро, чувствуя раздражение, вызывающее в нем странную дрожь от прикосновений этого человека.

– Как знаешь, – хмыкнув, Микаэль повел плечом и все с той же кокетливой улыбкой отошел от Амане.

– Микаэль, почему ты опоздал? – Медина, стоя внизу у сцены, строго задал вопрос юноше.

– Ах, простите, совсем забыл о времени, – с улыбкой отвечает Шиндо, глядя на учителя.

– И чем это он там занимался?

– А что не понятно? Какой уж тут спектакль, когда там так весело! – Доносится шепот хихикающих между собой парней.

– Ты всем так собрался свои извинения приносить за опоздание? – скрестив руки на груди, саркастично заметил Акутазава. – Тогда можешь сразу убираться, смотреть тош-

но.

– А мне казалось, ты бы больше всех этому обрадовался, Синго, – хмыкнул Мика, повернув к нему лицо.

– Что ты сказал? – вспыхнул Акутазава и испуганно забегал глазами по сторонам. – Да я тебя…

– Хватит! – строго прервал возгорающийся конфликт между учениками учитель Медина. – Полагаю, на этом можно окончить прения и приступить к работе. До спектакля осталось чуть больше недели. Такими темпами, нас ожидает провал. Будьте добры, мальчики, сосредоточьтесь и давайте проведем репетицию нормально.

– Чтобы репетиция была нормальной, нужно чтобы на ней не присутствовали ненормальные. А так обещать мы ничего не можешь и за его безбашенные поступки отвечать тоже, – желчно косясь в сторону Микаэля, прогнусавил Синго и, ухмыльнувшись, поглядел на Юичиро.

– Надеюсь, тексты заучены наизусть? – осведомляется Медина.

– Да! – звучит почти единогласно.

– Тогда начнем! Яго и Кассио, убийство в переулке.

Не участвующие в первой сцене ребята уходят за кулисы. «Яго» и «Кассио» отправляются с ними за атрибутикой для боя.

– А шпага где? – заглядывая за ширму, спрашивает Синго, не находя своего сценического важного атрибута.

– Возьми пока мою, потом поищем, – бросает ему свое

оружие Юичиро. Синго ловит шпагу налету и вместе с одноклассником уходит на сцену. Поднося к глазам текст с ролью, Юичиро решает еще раз пробежаться по строчкам, дабы закрепить эффект зубрежки.

– Ты со всем, что имеешь, так расточителен?

Слыша насмешливую интонацию, Юу вскидывает голову и машинально оборачивается. Около кулис стоит, скрестив руки на груди, Микаэль.

– О чем ты? – хмурит брови Амане, не понимая к чему был этот глупый вопрос.

– Отдаешь не глядя, а ведь это твоя шпага, доблестный рыцарь, – хмыкнул Микаэль. – Как же ты теперь без нее справишься?

«Он правда не понимает или нарочно дураком прикидывается? Вообще странный сегодня» – думает Амане и холодно отвечает:

– Когда Синго сыграет эту сцену, я заберу ее.

– А так ли легко будет забрать то, что уже упустил?

– А? – Юу окончательно запутался в чужих туманных изречениях.

Но Мика лишь загадочно улыбается и прежде чем Амане задает ему вопрос, отдергивает портьеру и выходит на сцену. Тяжелая ткань водворяется на место, скрывая с глаз блондинистого парня, исчезнувшего за ней.

Репетиция подходит к концу. Можно надеяться, что спектакль пройдет на славу. Медина вполне доволен сегодняш-

ней игрой своих учеников, которые ни разу не сбились и не сфальшивили. Особенно он отмечает про себя игру одного ученика. Взгляд Юичиро так искренен, так жгуч, словно он действительно переживает трагедию предательства любимой. Вообще последнее время он стал играть гораздо лучше, в его репликах, жестах появляется страсть, которая захватывает всех вокруг. Возможно, он так сопереживает героем драмы, возможно в его жизни случилось то, что приближает его к образу влюбленного ревнивца. Так или иначе, при желании этот мальчик мог бы добиться успеха на театральном поприще.

– Это просто восхитительно, скажу я Вам.

Медина так увлекшийся игрой в последней на сегодня сцене, вздрагивает и оборачивается, когда рядом с ним звучит мягкий, вкрадчивый голос. Актеры на сцене также останавливаются и смотрят на незаметно вошедшего ученика.

– Доджи, – улыбается Медина, который с гордостью может показать заместителю школьного председателя своих подопечных. – Решил поглядеть как у нас идут дела?

– Что-то вроде того, – мягко отзывается выпускник. – Я здесь скорее со специальным заданием. Вас хотел навестить наш президент, но оказался слишком занят.

– Ясно, ты здесь вместо него.

– Не скажу, что мне это доставляет излишние хлопоты. Я давно уже хотел посетить хотя бы одну вашу репетицию, – с улыбкой отзывается парень с длинными белоснежными во-

лосами.

– Это еще кто? – удивляется Амане.

– Ты чего, не знаешь? – поражается Синго, стоя за ним. – Это же Шикама Доджи, третий в нашей школе по значимости человек после директора и Батори. Неужели ни разу не видел его?

– Как-то не доводилось, – пожимает плечами Юу, с любопытством оглядывая высокого, стройного юношу с загадочным взглядом.

– Милое личико, вкрадчивый голосок, да только он обладает здесь не меньшей властью, чем Батори и подчиняются ему здесь с не меньшим энтузиазмом, чем президенту, – говорит кто-то из ребят.

– В определенных кругах, он довольно известная личность, говорят у его семьи крупная торговая компания со связями в Индокитае.

– Прошу, не обращайте на меня внимания и продолжайте репетицию, – с улыбкой говорит Шикама.

– Он прав, ребята, продолжим. Доигрываем сцену и расходимся, – хлопает в ладоши Медина, тем самым призывая парней обратно к работе. Актеры возобновляют свои действия, теперь уже под надзором двух наблюдателей.

– Полагаю, беспокоиться не о чем. Правда я до сих пор боюсь, что что-то пойдет не так, – говорит Медина, не отрывая взгляда от играющих на сцене парней.

– Нет-нет, без сомнений, это поистине великолепно. Вы

непревзойденны в работе с драмкружком. Очень надеюсь, что директор отметит Ваши старания, – проговаривает Шикама и смотрит на часы. – Простите, но я откланиваюсь. Некто ждет от меня доклад, и я буду крайне рад сообщить о положительном результате. – С этими словами элегантный аристократ покидает актовый зал, оставляя положительный след в душе преподавателя, переживающего за успех предстоящего мероприятия.

– На сегодня всё. Все молодцы и можете быть свободны, – объявляет вскоре Медина. Сборы длятся недолго, ибо каждый хочет поскорее покинуть школьные стены и отдаться пьянящей свободе, что ожидает по ту сторону забора.

– Юу, это не к тебе? – окликают Юичиро и когда тот поднимает голову ему указывают на окно.

– Шиноа, – парень чувствует, как при виде подружки, ожидающей его у ворот, внутри разливается тепло и, не замечая направленного на него колкого взгляда синих глаз, торопится к двери. – Всё, я ушел.

– Удачи, Юу, не облажайся, – подбадривающе кричит ему вслед Синго. Однако Юу уже полностью внимает этой встрече и не видит ничего вокруг. Подбегая к девушке, они обмениваются приветствиями и вместе идут домой.

– Зайдем в кафе, я слышала там новое меню выставили. Девчонки были, говорят, это просто нечто. Пирожные восхитительные.

– Конечно, почему бы и нет, – улыбаясь отвечает ей Амане

и, беря за руку, уводит с собой.

– Значит это все-таки правда, – проговаривает Микаэль, стоя за деревом и не пропустив ни единого слова, слетевшего из уст счастливых влюбленных. Короткий смешок вырывается из груди, когда в голове созревает план дальнейших действий.

Останавливаясь у двустворчатой двери, беловолосый юноша оглядывается назад на пустынный коридор и, прижимая к себе свой доклад, аккуратно стучит костяшками пальцев в дверь. Не дожидаясь ответа, он плавно заскальзывает в просторную комнату студенческого совета. Там он застает хозяина кабинета за напряженной письменной работой.

– Я сейчас занят, выйди, – холодно говорит Ферид, когда в его рабочую среду бесцеремонно вторгаются. Однако его приказу не торопятся мгновенно подчиняться. Мягко усмехаясь, Шикама идет по направлению к столу, за которым восседает президент.

– Я ведь предупредил, у меня очень много работы. Выйди. Ты мне мешаешь, – поднимает на него неодобрительный взгляд Батори.

– А ты закрой глаза и представь, будто меня здесь нет, – мягкая улыбка не сходит с нежного лица парня, который кладет документы на край стола. – Я сделаю нам чаю.

– Ничем тебя не проймешь, – ухмыляется Ферид без тени иронии в интонации. Когда он откидывается на стуле, Ши-

кама проходит к нему и становится за спиной. Слегка склоняясь над ним и продолжая глядеть с улыбкой в глаза школьного президента, Доджи осведомляется:

– Черный или зеленый?

– Красный, – чувствуя на своем лице кончики белоснежных прядей, отзывается Батори.

Усмехаясь, Шикама одобрительно кивает.

Я стану для тебя казнью

Шинья вошел в класс. В руках у него была книга, которую он листал по пути. Обратив внимание на отсутствующее место друга и несколько удивившись этому, он направился к Глену, который, сидя за партой, подперев рукой голову, читал учебник.

– А Юу разве уже ушел? – с оттенком удивления осведомился Хиираги.

– Буквально пару минут назад, вместе с Синго и остальными.

– Да? – Шинья растеряно взглянул на двери. – Что-то частенько он с ними уходит в последнее время, ну да ладно. Дело в том, что я ему как раз энциклопедию спорта принес, он так просил. Я сказал, что на следующей перемене обязательно достану, он вроде бы загорелся. Ну хорошо, видимо случилось что-то важное. Позже отдам, – с этими словами он присел на свой стул и забросил книгу в нишу стола.

Волнение мешало Глену сосредоточиться на словах, мысли толпились в голове, не давая покоя, пока он наконец не выдержал. Однако, чем говорить напрямую, он решил пойти окольными путями. Все же не хотелось напрасно кидаться обвинениями и подозрениями по поводу своего товарища, в последнее время свернувшего не на ту тропу.

– Послушай, Шинья, – с тревогой позвал он друга детства. – Я все думаю…

– И о чем же? – откинувшись на спинку стула, не оборачиваясь, безмятежно осведомился тот.

– Не поторопились ли мы с решением проблемы?

– В каком смысле?

Глен вздохнул, объяснить ход своих суждений было сложно как никогда.

– Как ты относишься к тому, что Юу начал встречаться с твоей сестрой?

– Нормально отношусь, – пожал плечами парень. – Ей нравится, ему нравится – что еще нужно? А почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

Ичиносе замялся, явно медля с ответом. Это дало повод Хиираги развернуться к нему и внимательно вглядеться в лицо друга.

– Тебя совесть грызет что ли? Я не совсем понимаю, – усмехнулся он.

– Да не то что бы совесть, – неуверенно проговорил Глен. – Но мы нарочно подтолкнули их на эти встречи, а сами они и в мыслях не имели до того дня начать встречаться.

– Ну тогда не имели, теперь имеют, – хмыкнул Шинья, уразумев, что друга снова терзают излишние глупые сомнения. – Мы же их не навязали друг другу. Они сами сделали свой выбор. Мы всего лишь решили познакомить их, а как бы они решили дальше продолжаться или разбегаться –

от нас это уже не зависело. Сейчас они встречаются по собственной инициативе, а не потому что мы их свели. Хм, – он остановился. – Сдается мне, ты меня совсем не слушаешь, хотя сам задал вопрос. И зачем я все это говорю.

– Я просто отвлекся, извини, – неискренне улыбнулся Глен. В его глазах все еще сквозило беспокойство.

– Что с тобой? – серьезно спросил Шинья.

Глен уже было хотел открыть рот, дабы пояснить, но в последнюю минуту передумал.

– Да ничего, забудь, – простодушно сказал он. – Если тебя ничего не смущает в их отношениях и ты спокоен за свою сестру, значит, резона беспокоиться и впрямь нет.

– Я не вижу ни единого повода, который мог бы заставить меня беспокоиться на этот счет. Моя сестра уже не маленькая, чтобы я вмешивался в ее личную жизнь, – спокойно проговорил парень, после чего усмехнулся. – Конечно, мне не все равно с кем она будет встречаться, но на данном этапе кандидатура Юичиро на роль парня для моей сестренки меня полностью удовлетворяет.

– Вот ты и рассеял мои подозрения, – улыбнулся Ичиносе. – Как всегда легко. Ладно, мне нужно идти.

– Разве рассеял? – Хиираги поглядел вслед выходящему из класса другу. Что-то навязчиво твердило ему о том, что его слова никоим образом не успокоили мысли товарища, если не всколыхнули их с новой силой.

«Юу, ты слишком сильно приблизился к ним, желая от-

далиться от него. Но правильно ли ты поступил? – Глен шагал по шумному коридору, погруженный полностью в свои думы. – Неужели ты не видишь их настоящих? Почему продолжаешь общаться? Они не могут привлечь тебя. Они другие… Я отлично знаю Синго и его друзей, знаю, чего они стоят, а потому просто не могу понять, почему ты остаешься с ними. Неужели не понимаешь, к чему тебя может привести такое общение? Или тебе все равно, лишь бы быть подальше от него? Одумайся же, Юу! Это ни к чему тебя не приведет, только сделает тебя хуже. Неужели ты готов броситься в любой омут, лишь бы только не позволить ему ранить тебя еще больше? Ты и так думаешь только о нём и не понимаешь, что с каждой минутой, с каждым днем увязаешь всё сильнее. Чем старательней ты пытаешься отдалиться, тем больше тянется к нему твоя душа. Это как болото – чем сильней сопротивляешься, тем быстрей увязаешь.

Ты даже не понимаешь, как выглядишь со стороны. Ты попал в его сети, но все еще находишься в неведенье и пытаешься сбежать, хотя эта сеть уже опутала тебя целиком. Я не знаю, что должно случиться, чтобы ты высвободился. Я буду только надеяться, что увлеченность Шиноа вернет тебе здравый рассудок, которого ты лишился с момента, как встретился с ним в школе. Буду надеяться, что ошибаюсь, считая тебя безнадежным, хоть и сам не верю в благополучный исход…

А Шинья… На твоем месте я бы поостерегся. Юу сейчас

находится в компании не лучших наставников и мало ли как это может сказаться на Шиноа в будущем. Не подвергнется ли она какой-нибудь опасности? Ты совсем об этом не думаешь, друг?.. Или ты только делаешь вид, что не думаешь?

Я не знаю, как мне это всё воспринимать. Я совершенно запутался…»

– Шиноа, не желаешь прийти к нам на репетицию?

– А это удобно? – осторожно спрашивает девушка, глядя парню в глаза с явным смущением.

– Я ведь тебя приглашаю, а значит удобно, – с улыбкой отвечает он ей.

– Раз так, я с удовольствием приду посмотреть на вас, точнее на тебя.

– Надеюсь, она всё-таки придет, – думает Юичиро, глядя в окно. Словно вдалеке звучит голос учителя, а классная комната и ученики в ней кажутся нереальными для того, кто погружен в пьянящие мысли пылкого чувства, затмевающего разум.

Внезапно на парту перед ним с глухим стуком падает какой-то предмет. Юу подскакивает от неожиданности и, мгновенно вскипая от того, что кто-то посмел выкинуть такую глупую шутку, бросив ему какую-то старую коробку подрывается с места.

– Ой, – звучит не столько испуганная, сколько певучая,

трепетная интонация, когда Амане налетает на того, кто оказался непосредственно перед ним. Урок окончен, но только парень не сразу это замечает.

– Юу, ты что, рано еще на меня набрасываться. Постыдись, люди кругом, – звучит дразнящая интонация Микаэля Шиндо, изящно отпрянувшего от Юу.

– Нарываешься что ли?! – рычит Амане.

– Я? – вопрос звучит так, что поневоле осознаешь, насколько твой вопрос был нелеп. Мика только смеется над ним по своему обыкновению.

– Юу, ты извини, это я случайно, – Амане оборачивается к парню на соседнем ряду, который машет ему. – Промахнулся чуть-чуть.

– Ага, это он мне бросал, извини, что тебя задели, – забирая со стола Амане коробку, говорит другой одноклассник.

– Так это вы? – удивленно глядит то на одного то на другого Юу, чувствуя, что попал в неловкую ситуацию. Когда он поднимает взгляд на Шиндо, который оказывает вовсе не причем, видит лишь холодную презрительную насмешку в чистом взгляде голубых глаз.

– Рано витать в облаках, – хмыкнув, проговаривает Микаэль. Но потом его словно осеняет догадка и, растягивая губы в усмешке, он касается рукой приспущенного галстука, делая шаг навстречу. – Или ты предлоги ищешь?

Что-то внутри Амане вспыхивает и следующее движение происходит неосознанно, но получивший пощечину Мика

снова пятится назад. Еще больший страх охватывает Юичиро от собственного поступка, и, не зная, как его объяснить ни себе ни другим, он покидает класс, так ничего и не сказав.

– Правильно, так тебе и надо.

– Нечего лезть.

– Получил теперь!

– Молодец, Юу, так держать!

Одобрительный насмешливый гул звучит со всех сторон. Мика отходит в сторону. Несмотря на то, что происходит в классе, на боль, его губы озаряет ликующая улыбка, а взор обращен на дверь класса.

– Глен, ты не пойдешь за ним? – удивляется Шинья, который, как и Ичиносе становятся свидетелями этой сцены.

– Нет, – склоняет голову капитан. «Уже бесполезно его отчитывать. Он сам не понимает что с ним происходит и почему он поступает так»

– Глен… – сдвигает брови Хиираги, взирая на друга.

Все оставшиеся уроки Юу думает о своем спонтанном поступке и корит себя за несдержанность. И почему он ударил его? По сути Мика не был виноват перед ним, так зачем? Почему он не сдержался перед этим вызывающим поведением? Шиндо же нарочно сделал это, чтобы его спровоцировать. И почему он подвергается его воздействию, идет на поводу?

Конечно, его враг такой, что нередко заслуживает получить сполна, но в этот раз он не должен был так поступать.

Замечая Микаэля в компании его дружков, Юу сразу отводит глаза каждый раз, а Мика как назло появляется то там, то здесь, будто преследуя его. Но, разумеется, это банальные совпадение. Когда чувствуешь вину и не хочешь видеть человека, перед которым виноват, начинаешь подмечать то, на что раньше не обращал внимания. И тот, кого ты иной раз мог не заметить среди прочих, в такие моменты сверкает среди толпы как драгоценный камень среди простого щебня.

А приободряющие комментарии Синго, говорящего, как правильно он поступил, шутки, отпускаемые дружками по этому поводу, только сильнее удручают. Юу старается не выдать, что его гнетет собственное действо, показывая всем своим видом, что он ни капли не сожалеет, но душу никуда не деть и она заставляет по возможности избегать контакта с Микаэлем.

Ну вот приходит время репетиции и это становится настоящим испытанием для него. Не зря говорят, что мы любим людей за то добро, которое для них сотворили и ненавидим за то зло, которое им причинили. Сейчас Юичиро хорошо ощущает на себе эту старую пословицу, когда вынужден стоять с Шиндо на одной сцене и участвовать в одних актах.

Амане с трудом удается держать себя в руках. Кровь пульсирует в висках, дыхание ускоряется, мысли путаются. Проговаривая стихотворный текст влюбленной Дездемоны, пытающейся доказать своему возлюбленному, как она ему верна и предана, Шиндо для большей убедительности прижи-

мается к Юичиро всем корпусом, с мольбой невинно глядя в глаза, в пылу, ведет изящными руками по его плечам, разглаживая рубашку, взволнованно и прерывисто дышит.

Наблюдающий за ними из зала Медина в полном восторге от чувственности своих юных актеров, вкладывающих в сюжет всю свою душу. Он совсем не ожидал, что ребята будут так великолепны. Даже Микаэль так самоотвержен и искренен в своей игре, что от него не отвести глаз. Дирекция не зря настаивала на выборе этой пары на главные роли. Теперь он вынужден признать, что они лучшие среди всех, кто участвует в школьном спектакле.

Старому учителю в голову не может прийти, что заставляет этих молодых людей быть столь пылкими и страстными на оборудованной сцене, играть с такой усердной горячностью свои роли. Какие чувства движут ими в эти секунды и как тяжело они им даются. Если бы он мог узнать об этом, то скорее всего прекратил бы постановку и заменил актеров, не желая способствовать кипучей страсти двух давних врагов, в которой появилось новое неизведанное течение, влекущее за собой ужасные последствия внутренней боли.

– Нет! Уйди! – в пылу восклицает Юичиро, отталкивая от себя Мику, терпеть чью близость уже не хватает мóчи. Он слишком близко, это уже даже не по сценарию.

– Почему, почему ты гонишь меня? Неужели больше не любишь? – в сердцах восклицает Шиндо. Юу видит этот манящий дьявольский огонек в его взгляде и не может позво-

лить этому человеку снова приблизиться к себе, отходя назад.

В этот самый момент Медина останавливает репетицию на перерыв, как полагается после завершения сцены и, не переставая восторгаться актерами, выходит из зала.

Как ни в чем не бывало, Шиндо сбрасывает с себя личину издевки и соблазнительности и уходит за кулисы. Там у столика он пьет воду, когда к нему залетает разгоряченный Юичиро, едва дождавшийся конца этого мучительного акта.

– Ты все еще во власти Феба? – ухмыляется Шиндо, окидывая его быстрым взглядом, но не отвечая на эту колкость, Юу припечатывает его к стенке.

– Что ты себе позволяешь?!

– А что, собственно, не так? – дерзко бросает Мика, нисколько не пугаясь яростного выпада, будто бы предвидя его заранее. – Что-то не нравится?

– Всё! – выкрикивает Амане, чувствуя, что его силы на исходе. Он не может работать в таком напряжении, которое заставляет его чувствовать этот мерзавец.

– Соболезную, но ничем помочь не могу, – хмыкает Шиндо.

– Прекрати этот спектакль! – крепче сжимая ворот чужой рубашки, шипит Юу, едва удерживаясь от физической расправы над ухмыляющимся противником, решившим посмеяться над ним во всеуслышанье, прикрываясь игрой.

– Ууу, наш спектакль в самом разгаре, – проговаривает

Микаэль и в его глазах блестит недобрый огонек. – Уже не выдерживаешь? Так быстро сдулся?

– Я серьезно, прекрати это!

– Извини, – с яростью ударяя Юу по рукам, Мика высвобождается из его хватки и, посмеиваясь, отходит в сторону. Запуская пальцы в свои волосы, он слегка взъерошивает их перед выходом на сцену. – Скоро начало, мне нужно подготовиться. – После этого покидает кулисы, придавая своему образу гордости и надменного величия.

– Черт подери! – Юу со всей силы ударяет по стене, где пару минут назад находилась голова Шиндо. – Да что же это?! – шепчет он, прислоняясь головой к холодной поверхности.

– Юу, там к тебе пришли, – в слабоосвещенное помещение, заглядывает Синго, отодвигая штору.

«Должно быть это она. Нет, она. Точно, она»

– Иду, – приободряясь, ведь все же девушка сдержала обещание, отвечает Юичиро.

– Э, Юу! – на лице Синго непонятное замешательство, но Амане этого не замечает и выбегает на сцену. Оказываясь в зале, он в первую очередь устремляет взор в сторону входа и тут же замирает на месте, когда видит рядом со своей ненаглядной, Микаэля. Он что-то говорит ей, а она приветливо улыбается в ответ, не спуская с собеседника глаз. Юу не слышит, о чем любезничает с его девушкой враг, но это и не нужно, ведь в долю секунду в нем вспыхивает жгучее чувство ревности. Также подсознательно испугавшись внеш-

него превосходства противника, эти два чувства толкают его немедленно прекратить происходящее.

– Юу! – ужасается Шиноа, когда подлетая к ним Амане отталкивает Микаэля.

– Ты что тут забыл?! Отойди от нее! – становясь между испуганной Шиноа и Микой, рычит Амане.

– Юу, что с тобой?! Мы же просто разговаривали.

– Она права. Самый обычный разговор, что это ты так завелся? – ухмыльнулся Шиндо. – К слову, у тебя очень милая подружка. Просто ангел. – Снова усмехнувшись, Мика вышел из зала, напоследок послав Шиноа воздушный поцелуй. Юу был в ярости и уже хотел было броситься за Микаэлем, но его остановила Хиираги.

– Юу, остынь, что случилось? – с безмятежной улыбкой спросила она, взяв его за руку.

– Зачем ты с ним заговорила?! – раздосадовано впился в нее взглядом Амане.

– А это разве запрещено? – подняла бровь девушка, но уразумев, что нужно говорить мягче, добавила: – Он просто подошел ко мне и спросил, что я здесь делаю. Я ответила, что пришла к тебе, потому как ты меня пригласил к вам на репетицию. Он сказал, что тоже участвует и тут подбежал ты и налетел на него. Почему? Неужели приревновал? – задавая этот вопрос ее губы расплылись в улыбке.

– Да, пожалуй, – рассеяно ответил Амане и сам для себя не осознавая, что вызвало в нем такую бурю. Нет. Опреде-

ленно его разгневал факт, что Мика общается с его девушкой. Иначе и быть не может.

– Дурачок, – засмеялась девушка. – Незачем ревновать. Мне никто кроме тебя не нужен.

Глядя в ее лучистые глаза, Юу тяжело вздохнул, отметая от себя мрачные и волнующие мысли.

– Ладно, извини меня за этот выпад, – сказал он мягко. – Я рад, что ты пришла. Ты меня простишь?

– Ну конечно, – отозвалась Шиноа. – Это даже приятно.

– Давай, занимай любое место и смотри, – сказал Юичиро, когда в зал вошел Медина, что значило окончание перерыва. – А мне нужно идти.

Вернувшись на сцену, Юу оглянулся посмотреть на девушку. Шиноа послушалась и, пройдясь вдоль рядов, села неподалеку от сцены. Медина, похоже, против ее присутствия не возражал, хотя вначале и покосился с неодобрением в сторону парочки у дверей.

– А у тебя милая подружка.

Юу содрогнулся и сцепил зубы, когда прозвучал этот комментарий. Обернувшись, он увидел Микаэля, стоящего на сцене в своей неизменной элегантной позе, глядящего в зал. Еще не успевшая улечься злость с новой силой вспыхнула в нем.

– Я с тобой еще об этом поговорю, не обольщайся.

– О, так я должен ожидать кровавой расправы после спектакля, это ты хочешь сказать? – хмыкнул Шиндо, незаметно

подмигнув девушке. – Ты истинный Отелло.

Смех недруга разрывал Юичиро на части. Он готов был броситься на него прямо сейчас, а если и не броситься, так увести отсюда Шиноа, чтобы она не подвергалась гнусному влиянию Микаэля. Он хотел оградить ее от людей, подобных Шиндо, которые доставляют всем только неприятности.

Он ни в коем случае не собирался их знакомить, но Мика сделал это сам. Случайно или…? Невозможно думать об этом. Нужно выбросить лишние мысли и сосредоточиться на тексте. Вот, что сейчас важно. Все же Шиноа пришла и он должен показать ей достойную игру, а не жалкий лепет испуганного ребенка. Юу был больше чем уверен, что этот маневр Шиндо был именно для того, чтобы сбить его с толку. Оставалось загадкой, почему он вообще заговорил с Хиираги, обычно это не в его манере, если только он не знал, что они встречаются и не подошел нарочно. Но откуда он мог узнать? Впрочем, возможно донесли дружки, с них станется. И так версия, что он знал о том, что Шиноа его девушка, потому и подошел, с целью вывести Юу из себя и заставить его фальшивить во время игры, вполне реальна.

«Но ничего, – Амане бросил взгляд на свою «Дездемону». – Я тебе такой радости не доставлю».

Мой ответ

Невзирая на свои же внутренние заверения о том, что отыграет безупречно при любых обстоятельствах, Амане несколько переоценил свои возможности. Как он не пытался сдержать своё беспокойство, оно упрямо вспыхивало в самые неподходящие моменты, заставляя фальшивить и путаться в тексте. Медина делал замечания и качал головой, не понимая, что ни с того ни с сего случилось с его лучшим актером во время короткого перерыва. Ни у кого другого из присутствующих, кроме учителя Медины и, быть может, Шиноа, сомнений в том, почему вдруг их товарищ стал таким нервным, разумеется, не возникало. Все стали невольными свидетелями разыгравшейся комедии и нисколько не осуждали Юу в его рассеянности.

Абсолютно все актеры, в том числе и сам пострадавший Амане, были убеждены, что Микаэль, затеявший это дело, сейчас смакует свою победу, однако блондин, кажется, был совсем далек от празднования и гордости за то, что сумел так ловко вывести из строя врага. Его голову занимали совсем иные замыслы и то, что произошло, было всего лишь первым шагом к осуществлению куда более горького и болезненного плана, который ударит по Юичиро с такой силой, что будет чудом если он выдержит его. Зато Мика поквитается с ним за не менее болезненный удар, который тот неосознанно на-

нес ему, предав самые лучшие чувства единственного врага. Только всему свое время, и сейчас Микаэль был совершенно спокоен и полностью сконцентрирован на своей нелегкой роли, отдавая всего себя, дабы исполнить всё в лучших традициях этого древнего искусства. Гнёт от навязанного ему Феридом участия в спектакле преследовал неотступно, правда сегодня день этого морального мучения немного скрашивался возникшим энтузиазмом от зародившейся у него идеи.

Юичиро с трудом удавалось совладать с собой. Он уже жалел, что пригласил сюда девушку. Его желанием было показать ей свою безупречную игру, а на деле получилось, что он заставил ее любоваться своей бездарностью и все это была его вина. Это он в очередной раз выставил его в дурном свете теперь уже не только перед друзьями, но и перед возлюбленной.

Видеть рядом с собой Мику, идеально справляющегося с поставленной задачей, было еще сложнее, в тот момент когда сам Юу не ощущал в себе поддерживающего стержня, позволяющего и ему держаться на уровне. Поглядывая в зал, его лицо и вовсе мрачнело, потому как взор девушки он находил сочувствующим и совершенно не заинтересованным. Он понимал, что кажется жалким и, если бы был хоть чуть слабее духом, покинул бы сцену, но это бы означало сдаться и показать врагу свою слабость, поэтому он не мог себе этого позволить. Не мог дать ликовать врагу, который только этого и добивался всё это время.

Юноша с трудом дожидался, пока закончатся их совместные с Шиндо сцены. Он не мог уже переносить его рядом с собой и был убежден, что, как только Мика исчезнет с его глаз, он сумеет унять свой внутренний разброд, соответственно качество его игры значительно улучшится. Желание распрощаться с Микой на сцене возникало не только потому, что Мика спровоцировал его на волнение, а еще потому, что он с болью замечал, с каким восторгом наблюдает за игрой блондинистого парня Хиираги. Пожалуй, это было самым тяжелым для него, ведь он пригласил ее полюбоваться собой, а был настолько плох, что она была вынуждена обратить внимание на другого, того, кто держался мастерки.

Юу думал, что сейчас ненавидит этого человека как никогда ранее, но он даже не воображал насколько заблуждался. Не представлял, можно ли ненавидеть сильнее, оказалось да, можно. И он в этом убедился, когда Мика наконец ушел со сцены. Ликующий, что теперь сумеет показать себя наилучшим образом перед Шиноа, Юичиро был сражен, когда Шиндо пошел в зал и остановился прямо около девушки с той своей омерзительной радушно-невинной улыбкой, которую всегда цеплял, когда хотел поиздеваться над ним как следует.

– Разрешите составить Вам компанию? – тем временем галантно осведомился Микаэль. – На сегодня я свободен, но в знак солидарности с моими друзьями, вынужден дождаться окончания репетиции и хотел бы провести эти минуты в

компании такой прелестной девушки.

– Эм, ну конечно, присаживайся, – растерявшись от такого обращения непомерно прекрасного парня, проговорила Шиноа.

– Благодарю, – Мика занял место рядом с ней, с пластикой присущей каждой частичке его тела, забросив ногу на ногу, он устремил игриво-дерзкий взгляд на Амане. Даже отсюда он видел, как исказилось лицо врага. Сейчас Мика готов был спорить на что угодно, что если бы не присутствие учителя, Юу не сдержался бы и устроил тут поистине кровавую разборку. Однако поскольку Медина был здесь, Юичиро был совершенно безопасен для него. Тот мог только скрежетать зубами, лелея мысль о том, что он сотворит с Микой после спектакля. Читая на лице врага это внутреннее желание, Шиндо кокетливо улыбался играющим на сцене, чувствуя ликование своей души.

Видя этот насмешливый, издевательский взгляд и улыбку, видя, как Мика и Шиноа начинают о чем-то беседовать, Амане величайших усилий стоило находиться на сцене вместо того, чтобы сбежать с нее и немедленно прекратить эту милую беседу двух голубков. Он не может спокойно наблюдать за своим врагом, смеющим что-то говорить его девушке и замечать, с каким энтузиазмом она ведется на его речи, которых он слышать не может, находясь далеко.

«Что он ей говорит? Почему она отвлеклась и совершенно не смотрит сюда?» – набатом стучат мысли в висках, пока на

его глазах творится такое бесстыдство.

– Знаете, – игнорируя ненавидящий, прожигающий взгляд зеленых глаз, Мика обращается к девушке. – Что Вы скажете, если я приглашу Вас немного прогуляться со мной? Поймите, как Вы заметили, я задействован в спектакле, где мне выдалась весьма непростая роль.

– О, но Вы безупречно с ней справляетесь. Я только и смотрела на Вашу игру, она великолепна, просто глаз невозможно отвести, – попыталась заверить его Хииараги со всей искренностью.

– Спасибо за комплимент и все же, – Мика прикусил губу, – я ощущаю сильную нехватку опыта и знаний, которые естественны для любой девушки. Я хочу сыграть свою роль как можно лучше, а для этого мне нужна помощь такой изысканной и утонченной особы, которой являетесь Вы.

– Я? – содрогнулась Шиноа, залившись краской смущения.

– Именно, – с улыбкой подтвердил Микаэль. – Так что Вы ответите на мое предложение? – он поднялся и протянул ей руку. – Поможете?

– Да, – околдованная необычайной галантностью, учтивостью и совершенным внешним обликом этого юноши (перед которым, к слову, она испытывала вину, ведь он пострадал из-за нее, когда Юу набросился со своей ревностью), она не заметила, как вложила свою руку в его и позволила увести себя из актового зала, позабыв о том, по чьей просьбе и во-

все явилась сюда.

Замерев на месте, Амане только и наблюдал, как эти двое поднялись и вместе вышли из зала. Он хотел ринуться за ними, но его удержали друзья по сцене и Медина настаивающий на завершении репетиции. Юу не помнил, как доиграл оставшиеся минуты, но как только объявили об окончании, он стремглав выбежал из зала, а потом и из школы, но, как и предполагалось, Мика и Шиноа давно покинули территорию, и куда они направились несчастный парень не знал.

На многочисленные звонки девушка в тот день тоже так и не ответила…

Рано утром Юичиро стоит около школы, скрестив руки на груди. Отголосок вчерашнего вечера залег темными кругами под глазами. Он терпеливо ждет в укромном месте, не упуская из виду ни одного проходящего мимо него ученика. И когда в который раз из-за угла выворачивает очередной ученик, он решительно выступает вперед.

– Ну привет, – исполненные холодом и злостью глаза хищно сужаются, – Мика…

Остановившись, школьник с полуулыбкой, появившейся на губах, бесстрашно глядит в разъяренные зеленые глаза.

– Юу еще не приходил? – оглянувшись на раскрытые двери класса, Шинья озадаченно покосился в сторону пустующей парты товарища, а после на Синго с друзьями, среди ко-

торых тот тоже не был замечен этим утром.

– Во всяком случае я его не видел, – ответил Ичиносе, поглядывая на ребят, затеявших в коридоре какую-то шумную игру. Оба стояли вне класса и переговаривались.

– Обычно он так не опаздывает, – Хиираги прислонился к стене. – Он тебе ничего не говорил о том, что задержится?

– Юу давно перестал рассказывать о своих планах, – со слабой улыбкой ответил Глен.

– Это верно, с тех пор, как они стали ходить с Шиноа, он совсем от рук отбился, – усмехнулся Шинья, не заметив совсем иного смысла в словах друга.

«Я бы сказал, с тех пор, как он стал якшаться с Синго и его дружками», – мысленно подправил Ичиносе.

– Ты заметил? – подтолкнув ушедшего в свои думы Глена, Шинья кивнул на класс. – Мики сегодня тоже нет. Как по-твоему, совпадение?

– Кто знает? – повел плечом тот.

– А может они уже… – задумчиво протянул Хиираги, – того?

– Что? Перестань, это невозможно! – вздрогнул Глен.

– Да прям невозможно, – хмыкнул Хиираги. – Лучше скажи, что им помешает.

– Хотя бы здравый смысл, – предположил Глен.– Хах, здравый смысл? У кого? У Мики? Или у Юу? Единственное, на что можно уповать, это на заинтересованность Юичиро в Шиноа, а так всё возможно. Тем более, он с первого дня

проявляет к нему повышенный интерес. Это был только вопрос времени и желания самого Шиндо.

– Пожалуйста, перестань, я уже не могу слышать об этом, – попросил Ичиносе.

– Ты слишком близко к сердцу принимаешь обычные предположения со стороны, – улыбнулся Шинья, с сочувствием глядя на друга.

Шум в коридоре внезапно прекратился, но парни не обращали на это внимание вплоть до момента, пока к ним не подошел тот, кто одним своим появлением заставил ожесточенную схватку двух враждующих лагерей прекратить действия в самый пиковый момент всей игры.

– Доброе утро, господин председатель, – поздоровался Шинья с подошедшим к их классу президентом школьного совета.

– Здравствуйте, – учтиво поприветствовал парней Батори, остановившись в дверях класса и оглядев его. Тень разочарования пробежала по его бледному лицу.

– Мы можем Вам чем-нибудь помочь? – обменявшись недоуменными взглядами с Гленом, спросил у него Хииараги. Поразмыслив несколько секунд, Батори обернулся к парням и взглянул на них с привычным хладнокровием аристократа.

– Да, будьте добры, если Амане Юичиро появится, передайте, чтобы зашел ко мне. У меня к нему разговор. Благодарю.

Когда он степенной походкой удалился, ученики снова

озадаченно переглянулись.

– О, не к добру это, – поежился Хиираги. – Внимание нашего президента – это худшее, что может случиться с учащимися. А тут еще и разговор какой-то…

– Неужели он во что-то встрял, что его теперь президент вызывает? Может потому и в школу не пришел еще? – нахмурившись, предположил Глен. Шинья промолчал, но видимо тоже подумал так же.

Мощный удар отбрасывает Мику к забору. Из груди вырывается невольный стон. Он тяжело и судорожно дышит. Дрожа всем своим хрупким существом, хватаясь рукой за резной металл, он утирает тыльной стороной ладони бегущую по лицу кровь.

– Надеюсь это предупреждение ты усвоишь лучше предыдущего, – фыркает Амане, стоя над поверженным врагом, которого уже кажется оставили силы. Наконец-то он сделал это. Как долго его всё сдерживало, постоянно кто-то да норовил помешать ему отыграться как в старые добрые времена. Несмотря на то, что и сам Юу не выглядел лучшим образом: губа была разбита, тело местами ужасно саднило, но, тем не менее, окончательная победа оставалась за ним и это сглаживало любой испытуемый сейчас дискомфорт.

Мика поднимает на Юу взгляд, и того вновь захлестывает волна негодования, ибо в этом взгляде он по-прежнему наталкивается на насмешку и непоколебимое противостояние

ему.

Но считая, что Шиндо уже достаточно получил, Юу разворачивается и собирается уходить, как вдруг на него набрасываются со спины и валят на землю.

– Ах ты, сволочь! – взбешенный низким приемом нападения со спины рычит Юу, ловко выкручиваясь из Микиной хватки, оборачивается к нему лицом и, хватая за воротник, ударяет. Снова завязывается ожесточенная борьба на улице перед зданием школы.

В очередной раз силы оказываются на стороне Амане. Как бы Мика не пытался его атаковать, нанося точные удары, а все же он уступал спортсмену в физической подготовке. Однако это не мешало ему, не сдаваясь, продолжать бой, заранее обреченный на проигрыш.

– Это всё, что ты можешь, Юу? Раньше ты меня и то сильнее бил! Что случилось? Или это на тебя так подействовало вчерашнее? – успевая дразнить врага, Мика словно напрашивается на собственное убийство.

– Сука! – беленится Амане. Под руку попадается небольшой камень, которым он наносит Мике удар, забывая об опасности и о слабости человеческого существа. Сейчас он совсем ни о чем не думает, есть только его уязвленное самолюбие и факт, что Мика нарочно доводит его до бешенства.

Глухо вскрикнув от удара Мика летит на асфальт и, сжимаясь на земле, хватается за ушибленную голову. Золотистые волосы медленно окрашиваются в алые тона в том ме-

сте, где белые пальцы прикрывают ушиб.

Юичиро встает с земли и сверху вниз смотрит на скорчившегося врага.

– Теперь, я надеюсь, ты заткнешься? – гневно выдыхает он, отбрасывая в сторону камень.

– Вы что здесь устроили? – раздается чей-то испуганный голос. Юу оборачивается и только замечает, как мимо него проносится и опускается на колени нечто белоснежное.

Словно ангел, спустившийся с небес на землю к страдающему мученику, дабы облегчить тому страдания. Именно так выглядит Шикама Доджи, склонившийся над раненным Микаэлем и с беспокойством осматривающий его.

– Амане Юичиро, как Вы посмели сделать это? Вы хоть понимаете тяжесть своего деяния?! – он вскидывает осуждающий взгляд на парня и замечает следы драки и на нём.

– Извините, но я не чувствую себя виноватым. Вы ничего об этом знать, конечно, не можете, но поверьте, он заслужил это, – со всей серьезностью говорит Юичиро.

– Ни слова больше! – Шикама вновь обращает свое лицо к пострадавшему. – Как бы там ни было, как бы он не заслужил такого наказания, но Вы не имели права бить его, чтобы он не сделал Вам!

– Я в порядке, – все еще прижимая руку к голове, слабым голосом говорит Микаэль, которому Доджи помогает встать. Сначала сесть, потом уже и подняться на ноги, все это время аккуратно придерживая его.

– Нужно отвести тебя в медпункт. Возможно сотрясение, – проговаривает старшеклассник. – Голова не кружится, не тошнит?

– Немного, – с той же слабостью проговаривает Мика, буквально падая в руки Шикамы.

– Давай, я помогу тебе идти, – соболезнующее произносит Доджи и, подхватывая ослабевшего парня, с укором смотрит на Юичиро, в котором нет ни капли сострадания, поскольку он видит то, чего не замечает выпускник.

– Это не шуточное дело, а серьезный проступок с Вашей стороны, Амане. Хочу верить, что Вы осознаете это и то, чем всё может обернуться для Вас.

– Мика, ничего не хочешь рассказать? Может поведаешь о своем грязном поступке? Или тебе «гордости» на это не хватит?

– О чем ты, Юу? О своем внезапном нападении на меня? – цепляясь тонкими пальцами в рубашку старшеклассника, оборачивается к нему Микаэль.

– ЧТО?! Не притворяйся невинным! – вспыхивает Амане, сжимая кулаки. – Это же ты меня спровоцировал!

– Что ты несешь? – хмурится Шиндо.

– Хватит! Не вам продолжать разбираться! – останавливает их Доджи, чувствуя, что, если дать им волю, они могут дойти до второй драки. По крайней мере, внешне темноволосый уже готов наброситься на обидчика.

– Но, – попытался возразить Юу, когда его прервал холодный голос.

– Достаточно слов. Все, что будет происходить дальше, уже не в Вашей компетенции. – И, придерживая Мику с трудом стоящего на ногах, Шикама ведет его к школе. Оборачиваясь, плотнее прижимаясь к парню, Микаэль одаряет Юу насмешливой ухмылкой, из-за которой тот, презрев присутствие помощника школьного президента, готов кинуться на него. Это не первое доказательство того, что Мика просто симулирует. Эти взгляды и улыбки Амане наблюдал буквально с того самого момента, как их обнаружил Шикама Доджи, потому-то Юу и не испытывал угрызений совести и не мог понять, как этот парень не сумел раскусить гадкое притворство этой двуличной сволочи.

Когда эта пара скрывается в здании, Юу не придумывает ничего лучше, как и самому отправиться на занятия, которые, скорее всего, станут для него последними. И снова за это можно поблагодарить Микаэля Шиндо.

– Принесите холодной воды, – командует Доджи и мальчик-младшеклассник, чуть склоняя голову, наскоро покидает комнату, а через минуту является, держа в руках емкость с водой и ставит ее на столик около кушетки, после чего с позволения секретаря президента покидает комнату совсем.

Смачивая в воде полотенце, Доджи касается лба пострадавшего.

– Как ты? – осведомляется он у Мики, который лежит на этой самой кушетке. – Держи вот так.

Юноша перехватывает полотенце, прижимая его к обработанной врачом ссадине. Как оказалось, удар Юу был поверхностным, скорее больше счесал кожу, нежели повредил голову, однако от кровопотери и от определенной порции боли это не освобождало.

– Почему я здесь, а не в медпункте? – задал вопрос Микаэль, оглядев недурно обставленную комнату.

– Мне показалось, что ты не хочешь привлекать к себе лишнее внимание и решил вместо того, чтобы тащить тебя через весь учебный корпус, просто отвести к себе. Но если ты чувствуешь дискомфорт, так и быть, могу отвести тебя в медпункт, – мягко улыбаясь, ответил Доджи и, некоторое время понаблюдав за подопечным, произнес: – Но думаю, это излишне.

Мика снова ничего не ответил. Вместо этого он опустился на кушетку и прикрыл глаза.

– Не скажешь мне, из-за чего произошла драка?

Когда парень услышал вопрос, он сразу же открыл глаза и настороженно взглянул на старшеклассника. В момент во всем его существе появилось холодное отчуждение.

– Не бойся, – усмехнулся Доджи, подходя к столику с аптечкой. – Я не настаиваю на ответе и ни во что не собираюсь вмешиваться. Я не стану требовать от тебя ответ, – мягко ответил Доджи. – Сейчас тебе нужно отдохнуть.

Мика все еще с недоверием и подозрительностью глядел на беловолосого парня. Зная Батори, трудно было предположить, что его помощник окажется более сердечным. Но Шикама вел себя так, что вскоре Микаэль поневоле ощутил спокойствие, ведь он не чувствовал вражды, злых помыслов или чего-то такого, что могло бы оттолкнуть его от своего спасителя. Более того, совсем скоро Шикама и вовсе собрался уходить из кабинета.

– Я отлучусь на какое-то время, – Шикама остановился у двери. – Ты можешь отправиться на занятия, но если все еще чувствуешь недомогание, оставайся здесь сколько потребуется. Не волнуйся, сюда никто не зайдет.

С этими словами он вышел, оставив Мику одного.

Ополоснув лицо в холодной воде, Юичиро посмотрел на свое отражение в зеркале. Смывшаяся кровь и грязь открыли несколько неутешительную картину, однако серьезных повреждений не было и спустя немного времени все должно было выглядеть сносно. В эту минуту юноша не думал о том, как будет смотреться в своем сценическом образе, что скажет ему Медина, когда он явится на репетицию, нет, он даже не был уверен, что пробудет здесь до конца дня. Вспоминая о том, насколько эта школа придерживается строгих правил, надеяться на то, что его оставят в ней, когда он наткнулся лично на заместителя Батори, рассчитывать крайне наивно. Скорее всего, он проводит здесь свои последние часы и есть

ли ему смысл идти на занятия или проще начать собирать из шкафчика вещи?

И снова всё по его вине. Похоже, Шиндо не успокоился бы, пока не избавил школу от его присутствия, иначе бы не повел себя так с Доджи. Мика долго и любыми способами добивался, чтобы сегодняшний день настал, он сознательно провоцировал его и уверенно вел к такому завершению. Браво! В избавлении от своих врагов ему действительно нет равных. Он с первого дня подставляет его и теперь подставил уже откровенно и с тяжелыми последствиями.

Он действительно демон, добивающийся своих целей любыми доступными способами.

Спустя время снова повторяется старая история. Только теперь, Юу понимает, она принимает куда более крутой поворот, нежели в детстве. Сейчас напрямую затрагиваются личные материи и спускать их осквернение с рук нельзя никому, даже если тебя вынуждают плясать под свою дудку. Мика заслужил его гнев бесспорно, спровоцировав его своим поведением, да только доказать свою невиновность будет не так легко, скорее всего даже невозможно. Если бы хоть Доджи застал их пока они сцепились друг с другом, претензии были бы к обоим, а так… Что говорить? Он увидел всё так, как есть, – Мика несчастная жертва, а Юу безжалостный палач.

«Что же делать?» – парень коснулся стекла кончиками пальцев. Несправедливость так рвала сердце, что он едва

сдерживался. К горлу подступил горький ком. Он закашлялся. Прижав ладонь ко рту, Юичиро чуть слышно прошептал:

– Помоги мне, папа…

– Юу, что у тебя с лицом? – изумился Хиираги, когда Амане пришел в класс. Глен ничего не спросил, но на его лице тоже читалось недоумение вперемешку с опасением.

– Ерунда, не обращай внимание, – Юу уселся за парту, игнорируя расспросы.

– Как не обращать-то, если ты дерешься где-то, пропуская занятия? Расскажи хоть, что случилось? С кем ты подрался? – развел руками Шинья, видимо не собираясь оставлять его в покое.

– Я ведь сказал, ерунда, не о чем беспокоиться, – с резкостью повторил Амане, не глядя на Шинью. Несмотря ни на что, даже на заботу друзей, сейчас никого не хотелось слушать и уж тем более что-то кому-то объяснять.

– Чё ты пристал, как банный лист. Не видишь, ему не до разговоров с тобой, – бросил Акутазава, приблизившись к парте Юичиро.

– Ты в медпункте был? – игнорируя Синго, спросил Шинья. Юу отрицательно покачал головой и обернулся в сторону Микиной парты.

– Что, его еще нет?

– Нет, не являлся, неприкасаемый наш, – хмыкнул Синго и тут его осенило подозрение. – Юу, а ты это случайно не…

– Угу, – промычал Амане, подтверждая догадку Акутазавы о том, что Юу и Мика все же встретились по пути в школу и первый хорошенько отплатил тому, кто поставил его в такое унизительное положение при всех отняв девушку.

– Так ему и надо, уроду, будет знать, как выкидывать подобные вещи, – одобрительно хлопнул Синго Юу по плечу. – Не парься.

– Юу, о чем он говорит? Какие вещи? – полюбопытствовал Шинья, хмуря брови.

– Шинья… понимаешь, – Юу терялся потому как не знал, как сказать парню о том, что вчера его сестра ушла с другим. Не только стыдно признать это для самого себя, но также тяжело рассказать об этом брату этой самой девицы. – Ай! – он махнул рукой, – ничего особенного. Всё как обычно.

– Не знаю, насколько у тебя там всё «как обычно», но тебя президент искал, – сухо проговорил Хиираги.

– Меня искал президент? Зачем? – в этот момент сердце Амане пропустило удар. «Вот и всё. Он уже знает об инциденте. Как быстро…»

– Он нам не отчитывался, – Шинья занял свое место и, устремив взгляд на Юу, чуть улыбнулся. – Сказал тебе зайти и всё.

Юичиро решил не терять ни минуты, и, если Батори хочет его видеть, чтобы обсудить с ним случившееся, он не заставит себя ждать. Он примет наказание как полагается, каким бы суровым оно ни было и не будет трусливо прятать-

ся по углам, опасаясь отвечать за свои поступки. Скрипнув стулом, Амане встал и быстро вышел из класса, оставив друзьям возможность только догадываться о том, что же все-таки произошло на самом деле.

Амане стоял у двери школьного председателя. Его немного колотило изнутри, в горле снова стоял горький комок. Однако он все равно постучался и когда услышал разрешение войти, толкнул дверь.

– Здравствуйте, извините, что заставил ждать, но мне только сообщили, что Вы меня искали, – сказал он, оказавшись внутри. Хозяина кабинета Юу обнаружил стоящим у окна, буквально как в тот раз, когда впервые увидел его в кабинете директора школы, но тогда Юу даже не подозревал, кем является этот высокий парень.

– Ничего страшного, проходите, присаживайтесь, – элегантно указав на стул, Ферид так и не обернулся.

«Как-то он больно сдержан, учитывая, что знает о моем поступке. В прошлый раз, когда нас вызвали вместе с Микой, он был другим…», – подумал Амане, отодвигая стул и присаживаясь. Нервы были сжаты в узел, он только и ожидал, когда Батори начнет предъявлять ему обвинения, но тот явно не торопился приступать.

– Слышал, Ваши дела в нашем театре продвигаются неплохо, господин Медина не нарадуется на своих учеников, – медленно изрек Батори.

– Д-да, он практически не делает замечаний и в конце репетиции остается полностью доволен, – неуверенно отозвался Юу, воспринимая это вступление как затишье перед бурей.

– Понятно, – тихо произнес Ферид. – А как Вы сами относитесь к участию в общественной жизни школы, учитывая, что жертвой великому искусству перевоплощения стали Ваши тренировки в клубе?

– Как я отношусь? – переспросил Юичиро, начиная терять ход логики председателя школьного совета, который завел разговор на совершенно посторонние темы, когда произошло такое ЧП. Или это тактический прием, чтобы поизводить провинившегося, дабы он как можно сильнее ощутил свою вину и в итоге сам не выдержал и во всем признался и покаялся?

– Даже не знаю… Пожалуй, поначалу было тяжело, а потом свыкся, даже интересно стало, – задумчиво ответил Амане.

– Интересно стало…

Юу похолодел от стрельнувшей в голову догадки. «Что если это проверка на то, как он реагирует на отсутствие тренировок и в случае чего намерен оградить его от них на еще более длительный срок, раз его это не так уж беспокоит?»

– Да, участие в постановке меня увлекло, однако я не перестаю думать о предстоящей игре, в которой боюсь опозориться.

Тихий смешок Ферида, заставил Амане вздрогнуть.

– Считаете мое наказание слишком суровым?

– Нет, что Вы. Вы поступили как должны были поступить, – покачал головой Юу, испугавшись. «Он играет со мной? Смотрит, как я отреагирую на то или иное слово? Чертовщина какая-то. Не зря его все стороной обходят, он ужасен»

– Я рад, что теперь Вы правильно расцениваете мои действия, – спокойно заключил Батори, не отрывая взгляда от лужайки под окнами. – Однако я вызвал Вас по другому поводу.

Юу снова сжался, предчувствуя удар.

– Признаюсь, мне пришлось пересмотреть некоторые свои вердикты, в результате чего я был вынужден внести коррективы в свои же решения, – ровным тоном проговорил Батори. «Поскольку дело не столько в суровых дисциплинарных санкциях, наложенных на виновных, сколько в том, что будут затрагиваться интересы всей школы». – Иными словами, со следующей недели Вам будет позволено вернуться к тренировкам.

– Правда? – изумленно выдохнул Юичиро.

– Именно. Но только знайте, спектакль остается на первом месте. Запрет с тренировок снят, и Вы вправе делать, что Вам заблагорассудится, только не в ущерб школьному кружку. Никто Вас не осудит, если Вы будете пропускать тренировки на поле. Вы меня поняли?

Амане все еще склонялся к версии о нереальности и иллюзорности происходящего. Ведь не мог же Батори после того, что ему донесли, просто взять и разрешить Юу выходить на поле, вместо того, чтобы навсегда отстранить его от тренировок в клубе?

– Амане? – настойчиво повторил Ферид и только сейчас обернулся. На удивленном лице ученика он мгновенно заметил следы физического вмешательства. – Что с Вашим лицом? – пристально глядя на парня, осведомился он строго.

– Так, э-э…

– Отвечайте четче, когда Вам задают вопросы.

– Ну, это, а Вы разве не знаете? – растерянно проговорил Юу. – Вам не сообщили?

– Кто не сообщил? О чем? – сдвинул брови Ферид.

– О драке…

– Какой драке?

Юу был окончательно растерян. Неужели он и впрямь ничего не знал и вызвал его не по этому поводу?

– Ну, о драке возле школы? – Юу посчитал, что Батори попросту забыл об этом и попытался ему напомнить. Хотя ни первое, ни уж тем более второе действие не были логичными по своей природе.

– Впервые слышу, – поднял бровь Батори. – Значит, возле нашей школы произошла драка и Вы приняли в ней участие? Вы один или был кто-то еще из нашей школы?

– Нет, никого больше, клянусь. Я был один. И то, всё вы-

шло совершенно случайно, – учуяв спасительную лазейку, хотя бы на первых порах, попытался оправдаться Юичиро. – Я вовсе не собирался впутываться, произошло одно обстоятельство, из-за которого меня втянули в эту разборку.

– Какое же обстоятельство? – глаза сузились.

– Извините, – Юу посмотрел на свои руки, лежащие на коленях и сжал кулаки. – Как бы я не хотел, но я не могу назвать Вам причины. Это личное.

– Личное? – прозвучал холодный голос.

– Да…

– В таком случае Вы признаете, что позволили втянуть себя в драку за территорией школы?

– Да.

– Позволили, прекрасно понимая, что драки запрещены, как на территории, так и за пределами школы?

– Да.

– Хорошо, – спокойно ответил Ферид и прошел к своему столу. Сев в кресло, он сложил руки в замок на столе и величественно взглянул на зеленоглазого брюнета. – Сейчас можете отправляться в медпункт, а потом немедленно на занятия. В течение дня Вас известят о виде занятости на сегодня.

– И это всё? – распахнул глаза Юичиро, который уже мысленно готовился распрощаться со школой. «Но как? Почему он ничего не знал? Неужели ему не доложили? Как так?

Хотя радоваться рано, это еще вопрос времени…»

– Поверьте, когда озвучат список дел, Вам не будет казать-

ся, что их мало, – на тонких губах скользнула тень улыбки. – Идите, Амане, и готовьтесь.

Ничего не понимая, Юичиро покинул кабинет школьного председателя.

Безжалостный Ангел

– Проинформируйте его о возложенных на него обязанностях как можно скорее.

– Слушаюсь, – ученик слегка склонил голову, после чего вышел из кабинета. Только когда дверь закрылась, Ферид смог позволить себе немножко расслабиться.

– Не слишком ли мягко? – к его креслу подошел длинноволосый юноша и опустил руку на спинку стула. – Поступок из ряда вон выходящий.

– Признание смягчает приговор, разве не так? – уголком губ хмыкнул Батори, устремив взгляд на своего заместителя, на что тот только развел руками. – И нужно отметить, что, если бы в этом инциденте принимали участие исключительно ученики нашей школы, разумеется, никто бы не избежал строгого наказания.

– Хм, в таком случае нам нужно только поблагодарить Небеса за то, что только один наш ученик столкнулся с жестокостью внешнего мира, – с улыбкой проговорил Доджи, умалчивая также и том, что второй пострадавший сейчас находится в его комнате.

– Опять же, это произошло за пределами школы. Как бы нам не хотелось, но нести ответственность за учеников, находящихся вне стен нашей альма-матер мы не в силах. За ее пределами они вольны делать, что им заблагорассудится, и

единственным судьей является их собственная совесть, чувство благородства и родные. Или ты полагаешь иначе? – президент сузил глаза.

– Я не в состоянии оспаривать подобные решения, – спокойно отозвался Доджи с легкой полуулыбкой на лице. – Но, пожалуй, если бы меня спросили, я бы ответил так же, как и ты.

– Не могу смотреть, когда ты пытаешься показать, что твое влияние здесь недостаточно сильное.

– Я совершенно доволен тем, что мне выпало и нисколько не стремлюсь к большему. Моя роль, полностью удовлетворяет мои желания, – мягко отозвался молодой аристократ, – и кто, как не ты, должен лучше всех это понимать. Всё будет так, как этого хочешь ты.

– Прогуляемся? – предложил Батори, бросив короткий взгляд на часы.

– Буквально одну минуту, у меня еще есть одно неоконченное дело, как только я с ним разберусь, тут же спущусь.

– Буду ждать тебя в саду, – сказал Ферид, после чего склонился над документами, Шикама же покинул кабинет.

«Всё будет так, как этого хочешь ты. Именно так, и никак иначе, – шагая по коридору рассуждал он. – Пока ты стоишь на вершине, пылая желанием властвовать и подчинять, я могу быть рядом и греться искрами твоего ярко горящего костра. И куда бы не подул переменчивый ветер, для тебя я всегда буду тем, кто в конце концов обозначит вектор воз-

горающего пламени твоей свободы… Так было всегда и так будет и дальше… Нам обоим уже не сойти с этого пути. Мы погрязли в нем навсегда, лишив себя права выбора…»

Став напротив двери собственного кабинета, Шикама не торопился войти. Прежде, чем зайти и увидеть оставленного им там Микаэля, он задумался. Но когда все же решился и толкнул дверь, застал пустующую комнату.

– Ушел, значит? – усмехнулся Шикама, войдя и притворив за собой дверь. Миновав кушетку, где еще несколько минут назад пребывал человек, он подошел к окну.

– Пожалуй, так даже лучше… Пусть я и хотел предостеречь тебя, но полагаю ты не хуже меня понимаешь, что нужно быть осторожнее и не попадаться на глаза тем, кто в итоге может навредить тебе…

– Можешь ты хотя бы сказать, что конкретно между вами случилось, за что тебя сюда определили, как бесплатную рабочую силу? Ты еще и словом не обмолвился.

– Ребят, я правда не в настроении это обсуждать, давайте потом, – Юичиро водрузил очередной ящик с землей для пересадки тепличных растений на стол. Утерев лоб, он последовал к выходу из теплицы за следующим ящиком мимо Шиньи, задавшего вопрос, и Синго, который пришел сюда во время большой перемены не для того, чтобы выяснить отдельные детали, а скорее для того, чтобы оказать видимую поддержку пострадавшему от несправедливости товарищу.

И если намеренья Хииараги были чисты, как лед на реке, то Акутазава скорее пребывал здесь для личной выгоды. Поддерживая друга в трудный для него момент, он автоматически получал его доверие.

– Поменьше там болтовни! А вы шли бы отсюда подобру-поздорову! Если так беспокоитесь за товарища, лучше не отвлекайте его, а то вашими стараниями он до утра не управится, а если застукают за бездельничеством, еще что-нибудь покруче сообразят! – прикрикнул на них старшеклассник, приставленный для того, чтобы следить за приведением наказания для провинившегося в исполнение и за тем, чтобы ему никто не оказывал помощи, по совместительству также являющийся главным управляющим всеми здешними оранжереями.

– Он прав, лучше уходите. Если застанут вас тут, можете также схлопотать, – мрачно произнес Юичиро. – А о причине нашей драки трепаться нечего.

«Не говорить же Хииараги, что это все из-за его сестры, которая предпочла мне Мику»

– Скажи хоть, надолго тебя упекли? – помолчав, снова спросил Шинья.

– На пару дней, пока пересадка не окончится, – пожимая плечами, ответил Юичиро. – Честно, парни, идите. Не мешайте. Хотелось бы успеть до звонка.

Собственно, делать было больше нечего, кроме как последовать совету – удалиться. Двое одноклассников вышли из

оранжерей и последовали по тропинке к школе.

Тяжело вздохнув, Амане вновь принялся за работу. Наказание оказалось вполне сносным для него и вполне приемлемым, особенно, если сравнивать его с самой крайней мерой – отчислением из школы, на которое он рассчитывал, учитывая свою провинность. Но по какому-то необъяснимому случаю, его не только не выгнали, но и наказание придумали небезбожное. Тут было два варианта: либо до Батори так и не дошла реальная информация об утреннем инциденте, либо он по каким-то личным соображением решил сделать поблажку и ограничиться простеньким наказанием, которое скорее можно было назвать профилактической мерой. При этом запрет на тренировки в спорт-клубе так и не последовал, хотя в прошлый раз, это было первым лишением за несоблюдение правил. Что же в этот раз? Школьный идол решил проявить к нему великодушие? Но с чего бы это вдруг?

Над этой темой кто угодно другой мог бы еще долго ломать себе голову, но только не Юичиро и не сейчас. Вместо того, чтобы обдумывать мотивы поступков руководства, он предпочитал скрыто радоваться тому, что наказание не приняло крутой оборот и он легко отделался.

Куда как больше его воображение занимали видения вчерашнего ухода Шиндо и Хиираги из актового зала и то, как они провели остаток вечера. После состоявшейся разборки его пыл немного поутих, он не был уверен наверняка, но что-то подсказывало ему, что это попридержит Мику на какое-то

время. А в лучшем случае отобьет у него желание снова пытаться заигрывать с девушкой.

Юу не знал, чего хотел добиться Мика, провоцируя его утром на драку, но если вспомнить, что он легко отделался, то Мика явно в проигрыше. Если в этот раз его целью было отчисление Амане из школы, то он потерпел полную неудачу. Юу по-прежнему здесь и никто его отчислять пока не собирается, уж не понятно каким чудом. Но скорее всего этим чудом он был обязан заместителю председателя школьного студсовета, который хоть и грозил ему расправой, но все же промолчал. Или же это была инициатива самого Батори, впрочем, сейчас не суть, кто вступился за Амане.

Главное, что теперь, видя, что Юичиро остается безнаказанным даже после такого проступка, Мика может поостеречься снова нарываться на открытое столкновение, которое ему совершенно не на руку, беря во внимание его дрянную физическую подготовку. Видимо и сам Микаэль это понимал, поскольку вел себя довольно тихо. Разумеется, никто из окружающих не заметил его подавленности, выглядел он как всегда самоуверенно, но Юу углядел это мрачное напряжение в его дерзком взгляде.

Как только Мика вошел, по классу пронеслась волна перешептываний. Каждый гадал, связанны ли его опоздание и следы на лице с теми же событиями, отпечатки которых наблюдались и у самого Амане. Когда они возникли и, главное, по какой причине. И лишь малая часть из всего класса точно

знала ответ на вопрос, волновавший большинство. Синго и парни, участвовавшие в спектакле, отлично понимали, чем вызваны сегодняшние синяки и ссадины на лицах враждующих одноклассников, но выказывать свои мысли вслух не торопились.

Однако пусть большинство не знало причины, но сомнений в том, что оба парня получили свои боевые отметины друг от друга, не было, а посему вскорости по классу пронесся еще один гул, выказывающий скорее некое уважение к конфликтующим лагерям, сцепившимся в честном поединке на задворках школы и оставивших друг на друге практически равные следы.

– Черт бы тебя побрал! – раздосадовано прошипел Микаэль, вскакивая с дивана, на который уселся Кота. Все бы ничего, если бы этот грязный кретин не начал нашептывать ему всякую чушь и распускать руки, якобы Шиндо совсем лишился чувствительности и не заметит их на своем теле, а такое бесцеремонное обращение просто выводило из себя. Лучше было пойти во двор, чем сидеть в этой комнате и выслушивать чужой бред.

Когда разъяренный юноша слетел с места, Нагашима только усмехнулся.

– Как ты? Сильно болит? – осведомился Леонард, когда взволнованный Микаэль остановился рядом.

– Никак беспокоишься обо мне? – фыркнул Мика.

– А разве удивительно? – добродушно отозвался тот. Ничего не ответив, Мика только опустил взгляд к полу. Было кое – что, чего он в этой ситуации с Юу понять не мог, сколько не старался. И чувство того, что где-то он допустил ошибку, не оставляло в покое.

– Не злись ты, я тебе наоборот уважение хотел свое выказать, – с кривой ухмылкой, проговорил Нагашима, разваливаясь на диване. Наир, стоявший в углу, также как Коэн и Шиндо, покосился в его сторону.

– Идеально раскрашенный фэйс нашего общего знакомого твоих ведь рук дело? Не удивляйся ты так, – добавил он, видя, что Мика нахмурил брови. – Об этом на каждой перемене все по углам шепчутся. Теперь важно, чтобы это до нашего многоуважаемого председателя не дошло, а то влетит тебе также, как и Амане. Будете вместе червяков по цветочным кадкам на переменах гонять.

– Это ты таким оригинальным образом ему свое почтение выказываешь, а, Кота? – хмыкнул Томоказу.

– А что если и так. Если вступил в неравный бой и добился каких-никаких результатов, так получи, что причитается по праву.

– В неравный бой? – присвистнул Шиндо. – Что ты этим хочешь сказать?! Унизить меня решил?! Якобы, я ему не сделаю ничего!

– Что ж ты так с полоборота заводишься? – Нагашиму явно веселило его состояние. – Я не это имел в виду.

– А вот, что я тебе скажу, – гордо подняв голову, с вызовом проговорил Мика, глядя на спортсмена. – Плевать я хотел на ваше и чье-либо другое почтение. – С этими словами он покинул комнату, громко хлопнув дверью.

«А с Юу, я еще не закончил. Он у меня еще попляшет»

– И что это было? – поднял бровь Кота.

– Задел ты его, вот что, – строго пояснил Леонард. – Он же ни в коем случае не желает признавать себя слабее него, доказывая всем своим поведением, что может быть с ним на равных, несмотря на свое непривилегированное положение.

– Так он и не слабее, чего заводиться-то? – хмыкнул Нагашима. – Или ему крышу сносит осознание, что его отец новой семьей решил обзавестись без его на то полного согласия.

Леонард смолчал, бросив тяжелый взгляд на дверь, за которой только что исчез Мика.

Когда учебный день был завершен, Юичиро, сумевший справиться со своими делами до конца дня, питал слабую надежду поговорить с девушкой. Выбрав укромное место у окна, он попытался позвонить ей. Ему не верилось до конца, что она способна вот так предать его. Где-то внутри он подыскивал любые оправдания ее поступку. Ведь могло что-то произойти, из-за чего она была вынуждена спешно покинуть репетицию и не звонить ему до сего момента. Шинья, конечно, ничего не говорил о проблемах в их семье, но у де-

вушки могли возникнуть какие-то особые дела. В конце-концов, она могла просто плохо себя чувствовать и не быть в силах дождаться окончания, а после могло возникнуть что-то еще, что помешало ей сообщить Юу о причине своего ухода.

Глядя вниз на школьные ворота, он искал всяческие оправдания ее вчерашнему действию и ужасно хотел, чтобы хоть одно его пророчество сбылось. Однако пытаясь который раз дозвониться, он в какой-то момент, оставил телефон и прильнул к окну. Сначала он хотел броситься на улицу, но следующее действо приковало его к месту.

Как больно и ужасно было видеть, как к вышедшему из школы Микаэлю, с милой улыбкой подошла Хииараги Шиноа. Перебросившись фразами, они вместе последовали по тротуару, смешались с другими школьниками и вскоре совсем скрылись за углом.

Такое отчаянье овладело Юичиро, что он не заметил, как выронил из руки мобильный, который по-прежнему безрезультатно вызывал абонента…

Снова начали тянуться бесконечно долгие дни. Отчаянье Амане сменилось тягостным смирением. С того дня он больше не пытался связаться с Хииараги, которая предпочла ему другого парня. Злился ли он на нее или ненавидел, трудно было сказать, но то, что ему причиняло боль её предательство, это неоспоримо.

Даже драка с Микой не отбила у последнего, желание продолжать встречаться с его девушкой. Правда Юу не мог сказать наверняка продолжаются ли их отношения до сих пор, ведь эта парочка по каким-то причинам прекратила показываться на глаза – Мика приходил и уходил из школы один, – однако Амане сердцем чувствовал, что они по-прежнему вместе, просто гуляют на нейтральной территории. Он мог читать это превосходство на лице Шиндо, оно-то и доказывало парню, что он остается в дураках. И если за Шиноа он просто тосковал, то Мика своим поведением надменного и упивающегося своим выигрышем победителя доводил его до бешенства. Что и сказалось во время одной из репетиций, перед неминуемо приближающимся спектаклем…

«Ненавижу… Ненавижу тебя, вечно ты встаешь у меня на пути и смеешься надо мной… Забираешь все самое ценное, безжалостно втаптываешь в грязь мои мечты, надежды, стремления! Все, чего я добиваюсь изо дня в день, ты с легкостью забираешь в один миг, оставляя меня в дураках! Лучше бы я никогда, никогда не встречал тебя! Сколько еще ты будешь потешаться надо мной? Исчезни! Исчезни! Ты… Ты…»

– Юу!

– Юичиро!

– Прекрати! Остановись сейчас же!

– А? – Амане словно просыпается ото сна и первое что он видит, это искаженное лицо задыхающегося Микаэля, судо-

рожно вцепившегося в его руки, стальной хваткой сомкнувшиеся на его горле. Юу мгновенно осознает положение и отпускает одноклассника, прежде чем испуганный Медина и другие участники успевают подбежать, чтобы остановить его.

Отшатнувшись и схватившись за горло, Мика откашливается, пока рядом Юу стоит в растерянности.

– Больной придурок, совсем спятил?! – хрипло выдыхает Шиндо, прожигая Амане ненавидящим взором.

– Юу, что случилось? – Медина заметивший, что между играющей парой что-то идет не по плану, переводит взгляд на Микаэля. – Мика, ты в порядке?

– В полном, – презрительно фыркнул Шиндо. – Только с этим сумасшедшим, – он указал себе за спину, где пребывал Амане, – я больше играть не собираюсь, раз он не в состоянии себя контролировать. Я на такое не подписывался!

– Юу, как понимать твое поведение?! Что на тебя нашло? – гневно воззрился на него учитель.

– Извините, я кажется чересчур увлекся постановкой, – Юу прижал ладонь ко лбу. От происходящего ему становилось дурно, словно вся кровь в секунды отлила от головы.

– Увлекся постановкой? Это теперь так называется?! – возмутился Микаэль, но учитель не обратил на него внимания, ибо побледневший Юичиро вызвал у него больше тревог, нежели быстро оправившийся Мика.

– А чего ты хотел? – присвистнул Синго, незаметно при-

близившись к нему сзади. – Думал, уведешь у него девчонку, и это тебе почетом и славой обернется?

– Что с тобой? Тебе плохо? – испугался за ученика преподаватель.

– Нет, нет. Все хорошо, – проговорил Юу и улыбнулся, дабы доказать свое благополучное состояние. – Я действительно немного заигрался, прошу меня простить, – он склонил голову, принося свои извинения скорее учителю, нежели Шиндо.

– В какой-то момент жизнь героев пьесы может полностью захватить контроль над актером, но нужно всегда помнить, что ты только проигрываешь чужую жизнь и погружаться в нее слишком глубоко опасно. Нужно всегда сохранять ту грань между реальностью и актерской игрой.

– Да, – решительно отозвался Юичиро.

– Юу, может тебя снова моим платочком обтереть? – хмыкнул Микаэль.

– Это совсем не смешно, Шиндо, – строго заметил преподаватель. – Раз ты в самом деле не жалуешься на плохое самочувствие, давайте сейчас сделаем небольшой перерыв, а после продолжим с того места, где закончили.

– То есть всем просто не терпится посмотреть, как этот психопат задушит меня окончательно? – процедил сквозь зубы Шиндо, но на его слова никто не обратил внимания. Впрочем, и не мудрено, здесь он был всего лишь марионеткой, засланной Батори и исполняющей его волю. Его отказ от

участия никем не воспринимался всерьез, и, что бы не происходило, он не имел права покинуть сцену, пока спектакль не завершится.

– Черт, – Мика спрыгнул с деревянной сцены и прислонился к ней спиной.

Спустя несколько секунд мимо него прошел Юичиро, воспользовавшийся ступенями по левой стороне сцены.

– Что же, Юу, ты нацелен на успех. Браво!

– Чего ты хочешь? – грубо отозвался Амане, обернувшись и хмуро взглянув на улыбающегося врага.

– Хочу сказать, что даже если ты меня реально умертвишь на глазах у всех, твоего позора это не отменит, – он лукаво прищурился. Взгляд синих глаз был вызывающим и дерзким. – Она останется моей.

Холодная волна прошла по позвоночнику Юичиро, а желание ударить недруга накрыло мгновенно. Но он сумел побороть свою горячность.

– Да пошел ты, – пренебрежительно бросил Амане, после чего развернулся и направился к выходу.

Пока он покидал актовый зал, Мика пристально следил за ним глазами.

«Все еще сомневаешься? Надеешься на успех? Нет, Юу, ты обречен и будешь оставаться там, где и должен быть. Рано или поздно, но я заставляю тебя ощутить беспомощность и отчаянье. Ты познаешь на собственной шкуре, каково это быть униженным и раздавленным. Узнаешь, как глубоко мо-

жет ранить одно слово, один поступок. От такого шрама не так-то просто избавиться»

Мика злорадно ухмыльнулся.

– Никто не останется цел. Никто, кто когда-либо захотел унизить меня, уже не отмоется от стыда. Никто не спасется. Всех уничтожу. Никого не пощажу…

Короткий монолог в пустом зале завершился и наряду с прочими Мика вышел из ненавистного ему помещения.

– Когда вы заканчиваете? – осведомился у него Коэн, когда Мика вышел на улицу и увидел их компанию, собравшуюся на крыльце.

– Почему вы еще здесь? – строго спросил Мика у парней, которые уже давным-давно должны были разойтись по домам.

– Да так, заболтались о том, да о сём, – с игривой улыбочкой пропел Нагашима, подзывая жестом Микаэля к ним. Обреченно вздохнув, Шиндо прошел к противоположной стороне и элегантно сел на выступ. Кота только хмыкнул на это откровенное противоречие.

– Тут буквально за минуту как ты вышел, Амане пролетел. Мне показалось, дверь вышибет и не заметит, – весело поглядел на друзей Нагашима. – Не в курсе, что там с ним случилось?

– Мне до него дела нет, – пренебрежительно махнув рукой, отозвался Микаэль.

– Хах, ну еще бы. Гуляешь с его девчонкой, что тебе до

этого неудачника.

– О, так вы уже в курсе, – растянул губы в хитрой улыбке Шиндо.

– Да уже все так или иначе в курсе. Такое не утаишь от людей, – хмыкнул Кота и добавил тихо, чтобы услышали только те, кто рядом с ним. – Сенсация, мальчик, за которым все увиваются с первого дня, вдруг начинает с девушками встречаться. Это же нонсенс. Свержение идеала.

– Сами безнадежные остолопы, раз решили, что я этим занимаюсь, – раздался насмешливый голос школьного идола.

Кота и все остальные резко обратили на него взгляды. Прикрыв глаза, мальчик-блондин улыбался, это была такая искренняя улыбка, что никто не мог отвести от этого ангела глаз.

– Я никогда не говорил, что меня прельщают подобные занятия. Если бы вы умели слушать, вас никогда не постигло бы такое горькое разочарование, как осознание, что все ваши труды тщетны и вы никогда не получите желаемого, – обворожительно-сладко проговорил он, взглянув на своих товарищей и от души посмеявшись над их смятением, чистым и звонким смехом, покинул арену.

– Вот те на, слыхали, маленький мерзавец, – Нагашима первым оправился после дерзкого заявления.

– Неплохое заявление. Смелое, я бы сказал, да только, боюсь, наш бесстрашный и самоуверенный Мика упускает одну крайне важную вещь, – проговорил Наир, поигрывая за-

жигалкой.

– Как бы он не сопротивлялся, – скрестил руки на груди Кота и поглядел на благоухающую лужайку, – а его судьба быть таким, и хочет он того или нет, но он уже несется очертя голову по этой тропе.

«Чувствуя в нем это безумное желание, эту жажду, пленительное притяжение, присутствие которого он сам не осознает или же притворяется, что не осознает, каждый, кто сталкивается с ним, понимает, что у него есть шанс и только потому, увидев его единожды, более не может забыть этого чувства развращенной вседозволенности, которое он излучает всем своим естеством»

– Ему по душе такая жестокая игра, сводить всех с ума, а после лишать их всякой надежды, и он без сожаления наслаждается ею, заманивая в свои сети, потом отталкивая, потом снова привлекая обратно и так до бесконечности, – после всех раздумий, тихо проговорил Леонард.

– Но когда-то же он должен остановиться, – пожал плечами Наир. – Так жить вечно невозможно. Он должен это понимать.

– А вы знаете, что случается с акулой, которая рыщет по океану в поисках добычи, когда она перестает шевелить плавниками и останавливается? – Леонард взглянул на друзей.

Те озадаченно покачали головой.

– Так и думал, – склонил голову парень. Затем он встал с

перил и пошел к ступеням. Спустившись вниз, Коэн остановился и, обернувшись к одноклассникам, тихо сказал:

– Она умирает…

Когда истекло время, данное на отдых, актовый зал вновь наполнился учениками и репетиция возобновилась. Смена настроения наблюдалась только у двух актеров. Один из них словно ощутил подъем, а второй наоборот поник. Медина только качал головой, поглядывая на рассеянного Юичиро. Волнения из-за предстоящего выступления усиливались, хотя мужчина был уверен в своих учениках, но когда происходили подобные неурядицы, он начинал переживать, как подобает руководителю, у которого появилась возможность не так блестяще представить плоды своих трудов, как того желалось.

– Ах, что ты снова не в духе, измучен? Что же тревожит тебя, моя любовь? Сомнения съедают? Полно же, оставь свою печаль. Я буду рядом. Смотри на меня, как я наслаждаюсь жизнью, и поступай так же, – смеется на сцене Шиндо, обхаживая своего благоверного.

– Разве это по сценарию? – на всякий случай Медина взглянул на листок и не нашел подобной реплики красавицы Дездемоны. – Какая к чертям импровизация накануне выступления?

– Улыбнись, Отелло, ибо ты становишься смешон, – пользуясь случаем шепчет Мика на ухо Юичиро и, желая окон-

чательно добить своего врага, берет в руки его лицо и впивается в его губы своими.

Не ожидавший чего-то подобного, Юичиро, замирает на месте, распахивая глаза. Одноклассники открывают рты, ибо впервые соблазнительный демон сам целует свою жертву. Прекраснейшая картина порока, которая захватывает дух у всех присутствующих. А Мика тем временем продолжает глубокий, откровенный поцелуй, пока преподаватель ищет пропущенную страницу.

«Его дыхание такое жаркое… Такое страстное. Как приятно, я и не предполагал, что это так волшебно. Это и есть поцелуй?..»

Сердце Юу начинает биться сильнее, набатом отбиваясь в голове. По телу пробегает волнительная и сладкая дрожь, приносящая феерическое возбуждение и наслаждение. Первый в его жизни поцелуй и его крадет этот безжалостный ангел…

Так сладко и притягательно, что Юу закрывает глаза, на мгновенье забывая о том, где он находится и кто тот человек, что сорвал с его губ печать целомудрия.

Впечатление, что Шиндо наслаждается своей местью. Вид Юичиро, которого пленили его ласки, ужасно будоражит сознание, заставляя ликовать в торжестве всё естество. И в тот самый момент, когда, теряя голову, Амане начинает жадно отвечать на поцелуй, Мика сжимается всем телом, распахивает глаза, в которых плещутся молнии, и ударяет Юичиро в

промежность с отвращением отталкивая от себя. И все это на глазах у изумленных одноклассников, которые так опешили, что не могут ничего ни сделать, ни сказать. Даже Синго и тот остолбенел.

– Не стоит брать так близко к сердцу свое фиаско. Научись принимать поражения достойно. А то, что ты себе позволяешь, просто омерзительно! – оскорблено выдает Микаэль, сжимаясь от негодования, пока Юу сгибается пополам от пронзившей его боли.

Сладостный миг оканчивается также внезапно, как и начинается, ударяя всей своей мощью реальности происходящего по сознанию и телу. Амане мгновенно окутывает страх и злость к тому, кто посмел так унизить его на глазах у всех. Что уж говорить о причиненной боли?

– Заткнись, гнусная тварь! – вспыхивает он, не в силах переносить более издевательства, даже забывая о телесной боли, со всей силы толкает «жену». – Закрой свой поганый рот! Ненавижу тебя! – кричит дрожащий от негодования Юу на упавшего на знаменитую «пятую точку» Микаэля.

– Черт, да что с вами происходит? Юу! – не выдерживает учитель, услышавший только крик со сцены и увидевший, как толкнули Шиндо. Вот-вот и Юу набросится на него с кулаками, чему нужно обязательно воспрепятствовать. – Что вы сегодня как с цепи оба сорвались?! Прекратите немедленно этот беспредел! Только и делаете, что срываете репетицию! Что с тобой? – он устремляет негодующий взгляд на

Амане, который по–прежнему кривится от боли.

– Ничего. Все нормально, – сквозь зубы процеживает Юичиро.

– Невыносимо! То одно, то другое, постоянно что-то вытворяете. Это не репетиция, это сумасшедший дом! Долго вы намерены срывать планы. А эта выходка с платком, пропитанным нашатырным спиртом! – он гневно воззрился на Шиндо.

– Какой мне выдали реквизит, таким я и пользовался, – спокойно отозвался тот.

– А тебе не показалось странным, что этот платок источает просто убийственный запах?! – воззрился на него учитель. – Почему не сказал об этом, а продолжил им пользоваться? Амане чуть сознание не потерял во время действия, когда ему этой дрянью стали лицо обтирать!

– Не заметил я ничего подозрительного, – пожал плечами белокурый юноша.

– Бог мой! Уже на этой неделе вы должны выступать, а вы здесь только отношения выясняете! – воскликнул Медина. – Сколько можно?! Почему вы никак не можете прийти к соглашению?!

– Я уже не первый год задаюсь этим вопросом, учитель, – усмехается Микаэль и проводит языком по губам, косясь на Амане, который с ожесточением взирает на него, и этот Микин жест только добавляет желчи и неприязни. – Наверное, потому что мы совершенно несовместимы, правда, Юу?

– Абсолютно, – чуть ли не впервые в жизни соглашаясь с врагом, отвечает Амане.

– Ребята, я не стану влезать в ваши личные отношения друг к другу и пытаться вас образумить, хотя, как один из ваших преподавателей имею на это право. Но должен сказать, что, если вы не договоритесь примириться хотя бы внешне и забыть о своей неприязни на какое-то время, вы можете потом очень сильно пожалеть. Не оправдав надежд руководства провалом на спектакле, вы оба понесете наказание. Так что, если не хотите наживать себе врагов в лице администрации, лучше одумайтесь, пока не стало совсем поздно. Справляйтесь со своими эмоциями и делайте все как полагается, тем более, участие в спектакле это ваш единственный шанс реабилитироваться.

– Больно нужно мне перед ними реабилитироваться, – фыркнул Микаэль, поднимаясь с пола. «Хотя, должен признать, перспектива стать посмешищем на ближайшие пару лет совсем не радует»

– Надеюсь, вы меня услышали, – строго проговорил мужчина. – А теперь продолжим. Осталось чуть-чуть.

«Да, совсем чуть-чуть и этот идиотизм завершится. Еще несколько дней потерпеть и всё. Всё окончится…»

Эта мысль в разных интерпретациях, но несущая одинаковый смысл, сейчас звучала в головах у обоих мальчишек. Собрав волю в кулак, преследуя каждый свои цели, они достойно завершили очередной день репетиции. Глядя на них,

на их выдержку после случившегося конфуза, другие парни постепенно подключаются к игре, но все их мысли продолжают занимать необычные и притягательные взаимоотношения двух враждующих сторон, которые лавируют и заходят в совершенно непредсказуемые стороны.

Наряду со всеми, Мика вышел из актового зала и двинулся по направлению к выходу. Юичиро одним из первых покинул зал, даже не взглянув в сторону Микаэля, а посему юноша был полностью довольнен собой. Бросив случайный взгляд на коридор, он на мгновенье задержал его на беловолосом старшекласснике, как раз вышедшем из кабинета. На несколько секунд их взгляды встретились. Когда Шикама едва заметно кивнул ему, Мика сжав уголки губ, отвернулся и вместе с остальными покинул здание.

Заместитель президента никак не отреагировал на явное пренебрежение со стороны человека, которому он оказал помощь, оно только вызвало улыбку на его лице.

В свою очередь Шиндо задавался вопросом, почему после прекрасно разыгранной им комедии, Юу только и заставили, что возиться в оранжереях. Неужели Шикама смолчал? Или снова вмешался Батори? Так или иначе, а доверия к «правой руке» школьного президента не было и быть не может. Пусть он и проявил милосердие, защитил его от Юичиро, но дальнейшие его действия вынуждают Мику остерегаться

его и не доверять. Он правильно сделал, что держался с ним осторожно в тот день. Все же Доджи из окружения Батори и его нужно опасаться, как и самого председателя.

– Мика, Мика, почему ты замолчал? – из плена рассуждений Микаэля выдергивает голос девушки. – Ты слышал, что я сказала? – сдвинула брови Хииараги.

– Да, слышал, конечно. Я с тобой согласен, – ответил ей парень, продолжая обдумывать ситуацию с Шикамой.

– Что-то ты мне сегодня не нравишься. – озабоченно поглядела на него Шиноа. – Наверно, ты еще не отошел после той драки, – предположила она, шагая рядом. – Ты точно не знаешь, кто это тогда был?

– Сказал же, не знаю. Я его первый раз видел, – с раздражением отозвался Микаэль. – Слушай, Шиноа. – Он резко остановился и взглянул на девушку. – Мне пора. Увидимся завтра.

– Завтра? А как же…? Ты же обещал пойти со мной в торговый центр! – она изумилась и расстроилась одновременно.

– Ничего не попишешь, у меня срочные дела.

– Какие? – Шиноа хотела броситься вслед за быстро удаляющимся парнем, но передумала. – Мика, постой! Какие дела?!

– До завтра, – не оборачиваясь, махнул ей рукой Микаэль. До слуха еще некоторое время доносились ее крики, от которых парню хотелось заткнуть чем-нибудь уши. «И как ей не стыдно орать на всю улицу, – презрительно покосился в ее

сторону Шиндо. – Ужасно. Как он ее терпел? Жутко неинтересная, приставучая, сил никаких нет выносить её. Вечно лезет со своими глупостями…»

Юноша усмехнулся сам себе.

«А может, лучшим наказанием для тебя было бы как раз оставить вас вместе и проследить, чтобы вы никогда не расставались? Сколько бы длилась тогда твоя игра в любовь, а, Юу? Ни за что не поверю, что некто, подобный этой глупой девчонке, мог привлечь твое внимание. Это смешно.

Как скоро ты бы возжелал сбежать от нее обратно ко мне?..»

Разверзшиеся Небеса. Беспощадная длань Гименея.

– Я полностью и во всем полагаюсь на тебя. Однако же, доверяя ученику такую власть, я совсем не учел твои возможности и вот, кажется, наступает тот самый момент, когда придется поплатиться за собственное безрассудство.

– Директор, – юноша склоняет голову.

– Учитывая твою блестящую репутацию до этого, я вовсе не хотел бы делать выводы и делиться своими сомнениями по поводу твоей работы, выходя всего из нескольких случаев, тем более проследить которые было крайне тяжело, если вспомнить при каких обстоятельствах они происходили, но я делаю это только для того, чтобы не допустить большего промаха. Надеюсь, ты понимаешь ситуацию?

– Несомненно. Прошу простить мне мой недосмотр. Как глава школьного совета, я буду более бдительным и не допущу повторения подобных инцидентов.

– Хорошо, оставим эту тему. А сейчас скажи мне, как продвигаются дела у нашего театрального кружка? Неделя на исходе, я жду наилучшего результата, можешь ли ты мне его гарантировать?

– О, безусловно. Спектакль пройдет на высшем уровне.

Все участники превосходно себя показали и не ударят в грязь лицом. Я несколько раз посещал репетиции лично и могу уверенно говорить об успехе на предстоящем мероприятии. Так что будьте спокойны, господин директор.

– Неужели без эксцессов? Даже если он присутствует там?

– Как и предполагалось, – сохраняя спокойствие голоса на протяжении всего разговора, произнес с достоинством Батори, – на него это оказало не менее положительное влияние, чем на остальных участников.

– Твое решение отправить его участвовать в постановке и впрямь принесло пользу. Теперь осталось лишь убедиться в этом воочию.

– Совсем скоро Вы сможете это увидеть, – легкая улыбка появилась на тонких губах.

– Я очень хочу верить, что после спектакля мир снова воцарится в нашей школе, как было прежде. А ты не хочешь обмануть мое доверие, ведь так? – мужчина пристально взглянул на выпускника. – Полагаясь только на твое мнение, я позволил отстранить перспективного ученика от его основного занятия и свести на одном поле с тем, у кого с ним возникли конфликты с самого первого дня. С тех пор ситуация сильно обострилась, и я только жду, пока твои обещания вступят в силу.

– Совсем скоро все образуется, уверяю Вас. Я полностью уверен в этих двоих и в том, что, сотрудничая друг с другом, они помогут восстановить баланс в коллективе.

– Они же его и нарушили, – подметил директор.

– Они его и исправят, – заверил его Батори.

– Хм, – мужчина откинулся на спинку кресла. – Вот, значит, что ты тогда имел в виду, не договаривая мне свои мысли, ссылаясь на то, что тебе нужно еще какое-то время за чем-то понаблюдать. Ты изначально решил загрести костер чужими руками.

– Стандартные методы на него не действуют.

– Это верно, ты уже более чем полгода ничего не можешь сделать.

– Да, – Ферид досадливо закусил губу. – Именно с появление этого ученика, Амане Юичиро, я понял, кто наконец в силах справиться с ним.

– Уж не хочешь ли ты этим сказать, что Амане больше подходит на роль школьного председателя, раз у него есть талант справляться с такими сложными экземплярами, как Шиндо? – прищурился мужчина.

– Я бы мог подискутировать о его скрытом таланте перевоспитывать, но, боюсь, это будет беспредметный спор, – сухо ответил президент.

– Не принимай мои слова как нечто обидное, – улыбнулся директор. – Просто этот мальчик мог бы стать тебе хорошим помощником в организационных делах. Как я успел заметить, он неплохо ладит с коллективом и ему подчиняются даже те, над которыми заполучить контроль не так-то уж и просто. Талантливый ученик с задатками лидера.

– Я должен расценивать Ваши слова как приказ? – хладнокровно осведомился Батори.

– Скорее доброе напутствие. А принимать его или нет – дело твоё. Я не вмешиваюсь в дела школьного комитета, я могу только советовать, настаивая лишь в самых крайних случаях.

– Я понимаю.

– Тогда можешь быть свободен.

Закрыв дверь кабинета директора, Ферид вздохнул и прислонился к ней спиной. Внутренняя дрожь не покидала его во время волнительного разговора.

«О, это ужасно. Ситуация совершенно непредсказуема и ручаться за нее до самого конца – безумство. Что выкинет этот мальчишка в следующий момент и какой будет реакция окружающих, невозможно предсказать. Кто бы мог подумать, что появление Юу в корне изменит ситуацию, практически изменив политику школы. Если раньше каждый боролся только за себя, объединяясь по два по три человека лишь для вида, то под влиянием этих двоих создаются сплоченые группы, наблюдающие за происходящим и принимающие каждый свою сторону, создавая все больше очагов конфликтов.

Удерживать такую позицию будет сложнее…»

– Как прошло?

Ферид обернулся. В метре от него стоял Шикама, он выглядел озабоченным.

– Могу сказать, разговор был не из приятных, – ласково проговорил он, приближаясь к президенту и осторожно приобнимая его за плечи в дружеском жесте.

– Это касалось недавних инцидентов, – задумчиво ответил Ферид, а потом пристально взглянул на Доджи. – Скажи, тебе точно ничего не известно о том случае с Амане? Может какие-то подробности, когда или же с кем он столкнулся? – пристально взглянул на него Батори.

– Я бы себе не простил, если бы позволил себе утаить что-либо от тебя. Я знаю ровно столько же, сколько и ты. Не мучь меня вопросами, на которые я ответить не смогу, – вкрадчивый голос звучит крайне убедительно.

– Прости, мне казалось, если кто и может знать что-нибудь, то это только ты.

– Увы, – улыбнулся Доджи.

– Я обещал зайти к тебе и вместе выпить чая, но меня срочно вызвал к себе директор.

– Чайник еще не остыл, а потому мы прекрасно проведем время, – проговорил Доджи.

Вздохнув с облегчением, Ферид взглянул в лицо Шикамы и одновременно накрыл его белоснежную, изящную руку, касающуюся его груди.

– Когда ты здесь я могу забыть о том, что происходило пару минут назад…

– А правда, что Кирари и Инузуки из второго класса сце-

пились, парни из их компаний чуть не поубивали друг друга?

– Ого, реально что ли?

– А из-за чего?

– А вы не слыхали, хах! Об этом уже второй день говорят!

– Да из-за чего они могли сцепиться. Ясное же дело!

– Вот-вот. Ставки сделали, кто кого в итоге в дураках оставит, а потом спорить начали, чья возьмет, вот и докатились. Нет, ну вы что, и впрямь ничего не слышали?!

До слуха Амане долетали обрывки разговора одноклассников, но так как ему не было совершенно никакого дела до личных разборок учеников, устраивающих драки только потому, что не согласны с мнением о том, кто в итоге возьмет вверх в их борьбе с Микой, он даже не попытался вслушаться в чужие перешептывания. В другой раз он был бы удивлен тем, что их вражда с Микой так живо обсуждается другими и доходит до такого масштаба, но учитывая произошедшее накануне, его мысли вертелись лишь около сумасбродного поступка врага, чей поцелуй все еще ощущался на губах. Нужно также отметить, что весть об этом еще не успела разлететься по школе, иначе бы внимание учеников было сосредоточенно на этом событии, а не на недавнем.

Можно только догадываться о том, сколько вчера передумал дум Юичиро, когда злость отступила. Он совершенно не понимал действий Микаэля. Никогда раньше не понимал, а сейчас и подавно. Зачем ему нужно было прибегать к такому отвратительному действию, если он его ненавидит и если

он постоянно отрицает свою направленность? Неужели для него поцеловать кого-либо ничего не сто́ит? Он раздает свои ласки кому угодно: и врагам, и друзьям, не пренебрегая ни одним способом мести, если он действенный?

Идеальный способ унизить Юу на глазах у всех.

Но почему? Почему он это сделал? Почему поцеловал того, кого ненавидит? Понятно, чтобы поиздеваться, но неужели ему так просто это сделать?

Он совершенно, абсолютно ненормальный тип…

Но этот поцелуй…

Юичиро коснулся свои губ кончиками пальцев и зажмурился. Признавать, что ты испытал нечто приятное от поцелуя с таким как Микаэль, было убийственно даже спустя ночь размышлений. Потерять голову от одного только поцелуя… Такого не может быть… Почему? Почему с ним это происходит?

Он совершенно не понимает реакции своего тела на это безобидное прикосновение, которое отозвалось такой умопомрачающей волной. Что с ним происходит? Может он сходит с ума?

Ведь Мика ведет безжалостную войну и рассудок уже временами помутняется. Достаточно вспомнить вчерашний инцидент на репетиции. Он совершенно не контролировал себя в тот злосчастный момент. Быть может, реакция на поцелуй это тоже следствие его нервного истощения?

Эта сволочь уже так долго издевается над ним, а послед-

няя выходка, в которой он увел его девушку, а потом ходил и подкалывал, и вовсе чуть не свела Юичиро с ума, так что не мудрено, что он так неадекватно повел себя.

Поддаться, поддаться ему, на его уловку… Пойти на поводу – вот что обиднее всего. Неприемлемо ни в какой мере. Как он сумел так подействовать на Юу, что тот забыл обо всем, ведь не произошло ничего такого, если не считать того, что Юу впервые с кем-то поцеловался и этот кто-то оказался его злейший враг. Как пережить подобное? Как вытерпеть комментарии других, когда это распространится по школе?

Он знал. Знал, что делает, именно потому выбрал такой шаг. Даже если самому Мике было отвратительно, он пошел на это только потому, что был абсолютно уверен, что выйдет победителем.

Это так низко, так омерзительно пользоваться чужой слабостью…

Юу крепко сцепил пальцы в замок, коснувшись их лбом.

Да только откуда, откуда взялась эта слабость?.. И почему ему так больно из-за происходящего? Несправедливость, непонимание, собственная слабость просто разрывают на части душу.

Зачем он это сделал?..

Юичиро вздрагивает, когда на соседнюю парту падает рюкзак. Микаэль появился в классе как ни в чем не бывало и, только хмыкнув по направлению темноволосого парня, уселся за парту.

– Что-то ты сегодня совсем плохо выглядишь. Впечатление будто после бессонницы или, – Шиндо лукаво сощурился, – после бурной ночи. – Засмеявшись, он расстегнул молнию рюкзака и достал тетрадь.

Юу собрав все свои силы, постарался взглянуть на издевающегося над ним Микаэля непредвзято.

– Ты вчера так быстро сбежал, я даже удивился, ведь был уверен, ты хотел продолжить начатое после окончания репетиции. Так увлекся, – мечтательно пропел он.

– О чем ты? – сухо осведомился Юу.

– Ну как же, – продолжил потешаться Шиндо. – О том, как ты настолько расслабился, что начал даже отвечать мне, хах. А потом взял и убежал. Нехорошо, Юу, обманывать ожидания. Ведь мне было так приятно и тебе тоже.

– Странные вещи ты говоришь. А ушел я потому, что у меня были срочные дела. Я ждал окончания репетиции, можешь спросить у Синго, он подтвердит, что я торопился, – как можно спокойней ответил Амане.

– Да, – с улыбкой, сквозь зубы процедил Мика. «Только не делай вид, что тебе было все равно. Я видел, все видели, не смей строить из себя человека, которому на утро все равно. Ты же чуть не набросился на меня, а теперь пытаешься сделать вид, что для тебя это ничего не значит?»

– Лучше ты ответь, – Юу смотрел на книгу, которую сжимал в руках, – где ты был вчера?

«Меняешь тему, ну ладно, так и быть…»

– Хах, с каких это пор ты решил, что я должен тебе отчитываться в своих действиях? – Мика облокотился рукой о спинку стула и насмешливо взглянул на врага.

– Просто ответь на вопрос, – сдержано повторил Юу, чувствуя, что если не скажет ему этого прямо сейчас, просто не выдержит. Изменение темы, вот что сейчас спасет его от раздумий, которые пользы не приносят. – Что ты вчера делал? Ты встречался с ней?

– Не твое дело с кем я встречался, понял? – пропел Мика.

– Хорошо, ты не скажешь. Я понял, но тогда запомни, если я узнаю, что ты обидел ее, я тебе этого никогда не прощу! – твердо, с расстановкой произнес Амане, холодно воззрившись на человека, провоцирующего его гнев.

– Юу, а ты настоящий дурак. – Шиндо засмеялся, однако в его смехе слышались нервные нотки, которых до этих реплик Юу не было слышно. – Она же тебя бросила, а ты все еще страдаешь за ней?

– Я тебе всё сказал, надеюсь, ты меня услышал. – Сказав это, Юу будто отгородился от Микаэля незримой стеной равнодушия. Тот мог только удивляться и неистовствовать такому поведению соперника.

«Черт, неужели ты все еще страдаешь из-за нее после того, что испытал?» – отвернувшись от парня, всколыхивающего в нем возмущение, и, прикусив палец, подумал Микаэль.

В тот же день Микаэль встретился с Шиноа, придя к её дому. Совсем близко приближаться он не стал, поскольку не

хотел быть обнаруженным ее братом, поэтому попросил девушку выйти к нему в самой утонченной и изысканной манере, какую способен был проявлять по отношению к человеку, который интересовал его в наименьшей степени.

Спустя буквально десять минут Шиноа уже стояла перед ним, а спустя еще пару они уже прогуливались по одной из тенистых улочек города. Несмотря на то, что в прошлый раз с ней обошлись не самым лучшим образом, девушка была мила и приветлива и даже не упрекнула молодого человека в том, что он не давал о себе знать, а сегодня заявился как ни в чем не бывало.

Микаэль в свою очередь не стал тратить время на извинения и объяснения причин, в силу которых вчера проигнорировал ее, тем более, объяснений от него никто и не требовал, а посему решил перейти сразу к делу, правда для этого пришлось прервать Шиноа, которая пыталась ему что-то донести.

– Прости, но я хочу сказать, что вчера много думал о нас, о наших отношениях, – Мика выдержал паузу, необходимую как раз для того, чтобы девушка забыла о том, что собиралась сказать и обратила внимание на него и его настораживающие слова. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Возможно, – сглотнув, робко отозвалась Хиираги.

– Я считаю, для нас было бы неплохо видеться чаще, чем нам удавалось до этого. Я хочу получше разобраться в чувствах, которые испытываю к тебе, ведь до этого я руковод-

ствовался исключительно своим внутренним голосом, что твердил мне только одно: «Я должен чаще видеть её, ведь только тогда мне становится хорошо», – Микаэль с мягкой улыбкой взглянул на девушку, которая от его слов затаила дыхание. Догадаться, какого труда стоило Микаэлю промолвить эти фразы, она не могла, даже потому, что была обезоружена словами, звучащими почти как признание. Шиндо же, для которого более желанным было расстаться с ней прямо здесь и сейчас и уж никак не настаивать на проведении общего досуга, понимал, ради какого результата приносит эту жертву, а потому действовал без колебаний. – Правда, – он усмехнулся, – вероятно, именно эти мысли и доказывают мое отношение к тебе, ты так не считаешь?

– Очень даже считаю, – воскликнула Шиноа и опустила глаза. – Ведь я испытываю нечто схожее, когда остаюсь одна.

– Неужели? – наигранно изумляется Микаэль, словно для него это стало потрясением.

– Да, – тихо отвечает Шиноа. – Я клянусь, если бы я могла, если бы ты только захотел, я была бы с тобой каждую минуту, каждую секунду. Ведь когда ты рядом, мое сердце так отчаянно бьется и я забываю обо всем. Я впервые в жизни ощущаю нечто подобное.

«Хах, слышал бы ты ее сейчас, Юу. Небось, сразу бы отпало желание вступаться», – с презрением взглянув на идущую рядом девушку, подумал Микаэль.

– Я бы не хотел, чтобы ты обманывалась в своих чувствах

по отношению ко мне, но, услышав сейчас твои слова, я обрадовался. Ведь это означает, что я не одинок в своих мыслях. Ох, – он усмехнулся, прикрывая ладонью лицо. – Моё сердце сейчас так бьется. Хочешь послушать? – он остановился и с нежностью взглянул на Хиираги.

– Что? – вздрогнула та, покраснев.

– Подойди поближе, постой со мной рядом, – взяв ее за руку, юноша приблизил ее к себе и, нежно обхватив за плечи, привлек к телу.

– Ты слышишь? – прошептал он, прижимая голову девушки к своей груди.

Шиноа молча жалась к нему, она слышала, как трепещет чужое сердце и старалась уловить каждый его стук, ведь он обозначал то, что ее избранник искренен в своих чувствах и ее присутствие, ее слова действительно волнительны для него. Микаэль же просто удачно воспользовался учащенным ритмом, вызванным скорее негодованием и презрением к этой особе, нежели тем самым волнением молодого человека в присутствии своей драгоценной, чтобы окончательно убедить ее в своих намереньях.

– Находиться бы вот так в объятиях друг друга вечность и умереть вот так вдвоем, – прошептал он, незаметно скользнув взглядом по улочке, где кроме них поблизости не было никого.

– Я была бы самой счастливой, если бы так случилось, – смущенно проговорила Шиноа. – Я так люблю тебя… Я знаю

точно, кроме тебя мне никто не нужен. Если ты хочешь, я буду с тобой. Только скажи и я все сделаю, честно.

«Бедняга Юу», – мысленно хмыкнул Микаэль и его специфическое сочувствие к недругу отразилось кривой улыбкой на губах. Шиноа, конечно, не увидела и этого, поскольку была опьянена нежными объятиями парня, поглаживающего ее по голове.

Мягко усмехнувшись, Шиндо еще крепче прижал ее к себе.

– Я надеюсь, ты придешь к нам завтра на спектакль? Ведь в нем я буду играть только для тебя и даже если ты откажешься, знай, всё, что я буду делать, я буду посвящать только тебе.

– Я приду, даже не сомневайся, – Шиноа преданно посмотрела в его глаза. – Обязательно приду посмотреть на тебя.

– А после? – голубые глаза смотрят с трепетом и волнением, голос слегка дрожит. – Останешься ли ты со мной после спектакля?

– После? – страх проносится в ее взгляде, но Мика так прекрасен, так идеален, она и не мечтала, что когда-то ее будет обнимать некто подобный и говорить ей такие слова, а посему страх быстро иссякает. Долго ждать не приходится, чтобы девушка уверенно ответила, не спуская с него восторженных глаз. – Если ты попросишь… Всё что угодно. Ты же знаешь, я люблю тебя и готова на всё… Я останусь с тобой

столько, сколько ты захочешь. Хоть навсегда.

– Именно о такой девушке как ты мечтает каждый парень, – проговорил он мягко, – и я безумно рад, что она досталась именно мне. Такая преданная, красивая и любящая, готовая ради меня на всё…

– Мика… – щеки девушки залились еще большим румянцем, нежели прежде.

– А теперь, как бы мне не хотелось побыть с тобой как можно дольше, но я вынужден тебя оставить. Мне нужно готовиться к спектаклю, ведь если на меня будешь смотреть ты, я просто не могу оплошать, – беря ее руки в свои, говорит Микаэль, после чего целует девушку в щеку. – До завтра. Но как только с меня снимется этот груз, обещаю, я буду все свое свободное время посвящать только тебе.

С этими словами они расстаются. Юноша быстро уходит от переулка, где живет его одноклассник, которому он вовсе не имеет желания попадаться на глаза.

Единственное, чем он оправдывает свое поведение, это предвкушением завтрашнего дня, как униженно и растоптанно будет чувствовать себя Амане, когда на их спектакле будет сидеть Шиноа, и он будет знать, что она пришла не к нему, а после окончательным ударом будет то, что они еще и уйдут вместе прямо на его глазах. Равно как в первый раз.

Только ради этого момента, ради выражения его лица, ради той боли, которую он испытает, понимая, что потерял их обоих и, чувствуя каково это – оказаться брошенным всеми,

стоит потерпеть её возле себя еще какое-то время.

«Ведь никому не позволено безнаказанно забывать обо мне…»

– Ну что же, сегодня великий день. Великий день избавления, – с усмешкой на лице, Синго хлопнул Юу, впавшего в раздумья, по плечу. – Я сам уже малость устал от этого маскарада, длящегося целую вечность. Да еще и в такой компании, – он пренебрежительно покосился в сторону Шиндо, вальяжно сидящего на своем месте и покусывающего кончик шариковой ручки. Фыркнув, Акутазава отвел от него взгляд и устремил его на друга.

– Сегодня этому придет конец, – безучастно и довольно монотонно ответил Амане, после чего взглянул в сторону Шиньи и Глена. «Они так и не сказали наверняка, придут или нет, – он опустил глаза. – А хочу ли я видеть их во время спектакля?..»

Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что было бы куда лучше, если бы этих двоих не было в зале.

С самого утра он был немногословен и задумчив. Мать обратила внимание на его подавленное состояние несколько дней назад и тут же поняла, что период La Vie en rose для её сына снова потерпел фиаско, но поделать ничего не могла, кроме, как только сочувствовать и надеяться, что все еще образуется.

Многие одноклассники, кто замечал его погруженность в

себя, отождествляли это с волнением перед выступлением, что было вполне себе очевидным, если вспомнить какой значимости было мероприятие и по какой именно причине он оказался в это втянут. Но, несмотря на мнение большинства, мысли Юу были далеки от сцены и всего того, что с ней будет связано в ближайшие часы. Тут интуитивные умозаключения матери были наиболее близки к истине, ведь юноша в самом деле терзался мыслями о своей неудачной любви, которая была бы очень даже удачной не будь рядом одного человека.

Видеть довольного и вечно ухмыляющегося блондина, который гуляет с его девушкой, было крайне мучительно для него, а потому Амане старался по возможности избегать контактов с Шиндо. Как только звенел звонок, он старался уйти вместе с Синго из класса, прежде чем противник откроет рот и из него польется поток грязных насмешек и подколок, а возвращались обратно они уже буквально перед самым началом. Все это время Юу был сдержан и всем своим видом показывал, что его такое положение дел нисколько не смущает и озабочен он исключительно предстоящим мероприятием.

После очередного урока группа учеников, участвующих в постановке покинула класс и отправилась в актовый зал, где перед выступлением им должен был дать последние указания учитель Медина. Юу в пол уха слушал старого преподавателя и больше поглядывал в постепенно наполняющийся

людьми украшенный зал. Здесь же, за кулисами, собрались и ученики других классов, также участвующие в спектакле.

Пробегая глазами по ученикам, преподавателям и прочему люду, Юичиро вздрогнул. Сердце пропустило удар, когда он увидел среди прочих вошедшую в зал Хиираги Шиноа. Он подался вперед к тяжелой портьере, заслоняющей вход.

Это и впрямь была она, безошибочно. Но неужели она пришла к нему и теперь именно его разыскивает глазами? Может она решила извиниться, объяснить, что произошло? Иначе бы не пришла сюда, зная, что он тоже участвует.

Он уже сделал шаг, чтобы выйти из-за кулис навстречу ей, но прозвучавший голос заставил замереть на месте.

– О, это кажется ко мне, – пропел Микаэль, тоже поглядывая сквозь узкую щелочку и быстро миновав Юу, театрально отбросил портьеру изящным движением руки и вышел в зал. Амане бросился следом, но остановился, не сделав и двух шагов. Энтузиазм и уверенность, что бились в груди прежде, умерили свой отчаянный пыл. А когда девушка заприметила следующего к ней белокурого юношу и бросилась к нему, следовательно, предмет ее поисков нашелся сам и теперь уверенно следовал к ней, Юичиро осознал, как глубоко заблуждался и к кому на самом деле стремилось сердце молодой девушки. Боль и ярость вновь пропитали его сердце, и, если бы его не окликнул Медина, он бы непременно пошел на поводу своего горячего нрава и обязательно нарвался бы на новые неприятности.

Микаэль же как нарочно задержался в милой беседе с ней до последнего и когда уже вот-вот надо было начинать, вернулся в самую последнюю секунду, усадив свою пассию на подходящее место, и, самодовольного взглянув на Юичиро с какой-то мечтательно-нагловатой улыбкой, выслушал порицания преподавателя, при этом не замечая завистливого, недоуменного и восхищенного перешептывания одноклассников за спиной. Большинство из которых не стало бы открыто идти на конфликт с кем-то вроде Амане, человеком, скорым на жесткую расправу, не боящимся выступать открыто, а также страшась превалирующего с его стороны количества поклонников.

Юу и в этот раз достойно снес нанесенное ему врагом оскорбление и как бы Микаэль не пытался спровоцировать его на конфликт, стойко держался до самого конца.

Спектакль прошел на «ура», не оставив недовольных. Игра актеров-дилетантов произвела нужное впечатление, одним дав повод простить погрешности некоторых участников, другим – вдоволь повеселиться, наблюдая за своими одноклассниками, расхаживающими в костюмах прошлых веков по сцене. Особенно привлекали внимание переодетые в дамское платье кавалеры, чье появление на сцене каждый раз сопровождалось оглушительными свистами восхищения из зала, которые приходилось пресекать, дабы не превращать в балаган серьезное мероприятие.

Держать себя в руках Амане помогала лишь одна мысль

– единственная возможность окончить все это – сыграть без сучка́ и задоринки, что бы этот урод не попытался выкинуть. Только эта установка позволяла контролировать ситуацию, не обращать внимание ни на что, в том числе и на девушку, сидящую в зале и не сводящую глаз с ее «возлюбленного».

Сам же Мика видимо осознавал то же, что и Юу, потому как также воздержался от провоцирующих улыбочек и комментариев на протяжении всей игры. Но временами, уже уходя со сцены, он бросал ненавидящий взгляд на зал, в первых рядах которого с достоинством восседал президент их школьного совета.

Масштабный спектакль, в котором принимало участие сразу несколько классов, завершился и зал взорвался от аплодисментов, когда все актеры в костюмах вышли на бис. Точнее, почти все, только один не посчитал нужным выйти к зрителям, и, как только его партия завершилась, Микаэль поспешил покинуть актовый зал, предварительно сделав определенный жест Шиноа. Незаметно улизнув от учителя литературы, следящего до последнего за исполнением, он пробрался к выходу и, встретившись уже на улице с Хираги, они вдвоем проследовали мимо окон актового зала.

И уже стоя вместе со всеми и кланяясь благодарному зрителю, Юичиро обратив внимание на место, где прежде сидела Шиноа, а потом, скользнув по своим товарищам с болью обнаружил, что кое-кого не хватает. Видимо Леонард и Кота также обратили на это внимание, потому как их взгляды

рассеяно метались по сторонам.

Юу вернулся за кулисы более чем измученный и убитый.

– А Шиндо че, уже свалил к своей?

– Хах, быстро он.

– Ну еще бы, она, говорят, пообещала его вознаградить за труды по совести.

– Да ну!

– Ага, сам слышал, как он об этом трепался.

– Да врет, не иначе. Что он может, он же сам как девчонка! – не поверил насмешливый товарищ.

– Тем не менее, че он зря с ней ходить начал?

Услыхав чужие хихиканья, Юичиро обернулся в сторону парней, которые, заметив, что за ними следят, быстро свернули тему и постарались скрыться.

«Не может быть!» – мысленно воскликнул Амане, в то время как сердце его бешено забилось. Мысль об этом заставила всё внутри болезненно сжаться. Он не хотел верить и принимать что-либо подобное.

«Он с ней… Они собираются… Как? Этого не может быть, не может быть. Это же не справедливо, почему все так происходит? Такого не должно было быть. Неужели это правда?»

В отчаянье он бросился к двум товарищам своего врага, если их можно было так назвать, которые еще не успели покинуть гримерку, но уже собирались.

– Эй, где Мика? Вы знаете, куда он ушел? – подбежал

к Леонарду и Коте взвинченный Амане. И если бы не темный грим на его лице, доказывающий, что он истинный мавр, можно было бы заметить, насколько он был бледен в этот момент.

– А зачем тебе знать? – сухо осведомился Коэн, с подозрением взирая на главного недруга Шиндо.

– Ага, в самом деле, зачем? – подпрягся Кота.

– Я спрашиваю, где он? Я должен его увидеть! Это важно, – настойчиво повторил Юу.

– Для чего? Поблагодарить за чудесную игру, нет так ли? – хмыкнул Нагашима. – Так он не нуждается в комплиментах, уж извини, такой он у нас. Время только потратишь, да много нового о себе услышишь, хах. Или нашему Отелло не терпится с женушкой своей строптивой повидаться?

– Вы можете просто сказать, где он и всё! – прикрикнул на обоих Амане, сжав кулаки.

– Не ори, полегче давай, не один ты тут на взводе, – прорычал Нагашима. – Не знаем мы, куда он ушел. Куда посчитал нужным, туда и направился. Он же кот, может слыхал, тот самый, который гуляет сам по себе? Так вот, это про него, ушел и все, когда будет – неизвестно. Может завтра, может послезавтра, а может и вообще больше не увидим его на свете белом.

– Это уже чересчур, тебе не кажется? – сдвинул брови Коэн, поглядев на спортсмена.

– А чего? Я ж в том смысле, что опять натворит дел, да

папик его за границу увезет и только его и видели в этой школе, – ухмыльнулся тот и покосился на Юу, продолжающего ждать хоть каких-нибудь объяснений, которые рассеют его страхи. – Так что давай, иди по своим делам. Не знаем мы ничего.

С этими словами парни ушли, а Амане, терзаемый страшными думами, но не в силах вмешаться в происходящее, остался стоять на месте.

По неведомой причине Глен и Шинья отсутствовали в зале в тот момент, когда Мика и Шиноа оставили свои места и сбежали, и, скорее всего, Хиираги даже не заметил присутствия своей сестры среди других учеников. Чтобы не натолкнуться на друзей, которые скорее всего стали бы его расспрашивать, он поторопился убраться с территории школы.

Жутко настораживало, что ни Леонард, ни Кота не были в курсе дел Мики, хотя он должен был их посвятить, все же они общаются, но зная Шиндо, это также было неудивительно. Он вполне мог и не рассказывать им ни о чем таком, что касается его личной жизни. Поэтому они могли в самом деле ничего не знать, но возможно, что и нарочно не стали говорить ему правду.

Душа металась и рвалась от съедающей боли и злости на обоих предателей и успокоение отыскать было практически невозможно. Маленькой, совсем крошечной лазейкой становилась лишь слабая надежда, что всё обсуждаемое теми парнями являлось обыкновенной сплетней, не имеющей под-

тверждения, и что через два дня об этом никто не вспомнит, ибо такие бездоказательные вещи попросту забываются. На душе было беспокойно и боязно, терзали всякие мысли, не давали покоя упреки, и сила ненависти разгоралась все более ярким пламенем.

Тот день, казалось бы, удачный с одной стороны, прошел в тяжелых раздумьях и бессильных метаниях человека, чья возлюбленная добровольно бросилась в объятия его злейшего врага.

– Юу, может тебе погулять пойти, развеяться? – озабоченно смотрит на сына мать. Выходной день, на улице стоит чудесная погода, а он ходит как в воду опущенный, ничего не хочет, ничего не говорит, даже не рассказывает, как позавчера отыграли спектакль. Волнение окутывает душу женщины, которая печется о благе своего ребенка и не хочет видеть его несчастным.

Когда он выходит из кухни, она только тяжело вздыхает, опуская глаза, а когда в прихожей с глухим стуком закрывается входная дверь, она подходит к окну и с тяжестью на сердце смотрит вслед сыну. Молодость… такая сложная и непредсказуемая пора… Каждое событие кажется жутчайшей трагедией, которая никогда уже не обернется светом. Юные умы попросту не верят в это, когда небо над их беспокойной жизнью немного сгущают тучи. Они чувствуют лишь безысходность горести, в которую их нещадно бросил водо-

ворот событий.

Погода и впрямь стоит великолепная. Июнь щедро одаривает все живое своими дарами. Совсем скоро начнутся тесты, после которых грядут долгожданные летние каникулы, и во время них можно поехать за город, в горы, на море, куда угодно, или же просто быть дома, ходить гулять с друзьями. Словом, не важно, чем заниматься, ибо долгожданная свобода от учебных будней одинаково сладка везде, где бы ты не встречал её. Юичиро, шагая по шумной, залитой лучами ласкового солнца улице, возможно бы тоже порадовался предстоящим каникулам, если бы его так не мучили дурные мысли. Внешне он оставался спокойным, когда внутри сгорал от боли несправедливости бытия. Он не мог избавиться от навязчивых мыслей о девушке, которая возможно находилась сейчас в объятиях другого, проведя с ним вечер, а скорее всего и ночь после концерта. И весь вчерашний день и сегодняшний вероятно тоже посвятила ему. Ему… ему… Снова он, везде он, куда ни пойди, что ни начни делать, повсюду его преследует этот образ, от которого нет спасенья.

Она же совсем его не знает, даже не представляет, на что он способен и как поступит с ней. За столько лет знакомства с Шиндо Юичиро неплохо изучил его и знает, чего от него ожидать. Поэтому он больше чем уверен, что Шиндо движет не личная заинтересованность, а возможность поиздеваться над ним, и, только питая эту цель, он отнял у Юу Шиноа. Чтобы причинить еще больше боли и страданий. И жертвой

его мести ему стала она, даже не подозревая об этом. Она по глупости попалась в его лапы, которые без сочувствия и сожаления просто сомкнутся и раздавят её. Почему же она так глупо и наивно доверилась ему?

А Мика… ведь она совершенно не нужна ему. Как он может быть таким? Неужели ему до такой степени все равно, кого подпускать к себе? Он в состоянии безболезненно целовать своего врага, а потом отнимать у него девушку, к которой не лежит душа, и делать с ней «это». Способен в личных целях допускать до себя всяких похотливых типов и держать их рядом, дразня, как собак костью, надеждой, что он у них есть шанс на его расположение в будущем.

Насколько можно быть испорченным? Что должно было толкнуть человека на то, чтобы он стал позволять себе быть таким? Ведь раньше, еще в детстве, Шиндо был иным, а теперь… А теперь он окончательно скурвился. Его нынешним поступкам практически нет оправданий.

Подобные мысли отзываются необъяснимой болью в груди, словно ее прожигают свинцом. Ярость и негодование наполняют сердце от воспоминаний, как ластился к нему Микаэль, поддергивал по поводу Шиноа, уводил ее, находился в компании своих друзей. Многочисленные необъяснимые эмоции, которые словно ураган сметают на своем пути все, в том числе и истинное положение дел. И задаешься лишь одним вопросом – почему так болит душа?

Явление в школу становится в этот раз поистине тяжелым делом. Страсть как не хочется идти туда. Видимо безумное желание порождает страх столкнуться с правдой. Ведь если между ними в тот день всё действительно свершилось, Мика даст об этом знать самым изощренным способом, после которого Юу долго не оправится. Но в то же время толкает любопытство и стремление развеять страхи и понять, что слова лишь блеф и глупый трёп несведущих дураков. По большей части именно так он и воспринимает действительность, но всегда остается крохотный гнусный червь сомнений.

Собирая волю в кулак, Амане приходит на утро в школу. Шиндо уже там. Он сидит за партой в своей привычной небрежной позе, с расстегнутым воротом рубашки, оголяющим белоснежную кожу груди и шеи и, когда появляется Амане, даже не удостаивает его взглядом.

«Неужели все-таки было?»

Вызывает страшную мысль весь его самоуверенный и довольный облик, в котором появился какой-то новый оттенок личного успеха. Холодной волной осознание проходит по позвоночнику, сотрясая нервы. Когда он бросает взгляд на Шинью и Глена, последний разговаривает с парнем из команды, в то время как привычно жизнерадостный Хиираги както замкнут и погружен в свои мысли, а учебник в его руках служит для отвода глаз. Ощутив на себе чужой взгляд, парень с пепельного оттенка волосами вскидывает голову, но как только видит, что этот взгляд принадлежит Юу, быстро

кивает, слабо улыбаясь и старается сделать вид, что занят зубрежкой.

«Что с ним?» – мелькает в голове, но прежде, чем Юичиро подходит и спрашивает, что тревожит друга, смутно догадываясь о причине, его отвлекает разговорами Учида и это длится до самого начала урока. А потом получается так, что голову парня настолько заполняют свои собственные думы, что тревожиться о том, чем обеспокоен Шинья, ему попросту некогда.

Дело заключается в том, что сплетни снова достигают пика и по пути в корпус до Юичиро отовсюду доносятся голоса парней, которые обсуждают личную жизнь его знаменитого одноклассника. Все эти комментарии звучат так достоверно, что усомниться в их подлинности может только дурак.

«Нет, нет, мало того, что он сделал это с ней, так еще ходит и хвастает по всей школе! Это недопустимо, мерзко, отвратительно! Она его. Она должна была быть с ним, с ним, с Юу! А не с Микой, с этой лживой, двуличной сволочью!»

То, что между ними все же случилось это, и его оставил в дураках этот выскочка, лишив возлюбленной, вырвав ее тогда, когда она уже была в его руках, а потом сделал с ней все, что захотел сам, напрочь снесло голову Амане. Уже не сомневаясь ни в чем, такого оскорбления он пережить спокойно не мог. Со всех ног, сколько хватало духу, он побежал туда, где предполагал отыскать Микаэля.

– Юу, куда ты? – распахнул глаза Синго, который вместе

со своими друзьями сопровождали Амане на территории, когда тот внезапно сорвался с места и побежал в сторону аллеи. – Да наплюй ты на этих кретинов! Пусть себе болтают! Черт! За ним, – сплюнул он и помчался следом, догадываясь, куда именно устремился Амане.

Как и ожидал Юу, он отыскал Шиндо там, где видел его в последний раз, на ступеньках неиспользующегося входа в старый корпус. Тут же с ним были Леонард, Кота и Наир со своими двумя парнями. Полуприкрыв глаза, подпирая голову локтем, упирающимся в колено Нагашимы, Мика лениво слушал разговор спортсмена и Томоказу.

Количество присутствующих совершенно не испугало Амане, он шел прямо к своей цели, которая, завидев его, мило улыбнулась и, поднявшись, вышла вперед.

– Ааа, это ты, герой любовной драмы, – нараспев проговорил Шиндо. – Пришел-таки. Ну-с, с чем пожаловал?

В этот момент компания во главе с Синго выбежала вслед за Юичиро.

– Юу, куда ты так рванул? – Акутазава опустил руку на плечо друга, но когда его взгляд скользнул по местной аудитории, он едва заметно вздрогнул.

– А вы чего тут забыли? – чувствуя, что попахивает чем-то недобрым, поднялся на ноги Кота и грозно поглядел на присутствующих. Остальные тоже напряглись. Что до Синго и его друзей, то нарваться на компанию Микаэля им тоже радости не доставило и также вынудило насторожиться. Од-

нако покинуть Юу они не смогли.

– О, какие люди? Вижу, ты один уже не справляешь, с группой поддержки ходишь.

– Рот закрой! – прошипел Юу. – Не смей надо мной издеваться.

– Вообще-то я тогда о спектакле сказал, горе-полководец, а ты о чем подумал? – хмыкнул Микаэль.

– Ты прекрасно знаешь о чем! – выдохнул взбешенный Юу. Напряжение между этими двумя росло с каждой секундой, и какая невидимая сила удерживала их, было не понятно.

– Ах да, – Мика потер висок кончиками пальцев, якобы припоминая, – кажется я понимаю. Ты говоришь о ней?

– Да, я говорю о ней! – уязвлено крикнул Юичиро. – О той, кто, возможно, полюбила тебя, а ты так гадко ею воспользовался! Воспользовался ее доверием, наивностью! Ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Это уже не просто месть мне! Тут затронуто уже нечто большее!

– Какое благородство, видали вы такое? – хмыкнул Мика, обернувшись к своим друзьям.

– Слушай, Юу, брал бы ты свою компанию, и шли бы вы отсюда. Не ваше дело, чем Мика развлекается. Умей проигрывать, – проговорил Нагашима, став за Микаэлем.

– Это правда, что ты сделал с ней то, о чем все говорят?! – с болью воскликнул Амане. Его сердце колотилось и так билось в груди, что казалось, будто оно вот-вот пробьет кости.

Он не слышал никого и не видел ничего, кроме своего улыбающегося врага, чья омерзительная улыбка стала еще шире, после того как он задал последний вопрос.

– Отвечай!

Но Мика продолжал молчать и улыбаться.

– Мика! – на надрыве выкрикнул Юу.

– Юу, я впервые вижу тебя таким возбужденным, – с насмешкой сказал Микаэль. – Неужели так больно, ха-ха?

В душе он в ярости сцепляет зубы. Каждая мышца в изящном и хрупком теле напряжена до предела. «Неужели ты так ревнуешь, так печешься о какой-то девке? Ненавижу тебя, ненавижу! Предатель! Жалкий блюститель невинности! Даже после такого ты продолжаешь думать о ней!»

Его взгляд, его слова, его поведение все вместе твердило Юичиро о том, что его догадки и слова всех тех людей верны. Он был готов наброситься на этого наглого мерзавца прямо здесь и сейчас и разорвать в клочья за все унижения, за всю боль, которые он ему причинил, забрав его любовь и посмеявшись над его бессилием. Но единственное, что сдерживало этот безумный порыв, – это пребывание в стенах школы. Какой бы тварью не был Шиндо, но он не был достоин того, чтобы Юу по его милости еще вылетел из школы. А это бы случилось непременно, ибо еще только на той неделе он отбыл свое наказание, а следующий проступок, по словам Батори, напрочь лишит его какой-либо надежды на благополучный исход.

– Значит так, – твердо и холодно начал Юу, собирая всю волю в кулак.

– Хах, ты стал серьезным? Чем обязан такой чести, даже не обматеришь, не попытаешь задушить меня или побить?

– Не выпендривался бы ты, – зло покосился на Мику Синго. – Правда на его стороне.

– Да неужели? – лукаво прищурился Микаэль, с вызовом взглянув на парня. – Стыдно тебе, Синго, что в компании такого неудачника оказался? Рассчитывал, что на коне будешь, переметнувшись к нему, а сам опустился ниже плинтуса. Знай же, он к вам по праву присоединился. Такой же никому не нужный, как и вы все тут, – задорный смех прорезал пространство вокруг.

– Ах ты, грязная тварь!

– Сдай назад, – выступил вперед Нагашима, прикрывая своего безбашенного любимца. – А не то хуже будет.

При виде крепкого и рослого футболиста, Синго попятился, однако продолжил с ненавистью окидывать всех шестерых взглядом. Юичиро же пропустил колкость мимо ушей, продолжив спокойно и твердо говорить, не спуская пронзительного взгляда с главного врага:

– Сегодня в 7, у старого моста. И только попробуй не приди. Только ты и я. Хватит. Покончим с этим раз и навсегда.

– О, дуэль! – восхищенно воскликнул Шиндо. – Что же, я принимаю твой вызов, – он встретился с взглядом Юичиро. Губы озаряла легкая полуулыбка, в то время как сам Шиндо

глядел спокойно и с достоинством. – Договорились. Только ты и я, больше никого.

– Значит, будет так, – кивнул Юу и, развернувшись, быстро ушел прочь. Мика тоже развернулся и, сдвинув брови, направился в свою сторону.

– Ну и дела, – почесал затылок Нагашима.

– Он с ума сошел, что это с ним? Я его еще ни разу не видел таким, – растерянно проговорил Коэн. – Он был совершенно серьезен.

– Окончательно сдвинулся, – подытожил Наир. – Юу же его по стенке размажет. Вы видели его глаза? Даже у меня холодок прошел по спине, а я еще и не таких видел.

– Черт, если бы это был не Мика, а кто-то другой, можно было бы попытаться его отговорить, но не его, он же псих, самый натуральный, – покачал головой Нагашима.

– Плохо дело, – прикусил палец Леонард, лихорадочно думая.

– Пойдем, догоним, объясним, авось и послушает, – предложил Кота и, не дожидаясь ответа от остальных, пошел догонять Шиндо.

– Ну наконец-то, ты круто это придумал. Пусть теперь за все ответит тебе. Сколько можно легко отделываться? Достал уже тут всех, хоть ты ему покажи, чего он на самом деле стоит, – подзадоривал Юичиро Синго, шагая рядом с ним по улице.

– Точно-точно. Отомсти ему за всех, эта сволочь заслужила, – поддакнули остальные. – А мы тебя поддержим, как полагается. Знай, если что, мы всегда рядом и готовы расправиться с ним в любую секунду.

– Я сказал, что будем только он и я. Вам там делать нечего, – холодно возразил Амане, настраиваясь на предстоящее побоище. – Никто не смеет вмешиваться, это только наше дело.

– Да никто и не будет вмешиваться без надобности, мы просто будем рядом, – сказал Акутазава.

– Нет. Я иду один.

– Юу, ты что, серьезно? – Синго поглядел на товарища, по чьему виду трудно было подумать, что он шутит. – Юу, это глупо. Мы просто будем рядом с тобой. Или, – он усмехнулся, – думаешь, эта мразь придет одна.

Юу вздрогнул и впервые за все время пути обратил взгляд на него.

– Ты думаешь, Шиндо будет столь благороден, что явится один драться с тобой. Да он всю свою шайку притащит и как только поймет, что проигрывает, они все на тебя накинутся, если не сразу.

– Хм, – Юу задумался. – Пожалуй, ты дело говоришь.

– Конечно дело, что ты его не знаешь, эту крысу двуличную. Тут он тебе одно говорит, а за глаза другое. Сто пудов притащится не один, помяни моё слово.

– Да, с ним можно бороться только его же методами. Это

я давно понял. Хорошо, пойдем все вместе. Только не вмешиваться никому.

– Да о чем речь, – усмехнулся Синго.

– Тогда, встретимся в назначенном месте. А сейчас я хочу побыть один, – сказал Юу и, распрощавшись с друзьями, пошел своей дорогой. Ему и впрямь нужно было время, чтобы побыть в одиночестве, хорошенько подумать и взвесить всё, как следует до того, как наступит время.

– Мика, – Леонард нагнал Шиндо. – Ты уверен в своем решении?

Непоколебимый настрой разрушения присутствовал во взгляде, не давая шанса подумать, что обладатель этого взгляда способен пойти на попятный.

– Подумай, кто такой Юу. Он крутой спортсмен. За его плечами несколько лет упорных тренировок. Может, еще подумаешь да откажешься? – попытался отговорить его Нагашима, однако, что бы ему ни говорили друзья, он упрямо шел вперед, не произнеся ни слова. И только его внешний облик говорил о твердой решимости.

В какой-то момент парни остановились, а Мика так и продолжил следовать по своему пути, не обращая внимания на то, что остался один.

– Он вообще ничего не слышит, как помешался, – глядя ему вслед, проговорил Леонард.

– Точно больной. Самоубийца.

– А что если он так уверен и молчит, потому что попросту не собирается никуда идти? – высказал догадку Наир. Кота и Лео тут же обернулись к нему. Мысль была вполне приемлемой, но Коэн первый воспротивился ее вероятности.– Я не думаю, что это блеф, – сказал он. – К чему тогда было затевать всю эту комедию? Лично у меня сложилось впечатление, что с самого начала его встречи с Юу он добивался именно этого. У него даже глаза загорелись и в лице он переменился, когда Юу предложил эту драку. Он хочет её как безумный. Но почему?

– Черт его знает, что у него на уме и чего он добивается в реальности, – махнул рукой Нагашима.

– Так что будем делать? – спросил Наир.

– Мне кажется есть один самый достоверный способ убедиться во всем самим. Это пойти туда и посмотреть, что будет.

– Пойти с ним? – Леонард удивленно взглянул на спортсмена.

– А что, не плохая мысль, – согласился с ним Томоказу. – Поглядим на всё сами. Увидим, что из этого получится.

– Место известно, так что дело за малым, – хмыкнул Кота, тем самым ставя точку в препираниях, стоит идти или нет. Осталось дождаться назначенного часа и явиться на место предстоящей дуэли, до которой на тот момент оставалось не более двух часов.

И вот наконец настает тот самый день и час, с которо-

го началась вся эта долгая история о вражде и ненависти. Два разных и совершенно непримиримых создания природы столкнулись лицом к лицу в настоящей схватке. Прекрасные, сильные, наполненные неукротимой энергией свободы и жажды защитить и отстоять свой идеал.

Та самая минута, когда неподалеку неистовствует стихия темных вод, одна уязвленная трепетная душа сталкивается с другой. Сила их противостояния равна и ни один не уступит другому в первенстве. Уничтожит каждого, кто посмеет усомниться в степени его неприязни к врагу.

– Все-таки оба здесь, – ухмыляется Наир, поигрывая зажигалкой в руке.

– Чистой воды безумие, – внимательно следя за двумя парнями, скрестив руки, говорил Лео. Тряхнув головой, он отбрасывает с лица волосы, но сильный ветер набережной вновь раздувает их.

– Это правда?! – сжимая кулаки, кричит Юичиро, надеясь до последнего, что все это окажется глупой шуткой и его поражение как влюбленного и брошенного не будет столь оскорбительным. Вид его оппонента вновь не позволяет в этом усомниться.

– Черт, да сколько можно, неужели он еще сомневается? – говорит Синго, недовольно выдыхая.

– Начнем? – звучит в сгущающихся сумерках холодный голос Юичиро.

– Наконец-то, – фыркает Синго и, приблизившись, тем са-

мым насторожив парней из группы напротив, вынимает из кармана складной ножик, прихваченный специально для сегодняшней драки, и бросает его в рядом с Юичиро. Тот вонзается прямо в землю. Видя такую ситуацию, Наир проделывает то же самое, предоставляя холодное оружие Микаэлю. Но оба врага моментально отвергают данное им оружие.

– Как знаешь, – пожимает плечами Акутазава.

В следующий момент зажигалка выпадает из рук Томаказу Наира, который стремится поднять ее, тем самым объявляя начало поединка.

Срываясь с места эти двое, белой и черной молнией несутся навстречу друг другу, не боясь ничего. Бросаясь прямиком в лапы всепоглощающей ненависти и желая вылить ее на врага. Зрелище двух молодых хищников, вцепившихся и повалившихся наземь, завораживающее. Никакой жалости, никакого снисхождения. Бой не на жизнь, а на смерть – вот что олицетворяет собой эта безумная картина.

Оба почти не чувствуют боли, снова и снова бросаясь друг на друга. Она скорее разжигает в них воинственное пламя, будоража кровь и жажду поквитаться за все годы противостояния. Это уже не бой за поруганную честь девушки, то был лишь предлог, дабы встретиться в поединке и подготовить мечущиеся сердца к истинному началу сложных, переменчивых и совершенно невозможных отношений, кажущихся полнейшей утопией в их ситуации.

Ненависть, порождаемая великим чувством, которое каж-

дый таит глубоко в себе уже много лет, не зная, как подобрать слова и объяснить его для самого себя или же выказать другому, заставляет их сейчас проливать кровь и калечить тела с таким упоением и наслаждением, что это безумство превращается в жуткое зрелище.

Удары, крики боли, стоны, алая кровь, струящаяся по лицам, телам, окрашивающая белоснежные рубашки формы и смешивающаяся с грязью.

– Ну же, давай, ты же хочешь этого! – в бешенстве кричит Микаэль, порываясь с земли вперед, чтобы нанести обидчику новый удар, поболезненней того, который нанес ему тот, игнорируя и заменяя другими. – Так давай, чего ты ждешь?!

– Я никогда не прощу тебе этого, продажная тварь! – получая мощный удар коленом в живот, разъяряется Юу и наносит ответный увесистый удар парню, который сначала целует его, а потом идет и спит с его девушкой. – И почему от тебя не избавились, тогда бы я никогда не встретил такого как ты!

– Пытались некоторые, только у всех кишка тонка, как и у тебя! – ухмыляется Шиндо, сплевывая кровь и, снова бросаясь на Юу, однако следующий удар отшвыривает его, отчего сгибаясь на земле, он закашливается.

– Что, сдох, уже? – стоя над ним, злорадствует Юичиро.

– Не дождешься! – собирая остатки сил, ударяет его по ногам Шиндо, и когда тот падает на спину, забирается сверху, хватая за горло. Белая пелена и кровь застилают глаза,

Мика уже почти ничего не видит. Силы стремительно покидают его тело. Он вот-вот упадет, но он не может сдаться, не может позволить себе быть побежденным Юичиро.

Еще один удар обрушивается на него сбоку и он перекатывается на спину. Не видя ничего перед собой, он разворачивается и снова цепляется в Амане, чьи удары сыпятся уже не так точно и лишены той силы, что пропитывала их изначально.

Уже утопая во мраке бессилия, он сжимает окровавленную футболку Юичиро, чьи губы накрывают его собственные и металлический привкус усиливается, прежде чем он погружается в небытие на доли секунды, но коих достаточно, чтобы его пальцы не задушили Мику, и чтобы он оставил врага лежать поверженным на земле.

Раздаются встревоженные голоса друзей, чувствуются их руки на теле.

И только через время, когда рассудок затуманенный безумством возвращается, они оба видят, что сидят в нескольких метрах друг от друга у парапета, пока их приводят в чувства товарищи.

– Все закончилось? – еле ворочая языком, спрашивает Юу. По мере того, как охлаждается кровь, боль начинает чувствоваться отчетливей и он понимает, что горит каждая частица его тела. Но несмотря на это, он все равно поднимается на ноги и, прихрамывая, идет к Микаэлю, которого обливают водой из бутылки, чей взгляд совершенно расслаб-

лен и устремлен в никуда, но при приближении Юу он мгновенно фокусируется и смотрит все с той же горячей ненавистью, что и прежде.

Их взгляды встречаются. Кто победил, а кто нет… Здесь нет выигравших или проигравших. Оба чувствуют себя пораженными, и собственный жалкий вид приводит в большее бешенство.

«Война не окончена», – вот что читает каждый во взгляде и сердце другого.

Как только в доме раздается звонок в двери, Натаниэль бросая все дела, идет открывать.

– Мика, ты видел который час? Почему не отвечаешь на звонки? Сколько это еще будет продолжаться?! – раздосадованные реплики отца в мгновение ока стихают, как только он отворяет дверь и в комнату какой-то незнакомый рослый парень вносит на руках его избитого и израненного сына. На пороге стоят еще несколько незнакомцев, взволнованных и извиняющихся за столь неожиданный визит.

– Что это значит? – бледнея, выдыхает мужчина.

– Понимаете, тут такое дело, – бормочет юноша с серебристыми волосами.

– Куда его? – осведомляется крепкий парень. Натан указывает на гостиную, куда тот и идет укладывать свою почти бессознательную ношу. Мужчина идет следом. Он не знает, что и думать, но панике не поддается, сохраняя здравый рас-

судок.

– Клади его на диван, – командует он и, когда Нагашима подходит к дивану, помогает ему уложить на него Микаэля. Кажется, что он бездыханен, а белое лицо в ссадинах, неподвижные веки и следы крови и вовсе нагоняют жуткую мысль о безвременной кончине. Но при быстром осмотре мужчина с облегчением обнаруживает, что Мика дышит и не только дышит, а еще и едва слышно постанывает.

– Да что произошло? Кто-нибудь может внятно объяснить, почему он в таком состоянии? – наскоро осмотрев сына, Натан обращает разгневанный взор на парней, которые мнутся в прихожей.

– Подрался он, – коротко отвечает Кота, возвращаясь к ним.

– Как подрался? – изумился старший Шиндо. – С кем?

– Простите, мы мало что об этом знаем.

– Да, просто шли мимо, увидели. В общем, извините, уже поздно, мы пойдем.

– Всего доброго.

Никто не желал давать пояснения отцу Шиндо о случившемся на самом деле. Мика сам всё это затеял, так пускай теперь сам и выкручивается из-за этой выходки со своим отцом. Основываясь на этом суждении, так ничего не объяснив родителю, парни, кланяясь и извиняясь, наспех покинули дом своего друга, оставив его на попечение близкого человека.

Уже оказавшись на некотором расстоянии от дома Мики, Леонард остановился и обернулся.

– Может, правильней было остаться и помочь?

– Сами справятся, – буркнул Нагашима, приостанавливаясь и оборачиваясь. – А тебе что, хочется объяснять его старику, насколько у него сынок шарахнутый, что лезет на верную смерть? Лично я в это ввязываться не собираюсь, – фыркнул он. – Пусть скажет спасибо, что мы его домой доставили, а не там бросили.

– Вдруг он теперь решит, что это мы его, – потер подбородок Коэн.

– Да ну, ерунда, – отмахнулся Кота, хотя эта мысль заставила его поежиться.

– Брось, – отозвался Наир. – Это глупо.

– Сам знаю, – со вздохом изрек Леонард и двинулся вместе со всеми дальше.

– Черт, ну они и устроили, честно, не ожидал, – всё еще прокручивая в голове финальную сцену, усмехнулся Кота. – Сцепились на равных, а Юу ведь куда сильнее него.

– Да, кто бы мог подумать, – хмыкнул Наир. Леонард же не спешил поделиться своим мнением, но выглядел задумчивым, словно что-то его беспокоило.

– А ты че молчишь? – подтолкнул его Нагашима.

– Ребят, а вам не показалось, – медленно начал он, – что Юу… поцеловал его?

– Да ты че? Юу? Хах, нет. А если и было че подобное, так

я скорее подумаю, что Юу ему язык его острый намеревался откусить, чтоб болтал им поменьше, – засмеялся Кота. Его смех поддержали и остальные. Так что о своём мимолетном видении парню пришлось забыть, тем более оно было бы в самом деле абсурдным, учитывая то, с какой жаждой крови сцепились эти ребята.

В доме Амане произошла примерно такая же ситуация. Только, в отличие от Мики, Юу сам держался на ногах и его лишь слегка поддерживали друзья, так что о том, что он подрался, он сообщил ахнувшей при их появлении матери сам.

И вот под конец дня оба родителя занимались тем, что обрабатывали и перевязывали своим чадам раны, а после отправляли в постель. Невообразимо волнительный день выдался для двух взрослых людей, дети которых не думали прекращать свою глупую детскую вражду, даже спустя столько лет покоя и тишины.

– Проснулся?

Еще сквозь сон Микаэль ощущает, как нещадно ноет каждая мышца и кость в его теле и раскалывается череп. Попытка развернутся на бок, сопровождалась стоном. Боль в ребрах, по которым вчера хорошенько прошелся Юичиро, сегодня казалась просто убийственной.

– Папа? – едва слышно выдохнул он, оборачиваясь на голос, но спросонья еще не совсем осознавая реальность, в ко-

торой наступило утро следующего дня.

– Что же ты делаешь, Мика… – мужчина присаживается на постель к сыну и проводит рукой по взъерошенным после тяжелого сна волосам. Мальчика лихорадило всю ночь, поднялась температура, если бы не раны, он бы метался в постели, однако сегодня его бледное, изнеможенное лицо выглядело не так устрашающе, как накануне, когда оно было покрыто грязью, засохшей кровью и неприглядного вида ссадинами, собственно сверкавшими на белой коже и теперь.

– Что же вы никак не помиритесь, – с легким оттенком укоризны проговорил отец, с жалостью глядя на мальчика. Он не спрашивал его о том, кто нанес ему эти раны, потому как заранее знал ответ. Вчерашний вопрос парням был скорее инстинктивным.

– Как ты себя чувствуешь? Встать сможешь?

Вместо ответа, Микаэль пробует приподняться. Руки дрожат, напряжение приносит дополнительные крайне неприятные ощущения; с большим трудом, но ему удается привстать и занять сидячее положение, но тупая боль во всем теле так сковывает, что он ложится обратно и отводит угрюмый взгляд от пристального взора отца, следящего за каждым его движением.

– Полагаю, тебе сейчас не до этого, но ты помнишь, какой сегодня день?

Мика обреченно закрывает глаза и медленно кивает. Как такое забудешь? Даже когда тебе кажется, что твое тело уми-

рает в мучительных конвульсиях, но ты при этом каким-то чудом остаешься жив, не забыть, что сегодня наступает тот самый день, когда тебя снова заменят на постороннего человека.

Он зажмуривается, сжимая край подушки. Уж лучше бы Юу добил его вчера, приложив о камень, задушив или ударив так, что разорвались бы внутренние органы, чем сегодня нужно будет принимать эту женщину и ее сына, раскланиваться и распинаться перед обоими.

Не только тело, но и душу рвет на куски всепоглощающая боль.

«Юу, мерзавец, почему ты не убил меня тогда? Ненавижу тебя! Ненавижу, ты слышишь?..»

– Мика? – слышит он встревоженный его исказившимся от внутренней боли лицом, голос отца.

– Я в порядке, – открывая глаза и безжизненно глядя перед собой, тихо проговаривает Шиндо.

– Полежи, я пока приготовлю завтрак, – мягко говорит отец. Когда он уходит и Мика остается один, то предпринимает еще одну попытку встать с постели. Тело ужасно ноет, но перебороть боль удается. Держась рукой за ушибленное место на ребрах, Микаэль, чуть прихрамывая, держась за стенку, кое-как добирается до ванной. Внизу слышно характерное шкварчание, и ароматный запах бекона быстро наполняет комнаты. Правда аппетита совершенно нет.

Спуститься вниз представляется пока тяжеловатой зада-

чей и Мика не уверен, что сейчас ему это удастся, а посему возвращается к себе и снова ложится в постель.

– Мне пора, а ты ешь, отдыхай, спи. Школу сегодня пропустишь. К вечеру, надеюсь, тебе станет легче, – поставив на прикроватную тумбочку тарелку с завтраком, произнес Натан. – Я постараюсь прийти пораньше. Если сможешь, приберешься тут слегка.

– Хорошо, – приглушенно отвечает Микаэль.

– До вечера, – уже выходя из спальни, мужчина, бросая взгляд на сына, качает головой. В этом жесте выражается и нежность, и сочувствие, и усталость от постоянных стычек Мики с его школьным недругом.

Комната пустеет. Принимая сидячее положение и привaливаясь к стене, Шиндо устало глядит перед собой. Стоящая рядом ароматная трапеза не возбуждает желания прикоснуться к ней.

«Пойти бы в школу вместо того, чтобы оставаться здесь и убираться в доме, – думает он. – Но…»

Он закрывает глаза. В школе будет Юичиро, а видеть его ему сейчас не хочется. Да и не только Юу, там будет полным-полно людей, созерцать которых не доставляет ему удовольствия. Нет, быть дома, отходить от драки, убирать к приходу гостей и ждать вечера, который неизбежно наступит – вот что он будет делать сегодня.

Несмотря на многочисленные ушибы и гематомы, ему вскорости удается немного расходиться и более-менее быст-

ро передвигаться по дому, умудряясь еще навести кое-какой порядок в комнатах и спальнях, где уже много подготовлено к тому, что их в их дом скоро въедут новые жильцы. Единственное, чего не хватает, это вещей, которые они сегодня же и перевезут.

Кто они, какие будут, Мика не знает, ведь отец не вдавался в подробные рассказы о своей будущей жене и пасынке, а Микаэль был слишком занят собственными проблемами, чтобы приставать к нему с расспросами о людях, к которым заранее имел предубеждение.

Однако, когда этот день настал и у него выдалось свободное время, он задумался над этим и мысли о своей будущей жизни не внушали ему радужных перспектив. Воспротивиться он не мог, да и что бы он сделал? Закатил истерику и потребовал у отца «не приводить ему мачеху»? Так Мика уже давно понял, что несмотря на его желание или не желание, отец будет поступать так, как он считает нужным. В противном случае он бы не привел ему тогда ту женщину и не увозил его из страны, где ему нравилось и по которой он до сих пор тоскует временами.

Почему-то в представлении Шиндо рисовался образ его старой мачехи – бездушной, безразличной и жестокой. И пусть отец уверял его в прошлый раз, что нашел замечательную женщину, он все равно видел ее, а на месте ее сына ему представлялся маленький Эндзай, проявляющий свои зверские наклонности еще в раннем детстве, издеваясь и забивая

мелкое зверье.

Старший Шиндо вернулся к пяти часам, к тому времени Мика успел выполнить свою работу, чтобы хотя бы с виду все казалось опрятно. Ужин заказали в ближайшем заведении, и поскольку до прихода будущих членов семьи оставалось около часа, Микаэль поднялся наверх. По правде говоря, наблюдать за дерганным настроением отца ему было неприятно, поэтому он решил избавить себя от этого зрелища отчаянных приготовлений и уединиться у себя в комнате, пока она еще принадлежала только ему и ее не занял надоедливый, орущий, капризный ребенок.

Отрывая взгляд от книги, Мика снова и снова осматривал свою комнату, которая уже буквально через полчаса перестанет быть его собственной. Было такое впечатление, что его выкинут на улицу, как только сюда войдет новый жилец. Что его заменят как некогда, бросят и забудут.

Эта мысль настолько взбеленила все естество Шиндо, что он сжал книгу в руках.

«Ну нет. Никогда, никогда этого не случится. Я не позволю забыть о себе! Если думаете, что все будет так легко, то вы глубоко заблуждаетесь! Если я и позволю им жить в этом доме, то это не значит, что я когда-нибудь стану считать их членами моей семьи! Никогда этого не будет!»

В этот момент на столе зазвонил телефон. Это был Леонард решивший справиться о его состоянии сегодня.

– Хах, а я думал ты мне прямо с утра позвонишь, а ты аж

до вечера дотянул, – саркастично улыбнулся Микаэль, выплескивая на позвонившего всю скопившуюся досаду.

– Раньше просто не получилось, – раздался из динамика мягкий и спокойный голос.

– Так мог бы уже и вовсе не звонить, – резко бросил Микаэль.

– Видать, идешь на поправку, раз начинаешь дерзить.

– Кота? – распахнул глаза белокурый юноша, когда услыхал насмешливый голос нападающего команды. – Ты там какого черта забыл?!

– Ну как, встретился уже с мамочкой и братиком? Как они тебе? Вроде же сегодня к вам переезжают?

– Перестань, это не повод для шуток, – раздался отдаленный голос Леонарда, а после послышалось копошение, видимо тот попытался отобрать обратно свой телефон у здоровяка и, судя по тому, что через пару секунд раздался его обеспокоенный голос, у него это получилось.

– Действительно. Они уже пришли?

– Нет, – коротко ответил Шиндо, закрывая ладонью лицо. И буквально в ту же секунду по дому пронеслась мелодия звонка.

– Мика, открой двери! Встреть их! – раздался снизу голос отца.

– Всё, я занят, – бросил Мика друзьям и, отключив телефон, бросил его на постель и по-прежнему прихрамывая и держась за бок, который продолжал болеть при каждом дви-

жении и даже при вдохе, пошел к лестнице. Сердце билось в груди все отчаянней, словно предчувствуя беду с каждым следующим шагом. Все естество противилось действиям, но он решил сам для себя, что будет вести себя подобающим образом и ни за что не проявит своей слабости перед этими людьми.

Цепляя маску доброжелательности, Микаэль берется за ручку двери, пока в нее продолжают звонить с той стороны и распахивает.

– Ты?! – выдыхает он, когда видит, как зеленоглазый брюнет убирает руку от звонка.

– Мика?! – не менее удивленный, восклицает Юичиро.

– Что ты здесь забыл, убирайся от моего дома! – мгновенно вскипает Микаэль. Этот наглец, что он здесь делает, как смеет ошиваться около его дома, да еще и звонить, когда они ждут важных гостей. Но тут Микин взгляд падает на чемодан у ног врага, украшенного следами побоев, как и сам Мика.

– О, Мика, милый, здравствуй, – ласковый голос женщины привлекает его внимание. Эрика, мать Юичиро, поднимается по ступенькам, через плечо ее переброшена довольно большая сумка, а от их дома отъезжает машина такси.

– Добро пожаловать домой, – звучит мягкий голос отца за спиной Мики, который совершенно теряет нить восприятия происходящего.

– Что здесь происходит? – отшатывается в панике он, глядя то на удивленного Юу, то на приветливо улыбающуюся

Эрику, то на своего отца со всем радушием встречающего свою новую семью.

Летнее марево

– Что здесь происходит? – повторяет свой вопрос младший Шиндо, глядя как отец, обнимая женщину, целует её, а после пропускает её и ее сына к ним в обитель.

Юичиро действует строго по указке и, находясь в какой-то прострации, входит за матерью в дом. Минуя застывшего в дверях Микаэля, он мельком бросает взгляд, в котором сквозит извинение и слабая надежда, что все это какой-то глупый розыгрыш и сейчас им дадут разъяснения по поводу этого неуместного спектакля, на находящегося в том же положении полнейшего непонимания врага.

– Папа! – Мика обращает не столько гневный, сколько отчаянный взор на отца, но тот ровен, спокоен. С беззаботной улыбкой на лице он наконец обращает внимание на встревоженного как никогда сына.

– Полагаю, что в представлении ты не нуждаешься, ибо прекрасно знаешь Эрику и ее сына, а они прекрасно знают тебя. Но я все равно хочу представить их, так как отныне они станут частью нашей с тобой семьи. Эрика постарается заменить тебе мать, а Юу, думаю, не будет возражать стать тебе хорошим братом.

– Мика, я знаю тебя почти с младенчества, – мягко заговорила женщина с теплой улыбкой взирая на своего пасынка. – Я сознаю, что настоящую мать не заменит никто, но

уверяю тебя, я постараюсь сделать всё, что будет в моих силах. Пожалуйста, дай мне шанс быть тебе другом.

– Что? Что все это значит? – Микаэль дрожал как осиновый лист на ветру. – Зачем они здесь и что значит, они теперь будут частью нашей семьи?!

– Мама, – Юичиро, который до сей поры молчал, осмысливая положение в котором очутился, подал голос, глядя на мать с таким несчастным и потерянным видом, точно она совершила самое страшное предательство перед ним.

– Юу, дорогой, я сейчас тебе всё объясню, – Эрика подошла к сыну и отвела его чуть в сторону.

– Мама, как ты могла? Почему ты ничего не сказала? Я же был не против, я радовался, что ты нашла себе человека, который позаботится о тебе, но почему же, почему ты соврала мне? Это же Мика… – Юу смотрел на нее и не мог ничего понять. В первую очередь, решения матери сойтись с человеком, сын которого доставил ему по жизни уже столько бед, что иным бы на всю жизнь хватило сотой доли того, что заставил его испытать Микаэль. – Что это всё значит?!

– Прости, что сразу не сказала тебе, но я очень боялась, что ты будешь против, – взволнованно заговорила мать, с несчастным выражением на лице. Она прекрасно понимала, какую реакцию вызовет этим поступком у сына, но не могла отступить. Она, равно как и Натан, нарочно уходила от подробных объяснений о своем избраннике, дабы впоследствии достигнуть высшего блага для своего ребенка, нужда-

ющегося в полноценной семье и конечно же для себя, прожившей более десяти лет без обычного женского счастья.

Она как могла пыталась убедить Юичиро, донести до него, почему была вынуждена так поступить и что стало причиной этого поступка в целом. Однако принять известие, что отныне ему придется жить под одной крышей с самым ненавистным человеком во всем мире, было не так уж и легко. Все естество несчастного юноши противилось этой идее, он был готов тут же выскочить из дома и бежать, куда глаза глядят, и возможно, если бы не раны, он бы так и поступил. Но боль и рассудок практически взрослого человека заставляли его принимать ситуацию как данность. Он был готов неистовствовать, кричать, возмущаться, но мать говорила так проникновенно, что ему было сложно устоять.

– Мика, пойми, – Натан обратился к своему сыну все еще жаждавшему разъяснений.

– Я не желаю ничего понимать! – выдохнул Шиндо. – Почему они? – он указал в сторону Юу и его матери.

– Прекрати сейчас же, это невежливо, – одернул его отец.

– Невежливо? – переспросил Микаэль и залился истеричным смехом. – Невежливо? А вежливо было врать мне, или ты просто решил для себя, что мне совершенно все равно, кем будут эти люди?! Ты думал, что я соглашусь на кого угодно, будь то сам Дьявол?! – с яростью и отчаянием выпалил он. – Ты обманул меня. Ты даже ни на секунду не задумался о том, каково мне будет принять их! Ты знаешь, кто такой

Юу, но тебе было все равно! Ты даже не посчитал нужным предупредить меня! Ты ни словом не обмолвился, кем будет твоя новая жена и ее сынок! Ты только и сообщил, какая она распрекрасная и какой у нее чудный маленький сынок! Вот всё чем ты удосужился поделиться со мной!

– Не спорю, я говорил, что он младше тебя, но я словом не обмолвился, что мы ожидаем какого-нибудь трехгодичного малыша, – сдержано проговорил Натан. – Юу в самом деле на полгода младше тебя и…

– Вот как! – весело воскликнул Микаэль. В эти минуты ему казалось, что над ним потешается весь мир, заставляя его подумать, что это он дурак, который обманул сам себя, неправильно восприняв пояснения отца.

– Мика, пожалуйста, не веди себя как ребенок. Ты же сам дал свое согласие на наш брак, что сейчас изменилось? Почему ты сейчас так воспротивился? – мужчина с непониманием глядел на сына.

– Да потому что ты ничего не сказал мне! Ты утаил от меня самое главное! – выдохнул младший Шиндо. – Это же Юу… – привел это как последний аргумент, совсем отчаявшийся мальчик.

– Мика, я не сказал тебе правду только потому, что знал, ты не сможешь, просто не сумеешь правильно растолковать мои слова, – в сдержанном голосе Натана начали звучать несдержанные нотки. – Я не предупредил тебя, но только для твоего же блага, иначе ты бы никогда не принял это. Я от-

лично знаю, кто такой Юу и что вас связывает, но, сын, не пора ли прекратить эти детские распри. Вы уже давно не дети и давно должны были сами закончить все эти глупости. Я просто уверен, что когда вы узнаете друг друга получше, вы измените свое решение.

– Да никогда! Никогда этого не будет!

– Мика! – прикрикнул на него отец.

– Натан, не нужно, – к ним подошла Эрика и, коснувшись рукой плеча супруга, посмотрела на дрожащего и напряженного Микаэля. Юичиро в это время стоял в стороне. Невзирая на материнские доводы и свое согласие попытаться примириться, он не был готов сделать это тотчас и, взирая на Шиндо, который выплескивал свои эмоции так, как он позволить себе не мог, но очень хотел, испытывал даже некоторую зависть вперемешку с той же растерянностью. Ведь для него, как и для Мики, это известие стало не меньшим ударом. Он с ужасом думал о том, что его теперь ждет. С негодованием представлял, как будет мириться и свыкаться с жизнью, находясь вместе с этим человеком, желание задушить которого возникало не раз в его голове.

– Мика, – ласково заговорила тем временем Эрика. – Я понимаю, как тебе нелегко принять такой поворот. Как ты переживаешь и волнуешься, – она взяла его руку в свою ладонь и накрыла сверху второй. – У вас с Юу всегда были очень сложные отношения. С самого детства вы не можете прийти к соглашению, не хотите понять друг друга и прими-

риться. Ты думаешь, что сейчас всё настроено против тебя, но ты заблуждаешься. И я, и твой отец, мы желаем вам только добра. Ты знаешь, – она опустила взгляд и мягко улыбнулась. – Я уже очень давно люблю твоего отца. Быть может с того первого дня, когда нас вызвали вместе в кабинет к директору. А тебя я всегда воспринимала как своего сына, ведь нам так часто доводилось видеться, – она усмехнулась. – В вас обоих я всегда чувствовала нечто близкое, родное, но, – она тяжело вздохнула, – существовало препятствие, которое не позволяло нам быть вместе. А потом вы уехали, как мне казалось навсегда, и я больше не могла видеть Натана. Ваше возвращение, предложение твоего отца, на которое он долго не мог решиться, сделало меня такой счастливой, что я просто не смогла отказать. Ведь я любила его. И знаешь, первое, о чем я подумала, когда он предложил мне переехать к нему, это был ты. О том, как ты отнесешься к этому, но твой отец меня успокоил. И я в какой-то момент поверила, что смогу поладить с тобой, – ее улыбка была искренней, а взгляд теплым и приветливым.

Мика слушал ее нехотя, но перебивать не осмеливался. Юичиро тоже молчал, но во взгляде, которым он одаривал мать, было нечто холодное, нечто, что он не мог принять спокойно. Она говорила с его врагом так ласково и нежно, объясняла ему все с такой пылкостью, в то время как с ним ограничилась более сдержанными фразами.

– Ты переживаешь о Юу, – говорила Эрика глядя прямо,

без всякого позерства и фальши в лицо мальчика, – о том, как вам нелегко будет жить вместе, но послушай, на самом деле он не такой плохой, как тебе кажется.

При этих словах Шиндо поднял на нее свой колючий взгляд.

– На самом деле Юу очень добрый и отзывчивый. Ты обязательно поймешь это, когда узнаешь его поближе. Вы можете стать замечательными друзьями, если попытаетесь хоть немного приоткрыть своё сердце друг другу. Ведь такая многолетняя вражда… – она взглянула на Юу, – уже сделала вас самыми близкими людьми.

От этих слов юноши вздрогнули, но взгляды, которыми они обменялись друг с другом, не были дружественными. Они холодно взглянули друг на друга.

– Юу, – Натан подозвал Амане к себе и, протянув руку, приобнял его, когда Юичиро приблизился. – Мика, все это для вас ново и в какой-то степени даже неприемлемо.

– Но давайте постараемся сделать все вместе так, – пришла ему на помощь Эрика, – чтобы эта стена изо льда и непонимания, которая присутствует между некоторыми из нас, обрушилась и мы стали настоящей семьей. Мы с Натаном хотим извиниться перед вами за то, что скрыли от вас самое важное, но поймите, это был единственный выход. Мика, – она снова приветливо улыбнулась, – ты согласишься принять нас?

Юу бросил резкий взгляд на мать, которая покорно ждала

слов Мики. Он не понимал, почему она ведет себя так.

– Мика, не молчи, к тебе же обращаются, – сдвинул брови мужчина.

– Должно быть, он очень измотан, – предположила Эрика. Внешний вид Шиндо, все еще не оправившегося после вчерашнего побоища и сегодняшнего стресса, оставлял желать лучшего. Он был бледен, все еще в волнении дрожал, хоть уже и не так как в начале.

– Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете, госпожа Амане или, точнее, госпожа Шиндо, – вопреки ожиданию всех, Микаэль присел в легком реверансе и, поцеловав руку мачехи, с улыбкой посмотрел на нее. – Моему отцу всегда было крайне одиноко, и я безумно счастлив, что он обрел то, чего ему так не доставало. Чего он был лишен столь долгое время. Утешьте его, утешьте, как можно лучше этими долгими ночами, которые он привык проводить в своей холодной постели, и он будет думать только о Вас, я клянусь Вам.

Эрика вздрогнула и отшатнулась, но тут же пожалела о том, что была несдержанна, в то время когда мальчик, находясь в отчаянье, просто пытался своими методами защитить себя. Но этого легкого колебания было достаточно, чтобы его заметил Натан.

– Мика, – ледяной тон, с которым отец произнес эти слова, вонзился еще одной смертельной стрелой в ранимую душу. – Немедленно прекрати паясничать или я…

– Что?! – поднял на него горящий взор Шиндо. – Что? Ну что ты?! Всё что мог, ты уже сделал! – Мика срывается с места и насколько позволяет его состояние бросается наверх в свою спальню.

– Натан, – растерянная и взбудораженная Эрика обращает внимание на мужа, который после всего остается без движения, молча сжимая кулаки. – Мика, постой, – она попыталась догнать его, но муж остановил ее.

– Не нужно, пусть идет. Пусть посидит и подумает над своим поведением. Может тогда в его пустую голову и дойдет, как отвратительно он поступил. Прости за это.

– Натан… – женщина опустила взгляд. Она корила себя за проявленную несдержанность, за то что предпочла утаить правду от детей, которые теперь совершенно оправданно злятся на них. Не была готова к трудностям, хотя знала сложный характер Мики, основываясь на рассказах мужчины. Как нелегко будет ее собственному сыну смириться с ситуацией. В общем, она была готова столкнуться с трудностями, что ожидали впереди, но реальность оказалось немного сложнее фантазии. И тут действовать нужно было безошибочно. Одна ошибка и смерть.

– Я должна пойти поговорить с ним.

– Ты поговоришь, но давай позже. И ты, и Юу, должно быть очень переволновались, – он посмотрел на пришибленного Юичиро, а потом снова на жену. – Вам нужно отдохнуть.

– Нет, Натан, я должна это сделать сейчас. Прости, – сказала Эрика.

– Хорошо, поступай, как считаешь нужным, – сдался мужчина. – Юу, – он обратил взор к пасынку, – извини за эту сцену. Располагайся. Ты теперь дома. Пойдем в столовую, ты должно быть голоден. Разбором вещей займемся позже.

И в тот момент, когда Натан увлек с собой Юичиро, Эрика поднялась наверх. Она осторожно постучалась в дверь комнаты, но ей никто не ответил.

– Мика, – осторожно позвала она. – Мика, ты там?

Снова в ответ тишина. Однако женщина уверена, что мальчик находится внутри и просто не желает с ней разговаривать.

– Мика, – она касается ладонью двери, – я очень хорошо понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Ты злишься на отца, считаешь, он бросил тебя, заменил на меня и Юу. Предал тебя, но… Ты ошибаешься, твой отец очень любит тебя и, желая только одного – чтобы его сын был счастлив, он решился на этот союз. Прежде всего, он думал о тебе. Ты знаешь, – она усмехнулась, – раньше, чем он сделал мне предложение, он взял с меня обещание, что я буду любить тебя и заботиться о тебе, как о собственном ребенке. И я конечно дала ему слово, ведь я давно знаю тебя и давно испытываю к тебе теплые чувства. Не ругай его, твой папа, – Эрика улыбнулась, – замечательный человек, но он плохо умеет выражать свои чувства. Но даже сквозь его внешнюю черствость

не так трудно увидеть то, насколько ты дорог ему.

Шиндо слышал ее мягкий голос. Сидя на постели, держа руку у рта, чтобы сдержать рвущуюся наружу боль, он слушал этот голос. Боль не от ран, не от изменчивых слов отца полосовала его, это была внутренняя боль, разъедающая и поглощающая, гораздо более сильная чем та, которую может испытывать бренное, человеческое тело. Боль души не сравнима с ним. Чувство, что его предали, обманули и все это сделал его родной отец, не позволяло парню произнести хоть слово. Весь огонь пылал теперь внутри, сжигая дотла. Он не знал, как усмирить его, а голос женщины только добавлял искр.

– Мика, мы все будем очень рады, если ты спустишься к нам, – произнесла напоследок мачеха. Приблизившись к лестнице и, опустив руку на резные деревянные перила, она вдруг услышала, как отворилась дверь. Обернувшись, она улыбкой встретила белокурого юношу, во взгляде которого чувствовалось пусть и не раскаяние и полное принятие ее, как члена семьи, то хотя бы легкое сожаление.

– Я вышел только затем, чтобы сказать, что я сожалею о своих словах. Я не должен был говорить Вам нечто подобное, – сдавленно произнес Шиндо, не желая смотреть прямо в лицо женщины. Эрика поняла, что с его стороны это было тяжелым решением и пока единственным на пути к примирению. Он показывал всем своим видом, что прощать отцу его предательство, принимать ее он ни в коем случае не на-

мерен, но поступки свои осознать был в состоянии и даже мог извиниться за них при необходимости.

Она кивнула, и, протянув руку, ласково позвала:

– Пойдем, нас ждут.

Микаэль двинулся вперед и стал спускаться по лестнице, игнорируя протянутую руку женщины. Однако, когда они вошли в столовую и он на мгновенье задержался на пороге, ибо увидел, как отец что-то рассказывает Юичиро, который сидит и вежливо давит из себя улыбку, Эрика все же нежно коснулась его плеч, якобы подталкивая идти вперед и ничего не бояться. Строгий взор отца, тут же направившийся на Мику, немного сковал движения юноши.

– Надеюсь, ты всё понял и больше не позволишь себе вести общение в такой манере? – осведомился мужчина.

Мика закусил губу. Язвительные замечания готовы были хлынуть вновь в любую секунду.

– Натан, – мягко улыбнулась Эрика. – Я думаю, Мика и сам всё понимает, не стоит давить на него в такой ответственный для всех нас день. Мы все немножечко перенервничали и возможно наговорили лишнего.

– Пожалуй, так, – поразмыслив, отозвался Натаниэль. Согласиться с суждением ему помог также и пристальный взор жены. – Я тоже был не прав и, зная это, не имел права требовать от тебя признания сразу. Нам нужно немножечко больше времени, чтобы примириться с новой жизнью, правда? – он неотрывно глядел на сына, в чьем взгляде все еще оста-

вались боль и обида.

Мика предпочел не отвечать на вопрос родителя. Слова застревали в горле, он мог только мрачно смотреть в пол.

– Давайте уже сядем за стол, – проговорил Натан, жестом приглашая Эрику и Мику сесть. – Это первый наш совместный ужин.

– Ах, да, конечно, – весело отозвалась Эрика, одарив пасынка мягкой улыбкой. – Мика, садись вон туда, – она указала на свободное место рядом с Юичиро, а сама стала хлопотать у стола.

Опустившись на указанное место, Микаэль бросил короткий неприязненный взор на Юу, который выглядел довольно серьезным.

«Брат, сводный брат… Он теперь мой сводный брат»

Эта мысль проникла так глубоко в сознание, что ненароком затронула ту потаенную часть души, которая доселе не давала знать о себе много лет. Это чувство пронзило словно острием кинжала. Мика даже испытал легкую панику, глядя на человека, отныне носившего это звание в семейной среде.

Это было мимолетное чувство, и рассеялось оно также быстро, как и возникло, оставив после себя лишь малозаметную внутреннюю дрожь и холодок.

Внешне Юичиро был настолько далек от происходящего вокруг, что Микаэль даже удивился, когда с его губ слетели едва слышные слова, которые могли слышать только они двое.

– Никогда не смей говорить с моей матерью в таком тоне. Ты меня понял? – Амане сверкнул в его сторону глазами, впервые подав признаки понимания, что не только его мать и отец Мики, сошедшиеся вместе, но и он тоже существует рядом с ним.

Скорее всего, младший Шиндо и ответил бы ему что-то, но в этот момент между ними встала Эрика, начав насыпать еду, так что пришлось все колкости отложить на потом. А вообще и Микаэль, и Юичиро были настолько оглушены ситуацией, что сидели и помалкивали весь вечер. Захлестнувшие эмоции полностью истощили жизненные запасы их измотанных дракой тел, так что не хватало азарта даже на колкие взгляды и замечания, коих должно было бы быть в достатке, встреться они за одним столом при иных обстоятельствах. Взрослые старались вести себя непринужденно, подбадривая детей, но усилия были тщетны. Ни один, ни другой не шли на контакт, как бы их не подталкивали к нему, предпочитая отмалчиваться.

«И теперь это будет моя комната?..»

Юичиро стоял на пороге спальни Шиндо. Ему все еще казалось это каким-то ужасным кошмаром. Делить с ним не только один дом, но и одну комнату, какое еще более страшное наказание можно было придумать для родного сына?

Вещи уже были кое-как разобраны и разложены, но вой-

ти сюда для ночевки оказалось еще сложнее, нежели просто рассовывать вещи по свободным шкафам, неуклонно чувствуя на себе ненавидящий взгляд, направленный со второй постели, упершийся тебе где-то в районе лопаток. Юичиро игнорировал любые проявления недружелюбия к себе, как к вторженцу, уже даже потому, что его положение было куда худшим нежели у Мики. Если того просто потеснили в его комнате, то Юу лишился полностью своего убежища. И поскольку он понес куда большие потери, чем Мика, он чувствовал за собой право не быть ущемленным. Он понимал, что в конце концов виноватиться перед Микой ему незачем. Он совершенно не виноват, что его поселили в эту комнату. Пусть Шиндо и занял ее первым, но теперь у него есть такие же права на нее, как и у бывшего хозяина. Однако Амане вовсе не собирался злоупотреблять своим положением, он лишь не желал чувствовать себя скованно в своей новой комнате, принадлежащей недругу.

Микаэля же это спокойное, почти хозяйское поведение в его комнате настораживало и раздражало. Однако, как и Юу, он не мог воспротивиться решению взрослых поселить их в одной комнате. Волей-неволей, а пришлось смиряться. Забравшись с ногами на постель, обхватив колени, он искоса следил за тем, как готовится отойти ко сну его некровный родственник.

Кода Юу уже практически лег, Мика встал с постели и, ни слова не говоря, вышел из спальни. Нет. Это было выше его

сил. Оставаться здесь на ночь, бок о бок с ним… Уж лучше спать в саду на лавочке.

– Мика, – окликнул его отец, когда он уже был возле лестницы. – Куда ты собрался?

Стиснув зубы, Шиндо обернулся.

– Не глупи, возвращайся в комнату, – проговорил отец, понявший без слов, что сын не намерен ночевать у себя. – Начинается дождь. Тебе с твоими ранами нужно как следует выспаться в удобной постели. Выздоровлению не поспособствует, если ты будешь в непогоду скитаться по двору.

«Да кому нужно моё выздоровление?» – цокнул языком Микаэль.

– Возвращайся и спи, – мягко произнес отец.

В спальне по-прежнему тускло горела настольная лампа, озаряя комнату мягким оранжевым светом, когда юноша вошел и, сдернув одеяло, улегся в постель, тотчас отвернувшись к стене, дабы не видеть силуэта человека, в противоположной стороне, также уткнувшегося взглядом в стену.

– Знаешь, – раздался спустя пару минут тишины, приглушенный голос Юу, – я тоже не в восторге от того, что приходится жить с тобой и делить одну комнату. Так что не думай, что только тебе тут не повезло больше всех.

От этих слов внутри у Мики все сжалось. Он понимал безысходность, в которую попал и ту, которую ощущал, по всей видимости, и Юичиро.

– Я все еще ненавижу тебя за тот твой поступок, за то, как

ты обращался с моей мамой… но я сдерживаюсь только ради неё, а не потому, что простил тебя, понятно?

В ответ Юичиро услыхал только тихий смех Мики.

– Тебе кажется это смешным?

– А разве нет? – хмыкнул Микаэль. Юичиро приподнялся и с удивлением взглянул на него, ожидая дальнейшего пояснения, однако Мика не шевелился.

– Спокойной ночи, Юу… – в голосе Шиндо сквозила издевка. Амане понял, что разъяснять ему что-либо бесполезно, такой как он никогда не поймет чувств Юу. Шиндо чужды понятия семьи и связывающих родственников уз, судя по всему он даже не осознает, на что можно пойти ради них. Все это для него пустые слова. Он слишком эгоистичен, чтобы понимать их подлинное значение.

Буквально через минуту в коридоре послышались шаги, а после дверь их спальни приоткрылась.

– Мальчики, вы еще не спите? – осторожно осведомилась Эрика. За ее спиной стоял Натан.

– Можно? – с улыбкой спросила она, когда взгляды детей устремились в их сторону. Взрослые вошли в комнату. Разделившись, каждый подошел к своему. Визит, олицетворяющий собой желание попрощаться на ночь, на самом деле таил иную подоплеку – проверить, как они ведут себя в первые минуты нахождения друг с другом в замкнутом помещении.

Пожелав Юу спокойной ночи и пройдясь рукой по черным, как смоль, волосам, Эрика направилась к Мике, в то

время как Натан пошел к постели Юу.

– Доброй ночи, дорогой, и спасибо, – мягко произнесла она, слегка склонившись над постелью и запустив пальцы в золотистые локоны. Мика содрогнулся от этого касания. Отца он проигнорировал, но её не смог. Чуть повернув к ней голову, он воззрился на женщину со страхом, но он быстро утонул в облаке равнодушия и нежелания, чтобы с ним говорили и прикасались.

Второй раз ее прикосновения заставляют по неведомым причинам сжиматься его сердце. Неужели она думает таким жалким методом заслужить его расположение? В таком случае она еще глупее, чем кажется. Он не примет ее, она не его мать, что бы не делала. Она, как и ее сын, чужие ему люди. Они всего лишь те, кого выбрал для своей жизни отец – не более.

После ухода Натана и Эрики, загасившей последний источник света в спальне, мальчики еще какое-то время лежали без сна. Но день был настолько тяжелым и нервным, что вскоре обоих сморило прежде, чем они успели передумать всё, что хотели.

Выходя за пределы разума

Юичиро открыл глаза первым. Стоило только сну покинуть его разум, как он сразу же наполнился воспоминаниями о событиях предшествовавшего вечера.

«Даже не верится, словно все это дурной сон»

Понимание, что более он не в своем доме и не в своей комнате пришло в одночасье, и, дабы развенчать заветную мысль о сне окончательно, он обернулся в сторону Шиндо. Только тут осознание, что все это самая настоящая явь, снизошло полностью. Ведь в противоположной части комнаты, в своей постели спал тот самый Микаэль Шиндо, который вчера официально стал его старшим сводным братом. Неукладывающийся в голове факт.

Темноволосый юноша, не шевелясь, лежал и вслушивался в мерное дыхание врага. Во всем доме было тихо. Похоже новобрачные тоже еще не встали. Юу продолжал оставаться в постели, не зная, что ему теперь делать. Встать, выйти из комнаты, начать расхаживать по чужому дому… вдруг еще разбудит кого-то. А что если, выйдя из комнаты, он сразу столкнется со своим новым отцом? Что тогда? Что делать, что ему говорить?

Вообще понимание как теперь вести себя в чужом доме давалось с трудом. Он ведь совершенно ничего не знал о правилах быта этой семьи. Он даже не мог банально пойти на

кухню и приготовить себе завтрак, потому как не знал, где что находится. Так что он оставался в своей постели еще какое-то время. До момента пока либо не зазвенит будильник (если конечно Мика имеет привычку заводить его), либо пока не проснется второй хозяин комнаты, а он по всей видимости просыпаться пока не думает.

Впрочем, Юу извлек из этого неприятного положения свою выгоду – можно было немного порассуждать над ситуацией. Бесспорно, она ужасна и на первый взгляд просвета в ней нет. Что может быть страшнее, чем оказаться с кем-то подобным Микаэлю на одной территории? Разумеется, ничего! Но все же, кое-что положительное да нашлось. К примеру, это мальчик ощутил еще вчера, как только отворилась дверь его нового дома и на пороге оказался Шиндо, ощущение, что он оказался в кругу знакомых, а не абсолютно чужих ему людей. Пускай Мика его враг, но он хотя бы знает его, а сам отец Микаэля всегда вызывал в его душе только самые лучшие ассоциации. После тех выходных на источниках, он потом еще не раз вспоминал те недолгие минуты, которые ему удалось провести в компании отца Шиндо и мечтал, что возможно однажды это повторится вновь.

Как бы ни было велико потом потрясение, гнев и прочие негативные чувства, но Юу в первые секунды даже в некоторой степени обрадовался, когда ему открыл не совершенно чужой и незнакомый парень, а тот, кого Юу знал много лет.

Был еще один момент, который Юу скрывал даже от са-

мого себя. Еще одно совершенно непонятное и, можно сказать, неуместное чувство посетило его в тот самый миг, когда окончательно выяснилось, что их приход в этот дом является не жестокой шуткой родителей, а что отныне он и его мать будут действительно жить в доме Шиндо, он, Юичиро, будет даже делить с ним одну комнату. Что случилось в тот момент, юноша так и не понял, не понял вспышки, в которой воспарила его душа, тотчас погаснув в ужасе осознания происходящего, обиде, непонимании, страхе, презрении и прочих эмоций, властвующим над ним весь вечер.

Он точно знал, как относится к Микаэлю, что заставляет его ненавидеть этого человека и презирать. Он знал, знал о нем всё. Тем не менее, он не знал, почему мысль о проживании под одной крышей так трепетно и волнительно отозвалась в его сердце. Как в свое время не знал, почему известие о неблагопристойном и развратном поведении Мики в школе вызвало такую сильную, всепоглощающую боль.

Юичиро устремил сонный и задумчивый взгляд на противоположную кровать под стеной.

«Почему именно ты?..»

К сожалению, или к счастью долго подумать над этим вопросом ему не удалось, потому как снизу донеслись какие-то звуки, свидетельствующие о том, что Юу ошибся, вообразив, будто бы все в доме еще спят. И буквально в тот же момент – Юу только успел закрыть глаза, – Мика развернулся и сел в постели. Бросив хмурый взгляд на Юичиро, который

даже сквозь сомкнутые веки ощущал выказываемое недружелюбие, Микаэль, видимо решив, что его сводный братец еще видит сны, попытался покинуть спальню до того, как проснется его сосед.

«Неужели он тоже не спал, а лежал и прислушивался? – Юичиро привстал на локте и поглядел в сторону притворившейся двери. – Только зачем? Он, в отличие от меня, находится в своем доме»«Когда он вернется обратно?» – Юу спустил босые ноги на пол. Подняться было сложновато. Раны, нанесенные не так давно, давали о себе знать. Ушиб на ноге по-прежнему заставлял его прихрамывать.

«Да-а, о тренировках явно можно забыть, пускай меня уже и с неделю как допустили к ним, а не за горами уже первая в сезоне игра. Да и какие уж тут к черту тренировки…» – с горечью подумал Амане, осматривая ушиб, украсивший почти всю голень. Его внимание от поврежденной конечности отвлек завибрировавший на столе Микаэля телефон. Мики в комнате не было и когда он собирался в нее вернуться было неизвестно, а потому любопытство сыграло свою роль. К тому же, у Юу было дурное предчувствие по поводу этого раннего звонка. По пути к столу он мельком взглянул на настенные часы, отметив для себя, что только начало восьмого.

То, что юноша вначале принял за звонок, оказалось всего лишь сообщением. Юу прекрасно знает правила морали, но, когда на телефон твоего новоиспеченного родственника

приходит сообщение от твоей бывшей девушки, сдержаться и заставить себя оставить его без внимания становится чем-то невообразимым.

«Куда ты пропал? Я так соскучилась. Мы же увидимся сегодня? Обязательно перезвони мне, Мика.»

Юу сжимает смартфон в руке, в то время как его дыхание начинает сбиваться. Присланное сообщение бьет его по самому больному – по самолюбию. Телефон резко кладется на место.

Когда Микаэль возвращается в комнату, Юу заканчивает застилать постель. Презрительно хмыкнув, Мика идет к своей кровати.

– А ты ранняя птаха, Юу. Как спалось на новом месте? – беря подушку в руки, елейно с ноткой иронии осведомляется Шиндо, чуть оборачиваясь в сторону парня.

– Нормально, – буркнул в ответ Юичиро, настроение которого потерпело изменение в связи с прочитанным сообщением. – Доброе утро, – в том же тоне произнес он, следуя мимо Мики к двери. Оставаться наедине с человеком, который не только увел у него девушку, но теперь еще и игнорирует ее, было выше его сил.

– Как грубо, – брезгливо кривится Микаэль. – Тебе нужно быть обходительней со своим старшим братом.

Юу содрогается, замирая на полпути.

– Знаешь, что, – он крепко хватает Мику за футболку, – хоть теперь мы и стали родственниками и я вынужден жить

с тобой в одной спальне, только это вовсе не означает, что я буду лебезить перед тобой! Хочешь, можешь жаловаться своему отцу сколько влезет! Мне наплевать, если он захочет выгнать меня из дома. Лучше я буду скитаться по улицам, но я не позволю тебе унижать меня! – все это он с жаром проговорил, глядя прямо в лицо Микаэлю.

– Руки убери, – холодно глядя на Амане, проговорил Шиндо. Его поразил тот гнев Юичиро, с которым он набросился на него и те слова, что он произнес. Он говорил искренне, и в самом деле, по его лицу можно было поверить, что он не колеблясь уйдет, но не потерпит оскорблений.

«Черт бы тебя побрал», – цыкнул Микаэль, отходя от Юу, который видимо понял, что его резкий тон был неуместен и теперь просто стоял без движения, потупив взгляд и сдвинув брови.

– Там…

Мика даже обернулся, когда услыхал неуверенный и напряженный голос Юичиро.

– Там… – Юу еще сильнее сдвинул брови. – Тебе сообщение пришло…

Вскинув брови, Микаэль обернулся к столу и, схватив свой мобильный, быстро проверил почту. Прочитав просьбы и легкие упреки девушки, его губы расплылись в улыбке. Он моментально сообразил, чем было вызвано такое агрессивное поведение родственника.

– Ты читал? – Шиндо обернулся к Юу.

– Нет, – сдавленно отозвался Амане.

– Правда? – саркастичный тон, звенел в ушах.

– Не читал я, – сдержанно отозвался юноша. – Услышал, как телефон на столе завибрировал и всё.

– «Всё»? – изогнул бровь Микаэль. – Не делай из меня дурака, – зло хмыкнул он, – ты прочитал и прекрасно знаешь, кто и что мне написал. Еще раз прикоснешься к моим вещам, и о том, что мы с тобой братья, узнает вся школа. Причем эта новость будет подана в самых пикантных и ярких красках. Ты меня знаешь, – его губы растянулись в улыбке, – я умею подавать информацию.

– Только попробуй кому-нибудь рассказать! – в отчаянье выпалил Юичиро.

– Чтобы я этого впредь не сделал, держи руки при себе, – с благосклонной улыбкой, неторопливо изрек Микаэль.

– Хорошо, я не прикоснусь к твоим вещам, но и ты запомни, – строго воззрился на него Амане. – Если хоть слово слетит с твоего злобного языка и кому-либо станет известно в школе о нас, тебе не поздоровится. Того, что было раньше больше не будет. Теперь мы делим одну комнату, один дом и одну семью. И ты должен считаться с этим.

– Иными словами, требуешь уважения к себе? – хмыкнул Микаэль, облокачиваясь о край стола и насмешливо глядя на своего соседа. – Вполне оправдано.

– Советую не воспринимать это за очередную шутку, – серьезно проговорил Амане и направился к двери.

– А ты смелый, Юу.

Уже выходя из спальни, он услышал насмешливый голос. Холодно взглянув на Мику, провожавшего его глазами, Юичиро предпочел промолчать и выйти. Оказаться вне спальни все еще было неловко, но уж лучше было столкнуться с Натаном, чем сидеть в компании его сына еще несколько минут.

«И как можно было предполагать, что наша совместная жизнь будет похожа на жизнь обычных людей? С ним невозможно жить в мире. Всё его естество отрицает само понятие мирного существования»

Умывшись, Юичиро оперся руками о раковину. И так теперь будет каждое утро? Каждый день просыпаться, видеть его, слушать его подколки и знать, что если его нет дома, то он гуляет где-нибудь с его девушкой? Немыслимо…

Ужасной рисовалась ему картина будущности.

Нужно было еще почистить зубы, но тут, взглянув на полку и увидев всего три зубные щетки, он вспомнил, что вчера пренебрег этой маленькой процедурой, и щетка так и осталась лежать в сумке. Не было ничего проще, чем сходить, забрать ее, вернуться и почистить зубы, да только Юу не хотел возвращаться в спальню ни под каким предлогом, пока этому не будет действительно весомого повода, а потому выдавив пасту на палец, выполнил привычную процедуру с одной лишь маленькой поправкой.

Как бы ему не хотелось оставаться в своем маленьком, надежном убежище, но выход наружу был неизбежен. Да и

нельзя показывать Шиндо, что он каким-либо образом боится его и желает избежать столкновения. Именно благодаря таким соображениям, Юичиро покинул комнату.

Оказавшись в коридоре, он столкнулся со старшим хозяином дома.

– Доброе утро, Юу, – поздоровался Натан. – Как прошла первая ночь? Выспался?

– Доброе утро, – кивнул Амане. – Да, спасибо. Всё было замечательно.

На мгновение Юу почудилось, что во взгляде мужчины промелькнуло подозрение, якобы он не совсем уверовал в то, что ночь в одной комнате с его сыном прошла беззаботно.

– Хорошо. Первая ночь позади, а, стало быть, и самое трудное пройдено. Дальше осваиваться будет только проще, – с улыбкой заметил старший Шиндо.

– Надеюсь, – улыбнулся в ответ Юу. Определено, Натан был ему по душе и если бы не громаднейший минус в виде его надоедливого сынка, жизнь Юичиро в этом доме могла бы стать истинным раем.

– Не сомневайся, – легонько хлопнул его по плечу отчим. – Ступай на кухню, полагаю, твоя мама уже успела приготовить чудный завтрак, коим она грозилась мне еще с вечера, желая побаловать своих домочадцев.

– Да, – доброжелательно отозвался Юичиро и направился в сторону кухни. Если бы он с самого начала знал, что его мама уже не спит и орудует внизу, он бы, не раздумы-

вая, сразу пошел к ней, не дожидаясь, пока проснется Мика. Столкновение со своим новым отцом пошло только на пользу его внутреннему состоянию, взвинченному после краткого общения со сводным братом.

Проследив взглядом за парнем, пока тот не скрылся за углом, мужчина, собираясь войти в ванную, бросил взгляд в другой конец коридора. Там, опираясь об угол стены, скрестив на груди руки, стоял его собственный сын и, по всей видимости, наблюдал их краткий диалог со стороны.

– Мика… Доброе утро, сынок.

Фыркнув, юный спесивец безмолвно проследовал мимо родителя. Натан отнесся к этому проявлению обиды довольно спокойно. Подобное поведение совсем немного покоробило его, вызвав тень недовольства, однако он был уверен, что такая ситуация пойдет только на пользу его сыну, который, быть может, наконец научится думать не только о себе и в конце концов поймет, что значит человеческий этикет между членами семьи.

Пока отец рассуждал над своими проблемами, Микаэль неистовствовал на свой лад. Он не понимал, как отец может вести себя так с этим Юу. Он ведь знает, кто он такой и сколько бед причинил самому Мике. Ведь те раны и синяки, что сейчас покрывают его тело, нанесены ни кем иным как тем самым человеком, которого он так мило поприветствовал с утра. Неужели он не понимает, что чувствует Микаэль? Как больно ему это видеть?

– Юу… Юу…

Оставаясь незамеченным, стоя за дверью, Шиндо с ненавистью и болью взирает на ничего не подозревающего Юичиро, сидящего за столом и беседующего с матерью.

Его пронзительный взгляд словно приобретает физическую оболочку, вонзаясь в спину Юичиро острием, пробивая насквозь грудную клетку.

– Ничего, мам. Все будет хорошо, за меня не волнуйся. Мы как-нибудь разберемся. Главное, чтобы ты была счастлива, – мягко произнес Юичиро, глядя на мать, которая считала своим долгом снова извиниться перед сыном за вынужденную ложь.

– Спасибо, малыш, спасибо, что понимаешь, – Эрика нежно приобняла его и поцеловала в лоб.

В тот момент, когда мать отстранилась, юноша почувствовал направленный на него взгляд и обернулся. Враждебность и настороженность вспыхнули моментально, как только он поймал на себе ледяной и колкий взор синих глаз.

– Ах, Мика, ты тоже уже проснулся, милый. Проходи, у меня все готово, – мягко позвала Эрика, заметив застывшего у двери блондинистого мальчика. С этими словами она приблизилась к Микаэлю. – Прости, я еще не знаю, что ты любишь есть на завтрак, но надеюсь, ты не будешь против блинчиков с грибами и с творогом?

Сердце уязвлено сдавило, а по телу прошла волна неприязни при виде того, как только что, прервав разговор с ним,

его мать бросилась к Мике.

– Спасибо, но я не голоден, – сухо ответил на ее улыбку Шиндо. Он не станет поддаваться ее влиянию, каким бы радушным оно не казалось. Все равно это фальшь. У нее уже есть один сын.

– И, тем не менее, ты сядешь и позавтракаешь.

Юноша вздрогнул, когда прямо над ним раздался строгий голос отца.

– Натан, не нужно его заставлять, – подняла на него свои большие карие глаза Эрика. – Возможно, он действительно не хочет есть или ему не нравится моя еда. Я приготовлю ему что-нибудь другое.

– Незачем идти у него на поводу, – проговорил мужчина, с укором поглядывая на сына. – Будет есть то же, что и всё. Ты не обязана угождать ему. Пусть привыкает. Садись за стол, – строго обратился он к Мике, который взглянул на него так, словно его ударили, пошел, сел за стол и, подперев голову рукой, устремил хмурый взгляд в окно.

– Я вовсе не пытаюсь угодить ему, как ты выразился, – с холодком в голосе ответила ему женщина. – Я хочу наладить с ним отношения. А грубостью и приказами этого не достичь.

С этими словами, она направилась к рабочему столу.

– Мда, – Натан потер переносицу, лишний раз убеждаясь, что все будет не так просто, как могло бы быть в идеале.

Несмотря на то, что родители торопились на работу, зав-

трак проходил неспешно.

– Натан, я весь вечер наблюдала за Микой, за его состоянием, – Эрика взглянула на мужа. – Ты обратил внимание, что ушиб на груди опаснее, чем кажется, и есть необходимость отвести его к врачу?

– Хм, не знаю. Я ничего такого не заметил, но, пожалуй, должен с тобой согласиться, – ответил мужчина.

– Вы что, шутите? – Мика воззрился на них так, словно они его разыгрывают. Юу помалкивал. Неприятен был факт, что мать заговорила именно о Микином увечье, в то время как он сам прихрамывал и это куда больше бросалось в глаза, нежели менее резкие движения Шиндо.

– Вполне серьезно. Видно, что тебе тяжело и больно двигаться, – кивнул Натан, глядя на сына.

– Не нуждаюсь я ни в каком враче. И вообще, – он вскочил с места, – мне в школу пора.

– Да, я, пожалуй, тоже уже буду собираться. Спасибо за еду, – Юичиро также встал из-за стола.

– Мальчики, вы куда? – распахнула глаза Эрика, взволнованная положением. – Вы же еще не выздоровели полностью. Какая школа? Останьтесь дома!

Несмотря на ее слова, Мика все же выскочил из кухни, а за ним ушел и Юичиро.

– Ничего, всё нормально. Не беспокойся, – с извиняющейся улыбкой сказал он напоследок.

– Нет, так же совсем не годится. Вы же… – Эрика опустила глаза.

– Ты знаешь, пожалуй, так будет правильнее, – Натан взял ее за руку. – Если они будут в школе, это грозит меньшей катастрофой, чем если они останутся в доме один на один.

– Наверное так, – соглашаясь кивнула Эрика.

Наспех собравшись, при этом не разговаривая друг с другом, подростки одновременно вышли из дома. После обмена холодными взглядами, коими они наградили друг друга у ворот, точно по сговору, каждый направился в свою сторону. Ни о каком совместном походе в школу и речи быть не могло.

На дорогу из нового и малоизученного района к школе у Юичиро ушло куда как больше времени, нежели обычно. По прибытии он невольно оглянулся по сторонам, думая увидеть, как новоиспеченный братец прибывает к месту получения знаний. Однако его нигде не было видно и Юу пришел к выводу, что он уже в школе, ведь в отличие от него, Мика знал дорогу и без промедлений явился как полагается, своевременно, или же имел право на существование тот желаемый вариант, в котором Мика вовсе отказался от посещения школы. Но тогда – Юу пробирала дрожь, – вместо занятий он может встречаться с Шиноа, что еще хуже.

К классу Юичиро пробирался осторожно, стараясь не нарваться на кого-то из учителей, и причиной тому служило его пусть и не сплошь усеянное ссадинами, но все же под-

порченное лицо, которое могло повлечь за собой разбирательство в дирекции. Не успел он дойти до классной комнаты, как его окликнули. Это были Синго, Учида и еще один белобрысый парень из их компании. Все трое также спешили на уроки.

При виде друзей, Юичиро не испытал особой радости, а всё потому, что этим ребятам было хорошо известно о его перестановках в семье и первые вопросы, которые должны будут посыпаться из уст товарищей, будут непосредственно расспросами о его новой родне. А похвастаться ему было нечем, поэтому он не стал задерживаться в коридоре и, ответив на приветствие друзей, заторопился к аудитории.

– Что-то с нашим Юичиро не то, – прищурился Синго. Хмурый, неразговорчивый Амане, отделывающийся лишь стандартными фразами и торопящийся уйти, вызывал подозрения.

– Наверно после драки никак не отойдет. Шутка ли так бросаться друг на друга, прям как ревнивые любовнички, – насмешливо хмыкнул Учида. – Я до сих пор под впечатлением. А может новая семейка не по вкусу пришлась, вот и не в духе.

– Кто знает, кто знает, – пристально глядя на удаляющегося Амане, прогнусавил Синго и, кивнув своим оруженосцам, поспешил вслед за другом.

Они догнали Юичиро уже у двери, как раз в тот самый момент, когда тот собирался войти. Нацепив свою гаденькую

улыбочку, при помощи которой он обычно втирался в доверие, Синго по-дружески опустил руку на плечо Юичиро.

– Так ты не сказал, как тебе новая родня? Это ты теперь в другом районе живешь?

Плотно сомкнув уголки губ, Юичиро отворил двери. Первый взгляд, брошенный в класс, упал непосредственно на ученика, всем своим видом показывающего, что он стоит выше школьного этикета, требующего от учеников застегивать рубашки на все пуговицы и не приспускать галстук. В своей небрежной, элегантной позе Микаэль не замечал происходившего вокруг. Его чело омрачало облако гнетущих раздумий и то, что происходило вокруг, было наименее значимо. Появление в его жизни Юу спустя время само по себе доставило ему кучу неприятностей с самого первого дня, а теперь, когда его враг обосновался в его комнате, ситуация стала еще более ужасной и непредсказуемой. Даже отношения с отцом ухудшились. Вмешалась сыновья ревность, от которой ранее Мика мог успешно укрываться в своем доме и залечивать раны. Теперь же и эта надежная пристань для израненной души была разнесена в щепки. Некуда было убегать, негде было прятаться. Теперь он как на ладони – жалкий, истерзанный и ненужный. Лицемерием наполнилась не только школа, но и собственный дом, в котором поселились эти люди.

Наир, первоначально предпринявший попытку заговорить с Микой, но видя, что тот не в духе, оставил эту за-

тею. Теперь сохраняя беспристрастное выражение лица и изредка поглядывая на Шиндо, чье состояние вызывало у него кривую улыбку, которую он не особо старался скрыть, парень наблюдал за своими шумными одноклассниками. Когда в аудитории появился Юу, он обратил на него взгляд своих желтых, точно у кота, глаз.

– Погляди, кто пришел, – усмехаясь, кивнул он в сторону Юичиро, обращаясь к Мике. Тот обернулся, но, заметив Амане и подскочившего к нему Синго, нетерпеливо ожидающий ответа на заданный вопрос, предпочел отвернуться.

– Разве там кто-то есть? – горделиво бросил он Томоказу с неизменной иронично-соблазняющей улыбкой. – Я ничего такого не приметил.

Он сказал это так, чтобы это обязательно достигло слуха его обидчиков. Стрела попала в цель, Юу действительно услышал это пренебрежительное замечание, от которого гнев и раздражение вспыхнули в нем, как сверхновая звезда.

– Никак, – резко отозвался он.

– Все до такой степени плохо? – поинтересовался Синго. – А кто? Папаша дерьмо или сынок у него ублюдочный оказался? А может оба такие, что только расстреливай?

– Про отчима ничего плохого не скажу, но с его сынком ты угадал, Синго. Мразь еще та.

– Сочувствуем тебе, брат, – подавленно улыбнулся Акутазава, глядя на парней, лица коих также выражали напускное сочувствие. – Мало того, что в школе всякая грязь развелась

и так норовит обгадить, – он бросил ироничный взгляд на Микаэля, – так теперь еще и дома…

– Это не имеет значения, – спокойно отозвался Юичиро, поглядывая на реакцию Микаэля, прекрасно слышавшего их разговор. – Что в школе, что дома, мне до всякого мусора дела нет. Пусть хоть наизнанку вывернутся, мне всё равно. Такая гадость ни на что не способна, кроме как влезать со своим ядом и травить другим жизнь.

– Согласен, отвратительные существа. Эх, жаль, нет такой санитарной службы, которая бы специализировалась на подобных отходах человечества и раз и навсегда вытравила всю эту гниль из общества, – смеясь, поддакнул Синго.

«Травить жизнь? Так ты это видишь, Юу? – превозмогая раздирающую боль, Мика тихонько засмеялся, глядя, как его враги рассаживаются по местам и в первую очередь Юичиро, игнорирующий его. – А ведь это ты первым вторгся в мою жизнь, я тебя не звал…»

– Наир… – тихо позвал Микаэль. Обернувшийся к нему Томоказу поразился глубокому, потерянному взгляду Шиндо.

Он вопросительно уставился на Мику, чье встревоженное лицо становилось еще привлекательней.

«Поцелуй меня… Хочешь, я стану твоим…», – чуть было не сорвалось с губ белокурого юноши в момент отчаянья. Он едва удержался от соблазна произнести эти слова, а потом будь что будет. Может тогда станет немного легче?

– В чем дело? – поторопил его Наир, видя, что намеренье с которым обратился к нему Мика быстро меркнет в его глазах.

– Да нет, – криво усмехнулся Микаэль и, откинувшись на спинку стула, одарил Юичиро презрительным взглядом. – Уже ничего.

– Юу, – на перемене к нему подошел Шинья. – Поздравляю тебя и твою маму с вливанием в новую семью. Надеюсь, вы будете ладить. Правда, я слышал, у тебя не совсем все гладко.

– Более-менее, – махнул рукой Юу. Дополнять свою речь пламенными описаниями своей семьи не имело смысла, так как Мики не было поблизости.

– Рад слышать, – улыбнулся Шинья, однако в глазах отнюдь не было радости. Он был озабочен чем-то, о чем не решался сказать Юичиро.

– Шинья, – угадал его намеренья Юу. – Ты хочешь мне что-то сказать?

Хиираги вздохнул.

– Не то чтобы… Это не моё дело…

– Говори, я выслушаю. Я обратил внимание, что тебя уже давно терзает вопрос и от того, что ты никак не соберешься мне его озвучить, мне становится не по себе, – улыбнулся он, дабы разрядить обстановку. Как же хотелось избежать этих вопросов. Юу догадывался, о чем хочет спросить его Шинья,

и нисколько не осуждал его за это. Да только что ему было отвечать?

– Юу, мы с тобой друзья, бесспорно, Шиноа моя сестра, и я не хочу видеть ее несчастной.

– Она несчастна? – сдвинул брови Амане. Воспоминания о девушке, предавшей его, отдавались уже не болью, а презрением в его душе. Он не ощущал к ней жалости. Драка с Микой расставила все точки по местам и, выплеснув свой гнев на него, он почувствовал, что в душе осталась лишь пустота. Чувства, коих не было изначально, которые он наивно принимал за любовь, выгорели, оставив серое пепелище. Признаться во всем её брату было бы правильно, но Юу не хотел касаться этой темы и предпочел сделать вид, что все еще встречается с ней. Жаль было открывать глаза Шинье на то, какая у него сестра. А возможно он и сам догадывался об этом и напоминать лишний раз тоже было бы бестактно.

– Нет-нет, просто последние несколько дней она сама не своя. В общем, не причиняй ей вред, – Шинье с трудом давались эти слова, но он считал своим долгом озвучить их человеку, который начал встречаться с его сестрой. – Вы поссорились? Впрочем, – он остановил сам себя. – Не отвечай, я не желаю в это влезать. Просто постарайся не обижать её.

– Да, – кивнул Юу, с пониманием глядя на одноклассника. – Спасибо, Шинья.

– Ай, оставь это, – отмахнулся от него Хиираги, после чего, сославшись на какие-то неоконченные дела, ушел.

– Где ты был? – спросил его Глен, когда Шинья возвратился в класс.

– Разговаривал с Юу по поводу этой ситуации, – сев за парту, ответил тот. Его мрачный вид привлек внимание Ичиносе.

– И как?

– Что я могу? – пожал плечами Шинья. – Попросил, чтобы не было острых углов, а там пусть сами разбираются. Кстати, – он воззрился на друга, – а ты почему остался. Мне казалось, ты хотел со мной пойти.

– Извини, я тут с учебниками завозился. Сам знаешь, скоро тесты, нужно хорошенько подготовиться.

– Хм, что-то здесь не так, – пристально уставился на него Шинья. – Складывается впечатление, что ты избегаешь Юу.

– Глупости, мы играем в одном клубе, как я могу его избегать? – усмехнулся Глен.

– Ситуация говорит сама за себя. Сейчас ваше общение сводится исключительно к уровню капитана команды и игрока, ни больше, ни меньше? В чем дело?

– Ни в чем, – отвернулся Глен. «Мне не нравится то, каким становится Юу, уподобляясь Синго и его дружкам, а я при всем при этом не могу найти способа вернуть его к прежнему состоянию и сказать ему ничего не могу. Да и вправе ли? Не зная, как быть, сижу в сторонке и жду, пока все наладится само собой. Я противен сам себе»

– Ладно, не хочешь говорить – не говори, – Шинья развернулся и, сев за парту как полагается, взял в руки учебник по истории. – Только подумай, правильно ли ты поступаешь и все ли ты сделал, чтобы теперь отступить?

Глен вздрогнул и посмотрел на друга, который с головой ушел в историю гражданской войны в Европе XV века, абстрагировавшись от реальности.

Еще один вздох тяжелых раздумий сорвался с его губ.

Мика успел сбросить вызов, когда его уединение с природой школьного парка было нарушено.

– Ты говорил с ней? – Юичиро требовательно глядел на сводного брата, ожидая ответа. Пусть ему и было все равно, но проигнорировать слова Хиираги оказалось тяжелее, чем он думал. К тому же, какая-то неведомая сила тянула его в те места, где была вероятность нарваться на Мику, как впрочем и получилось.

– Кто ко мне пожаловал, мой глупый, несмышленый младший братец. Чем обязан такой чести, попросишь меня домой тебя проводить, а то самому страшно? – растянул губы в улыбке Шиндо и отошел от дерева, о которое опирался спиной.

– Прекрати! – Юичиро оглянулся по сторонам.

– Да ладно, – хмыкнул Микаэль. – Мы тут совершенно одни. Ну? – он плавно приблизился к Юичиро. Томно глядя ему в глаза, он стал так, что их тела почти касались друг

друга. – Используем это время с толком, братец?

«Черт. Да он совсем рехнулся», – промелькнуло в голове у Юичиро, и когда Мика прижался к нему всем телом, юношу пронзил страх. Он оттолкнул от себя Микаэля с криком:

– Не приближайся ко мне!

Его всего трясло.

– Я спрашиваю, ты сейчас говорил с Шиноа?!

– Зачем тебе это знать? – елейно ответил Мика, в то время как по его лицу прошла мрачная тень отвергнутого.

– Просто ответь «да» или «нет».

– Это мои личные дела, а мы с тобой условились, что не станем лезть в дела друг друга или ты уже готов нарушить это обещание?

– Это разве не касалось только личных вещей? – ощетинился Юичиро. И этот поступок Мики и то, что он не желает ему отвечать на вопрос, что свидетельствует о том, что он действительно говорил с Шиноа, просто теперь собрался поиздеваться, действовали убийственно.

– Это касалось всего, Юу, – с улыбкой, но в то же время твердо, отвечал Мика. – Поэтому уходи и не смей расспрашивать меня, а не то все узнают, насколько мы с тобой близкие братья, – огладив щеку Юичиро, Микаэль засмеялся и ушел.

Учебный день подошел к своему завершению. Небольшая комнатка школьного кружка в независимости от того, что

происходило в школе, жила своей собственной жизнью. В ней отпускались всякие грязные шутки, велись карточные игры, распивались алкогольные напитки, и здесь полностью не существовало страха наказания за непристойное поведение.

Возможно, сегодняшний вечер был бы куда более насыщенным, если бы не плохое физическое состояние одного из представителей этого местного сообщества, занимавшего здесь особое положение, и не приближение тестов, к которым должен был готовиться каждый учащийся. Именно поэтому все, кроме Леонарда и Микаэля, поспешили пораньше покинуть их «тайную комнату».

– Удачи тебе с младшеньким. Если будет совсем невмоготу, зови меня, вдвоем управимся, – произнес Нагашима, приблизив свое лицо так близко к Микиному, что их губы почти соприкоснулись. – Правда, пожалуй, твой папа и мачеха будут нам немножечко мешать управляться с мелким, – его рука ложится на руку Микаэля и ведет вверх по обнаженной коже. – Даже весь в ранах ты выглядишь так соблазнительно.

Вспыхнувший злостью взгляд синих глаза и резкая пощечина, заставляют парня отпрянуть.

– Убирайся отсюда, грязная сволочь! – выдыхает Микаэль.

– Поосторожней, – впиваясь пальцами в челюсть Шиндо, рычит Кота. – Пусть ты и ранен, пусть и живешь теперь с мел-

ким паршивцем, ни на что не посмотрю, если будешь много болтать!

– Уходи, Кота. Тебя, вон, ребята ждут, – сказал Леонард, подходя к столу, на котором сидел Микаэль и где впрочем и развернулась эта маленькая прощальная сцена. В руках он держал бинты и мази, которые выпросил специально для Шиндо в медпункте и теперь собирался воспользоваться ими.

– Увидимся, – буркнул Нагашима и, махнув рукой на прощанье, вышел из комнаты.

– Что-то он стал агрессивней, – произнес Леонард, когда дверь за парнями закрылась.

– Вроде и весна уже прошла, а его гормоны зашкаливают, – саркастично бросил Микаэль, со злостью взирая на двери.

– Возможно, – усмехнулся Коэн, оглядывая спину Мики, на которой была уйма царапин, ссадин и гематом. А главное – это иссиня-черное образование, покрывающее левый бок. – А быть может, на него так подействовала ваша драка с Юу.

Шиндо лишь презрительно фыркнул. Проследив за его реакцией, Леонард улыбнулся. Открыв баночку с мазью, он прошелся по полупрозрачной блестящей на свету массе двумя пальцами, после чего стал осторожно наносить ее на ушибленные, красные воспаленные места.

– Говорят, этот бальзам хорошо заживляет раны, – произ-

нес он, выполняя процедуру с такой точностью и ловкостью, что позавидовал бы любой целитель. – Удивительно, что ты согласился. Я был уверен, что ты как всегда откажешься.

Мика не проронил ни звука. Он думал не о глупом Нагашиме, у которого быть может его обнаженный вид спровоцировал соответствующие реакции, а о Юичиро, о его утренних словах Синго. Он вспоминал, как Юу прибежал к нему на перемене и снова начал изводить своими дурацкими вопросами об этой Шиноа, о том, как он оттолкнул его от себя.

«Ни на что не способен, кроме как лезть и травить другим жизнь»

Звучат в голове гадкие слова.

Почему они вводят в такое отчаянье? Непонятно. Что происходит с ним? Что терзает душу и почему каждое его слово проникает так глубоко в сердце и ранит его? Почему? Он же ненавидит его.

Ненадолго подняв взгляд на молчаливого друга, Коэн продолжил свое занятие.

Обрабатывая последнюю ссадину на плече Мики, Леонард касается ее губами. Невесомое, нежное прикосновение к белоснежной коже испещренной мелкими ранениями. Он ожидал бурной реакции, криков, но они не последовали. Мика продолжал молчать, глубоко погрузившись в свои тягостные думы, и тогда пробудившаяся смелость и уверенность позволили нанести еще несколько легких поцелуев на болезненные места.

– Лео…

Парень вздрагивает, но все равно касается губами бархатной кожи. Затем, он огибает стол и садится на него рядом с Микаэлем. Его рука движется неуверенно, все же страх, что сейчас Мика взбесится, присутствует, но он все же опускает ладонь на его плечо и вновь касается его губами. Пронзительно и мягко он глядит в мрачное лицо Шиндо.

– Ах, Лео… – одними губами шепчет Мика и опускает голову ему на колени.

– Твои раны, наверное, очень болят? – поглаживая его, мягко осведомляется Леонард, вовсе не требуя ответа.

– Лео…

– Да.

«Ужасно не хочется возвращаться домой. Может попросить его остаться у него переночевать? – думает Микаэль, устало глядя перед собой, в то время как тонкие пальцы Леонарда, скользят по его телу. – Неважно, что с ним произойдет, пусть будет что угодно, лишь бы только не возвращаться в эту комнату, в которой даже дышать становится трудно»

– Что ты хотел?

– Нет, ничего…

«Интересно, как бы ты реагировал, если бы помнил тот поцелуй во время драки?..»

Враг мой…

Утонувший во мраке ночи город купался в неоновых лучах вывесок, оживленных даже в такой поздний час, центральных улиц города. Из жилого района, находящегося в отдалении от бурной и яркой жизни, вся эта иллюзорная роскошь и веселье казались цветовым расплывчатым пятном, бледнеющим на фоне черного неба.

Выйдя на балкон, Юичиро вглядывался в эту бесконечную даль. Как беспокоен и порывист в эту ночь западный ветер, ласкающий лицо, так встревожен и неспокоен был разум юноши. Беснующееся сердце, ужаленное обманами, тревогами, опасениями не желает биться ровнее, ибо оно еще слишком молодо, слишком горячо, чтобы с мудрым спокойствием взрослых принимать течения витиеватых рек жизни.

Свет во всем доме был погашен, и Юичиро мог наблюдать его только от янтарных фонарей, освещающих их улицу. Еще каких-то полчаса назад до его слуха доносились голоса родителей. Один, принадлежащий отчиму, был взволнованный, нервный, второй – материнский, нежный и успокаивающий. Второй день, как они перебрались сюда, второй вечер, и уже не обходится без семейных неурядиц. Сейчас все тихо, взрослые пришли к мирному соглашению и поднялись наверх в свою спальню, и дом погрузился в умиротворенное молчание, по крайней мере, на первый взгляд. Юу

сомневался, что родители действительно спят, скорее всего нет, и они ждут.

Юичиро и сам был бы не прочь забыть обо всем, лечь и уснуть, но ему не давала покоя одна деталь. А все дело в том, что его, как и родителей, волновал факт отсутствия их четвертого члена семьи в столь поздний час. И если Натан и Эрика были обеспокоены за его благополучие, то Юу больше заботило то, как именно проводит это время Шиндо. Ведь только сегодня утром он нарвался на сообщение, в котором Мику страстно желала видеть Шиноа. После того, что произошло между ею и его сводным братом, после выступления в школьном театре, это невозвращение домой ночью было вполне ожидаемо.

Почти на все сто процентов Юичиро был убежден, что Шиндо сейчас с ней. Своими доводами он конечно не делился со взрослыми. Зато он прекрасно слышал, как они озвучивали свои. И если Натан просто не понимал, почему его сын до сих пор не возвращается домой и не отвечает на звонки, намеревался дождаться его и лично выяснить волнующие его вопросы, то Эрика успокаивая его, уверяла как раз именно этого не делать. Она просила мужа не трогать Мику и пойти лечь спать, приводя аргумент, что скорее всего именно из-за обстановки в доме его сын не желает возвращаться домой.

– Пойми, ему сейчас тяжело. Он еще не привык, ему не по себе, – говорила она. – Слишком много всего свалилось на него. Ему нужно время чтобы прийти в себя. Нужно хоро-

шенько поразмыслить. Если ты сейчас начнешь высказывать ему, как он не прав, и ругать, может случиться так, что завтрашней ночью он не вернется вовсе. Что ты тогда будешь делать? Если он сбежит? Я понимаю твои отцовские чувства, но единственное, что ты сейчас обязан сделать, это дать ему свободу. Он не должен бояться возвращаться домой. Он должен чувствовать, что дома его любят и ждут, а не желают только отругать. Совсем скоро он успокоится и всё будет по-прежнему, просто не будь с ним слишком строг и дай ему время освоиться.

– Но где он может быть в такой поздний час? – в его резком голосе звучала досада и неприкрытая тревога за сына.

– Возможно, он у друзей. Может даже случиться так, что Мика вернется домой только утром и даже в таком случае ты не должен давить на него. Будь с ним мягче, как бы это не было тяжело. Но поверь, это единственный выход не дать ему сбежать из этого дома навсегда. Если ты хочешь видеть своего сына, ты должен научиться сдерживать себя. Ведь у него твой характер, он такой же ранимый, вспыльчивый, гордый и независимый. Поэтому на него ни в коем случае нельзя давить, от этого будет только хуже, он окончательно замкнется в себе, а ведь ему и так одиноко и неуютно в жизни.

Дальше голоса зазвучали тише, и Юу больше не мог их слышать, а еще через какое-то время на лестнице и в коридоре послышались шаги. Стало быть, его мама убедила в чем-то Натана и теперь они возвращались к себе в комнату.

И вот с того момента прошло полчаса, а может и больше. Тихонько меряя шагами темную комнату, Юичиро то находился внутри дома, то выходил на балкон и смотрел на ночной город.

«И впрямь, почему его до сих пор нет?» – этот вопрос он задал себе, облокачиваясь о перила и глядя на покачивающиеся верхушки деревьев. На часах было около двух часов ночи, когда в их проулке появилась темная фигура, медленно движущаяся по тротуару. Юу даже не сразу обратил на нее внимание, и лишь когда она приблизилась к их воротам и бледная рука толкнула калитку, которая тихонько заскрежетала петлями, он увидел входящего во двор Микаэля. Словно тень он проследовал к дому, не поднимая голову и не глядя по сторонам, исчез за углом. Юу понял, что еще буквально пару минут и Шиндо будет в их комнате. Не теряя времени, он поспешил лечь в постель, последовав примеру родителей. В отличие от них он догадывался, у каких друзей провел время Мика, и лишний раз сталкиваться с ним не хотел.

Микаэль вошел в темную прихожую. Уставший и измученный долгим скитанием по улицам, он, в конце концов, вернулся домой и теперь чувствовал себя совершенно разбитым. Он отверг мысль пойти к Леонарду и предпочел уединение, но даже оно в итоге так измотало его, что он был вынужден вернуться обратно, чувствуя, что еще немного и это может стоить ему жизни, а беспричинно умирать он не собирался.

То, что в доме темно и тихо, в первую секунду удивило его, но потом он даже обрадовался. Ему хотелось этой тишины, он рвался к ней и он получил ее. Пошатываясь, с трудом передвигая ноги, он побрел на ощупь к лестнице. Однако брошенный на кухню туманный взор отметил оставленную на столе тарелку с едой, по всей видимости предназначавшуюся ему, так как она стояла именно там, где отныне было его место. Он даже не стал смотреть, что покоится под салфеткой, не желая принимать эти подачки, а двинулся прямиком наверх.

На втором этаже стояла такая же тишина, как и на первом. Все в доме в самом деле спали.

Когда щелкнула дверь спальни, Юичиро напрягся и приоткрыл глаза. В полумраке Микаэль вряд ли бы смог отличить спящего Амане от неспящего, если только тот сам не выдаст себя, а Юу этого делать не собирался, укрывшись одеялом, он просто поглядывал на недруга, явившегося за полночь.

Бросив на стул свой галстук, Микаэль, словно находясь в прострации, двинулся к постели, по пути расстегивая пуговицы рубашки.

Еще когда черная фигура двигалась по саду, Юичиро обратил внимание на эти движения, свидетельствующие о явной усталости и плохом самочувствии. И теперь, когда Мика был в спальне и едва живой пребывал в сознании, Амане с подозрением следил за ним. Поверить, что можно быть та-

ким после ночи с девушкой, было сложно, с Микаэлем явно происходило что-то другое. Может с ним что-то случилось по дороге домой, потому он так задержался? Может на него напали?

Как бы то ни было, а больше притворяться, что он видит сны, он не мог.

– Эй, ты почему так поздно? Где ты был?

Мика вздрогнул, когда в полнейшей тиши прозвучал приглушенный, грубоватый голос Юичиро. Устало взглянув на него, юноша, ни слова не говоря, просто лег на свою постель, не расстилая ее.

– Эй, – приподнявшись на локте, позвал Юу, ощутив беспокойство за его состояние. – Ты меня слышишь?

– Мика, отвечай! – от полного игнорирования в голосе появилось раздражение, постепенно вытесняющее беспокойство. Шиндо молчал.

– Ну и черт с тобой! – огрызнулся Амане и, развернувшись на другой бок, натянул одеяло почти что на нос.

«Черт да что с ним такое? Неужели нельзя просто по-человечески ответить хотя бы раз в жизни?!» – мысленно проворчал Юичиро. Прислушавшись, он уловил более-менее ровное дыхание с соседней кровати.

«Он уже спит?» – поразился юноша.

– Мика…

Ни звука в ответ.

«И почему я вообще волнуюсь? Кто он мне такой? Сам

виноват». Однако через некоторое время Юичиро услыхал тихие постанывания доносящиеся все с той же соседней постели. Они были настолько жалобные, настолько тревожили душу, словно человек, который издавал их, тяжело мучился. Вскоре постанывания усилились. Несмотря на быстро сморивший Шиндо сон, его что-то беспокоило. Он метался, будто бы его мучили кошмары, что-то неразборчиво твердил во сне.

Юу сначала пытался не обращать внимание, но потом внутреннее благородство заставило его подняться.

– Мика, – позвал он так, чтобы его голос не услышали в комнате родителей. – Эй, Мика.

Не дождавшись никакой реакции в ответ, он встал и пересек комнату. Разметавшись на постели и тяжело дыша, Микаэль весь содрогался от лихорадки.

– Мика, что с тобой? – взволнованный Юу склонился над ним. – Эй, проснись. – Он потряс Мику за плечо, но тот так и не открыл глаза, тогда Амане дотронулся до его лба, покрывшегося холодной испариной и ужаснулся тому, насколько он был горячим. После длительного пребывания на улице, усталости, голода и полученных в драке ушибов, Микаэля терзала высокая температура. Очередной протяжный стон во сне, всполошил Юичиро. Он хотел позвать мать, но вовремя опомнился. Входить в спальню к родителям он еще не решался без позволения. Пришлось действовать на-

угад. Поскольку Микаэля было не разбудить, Юичиро сделал единственное, что было ему по силам. Насколько позволяла ушибленная нога, быстро сходил в ванную, смочил полотенце в холодной воде и, вернувшись, водрузил его на пылающий лоб врага. Конечно, это мало бы чем спасло от его изматывающей лихорадки, но все же должно было хоть немного снизить температуру и облегчить состояние. Мику знобило все сильнее, и Юу пришлось рыться в шкафу в поисках чего-то теплого. Взгляд упал на сложенный в углу плед.

Укрывая сводного брата пледом, Юичиро задержал взгляд на безупречном теле горе-родственника, под распахнутой рубашкой которого сбоку красовалась обширная гематома. Юу вздрогнул, пожалев на секунду, что не рассчитал своих сил в тот день, и поспешил прикрыть дело собственных рук пледом.

«Вот же дурак, почему не сказал, что тебе плохо», – выпрямившись, негодующе поглядел он на Шиндо, стараясь скрыть внутреннее смущение, почему-то возникшее от вида полуобнаженного, стонущего в бреду родственника, чьи приоткрытые чувственные губы судорожно втягивали воздух.

Если бы Мика был в ином состоянии, Юу скорее всего ударил бы его за проявленную глупость, но тот и без того мучился, так что было не до разъяснений. К тому же, какое странное чувство сопутствовало всему этому процессу, чувство, которого испугался он сам. Мимолетное желание коснуться этих бледных губ, нежной кожи лба – он даже не по-

дозревал, что так бывает, – этого хрупкого тела, мечущегося по постели…

«Почему нужно молчать? Неужели так трудно было сказать? Неужели думал, я не помогу тебе?..» – Юичиро отошел от постели Шиндо, пытаясь заменить отзвуки в разы сильнее забившегося сердца гневом, и направился к своей, но следующая мысль, закравшаяся в голову, заставила его остановиться на месте.

«А что если так?.. – содрогнулся мальчик. —Что если он не сказал именно по той причине, что я откажу ему в помощи? Он боялся сказать. Точнее, он не хотел мне говорить, думая, что я откажусь»

Юу обернулся и с возникшей в душе жалостью взглянул на Микаэля, болезненное состояние которого практически не изменилось. Это осознание заставило все другие мысли на время раствориться в голове и заострить внимание лишь на этом.

«А говорит ли он вообще кому-нибудь о том, что ему плохо или вот так же всегда упорно молчит?»

В это было трудно поверить, все же у Мики были друзья, был отец. Предполагать его одиночество было даже смешно, но в то же время… Вспоминая о друзьях, сразу приходило на ум Микино отношение к ним и их к нему. То, что успел заметить между ними Юу, совсем не походило на его дружбу с Гленом, Шиньей, Синго. Эти парни скорее таскались за ним, преследуя свои собственные цели. Мика совершенно не

принимал их как друзей, и если вспомнить поведение Нагашимы в тот злополучный день, то мотивы нападающего становятся ясны, как божий день. А что если все они вертятся вокруг Мики с одной единственной целью?

Интересно, сам Мика понимает это? Судя по всему, да, но тогда что заставляет его держать подле себя таких людей? Или его это устраивает, он сам не против?

Юу впервые задумался о том, в каком положении находится Микаэль, и это совершенно сбило его с толку. Вспоминались слова Синго, Учиды, Глена и Шиньи о том, какое именно положение занимает в этом маленьком обществе Микаэль. Большинство гнобит его и ненавидит только за то, что он не такой как они, что ведет себя так нахально и вызывающе, что порой сбивает с толку и самого Юичиро, вынуждая его столько лет ненавидеть его. Но, быть может, это только с виду? А на самом деле Мика страдает не меньше, чем те, кого он вынуждает страдать. Все его поступки продиктованы непониманием и отрицанием его как личность окружающими, и за это он всеми силами мстит им? В нем все упорно видят то, чем он не является и, желая получить это от него, нарываются на безудержный гнев, а потом безжалостно мстят за его реакцию.

Все запутанно, порой нелогично, но практически каждое его действие поддается объяснению, если посмотреть под нужным углом. И Юу впервые за все годы их знакомства проникается этим течением чужой исковерканной психики. Он

не знает причин, сделавших его таким, но он сталкивался с результатом неоднократно, и сейчас осознание истины этой одиночной борьбы со всем миром потрясает его.

«Неужели ты так одинок?.. Неужели никому не веришь и ни от кого не ждешь помощи?»

Юу лежит в постели и не сводит глаз с замершего силуэта, а размышления все текут и текут в его голове. Признавая, что Шиндо в самом деле лишен друзей, как он успел заметить еще со времен младшей школы, он все еще не может смириться с его полным одиночеством, когда рядом с ним всегда был отец. Разве можно быть одиноким, когда у тебя есть близкий человек? Возможно Натан строг, но они же семья и должны быть близки. Почему Мика этого не понимает? Что так извратило его представления о мире?

Юичиро успел проникнуть в суть общественной жизни Шиндо, но что касается его жизни в семейном кругу, то она пока оставалась для него тайной. Он застал лишь некоторые моменты неудачного общения Мики с отцом и на их основе еще не мог сделать никаких выводов. Это ему еще предстояло понять. Пока он осознал только одно – вне дома у Мики действительно нет никого, кроме недоверия ко всем и злейших врагов.

Для Юичиро, у которого и у самого не было настоящих друзей вплоть до поступления в старшую школу, это не было совсем уж чем-то непонятным, но в отличие от Мики ему удавалось обзаводиться хотя бы приятелями. Он наблюдал,

с самого детства поглядывая на Микаэля, в младшей школе, как тот на переменах сидит один, домой уходит тоже один и много других вещей, которые Шиндо делал в полном одиночестве, вызвали у него вопросы. Мика с детства был для него загадкой, но до определенного момента он даже не пытался начать ее разгадывать. А когда они столкнулись нос к носу в замкнутом помещении, это заставило его начать размышлять, и то, что приходило ему в голову, было ужасным.

К размышлению над своим непонятным чувствам по отношению к Мике Юу в ту ночь больше не возвращался…

Микаэль очнулся через несколько часов. За окнами стояла кромешная ночь и лишь вдалеке едва-едва начинал брезжить рассвет. Не горели даже фонари. В теле по-прежнему ощущалась слабость, хотелось есть, но сил, чтобы спуститься и перекусить чем-нибудь из холодильника, не было. Сидя на постели, он безэмоционально глядел в пустоту. Закрыв лицо одной рукой, вторую, упирающуюся в матрас, он продвинул чуть вперед и сразу почувствовал, как его пальцы коснулись чего-то теплого и влажного. Это оказалось смоченное полотенце, которое спало с его лба, когда он поднялся, и которое сразу вызвало вопросы. Также вызвал вопрос, взявшийся из ниоткуда плед. После того, как он вошел в комнату, где спал Юичиро, и лег, Мика ничего не помнил, но был уверен, что ни отец, ни мачеха в комнату не входили. А, значит, это полотенце и плед мог принести только один человек…

Шиндо посмотрел в сторону второй постели.

– Это был ты?

Сжав в руке полотенце, Мика швырнул его на стол и хотел было уже сбросить и злосчастный плед на пол, но один единственный резкий выпад и перед глазами моментально всё поплыло. Закрыв лицо руками, без сил юноша вскоре опустился обратно на постель и, поскольку все еще был измотан, быстро погрузился в глубокий сон.

Когда Юичиро проснулся утром, Микаэль то ли еще находился в забытье, то ли только делал вид, что спит. Во всяком случае, на его пробуждение не отреагировал. Приблизившись к постели Шиндо, Юу отметил его утреннюю бледность и настораживающий легкий румянец на щеках.

«Похоже, легче ему не стало. Просыпался ли он ночью или так и проспит весь день?» – подумал про себя парень. Уронив взгляд на стол, он обнаружил скомканное высохшее полотенце, сдвинувшее лежащие в стопке тетради, которые могли оказаться в таком положении только если полотенце было брошено с применением определенной силы.

«Вот значит, как…», – с горечью усмехнулся Амане и с холодком взглянул на лежащего в постели.

Без слов он оделся и вышел из комнаты. Неприятное чувство разлилось в душе при виде этого полотенца, символизирующего его искреннее желание помочь, жестко отвергнутое в дальнейшем. Юу не мог понять только одного – почему?

– Юу.

Амане уже собирался спуститься вниз, когда вышедшая из спальни мать в легком пеньюаре и халате, который запахивала по пути, окликнула его.

– Доброе утро, дорогой, – мягко сказала она сыну, ответившему ей приветствием.

– Юу, я хотела спросить… – неуверенно начала женщина, но Юу предугадал ее вопрос и слегка нахмурился, вспомнив свои чувства, потом отведя взгляд в сторону, ответил:

– Вернулся он, спит.

– Как хорошо, – на лице Эрики засветилась улыбка облегчения.

– Не уверен, что хорошо, – возразил мальчик. – Кажется, ему нездоровится. Он горел ночью. Я не стал вас будить, да и он не просыпался, я не мог дать ему лекарств, поэтому ограничился влажным полотенцем.

– Ты молодец, что позаботился о нем, – одобрительно произнесла Эрика. – Как он сейчас себя чувствует?

– Не знаю, он еще не просыпался. Но на вид – не очень.

– Хорошо, пускай спит. Не будем его тревожить. Подожди немного, я переоденусь и займусь завтраком.

Эрика возвратилась в комнату, а через минуту вместе с мужем они уже были на кухне. Женщина успокоила его, передав слова Юу касательно вернувшегося Мики, но и огорчила известием о неблагоприятном самочувствии сына. Натан покачал головой.

– Неудивительно. В его состоянии шататься по улицам… Вот что это такое? – он сдернул салфетку и указал на оставленный для Мики ужин, к которому тот так и не прикоснулся.

– Должно быть он был обессилен и хотел поскорее лечь. Потому и не поел.

– Знаю я, почему он не поел и почему домой не явился вовремя, тоже знаю, – бессилие что-либо исправить провоцировало резкость тона и агрессивное поведение Натаниэля. – Не живется ему здесь спокойно. Все считает себя изгоем, никому не нужным. А на то, что я всю жизнь на него положил, ему плевать.

– Не кипятись, – попыталась успокоить его Эрика. – Он не виноват, он просто не понимает, как ты старался. Сейчас в тебе говорит досада, потому что он проигнорировал нас, но не поддавайся ей. Будь как можно мягче, когда заговоришь с ним. Ни одного упрека, ни одного косого взгляда и грубого слова, иначе ты никогда не наладишь с ним отношения, – она провела рукой по его щеке, с любовью вглядываясь в пронзительные синие глаза, в глубине которых читалась жесткая печаль.

– Знаешь, мне после вчерашнего и видеть-то его не хочется, – убирая руку жены со своего плеча, с твердой грустью сказал он и направился к двери.

– Натан, он же твой сын, – хотела образумить упрямца Эрика. – Как ты можешь говорить такие вещи? Зайди к нему,

поздоровайся, скажи, что волновался и рад, что он пришел домой жив и невредим!

– Обязательно, но позже.

– Мужчины… Как же с вами сложно, – вздохнула Эрика, когда муж оставил ее одну.

Тем временем, пока между родителями шли эти разговоры, Юичиро управился со своими делами и вернулся в комнату. Когда он вошел, обнаружил Шиндо, сидящего на постели, спустив ноги на пол, и вяло глядящего вниз.

Решив про себя ни о чем его не спрашивать, Юу принялся за сборы в школу. Молча складывая сумку, он поглядывал на Мику, который продолжал сидеть в таком положении, как и когда он только вошел. Рассчитывая, что вот-вот в спальню к ним постучится и войдет Натан справиться о Микином самочувствии, о котором наверняка уже доложила жена, он решил не донимать его вопросами, на которые получит только резкие и провоцирующие ответы и замечания. Он предпочел предоставить выслушивать Микины возмущения его отцу, по праву кровного родственника, воспитавшего подобное создание. Однако шли минуты, но к ним никто не торопился войти. Юу был немного удивлен такому положению, так как с детства привык к тому, что стоило матери узнать о его недомогании, как она бросала все дела и пребывала возле него. Исподтишка Юичиро поглядывал на Микаэля. Тот выглядел так, словно никого не ждал – одиноко и несчастно.

На мгновенье сердце Юу сжалось при виде этого забро-

шенного, чахнущего в одиночестве существа, которое, собравшись с силами, поднялось с постели и, молчаливое, вышло из комнаты. Ни одного колючего взгляда, ни одного язвительного замечания не последовало. Юичиро в растерянности стоял у своего стола.

Желая выйти из комнаты, он открыл дверь и чуть не сбил входящего Мику. Юу чуть было не столкнулся с ним, но вовремя затормозив, остался стоять, заслоняя путь.

– Что тебе? – хмуро, но без привычной озлобленности во взгляде, Мика посмотрел на стоящего против него парня. Юу промолчал. – Тогда уйди с дороги, – слегка толкнув его, Шиндо прошел к своей кровати.

Слабость этих изящных рук, ощутимая при этом жалком толчке, вызвала еще одну непонятную волну в теле Амане, испугав его.

– Между прочим, – видя, что тот собирается снова лечь, произнес Юу, взявшись за ручку двери, – уже давно пора вставать.

Ожидая ответного удара на свое замечание, которое в обычное время Шиндо ни за что бы не оставил без внимания, он поразился, когда тот просто лег на постель и закрыл глаза.

«Наверное, ему до сих пор плохо. Лучше оставлю его», – с этими мыслями Юу вышел из комнаты и сразу же натолкнулся на Натана.

– О, я не хотел, – воскликнул Юичиро.

– Ничего, сынок, я сам виноват, – натянуто улыбнулся Натан и как можно терпимей и мягче добавил: – Иди вниз, у мамы уже все готово.

Юичиро кивнул и, догадавшись, что Натан намерен поговорить с Микой без свидетелей, пошел по коридору. Однако, когда дверь за мужчиной закрылась, он вернулся. Не понимая, зачем это делает, Юичиро, стоя у двери, весь обратился в слух. Возможно, для самого себя он хотел рассеять те смутные подозрения, что закрались ему в сознание за те несколько минут, пока они с Шиндо оставались один на один, или причиной служило что-то иное, но так или иначе он стал слушать то, что происходило по ту сторону двери.

Прикрыв за собой дверь, Натан с осуждением взглянул на сына, лежащего все также неподвижно. Как и говорила Эрика, недомогание на лицо. Тут и слабость, и болезненный румянец, и прочие признаки эмоционального и физического срыва.

«Вот глупец, и зачем было доводить себя до такого состояния!»

Короткий выдох. Мужчина собрал всю свою волю в кулак, чтобы сдержать определенные негативные эмоции.

– Мика… – осторожно позвал он. – Ты не спишь?

Шиндо приоткрыл глаза и, не обращая взора на родителя, неторопливо покачал головой.

– Ах, Мика, что же ты делаешь… – Натан прошел и присел на край его постели. – Во сколько ты вчера вернулся домой?

Даже не поел, не переоделся. На кого ты сейчас похож? – он взялся за кончик помятой школьной рубашки сына, в которой тот так и уснул. Мика не двинулся, только его взгляд становился все более тяжелым по мере того, как говорил отец.

– Ладно, это все ерунда, – вздохнул Натан. – Но ты же пропал. Я ведь всю ночь глаз не сомкнул. Переживал где ты. Почему ты не отвечал на мои звонки? Там, наверное, не меньше тридцати пропущенных от меня и Эрики. Где ты был?

– Гулял по парку…

– В парке? – изумился отец. – Что ты там делал ночью? Ты понимаешь, что это за место и что могло быть? Ты не знаешь, сколько всякого сброда по ночам разгуливает в парках? Почему ты не хочешь ничего понимать, ведешь себя как капризный, маленький ребенок?! Почему не пришел домой сразу, как только закончились уроки?! Я понимаю, зашел к другу на часок-другой, но тебя не было до двух часов ночи! И все это время ты гулял по парку?! Тебя же могли убить, дурья твоя голова! – воскликнул Натан, но спохватился, как только увидел, как сжался и затрясся Микаэль.

– Прости, дорогой – виновато сказал мужчина, кладя руку на плечо сына. – Я просто перенервничал. Тяжелая выдалась ночь…

«И чем он недоволен? – Юичиро выпрямился. – К нему и так и сяк, а ему всё не то. Ничего не понимаю. Ну вспылил отец, с кем не бывает, ну так сам же и виноват. Пришел бы вовремя, ничего бы не было»

Всем телом Микаэль ощущал подавляющую слабость. Обвинения и крики были просто невыносимы. Он закрыл глаза, чувствуя, как становится дурно.

Заметив, что румянец становится более ярким, Натан приложил руку ко лбу сына.

– Похоже, повышается температура, – сказал он. – Сегодня школа уж точно отменяется. Лежи, я принесу лекарство из ванной. Не думай ни о чем, просто лежи, – с этим словами Натан поднялся и направился к двери.

Почуяв угрозу, Юу немедля отшатнулся от двери и, пока его не заметили, поторопился убраться отсюда.

– Я в порядке и могу сам, – собрав силы, Микаэль попытался приподняться, но потяжелевшая голова упорно тянула вниз. Необходимо было уснуть, лишь во сне виделось спасенье.

– Прекрати этот детский сад, – строго оборвал его отец. – Ты уже достаточно посамовольничал.

Дверь за ним закрылась и тогда Мика опустился на кровать. Он ни о чем не думал, мысли путались и мешались одна с другой. Он уже почти погрузился в блаженный сон, как рядом с подушкой зазвонил телефон, с вечера покоившийся подле хозяина.

«Кто там еще?» – мысленно проворчал Микаэль, беря в руку смартфон. Это оказалась Шиноа, подобно родителям пытавшаяся дозвониться до парня, исчезнувшего на трое суток, после той самой ночи. Поморщившись, как от лимона,

парень сбросил звонок, а потом и вовсе выключил телефон.

«Достала…»

Отложив телефон подальше, Мика уронил голову на подушку и закрыл глаза.

– Как он? – Эрика вошла в ванную и, опершись о притолоку, скрестила руки на груди.

– Вроде бы терпимо, но пусть посидит сегодня дома, глядишь, к концу дня и поправится, – нервно перебирая конвалюты с лекарствами и баночки, ответил Натан. – Черт, – выдохнул он, когда очередная конвалюта соскользнула с полки и упала в раковину.

– Давай я, – улыбнулась женщина. Зорким женским глазом пробежавшись по медикаментам, она гораздо быстрее отыскала необходимые препараты. Натан только усмехнулся.

– Беги, а то, боясь опоздать, ты тут такое устроишь, что мне весь вечер придется убираться. Я сама позабочусь о нём.

– Ты уверена?

– Конечно, – улыбнулась Эрика. – Я же мать и прекрасно знаю, что такое простуженный ребенок.

– Спасибо, милая. До вечера, я позвоню, – поцеловал ее Натан, а потом вышел из ванной комнаты.

Микаэль крепко спал, когда женщина вошла в его комнату с лекарствами. Она не стала его будить, вместо этого оставила на столе воду и необходимые средства, добавив к ним вкусный горячий завтрак, а еще записочку: «Выпей, пожа-

луйста, лекарство, но перед этим обязательно поешь».

Сначала Натан, а затем Юу оставили дом и, сделав все необходимое, она тоже отправилась на работу. Ей оставалось доработать последние несколько дней до расчета и только по этой причине, она вынуждена была оставить Микаэля одного. Если бы все было иначе, Эрика непременно отпросилась бы у начальства и осталась присматривать за больным мальчиком, но, поскольку это было невозможно, она была вынуждена уйти.

Юичиро, пускай и сбежал в школу, однако мысли его оставались в спальне, где лежал и постанывал в тревожном сне Микаэль. Он все еще не понимал Микиных чувств к окружающим, но это не мешало Юу сейчас вспоминать о нем с жалостью. Ведь в тот момент, сжавшийся и трясущийся от озноба Шиндо был так невинен и чист, а потом так несчастен от того, что его все оставили, что невозможно было вспоминать об этом со спокойным сердцем. На уроках Юичиро не оставляла мысль о том, как сейчас Мика: спит ли, проснулся ли, плохо ему или он уже оправился?

Пускай Юичиро не принимал существования каких-либо теплых чувств к своему недругу, да только он не был настолько жесток и черств, чтобы не думать о мучениях другого человека, какой бы сволочью он ни был. Тем более, после этой ночи Юу постепенно начинал оправдывать его поведение для самого себя, что и вовсе надломило его стандартный взгляд на привычные вещи.

– Глядите-ка, что-то наша роза не торопится поблагоухать нам сегодня. Как же так? – донесся насмешливый голос кого-то из одноклассников до слуха Юу.

– Ха-ха, переутомился красавец. На один день только хватило.

– После концерта примадонне покоя захотелось?! Это понимать надо, хах! Он же теперь не только с местными развлекается, он себе еще попутно подружку завел!

– А что, старых дружков уже мало или они его подпорченное личико дружно отвергли, хе-хе.

– Эх, и влетит ему за эти выходки по первое число.

– Идиоты, – буркнул Амане и отвел от раздражающих парней взгляд. Они даже не знают, что с ним, а уже готовы поливать его грязью.

– Отсутствие обсуждается полным ходом и энтузиазмом, – посмеиваясь шуткам других, Синго приблизился к Юу. – А ведь это они ничего не знают.

– О чем ты? – напряженно взглянул на него Амане.

– Сто пудов Шиндо нет только по одной причине, – он подмигнул Юу и его кривая усмешка стала еще омерзительней. – Удар у тебя поставлен что надо, так скоро от него не отойдешь. – Он хмыкнул. – Если вообще отойдешь… мало ли как может обернуться… И тебе проще будет, одним конкурентом меньше.

– Заткнись, что ты такое говоришь! Я вовсе не желаю ему смерти! – взвился Амане и тотчас спохватился, ибо его вне-

запное восклицание привлекло внимание некоторых.

– Чего смотрите?! – краснея, огрызнулся Юу по сторонам.

– Да ладно-ладно, чего ты завелся. Я же просто пошутил, – замахал руками Синго, чувствуя, что перегнул палку. – Мне тоже этого не надо.

– Невозможно, – Юу отодвинул стул и поднялся. – Мне нужно на воздух. Мне здесь дышать нечем, все прогнило насквозь.

– Юу? Ты чего? Я же правда пошутил, – усмехнулся Синго, но Амане не остановился.

«Неужели они в самом деле считают, что я хотел бы забить его до смерти? – Юу шел по шумному коридору, не замечая никого вокруг. – Бред какой-то. Прошло не так много, а я уже извелся. Даже шуток не воспринимаю. Не могу ни о чем другом думать, кроме как о том, как он там. Какая глупость… Что со мной?»

Юичиро сел на свободную скамью и поставив локти на колени, уткнулся лицом в ладони. Свежий ветер разгонял мрачные мысли, но был не способен избавить от душевной смуты. Услыхав чей-то смех неподалеку, Амане обратил туда взгляд. Буквально через несколько скамеек, где отдыхали старшеклассники, сидела компания Микаэля. Леонард, скрестив на груди руки, с достоинством восседал на скамье, рядом стоял Наир, пара его дружков пристроилась тут же и, кто громко, кто лишь посмеиваясь, но все они с легкостью забавлялись шуткам Нагашимы, который сегодня разбрасы-

вался ими налево и направо.

Юичиро с недоумением глядел на них, не понимая, почему они смеются, ведь их любимец был болен. Как они могли веселиться, зная это? Тут уж явно не до смеха. Неужели они ничего не знают, но уже прошло почти полдня, и никто из них до сих пор не выяснил этого? Или даже зная о его состоянии, они продолжают веселиться?

Им что, совсем нет дела до него?

При других обстоятельствах Юичиро сам подошел бы и напомнил, либо просветил их о самочувствии их якобы обожаемого принца, но, боясь выдать тайну совместного проживания, он просто ушел оттуда, не желая слушать смех, который почему-то отдавался болью в его душе. Неприязнь ко всем окружающим душила его и отделаться от этого чувства не получалось.

Звонок в двери дома наполнил прихожую. Микаэль проснулся некоторое время назад и спокойно лежал, уткнувшись пустым взором в одну точку перед собой, так что он не разбудил его. Собравшись проигнорировать появление незваных гостей, юноша не двигался с места, все еще чувствуя себя слабым, но настойчивость гостя заставила его встать и пойти посмотреть, кто там так желает, чтобы ему открыли. Пошатываясь от слабости, он добрался до прихожей и, растворив дверь, выглянул.

– Мика, ты дома, как я рада.

– Что ты здесь делаешь? – с внутренним отвращением, холодно спросил Микаэль при виде Хииараги Шиноа, стоящей на пороге его дома, удивляясь тому, как она смела явиться к нему.

– Куда же ты пропал? Я так переживала. Я ведь несколько дней звонила тебе, а ты не брал трубку, – затараторила Шиноа, изображая подобие обиды за неучтивое обращение с ней возлюбленного. – Вот пришла сама, и ты не представляешь, как обрадовалась, что застала тебя дома. Мика, – она шагнула вперед, с обожанием глядя на парня, – почему ты вдруг исчез?

– Уходи, – твердо и тихо произнес Шиндо, делая шаг назад, чтобы это существо не коснулось его.

– Что? Что ты такое говоришь, Мика? Это же я. – скованно улыбнулась девушка. – Дурачок, неужели не узнал меня. Мика, скажи, пожалуйста, почему ты не отвечал? Ты же напугал меня.

– Уходи отсюда, – резче повторил Микаэль, с трудом держась за притолоку. Отвращение к ней, ослабляло его тело.

– Мика, что это значит?

– Ничего, просто убирайся отсюда. Я не желаю тебя больше видеть.

– Как же это? – прикрыв ладонью рот, ужаснулась Хииараги. – Я что-то сделала не так? Почему ты прогоняешь меня? – она бросилась к парню, но тот взглянул на нее так, что она в испуге отпрянула и, дрожа всем телом, проговорила:

– Мика, что случилось? Ты не можешь прогнать меня. Ведь ты же любишь меня, а я люблю тебя, ты же сам мне это говорил. Ну же, – она попыталась ласково улыбнуться и, сделав шаг, хотела протянуть руку и коснуться щеки человека, который еще не так давно шептал ей восхитительные признания и опалял страстным дыханием поцелуев лицо. – Неужели ты забыл?

Мика склонил голову. Глаза снова застилал туман. Она убивала его своим присутствием, травила своей подлостью и низостью.

– Убирайся… – дрожащим голосом прошептал Микаэль, а потом вскинув голову закричал: – Убирайся!

Шиноа отшатнулась в страхе и недоумении.

– Убирайся! Пошла вон отсюда! Я ненавижу тебя! Найди себе кого-нибудь другого, вам, женщинам, это труда не составляет! – кричал Микаэль, задыхаясь от собственного гнева, высасывающего последние силы из его тела. – А я не желаю тебя видеть! Никогда больше не появляйся здесь!

– Мика, – девушка шагнула назад. Вспышка ярости Мики была ей непонятна, но в то же время она и не была намерена ее разгадывать. Она просто возмутилась такому поведению. – Что? – отпрянула Шиноа, почуяв в его словах намек на ее поступок с Юу, в котором она себя совершенно не винила. – Больной придурок, хочешь сказать, что я… Ну и пожалуйста! – выкрикнула она. – И оставайся один. Никогда тебя не прощу! Даже не смей мне звонить! – с этими слова-

ми она бросилась бежать прочь, утирая рукой брызнувшие из глаз слезы.

Мика захлопнул двери без какого-либо сожаления и сострадания к чувствам девушки. Однако ее слова попали в цель. Изнеможение убивало. Трясясь от злости, Мика опустился на колени. Злость и презрение сменились отчаяньем. Он был один, совершенно один в этом проклятом доме и не было рядом никого, кто помог бы ему.

«Да, – смеясь сквозь слезы, говорил сам себе Микаэль. – Я больной, просто сумасшедший»

Он зажал руками голову и согнулся на полу.

«Спасите… Спасите меня кто-нибудь… Я больше не могу, не могу выносить это… Кто-нибудь… Спасите…»

Юичиро с трудом отсидел третий урок. Его непреодолимо тянуло домой и, не в силах бороться с дурными предчувствиями, он сбежал из школы, как только зазвенел звонок. Внутренний голос совести неустанно бранил его за то, что он вообще сегодня отправился в школу, а не остался дома присмотреть за болеющим человеком. Почему-то, несмотря на присутствие родителей, он ощущал какую-то личную ответственность за состояние Шиндо. Вероятно, сыграла роль его непосредственная вина в положении Мики. Ведь если бы не Юичиро, Мика не получил бы ран, не слонялся бы по улицам чуть ли не до утра, соответственно не слег бы. Конечно, во многом недруг был виновен сам, поскольку никто не за-

ставлял его провоцировать Юу на конфликт, отбирая у него девушку, и так болезненно реагировать на их с матерью появление в его доме, но что сделано, то сделано. Всё назад не вернешь и вина в некотором роде остается за Юичиро, и, дабы искупить ее, он рвется домой к тому, кого чуть было не лишил жизни и кто был совершено безразличен даже тем, кто питает к нему особые чувства плотской привязанности.

Вернувшись домой, Юичиро со страхом обнаруживает Мику, лежащего на полу в прихожей без сознания.

– Мика! – он швыряет в угол свою школьную сумку и подбегает к Микаэлю. – Мама! – завет он в отчаянье, но только потом вспоминает, что ее, как и отчима нет дома.

«Нельзя, нельзя было его оставлять. Что же теперь делать?»

В панике разум Юу мечется, как сумасшедший, а глаза со страхом смотрят на неподвижного и, как кажется, не дышащего парня. Но потом Микаэль морщится и приоткрывает глаза. Слабость одолела его и он не мог подать Юу знак, что находится в сознании, просто очень слаб.

– Мика, что с тобой? – Юу берется за его плечо. Но взгляд Шиндо безжизненный, устремлен в одну точку. – Ты меня слышишь?

– Черт! – Юу кусает до крови губы, соображая, что делать с ним.

– Да…

Когда звучит это единственное слово, которое Юу пона-

чалу не может разобрать, облегчение проносится по его телу.

– Мика, ты как? – но ответа нет. Мика снова закрывает глаза.

«Нужно попытаться отвести его хотя бы в гостиную, до спальни он вряд ли доберется», – думает Юичиро и снова обращается к Мике, вновь открывшему глаза.

– Можешь встать? – вопрос звучит нелепо, но Юу не намерен сдаваться, а потому, не дожидаясь ответа, он, перебрасывая Микину руку себе через плечо, пытается поднять его. Тяжело, но обессиленное тело поддается. Мика, несмотря на слабость, тоже прилагает усилия, чтобы встать. Кое-как Юичиро доводит его до гостиной и помогает сесть на диван. Склонив голову, Мика продолжает молчать.

– Ты так ослабел. Зачем вставал с постели?! Убить себя решил?! – рассердился Юичиро, но его гнев сняло как рукой, когда бледные губы Шиндо задрожали. Он понял, сейчас не время заниматься воспитанием, да и кто он такой, чтобы читать ему проповеди. Сейчас нужно подумать о его состоянии.

Юичиро убежал на кухню, а вернулся оттуда с чашкой кофе в руках, единственным придающим силы средством, которое он знал.

– Выпей, – Амане протянул испускающую пар чашку Мике. Устало взглянув на нее, Мика послушно протянул руку.

«Хоть бы не уронил, а то еще обожжется», – подумалось Амане и он сглотнул. Вид тонких, белых, как мрамор, слабых рук, из которых кажется, вот-вот вывалится чашка, пу-

гал его.

– Черт, мне тебя осталось еще с ложечки покормить, – буркнул он и вздохнув, взялся рукой за чашку. Придерживая ее, он наблюдал, как Микаэль делает небольшие глотки и как постепенно к нему возвращается цвет лица. Юу не знает, что произошло, что так измотало Шиндо, но странное чувство просыпается в нем, когда он вот так сидит рядом и помогает ему пить кофе.

– Мама оставляла тебе еду и лекарства. Ты их выпил? – спросил Юичиро, после того как отставил пустую чашку на журнальный столик. Не поднимая глаз на сводного брата, Микаэль отрицательно покачал головой. Складывалось впечатление, что разум его находится далеко, в то время как тело приковано к грешной земле.

– Ну что ты как маленький, честное слово! Нельзя же так… – всплеснул руками Амане.

– Мне холодно… – прошептал Мика.

– Холодно? – переспросил Юичиро. – Сейчас, подожди секунду.

Он бросился наверх и, притащив оттуда плед, служивший ранее, укрыл им Микаэля.

– Если холодно, незачем ходить в таком виде, – прежде чем набросить на плечи Мики плед, Юичиро сомкнул на груди рубашку и стал застегивать пуговицы, с непонятной жалостью для себя скрывая чужое тело.

Что, что со мной?.. Что за странное чувство?

Он вздрогнул, когда его руки коснулись и совсем легонько потянули.

– Что ты хочешь? – осведомился Юичиро. – Чтобы я сел рядом?

Мика по-прежнему молчал.

– Хорошо, но ты совсем ослабел, тебе нужно поесть. Подожди, я принесу, – сказал Амане и уже собрался снова пойти наверх, но Микина рука сжалась чуть сильнее.

– Не уходи…

Юу с удивлением взглянул на него.

– Останься, не уходи… – шептал Мика, точно в бреду. – Дай мне… Дай… Не уходи…

– Эй, ты чего? – Юу даже испугался.

– Не уходи… – пробормотал Микаэль и, к удивлению Юичиро, коснулся лбом его руки.

– Мика, – распахнул глаза совершенно сбитый с толку парень. Присев на диван, он замер на месте, потому как Мика прильнул к нему, обхватив за талию. Амане не мог вымолвить ни слова, он будто остолбенел. Тепло льнущего к нему Микаэля, его гибкие руки, обвивающие тело, его неровное, содрогающееся дыхание – все это заставляло несчастного юношу трепетать, испытывать такие чувства, коих раньше никогда не было. Он не знал им названия, но уже довольно давно ощущал их в себе.

Внезапно Мика снова содрогнулся. И сейчас Юичиро понял почему, похоже Мика плакал. Неслышно, практически

незаметно, но плакал. Плакал и прижимался к нему. Нечто невообразимое творилось в душе Амане в эти минуты. Дрожащими руками, он ответно приобнял Шиндо, желая успокоить.

Юу понимал, что он не в себе. Из-за болезни его разум помутился, должно быть он даже не осознает, кто рядом с ним, но его руки… его дыхание, его тело… Как тревожно и волнительно. Какая ранящая сердце жалость питает его чувства к тому, кого он клялся ненавидеть всю жизнь. Что же изменилось теперь?.. Быть может то, что это дрожащее, хрупкое, израненное создание, содрогается от беззвучных слез, что-то неразборчиво шепчет, словно прося о спасении у него на груди и жмется, словно дитя к матери?

Вскорости вконец обессиленный Микаэль забылся в объятиях Юичиро. Уразумев, что Шиндо уснул, Юу уложил его как следует на диван. Странное выражение умиротворения блуждало на прекрасном и нежном лице врага.

Пускай Юичиро по-прежнему всего трясло от переизбытка эмоций, он заставил себя встать, пойти наверх и принести оттуда еду, чтобы, когда Мика проснется, он смог поесть и наконец-таки набраться сил. Оставив поднос на столе, Юичиро поглядел перед собой. Пережитое все еще кипело в нем, но по мере того как шли минуты, становилось легче. Он начинал лучше осознавать помутнение рассудка Мики из-за болезни. Однако то, что он просил дать ему, Юу так и не понял. Но надеялся понять в скором времени… И не только

это, но и многое другое…

«Как же ты непостижим и безумен, таинственный мой враг…»

Пустошь

Буквально через час после прихода домой Юичиро пришла Эрика, специально отпросившаяся с работы пораньше. Когда она вернулась, Микаэль еще спал в гостиной на диване. Присутствие дома сына, отправившегося в школу и с утра не выражавшего ни малейшего желания остаться дома, её вначале удивило, однако потом, задумавшись, она предположила, почему ее сын мог так поступить. Догадавшись, какое побуждение благородства руководило им в тот момент, женщина даже не стала спрашивать его об этом, чтобы не нарушить те хрупкие мотивы, которые возможно впервые возникли в душе Юичиро по отношению к своему сводному брату. Она лишь, с теплой улыбкой глядя на сына, справилась о самочувствии Мики, на что Юичиро ответил, что он сам пришел не так давно и застал только, как тот укладывается спать в гостиной. Видимо, проснувшись, Мика немного пободрствовал, но поскольку самочувствие намного не улучшилось, его снова свалил сон. О том, что Шиндо чуть не потерял сознание от изнеможения, Амане решил промолчать. Отчего-то он был уверен, что Мика не хотел бы, чтобы об этом знали. Он также не сомневался, что Микаэль, проснувшись, пожалеет и о том, что попался на глаза самому Юичиро в таком разбитом и жалком состоянии, не говоря уже о его дальнейшем поведении с ним. Показывать кому-либо свою

слабость, это не входило в обыденные привычки его всегда блистающего и безупречного врага.

Выслушав его, Эрика сделала вид будто поверила каждому слову, поэтому она невозмутимо и спокойно отправилась к себе в комнату, а потом занялась домашними делами. Что касается Юичиро, который делал вид, что готовится к предстоящим экзаменам, сидя в кресле перед диваном, то он скорее пристально наблюдал за спящим Микаэлем. Затем он захлопнул книгу, в которой за все время перелестнул всего пару страниц, и отправился к матери на кухню, решив дать Шиндо больше покоя и тишины.

Уходя, он бросил задумчивый взор на лицо спящего, на тонкий, изящный нос с чувственно раздувающимися ноздрями, на красиво очерченную линию губ, приоткрытых в сладостном сне, на длинные ресницы, словно черные крылья ночи, отбрасывающие свои тени на молочного оттенка кожу щек, которых касались золотистые локоны мягких волос.

Сердце забилось в груди быстрее, и от страха перед каким-то неведомым чувством, одолевающим его при каждом взгляде на новоиспеченного родственника, Юичиро поспешил уйти к матери на кухню, где в беседе с ней просидел довольно долгое время. Он был готов обсуждать что угодно, лишь бы не думать о том тревожном чувстве, поселившемся глубоко внутри и обжигающем своими острыми лезвиями душу. А в виду того, что им как раз было о чем поговорить, чуть ли не впервые за последние дни оставшись один

на одни, Юу на какое-то время совсем отвлекался от сложных раздумий. Мать завела разговор на вполне ожидаемую после ее замужества тему – смену фамилии.

– Было бы правильнее, если бы ты согласился взять фамилию Натана. Это облегчило бы нам жизнь, ведь ты понимаешь, какие могут возникнуть трудности из-за того, что у меня и у тебя разные фамилии, и к тому же, что мне кажется важнее всего, позволило бы почувствовать себя членами одной семьи, в которой нет разногласий. Это бы больше сблизило нас всех, – говорила она, стоя у рабочего стола и готовя обед для сыновей.

– Сменить фамилию отца? – голос Юичиро дрогнул, когда он взглянул на мать, произнесшей эти ужасные слова.

«Единственное наследие, которое я получил от него?»

– Пожалуйста, Юу, не говори это так. Я чувствую себя преступницей, совершившей страшное деяние, – Эрика повернула к нему голову. На ее губах играла слабая улыбка в уголках которой сквозило раскаяние.

– Нет, что ты… Я все понимаю, ты сделала правильно. Я нисколько не виню тебя, да только… – Юичиро опустил голову.

– Мне было сложно принять это решение, но того потребовали обстоятельства, не думай, что я забыла твоего отца. Я все еще люблю его и вспоминаю о нем с теплом, – тихо проговорила женщина, вернувшись к работе. – Но я должна была так поступить, чтобы не обидеть человека, который

тоже стал мне дорог и не просто принял, а ответил на мои чувства к нему. Как я могла сказать ему «нет»?

– Тебе не нужно оправдываться. Ты сделала так, как было нужно, но я – это другое дело. Мною не движет так сильно то чувство, которое привело тебя к этому решению, и вряд ли оно когда-нибудь появится. Я уважаю человека, который теперь приходится мне отчимом, но только этого, пожалуй, мало…

Внимательно посмотрев на сына, на его удрученное воспоминаниями об умершем родителе лицо, она сказала с улыбкой:

– Именно поэтому я ни на чем не настаиваю. Ты уже довольно взрослый мальчик, чтобы решать за себя сам. Но если ты согласишься, я буду рада, нет – тоже печалиться не стану.

– Прости, мам, – скованно улыбнулся Юичиро. Направив на него взгляд, женщина поняла, что всякие убеждения будут тут бессильны. Юу будет тяжело потерять частичку, пусть даже такую формальную, но роднящую его с любимым отцом, память о котором продолжает жить в нем по сей день.

– Эм, я пойду, посмотрю, может Мика уже проснулся, – надев улыбку, юноша встал со стула. Очевидно, что он сделал это только для того, чтобы не продолжать болезненную для обоих тему. Эрика не стала ему препятствовать и Юу покинул комнату, а она занялась прежними делами.

«Я чувствовала, что ты так скажешь, – подумала она и от этой мысли по ее губам скользнула светлая улыбка. – Ты

был так привязан к нему, что временами я даже немножечко ревновала, что ты любишь его больше чем меня. Но только тогда, когда он ушел от нас, и ты, будучи совсем маленьким, стоя у гроба с белой хризантемой в руке, не произнес ни слова, на твоем детском личике была печать такой глубокой скорби… В тот ужасный день ты по-настоящему прощался с ним, потому что понимал, он больше никогда не вернется и это последний раз, когда ты видишь его и можешь коснуться. И только после этого я стала понимать, как много он значил для тебя, и мне уже не было больно. Я поняла, что чтобы ни случилось, но ты сохранишь частичку его в своем сердце, а значит, в тебе он будет жить всегда, и только порадовалось, что память о нем не будет стерта…»

В то время как Эрика поддалась воспоминаниям, Юичиро, как и сказал, отправился в гостиную проверить Микаэля. Однако, войдя на порог, он, к своему удивлению, увидел пустующий диван.

«Эй, куда он подевался?» – всполошился Юичиро, ибо первая осенившая его мысль была о том, что Мика мог куда-то уйти, ведь не зря же он по возвращении домой застал его в прихожей. Шиндо собирался уйти и вдруг сейчас, придя в себя, он решил поступить также.

В следующую минуту до его слуха донеслись звуки льющейся воды из ванной комнаты. Кто-то принимал душ. Облегченно вздохнув, Юу прошел и опустился на диван. Бросив взгляд на журнальный столик, он обратил внимание, что

с него исчезли таблетки, часть еды и наполовину осушился стакан с водой. Стало быть, Микаэль, прежде чем уйти в ванную комнату, не пренебрег принесенным ему подносом с едой и лекарствами.

«Когда же он проснулся? Неужели сразу после того, как мы с мамой вышли? А мы даже не заметили»

Когда Мика вышел из ванной, у двери его поджидал Юичиро. Укоризненный взор изумрудных глаз был встречен холодным равнодушием. Единственное чувство, которое мог выразить человек, не так давно свалившийся от усталости и который даже сейчас плохо держался на ногах и опирался рукой о притолоку. Мутное воспоминание о человеческом участии, в то время как он находился в лапах ледяного отчаянья, оставшееся в памяти тревожило естество, заставляя недоверие и черствость сходиться плотным кольцом на теле. Он помнил, кто оказал ему содействие, и сейчас это ужасно волновало его.

– Зачем ты вставал, когда тебе нужно лежать? – спросил Юу. В его якобы строгом взгляде Микаэль уловил опасную нотку мягкости и снисхождения, что еще больше испугала и ожесточила его. Он был по-прежнему слишком горд, чтобы снисходительно принимать чужую жалость.

Ничего не говоря, он прошел мимо Юу, собираясь снова подняться в спальню, но в какой-то момент колени подогнулись. Мика потерял равновесие. Амане моментально среагировал и бросился к нему.

– Эй, ты что? – с волнением в голосе воскликнул Юичиро, хватая Мику, чтобы он не упал. Как только руки Юичиро обвили его талию, Шиндо накрыло яростью. Извернувшись, он отпрянул и насколько хватало сил, хлестнул Юу по щеке.

– Что ты делаешь? – воскликнул парень, хватаясь за щеку. – За что?!

– Ты что, совсем уже? – прижимаясь к стене, Шиндо озлобленно глядел на него. В то время как его глаза наполнялись злой иронией и возмущением. – Решил снова воспользоваться моей слабостью? Не дождешься! Как мелочно и омерзительно с твоей стороны, – он криво ухмыльнулся, хотя держаться на ногах ему было крайне тяжело, о чем свидетельствовал выступивший на лбу пот.

– Твоей слабостью, да что ты такое говоришь? – опешил Юу, на мгновенье ощутив то внутреннее смущение, которое появляется, когда часть твоих скрытых мотивов угадывают. – Я же хотел тебе помочь. – Эти слова тоже были искренними, и именно они по большей части двигали Юичиро. – Зачем ты так?

– Хах, я не нуждаюсь в твоей помощи, понятно? – видать, ощутив внутреннее колебание Амане, Микаэль, подбодренный своей правотой, горделиво вскинул голову. При этом он едва держался на ногах, упасть ему не позволяла стена, о которую он опирался. – Пусть ты и помог мне, спасибо, но это совершенно ничего не меняет. Забудь, что произошло, я был не в себе и только. И не смей ко мне приближаться.

«Неужели думаешь, что все вокруг желают тебе только зла и преследуют личные цели? Насколько же ты не доверяешь людям?»

После этой краткой, но гневно-иронической речи Микаэль двинулся по коридору, но, не сделав и пяти шагов, был вынужден остановиться передохнуть. Привалившись плечом к стене, он тяжело дышал. На купание ушли почти все накопленные им за время сна силы. А лекарствам нужно было еще время, чтобы начать более полноценно действовать. Он ненавидел свое бессилие, то, что он не может уйти сейчас к себе и что вынужден набираться сил, стоя в коридоре перед взором Юичиро.

– Знаешь что, – Микаэль вздрогнул, когда Юу перекинул его руку себе на плечо и осторожно приобнял его за талию, чтобы помочь ему несмотря на недовольство в синих глазах, а затем проговорил: – Я отведу тебя в комнату, а потом можешь злиться, ненавидеть и думать обо мне все, что заблагорассудится. А сейчас потерпи несколько минут мое присутствие. После этого я больше не подойду к тебе, обещаю.

Дыхание Микаэля на секунду прервалось и он мрачно посмотрел на Юичиро, нежелающего встречаться с ним глазами. Плотно сомкнув губы и опустив голову, Мика дал понять этим сводному брату, что готов примириться и позволить ему довести себя до их комнаты.

Как-то особенно тяжело было Юичиро вести это мрачное, замкнутое, не верящее никому создание в спальню, касаться

его, чувствовать, как напрягается каждая мышца в его теле по мере движения, ощущать эту физическую слабость и понимать, насколько на самом деле ты далек от этой непредсказуемой души, хотя и находишься к ней так близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.